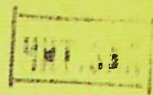

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131—2812

1/91

Перестройка:
монгольский путь
и специфика

СССР — Япония:
есть ли выход из «тер-
риториального тупика»?

Ф. И. Шаляпин в Китае

И. А. Гошкевич —
первый русский
консул в Японии

«Плывущий дракон» —
комплекс из нового
журнала
«Цигун и спорт»

Дао любви
или
радость гармонии
инь и ян

1/91

С 1991 года в качестве приложения к «ПДВ» мы начали издавать на русском языке иллюстрированный китайский журнал «Цигун и спорт». Читатели уже познакомились с содержанием первого номера.

А что ожидает вас во втором номере «Цигун и спорт»:

— Система Тяньчжу — средство повышения жизненных сил организма и возможностей интеллекта: динамические упражнения и цигун-массаж.

— Мастер цигун против преступника.

— Половая жизнь и цигун.

— Осторожно: галлюцинации!

— Способы улучшения памяти.

— Джордж Андерсон — американский волшебник.

— Чудеса и реальность: дистанционная диагностика за тысячи километров.

— Цигун для лечения близорукости.

— Ответы мастера на вопросы о методике занятий цигун и другие статьи, исследования, очерки и заметки.

Один из вышеназванных материалов мы перепечатаем во втором номере журнала «Проблемы Дальнего Востока» в рубрике «Музей традиций и обычаев».

Журнал «Цигун и спорт» выходит 6 раз в год.

Вы можете подписаться на него без ограничений, на любой срок, во всех отделениях связи и органах «Союзпечати».

Индекс журнала — 70764.

Цена одного номера — 3 руб.

Стоимость подписки на полгода — 9 руб., на год — 18 руб.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1/91

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском
и английском языках

Издается с марта 1972 г.
Москва.
Издательство «Прогресс»

При выдате и возврате

проверьте стр. 154-170!

СОДЕРЖАНИЕ

Нашему читателю — спасибо! 3

БИЗНЕС — КЛУБ

О зонах свободного предпринимательства в Находке и Приморье 7
Чего мы достигли и что нам мешает (интервью южнокорейских бизнесменов в Москве) 11
Компромисс интересов — путь к успеху (точка зрения предпринимателя из Зеленограда) 16

ШАГИ И УРОКИ РЕФОРМЫ

Н. Мишигдорж. Перестройка: монгольский путь и специфика 21
В. Я. Портяков. Финансовый рынок в КНР 29

ДИАЛОГИ И ДИСКУССИИ

Л. Д. Бони. Исчерпаны ли возможности семейного подряда? 35

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Т. И. Сулицкая. Китай и современный мир 43
Ф. Ф. Лаппо. Воспоминания об одной конференции 47
Из жизни ВАКИТ 52

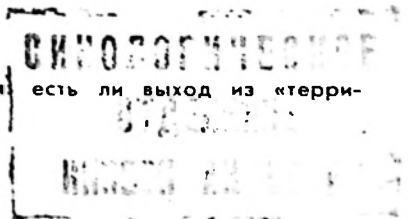
ВОСТОК ГЛАЗАМИ ЗАПАДА

М. Л. Титаренко. Взаимодействие восточной и западной цивилизаций — условие прогресса
человечества 53
В. Э. Молодяков. Восток Ксеркса (в творчестве В. Соловьева и А. Белого) 61

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПДВ»

Х. Кимура, К. О. Саркисов, Б. Н. Славинский. СССР — Япония: есть ли выход из «терри-
ториального тупика»? 69

1-й экз.

ПУЛЬС РЕГИОНА

- Э. С. Гребенщиков. АСЕАН: минув опасные рифы 81
Ц. Хасэгава. Советско-японские отношения в 90-х годах 89
А. А. Чичкин. Новый курс Албании в АТР 101

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- А. М. Ледовский. Записки дипломата (1937—1945 гг.) 108
Ю. В. Чудодеев. Китайские истории о советских советниках (1925—1927 гг.) 119

ПРОШЛОЕ: ГОЛОС ОЧЕВИДЦА

- Н. Н. Мясцев. Встречи с Китаем 126

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭСКИЗЫ

- В. Г. Гузанов. На благо дела российского (о первом русском консуле в Японии И. А. Гошкевиче) 136
Г. В. Мелихов. Ф. И. Шаляпин в Китае (неизвестные страницы биографии) 148

ИНСТИТУТ ЧЕЛОВЕКА

- Чжан Жолань. Дао любви или радость гармонии инь и ян 157

ПРОФИЛИ

- Ю. П. ВЛАСОВ. Повесть об отце (окончание) 171
М. В. Баньковская. «Бледнолицый брат мой в синологии...» 182

МУЗЕЙ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ

- Бянь Чжичжун. «Плывущий дракон» — (комплекс из нового журнала «Цигун и спорт») 194
В. Ф. Востоков. Секреты здоровья тибетских монахов 199
Ю. Е. Бугаев. Школа каратэ (занятие четвертое) 211

ПЕРЕД ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЕЗДКОЙ

- С. В. Неверов. Первые шаги в «чужом монастыре» (П) 214

ОТВЕЧАЕМ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

- А. Г. Ларин. Как учатся за границей китайцы? 220

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

- Р. М. Асланов, А. Г. Яковлев. Китайские оценки XX съезда 226
И. Т. Тышцевский. Япония и ядерное разоружение: позиция в ООН 231

ПАМЯТИ В. Н. НИКИФОРОВА 239

Точка зрения авторов статей, публикуемых в журнале,
не обязательно соответствует позиции редакции

Адрес редакции:
Москва, 117848,
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Б. ВОРОНЦОВ (главный редактор), В. И. ГЛУНИН,
А. М. ГРИГОРЬЕВ, А. П. ДЕРЕВЯНКО, В. Н. КАШИН, А. И. КРУША-
НОВ, А. П. МОРОЗОВ, С. Н. МОРОЗОВ, В. С. МЯСНИКОВ,
Д. В. ПЕТРОВ, В. Я. ПОРТЯКОВ, С. С. РАЗОВ, И. А. РОГАЧЕВ,
Б. Л. РИФТИН, Г. С. САДВАКАСОВ, А. И. СЕНАТОРОВ,
Б. Н. СЛАВИНСКИЙ (зам. главного редактора), В. Ф. СОРОКИН,
Г. Д. СУХАРЧУК, М. Л. ТИТАРЕНКО, Н. С. ТИХОНОВ (ответствен-
ный секретарь)

© Издательство «Прогресс»,
Проблемы Дальнего Востока,
1991

Нашему читателю — спасибо!

За то, что он, несмотря на груз повседневных, отягощенных нашим нелегким бременем всеобщего дефицита, забот, нашел возможность и подписался на «Проблемы Дальнего Востока» (ПДВ). Мы понимаем, что специалистам, вовлеченным в академические споры по поводу того, какой быть общественно-политической системе, экономике в СССР, Китае, Монголии, СРВ, Корее и других странах АТР, как подходить к оценкам китайской революции, каким путем будет развязан корейский узел, какова роль Китая и Японии в XXI в. и т. п., сам бог, как говорится, велел подписаться на ПДВ, — какие же они профессионалы, если не читают свой журнал?!

Мы сегодня особенно признательны тем нашим читателям, прежде всего представителям молодежи и студенчества, которые, несмотря на вынужденное повышение цены ПДВ, решились, взвесив свой скромный бюджет, подписаться на журнал. Их решение — особый знак доверия к нам, оно возлагает на редакцию высокие обязательства по совершенствованию своей работы, особую ответственность за подбор портфеля ПДВ.

Мы глубоко ценим постоянного читателя ПДВ, пусть не избравшего своей специальностью изучение Дальнего Востока, но вместе с нами сопереживающего духовный кризис нашего общества, стремящегося найти ответы на возникающие сомнения в более глубоком знакомстве с древнейшей восточной культурой, в прикосновении к таинствам философии и этики конфуцианства, к богатейшему литературному наследию стран конфуцианской культуры.

Забота — одна из главных в редакции: как сделать журнал интересней для большего круга читателей, не поддаваясь в то же время соблазнительным, казалось бы, с точки зрения политической конъюнктуры, временного, прямо скажу, обывательского интереса, темам. Один из моих коллег по учебе в Институте востоковедения, ныне журналист, в ответ на мои сомнения однажды задал вопрос: где это можно найти газету, не отдающую дань конъюнктуре?! Журнал, тем более академический, и в условиях новых для нас рыночных отношений должен, мы уверены в этом, идти своим путем, не поддаваясь влиянию повседневной конъюнктуры, но в то же время совершенствуя формы и методы своей работы, приводя их в соответствие с потребностями, связанными с преодолением общественного кризиса, поиском оптимальных путей развития экономики, политики, культуры.

Для нас принципы нового мышления категория отнюдь не абстрактного плана. В то же время расставание с довлевшими над нашим обыденным сознанием политическими догмами, которые в значительной мере определяли в стране восприятие окружающего мира, происходит не так уж безболезненно — слишком глубокие корни у старого мышления — идейной основы командно-административной системы. Мы живем во взаимозависимом мире, от всеобщего признания — особенно в политических кругах — императивов разумной деятельности на благо человека зависят судьбы планеты, нашего выживания. Мы стремимся наверстать упущенное, знакомя читателя с зарубежным опытом в области экономики, культуры, предоставляя свои страницы самим носителям этого опыта. ПДВ и впредь будет помещать на своих страницах работы зарубежных авторов.

Конечно, люди, делающие журнал, его старые и новые авторы не всегда могут ответить на вопросы, поставленные жизнью, кризисом общества, порвавшего с прежними догматами и увидевшего свет в развитии рынка. Но размышления авторов ПДВ, касающиеся зарубежного опыта, прежде всего Китая, будь то в сфере создания специальных экономических зон, введения новых форм хозяйствования, законодательства, обеспечивающего условия оптимального для данного времени развития торгово-экономических связей с внешним миром, безусловно, могут и должны оставить свой след в практике нарождающегося — пусть в родовых муках — делового мира нашей страны.

Тихоокеанский регион. Каковы основные тенденции экономического развития? Удержат ли США и Япония 98 % совокупного ВНП этого района? Каковы перспек-

тивы новых индустриальных стран Дальнего Востока (НИС), продемонстрировавших феноменальный рывок в своем развитии последней четверти XX в.? Как будут развиваться международные политические и экономические отношения на Дальнем Востоке и что определит повышение роли нашей страны в этих отношениях? Ответы на эти вопросы могут быть различные, но они, как мы надеемся, появившись на страницах ПДВ, будут способствовать новому общественному восприятию места советской экономики, отдельных ее звеньев, регионов в международном разделении труда в районе с высокой динамикой развития, каким стал Дальний Восток.

Деловые люди, раскрыв сегодняшний первый номер ПДВ, могут познакомиться с материалами «Бизнес клуба». В одной из новых рубрик журнала будет помещаться полезная, как мы надеемся, информация о возможных потенциальных партнерах на Дальнем Востоке, об опыте самостоятельного решения хозяйственных проблем в отдельных дальневосточных районах, развития торгово-экономических связей и т. д.

Мне пришлось по душе искренность одного из авторов писем: оставьте господам демократам политику, знакомьте читателей ПДВ с памятниками культуры древнейших цивилизаций Дальнего Востока, уделяйте больше внимания творчеству литераторов Китая, Японии, Кореи. Трудно не согласиться с такого рода пожеланиями. Да и кто, кроме авторов-профессионалов, выступающих в ПДВ, может со знанием дела рассказать читателю о философских, религиозных течениях в развитии общественной мысли стран Дальнего Востока, вспомнить в этом смысле многое из того, что было незаслуженно предано забвению?! Но, видимо, нас можно при желании и понять: ведь если ПДВ обращается к комплексной тематике, то нам нельзя и игнорировать острые политические проблемы, от которых во многом зависит движение нашего общества вперед. Политическая культура! Как же нам ее не хватает! Она приходит, когда не игнорируется богатейший опыт деятельности различных политических организаций, ожесточенной, порой смертельной, борьбы передовой общественной мысли с диктатурой (будь то Гитлера — в Европе, Чан Кайши — в Китае).

Наши авторы, прежде всего историки, конечно, не выступают в роли судей или адвокатов, но они, как личности, имеют право дать свои оценки прошлому, высказать свои суждения относительно, скажем, социальной сущности государств, созданных в результате русской и китайской революций, социальных предпосылок появления у власти таких величайших в своем деспотизме вождей, как Сталин, Чан Кайши, Мао Цзэдун и др.

Прошедший год стал годом эпохальных перемен в Восточной Европе и это объективный процесс, развивающийся независимо от воли отдельных, пусть самых могущественных, политических лидеров. Эхо этих перемен сказалось прежде всего на мышлении политиков, ученых, вовлеченных в диалог по оставшейся в наследство от сурового биполярного военно-политического противостояния на Дальнем Востоке корейской проблеме.

В конце Октября прошлого года представители ПДВ по приглашению издательства Тонг А-Ильбо (Республика Корея) посетили Сеул. Гостеприимные хозяева представили нам казавшуюся ранее абсолютно нереальной возможность посетить 38-ую параллель. Мне и ранее доводилось бывать в этих краях, но только — с Севера. Невольно, до боли ощущаешь трагедию разделенной нации и, находясь именно здесь, где словно гигантским ножом разрезаны по 38-ой параллели жизненные артерии единого организма.

ПДВ немало внимания уделяет ситуации на Корейском полуострове, знакомит читателя с различными оценками роли и места Сеула и Пхеньяна в международных отношениях, поиском обоюдоприемлемых решений во внутрикорейском диалоге. В нашем журнале появлялись различные материалы о Республике Корея и до установления дипломатических отношений между Москвой и Сеулом. Мы намереемся вести с читателем диалог по корейской теме и впредь, движимые единственным стремлением способствовать, в меру своих сил, созданию благоприятных условий для мирного объединения Кореи.

В этом году исполняется полвека с того дня, как наш народ был ввергнут в пучину второй мировой войны и как бы историки ни судили о схватке с фашизмом, декабрьские сражения под Москвой 1941 г. вошли в нашу историю, наравне с битвой у Бородина с наполеоновскими полчищами 1812 г., как эпохальные собы-

тия, прославившие твердость духа, невиданную храбрость российского солдата, грудью стоявшего на пути любого врага. Дальний Восток сразу же был опален пламенем второй мировой войны, да и само начало ее восходит к вторжению японских милитаристов в Маньчжурию начала 30-х гг.

В этом году мы, несомненно, вспомним — и, конечно же, на страницах ПДВ — трагедию американского флота в бухте Перл-Харбор, на который обрушили 7-го декабря 1941 г. свою мощь военно-морские силы микадо, обозначив начало невиданного доселе столкновения противостоящих коалиций: антифашистской, с одной стороны, и сил фашизма, милитаризма, с другой стороны. Глубочайший водораздел пролегал, однако, не только между государствами, он разрывал ткань, порой незаметную, весьма противоречивых общественных отношений в государствах, вовлеченных в мировую бойню. Победы над силами зла упрочили веру простого человека в торжество справедливости, в способность людей, объединившихся на основе доброй воли, одолеть коричневую чуму, в облике которой предстал фашизм.

Отмечая в этом году пятидесятилетие с начала Отечественной войны, мы в то же время вряд ли можем забыть миллионы жертв сталинской диктатуры, которая черпала свои силы как в заигрывании с нацизмом, так затем и в противостоянии ему. Мы и впредь будем отдавать дань жертвам сталинского беззакония, тем, кто шел своим путем, совершал свои собственные ошибки, жертвовал самым дорогим — жизнью, но оставался верным своим принципам.

Небезынтересными, как мы полагаем, могут стать для читателя и материалы, проливающие свет на «белые пятна» истории, приоткрывающие плотную завесу над биографией неизвестных до сего времени героев, честных, казалось бы, незаметных для своего времени людей, но свершивших поистине сверхчеловеческий подвиг на ниве изучения дальневосточной цивилизации: Н. А. Невского, А. А. Штукина, В. М. Штейна, Б. А. Васильева и др.

Русское зарубежье, его богатейшее наследие связывается с именами К. Бальмонта, И. Бунина, З. Гиппиус, Г. Иванова, С. Черного, Д. Мережковского и многих других ярких представителей нашей литературы. Но как мало мы знакомы с судьбами тех наших соотечественников, которые попали, чаще всего помимо своей воли, и не по проторенной дороге в Европу, а — в страны Дальнего Востока! Конечно, в среде русского зарубежья на Дальнем Востоке оказались и осколки невежественной России, люди, ненавидящие свой народ, готовые отождествлять со сталищиной проявление характера русской революции. Они-то и приобщились к движению русского фашизма, благословленного японскими милитаристами. О них мы расскажем читателю. Но нас нынче больше волнуют мысли и чувства тех, кто принес в Китай, Японию собственное представление о духовном богатстве, величии русской культуры, раскрыл ее гуманистические, высоконравственные ценности перед народами этих стран. Нам понятно стремление передовых представителей русской эмиграции как можно глубже осмыслить социальные причины октябрьского взрыва в России.

...Мы платим за удаль жестокою дедов,

За дряблость отцов и роскошь обедов,

За гордость гербов золоченных...

Эти емкие, яркие поэтические строки А. Паркау заставляют нас и сегодня сопереживать судьбу наших соотечественников за рубежом, останавливают нас от скоропалительных, отдающих дань конъюнктуре, лишь осуждающих прошлое многострадального, героического и терпеливого нашего народа.

А. Несмелов, А. Паркау, Н. Байков, В. Н. Иванов, В. Перелешин... Сколько ярких творческих личностей, сполна испытавших боль ностальгии и талантливо передавших чувство родины, собственную неразрывность с ее судьбой на страницах своих произведений! Им — наша признательность, добрая наша память.

В чем смысл жизни, появления на свет нового — всегда нового — представителя рода человеческого?! Нет, ради Бога, не подумайте, что мы задались целью ответить на этот вопрос, мучивший самых блистательных представителей многочисленных поколений, вознесенных судьбой к вершинам власти, либо павших от рук инквизиторов, насильников-завоевателей. Красота спасет мир и, наверное, смысл творчества любого художника да и любого мыслящего человека служить этой благородной, гуманистической цели. Красота находит свое проявление в истинной любви. Великий Дао славен своей безграничной любовью ко вселенной, ко всему населя-

ющему миру, любая форма человеческой деятельности, приносящая вред окружающей природе, служащая целям разрушения, будучи враждебной чистоте даосизма, должна быть предотвращена. Более двух тысяч лет китайские врачеватели-даосы создавали бесценные трактаты, наделявшие человека способностью сполна воспринимать радость жизни, дарить и получать наслаждение в любви, достигать гармонии в мыслях и чувствах. Мы, как и раньше, постараемся повести вас по сложным лабиринтам Дао, помочь вам проникнуть в тайники удивительной, столь загадочной конфуцианской культуры.

В небольшом обращении к Вам, дорогие читатели, конечно, сложно, да и вряд ли нужно писать о всех наших планах, тем более — о трудностях издания — а их, ой как много на сегодняшний день. Мы надеемся на Ваши письма, пожелания, которые стараемся, по возможности, учитывать в своей работе. Так, в этом году в ответ на просьбы читателей, главным образом молодых, издательство «Прогресс» и редакция приступили к изданию приложения к ПДВ, китайского журнала «Цигун и спорт» на русском языке.

Кого может заинтересовать это издание? Врачей, психологов, методистов по спорту и лечебной физкультуре, всех, кто интересуется древнейшей из цивилизаций — китайской, ее историческим и культурным наследием. Значит ли это, что ПДВ уступает своему приложению часть своей тематики. Нет, отнюдь нет! Сюжеты, касающиеся боевых искусств — ушу, каратэ, тайцзицюань, психофизиологического тренинга цигун и др., будут и впредь появляться на страницах ПДВ, в то время как с иллюстративным материалом можно будет знакомиться на страницах «Цигун и спорт».

Дорогие читатели!

Ваше признание журнала — лучшая награда для сотрудников редакции ПДВ. Пожелаем же в новом году, дорогой читатель, удачи друг другу!

*В. Б. Воронцов,
Главный редактор журнала «ПДВ»*

24 октября 1990 г. парламент России принял постановление о создании в районе города Находка Приморского края зоны свободного предпринимательства (ЗСП). Город будет специализироваться на добыче и глубокой переработке местных сырьевых ресурсов (биоресурсы океана, лес, лекарственные травы, строительные материалы), судоремонте, производстве машиностроительной и электронной продукции, развитии иностранного туризма, лесного и транспортно-складского хозяйства, а также агропромышленного комплекса.

Суммарные капиталовложения в ЗСП за 10 лет должны составить 3,7 млрд. руб. Предусматривается, что все государственные предприятия, функционирующие на территории зоны, будут выведены из-под ведомственного контроля. Иностранным инвесторам будет предоставлено право брать землю в аренду и вкладывать капитал в банковскую сферу и страхование.

Формирование ЗСП планируется провести в два этапа. На первом этапе (1991—1995) суммарные инвестиции должны составить 1,5 млрд. руб., из которых 650 млн будут израсходованы на развитие инженерно-транспортной инфраструктуры и строительной базы, 415 млн — на развитие социальной сферы, 280 млн — на реконструкцию и новое строительство объектов промышленного комплекса, 100 млн — на туристско-оздоровительный комплекс, 30 млн — на развитие предприятий агропромышленного комплекса.

На втором этапе общий объем капиталовложений должен составить 2,2 млрд руб., в том числе в развитие инженерно-транспортной инфраструктуры и строительной базы — 925 млн руб., в развитие социальной сферы — 590 млн, в строительство объектов производственного назначения — 400 млн, в туристско-оздоровительный комплекс — 200 млн.

По словам председателя городского Совета Находки Игоря Устинова, для совместных предприятий, у которых доля иностранного участника будет составлять более 30 %, горсовет намерен установить налог на прибыль в 10 %. Налог на репатрируемую часть прибыли иностранного партнера, предположительно также будет на уровне 10 %.

В ходе обсуждения проекта предложено освободить от уплаты налогов на прибыль совместные предприятия на срок до 5 лет после получения объявленной прибыли и на срок до 10 лет в случае, если прибыль реинвестируется на территории ЗСП.

По расчетам, срок окупаемости капиталовложений по различным направлениям специализации ЗСП составит от 2 до 4 лет. Общий объем годового производства предприятий, создаваемых на основе совместного предпринимательства, может составить 0,9—1,3 млрд руб., в том числе 0,4—0,6 млрд — на экспорт. Совокупная ежегодная прибыль СП, по имеющимся оценкам, может достичь 180—240 млн руб.

В целях создания основы деловой инфраструктуры в зоне запланировано строительство международного аэропорта, торгового центра с гостиницей, телекоммуникационным блоком и выставочным комплексом. Все эти объекты предполагается ввести в строй в начале 1992 г.

Эксперты оценивают создание ЗСП в Находке как наиболее крупномасштабный проект, способный дать значительный коммерческий эффект в относительно короткие сроки.

Приморье — зона свободного предпринимательства

Президиум краевого Совета народных депутатов рассмотрел проекты документов по созданию и функционированию зоны свободного предпринимательства на территории Приморья. Принято решение опубликовать их для всеобщего обсуждения, чтобы

затем вынести на рассмотрение и утверждение сессии краевого Совета народных депутатов. Подготовлено два альтернативных проекта. Предлагаем их Вашему вниманию, уважаемые читатели.

Первый вариант

1. Целью создания зоны свободного предпринимательства является ускоренное комплексное социально-экономическое развитие края, РСФСР за счет свободного развития инициативы, всемерной поддержки предпринимательства, а также самостоятельного использования преимуществ географического расположения края и участия в международном разделении труда.

2. Правовой основой создания и функционирования ЗСП являются: законодательство РСФСР, международные соглашения, общепринятые международные нормы, Закон РСФСР о ЗСП «Приморский край» и последующие решения, принимаемые краевым Советом народных депутатов в части ЗСП в пределах полномочий, предоставленных Верховным Советом РСФСР.

3. Краевой собственностью являются: земля, ее недра, леса, внутренние воды, с правом рационального природопользования.

В собственность краевого Совета не входит 200-мильная морская зона, прилегающая к Приморскому краю, правовой режим которой определяется законодательством СССР и международным правом.

Государство не несет имущественной и правовой ответственности по обязательствам участников хозяйственной деятельности зоны свободного предпринимательства как в СССР, так и за его пределами.

Высшим органом власти в зоне свободного предпринимательства является краевой Совет народных депутатов.

4. Для создания и функционирования ЗСП краевой Совет народных депутатов наделяется полномочиями разрабатывать и утверждать основные документы по зоне свободного предпринимательства, в том числе:

4.1. О налоговой системе и налоговых льготах, о контрактной системе найма работающих и оплате труда, о равновесных ценах для определения уровня таможенного обложения, антимонопольному законодательству, правилам конкуренции, мерам защиты малых предприятий, потребителей.

4.2. О гарантиях и социальной защите малоимущих.

4.3. О банковской системе зоны свободного предпринимательства с участием кооперативных, иностранных, смешанных, акционерных и других банков.

4.4. О фондовой, валютной, товарной биржах.

4.5. Об управлении трудовыми ресурсами, создании биржи труда, центров по подготовке и переподготовке кадров.

4.6. О порядке действий и применения общепринятых норм залогового права.

4.7. Об установлении в зоне свободного предпринимательства упрощенного порядка выезда и въезда иностранных граждан на территорию края, их пребывания и передвижения, выезда советских граждан, участвующих во внешнеэкономических связях, в другие государства, порядка въезда в ЗСП советских граждан.

4.8. О таможенном режиме в ЗСП, способствующем ее быстрому и эффективному развитию.

4.9. Об изменении административно-территориальных границ внутри зоны свободного предпринимательства.

4.10. Об установлении на территории ЗСП специализированных зон внешнеэкономического характера на основе местной инициативы.

4.11. О самостоятельном определении структуры, численности правоохранительных органов, порядке их содержания и материально-технического обеспечения.

4.12. О порядке уплаты налогов на территории ЗСП и об отчислении их в бюджет РСФСР, СССР, учитывая отсутствие централизованных государственных капиталовложений.

4.13. Другие решения, действующие до принятия республиканского закона по ЗСП, в тех случаях, когда отсутствует регламентация каких-либо аспектов финансово-экономической, административно-правовой и социально-культурной деятельности в ЗСП.

5. Исполнительную и распорядительную функцию управления зоны свободного предпринимательства осуществляет исполнительный комитет Приморского краевого Совета народных депутатов, который наделен полномочиями:

— разрабатывать нормативные документы по ЗСП для равноправного развития всех форм собственности для эффективной деятельности советских и иностранных фирм, а также совместных предприятий с иностранным капиталом;

— определять порядок деятельности на территории ЗСП предприятий, организаций, учреждений, филиалов союзных, союзнореспубликанских министерств, ведомств;

— заключать договоры с советскими и иностранными юридическими и физическими лицами по вопросам их участия в создании и развитии ЗСП;

— выдавать и отзывать лицензии на право заниматься хозяйственной деятельностью в ЗСП предприятиям и предпринимателям и регистрировать их в установленном порядке;

— выдавать, на конкурсной основе, разрешения (лицензии) на право пользования землей и другими природными ресурсами, а также на вывоз товаров и сырья за рубеж, на основе квот, устанавливаемых краевым Советом народных депутатов;

— гарантировать предприятиям, организациям и предпринимателям, зарегистрированным в ЗСП, право вступать в международные союзы, общества и организации, свободно осуществлять кооперирование с фирмами-партнерами из других стран во всех сферах деятельности, открывать за рубежом свои филиалы, представительства, вести операции с ценными бумагами;

— проводить единую стабильную налоговую политику, предоставлять в случае необходимости дифференцированные налоговые льготы;

— иметь своих представителей за рубежом и открывать представительства иностранных компаний и организаций на территории ЗСП;

— создавать функциональные органы управления для эффективного функционирования ЗСП.

Исполнительный комитет Приморского краевого Совета народных депутатов наделяется другими полномочиями, в аспекте управления зоной свободного предпринимательства, которые определяет краевой Совет народных депутатов.

6. Земли зоны свободного предпринимательства «Приморский край» не подлежат продаже иностранным юридическим лицам, иностранным гражданам, а также гражданам, имеющим советское гражданство менее 25 лет, но могут быть сданы им в аренду. Сроки договоров аренды земель иностранным юридическим лицам, гражданам не могут быть более 99 лет, договоры об аренде земли могут заключаться повторно. Иностранные юридические лица, граждане не имеют права иметь в собственности земли зоны свободного предпринимательства «Приморский край».

7. В первоначальный период функционирования зоны свободного предпринимательства «Приморский край» на внутренней административно-территориальной границе зоны устанавливается пропускной, а в необходимых случаях, и таможенный режим.

8. Город Владивосток объявляется открытым городом.

9. Аэропорт Владивосток объявляется международным.

10. Морские порты Владивосток, Посыет, Зарубино, Преображение, Ольга, Пластун, Светлая объявляются международными.

11. В денежном обращении зоны свободного предпринимательства «Приморский край» находятся деньги СССР, порядок платежей наличной, свободно конвертируемой валютой устанавливает Приморский краевой Совет народных депутатов.

12. Совет Министров РСФСР регулирует возникающие проблематичные вопросы по пунктам 7, 8, 9, 10, 11 настоящего документа.

Закон «О зоне свободного предпринимательства «Приморский край» вступает в силу с 1 января 1991 года.

Второй вариант

Руководствуясь интересами республики в целях ускоренного развития экономики Приморского края и ее включения в международное разделение труда в Азиатско-Тихоокеанском регионе, учитывая выгодное экономико-географическое положение, а также отдаленность от промышленных центров страны, рассматривая Приморский край как неотъемлемую часть республики, на которую распространяется суверенитет РСФСР, существует необходимость:

1. Ввести на территории края особый правовой статус.

1.1. Въезд на территорию края и выезд иностранных граждан — уведомительный.

1.2. Вид на жительство на территории края сроком до 6 месяцев выдается

уполномоченным органом исполкома краевого Совета народных депутатов.

2. Предоставить Приморскому краю Совету и его исполкому право:

2.1. Разрешать государственным, общественным, кооперативным и иным предприятиям и организациям, а также отдельным советским и иностранным гражданам создавать на территории края предприятия и филиалы, в т. ч. с участием иностранного капитала, учреждать банковские, кредитные и другие финансовые учреждения и филиалы, товарные, фондовую, валютную биржи.

2.2. В соответствии с законодательством РСФСР преобразовать предприятия союзного и республиканского подчинения в концерны, кооперативы, малые и частные предприятия, в т. ч. с участием иностранного капитала.

2.3. Выделять месторождения полезных ископаемых и запасы природных ресурсов для разработки советскими, совместными и иностранными предприятиями.

2.4. Сдавать в аренду трудовым коллективам, предприятиям, организациям и отдельным гражданам, в т. ч. иностранным, земельные участки и определять условия аренды.

2.5. Увеличивать нормы амортизации для предприятий, расположенных на территории края, до 25 % от устанавливаемых законодательством РСФСР.

2.6. Регистрировать советских участников внешнеэкономических связей, совместные и иностранные предприятия и разрешать их деятельность.

2.7. Разрешать экспорт товаров и услуг предприятий края, произведенных сверх госзаказа.

2.8. Устанавливать квоты на экспорт и вывоз в другие районы страны товаров и услуг, произведенных сверх госзаказа.

2.9. Давать разрешение на открытие на территории края представительств иностранных фирм и банков.

3. На части территории Приморского края по согласованию с Советами народных депутатов может вводиться особо льготный режим для функционирования иностранного капитала.

4. Предприятиям и хозяйственным организациям на территории края:

4.1. Установить, что госзаказ не может превышать 70 % производственной мощности без согласия предприятия.

4.2. Разрешить реализовывать всю продукцию сверх госзаказа на внутреннем и внешнем рынках.

4.3. Предоставить право предприятиям и организациям самостоятельно расходовать имеющуюся валюту на приобретение товаров народного потребления, медикаментов, медицинской техники, укрепление материально-технической базы социальной сферы.

4.4. Установить единый норматив валютных отчислений в республиканский бюджет за экспорт товаров для всех предприятий и организаций союзного и республиканского подчинения в размере 20 %, за экспорт услуг в размере 10 % и в валютный фонд исполкома — 10 %.

4.5. Акционерные общества, создаваемые на территории края, в соответствии с законодательством РСФСР должны иметь уставной фонд не менее 50 тыс. рублей, а общества с ограниченной ответственностью не менее 5 тыс. рублей.

5. Совместным предприятиям на территории края, в которых доля иностранного капитала превышает 30 %, и иностранным предприятиям предоставляются следующие льготы:

5.1. Ставка налога на прибыль устанавливается в размере 10 %, включая 3 % местного налога.

5.2. Предприятия освобождаются от налогов на прибыль на срок до 5 лет с момента объявления первой прибыли.

5.3. Краевой исполнительный комитет вправе снижать и освобождать предприятия и организации от местного налога.

5.4. Предприятия и организации могут получить право пользования землей на срок до 50 лет.

5.5. Прибыль, переводимая за границу, облагается пошлиной не более 10 %.

5.6. Не облагаются пошлиной импортируемые в край сырье, материалы и комплектующие изделия, предназначенные для дальнейшей переработки на предприятиях края, а также машины и оборудование для собственных нужд предприятий.

5.7. Товар считается произведенным в крае, если 30 % добавленной стоимости создано на предприятиях края.

6. Просить Совет Министров РСФСР:

6.1. Разработать механизм предоставления участков земли и акваторий в Приморском крае для нужд Министерства обороны.

6.2. Подготовить предложения совместно с краевым Советом народных депутатов по налоговым льготам для советских предприятий и хозяйственных организаций.

6.3. Разработать совместно с Министерством путей сообщения СССР, Министерством гражданской авиации СССР, Министерством морского флота СССР, Министерством автотранспорта предложения по развитию международного пассажирского и грузового сообщения.

Чего мы достигли и что нам мешает

Прошло более двух лет с тех пор, как было положено начало первым прямым контактам нашей страны с представителями делового мира Республики Кореи. Срок небольшой, итоги неплохие, если иметь в виду, что отсчет начинался с нулевой отметки. Стремление обеих сторон к сотрудничеству в торгово-экономической области получило надежную основу — с 30 сентября 1990 г. между СССР и Республикой Кореей установлены дипломатические отношения. Предвидя такой ход событий, южнокорейские бизнесмены не теряли времени зря. Не дожидаясь взаимного официального признания, ведущие корпорации Республики Кореи добились открытия своих постоянных представительств в Москве и, так сказать, засучив рукава, принялись за освоение привлекательного, но совсем не знакомого им советского рынка.

Несомненно, что для советской и южнокорейской сторон объективно выгодно развивать торговлю, вести совместную разработку природных ресурсов, кооперироваться в реализации крупных проектов в промышленности и сельском хозяйстве. Да мало ли существует областей для успешного сотрудничества двух стран, берега которых омываются одними морями и экономики которых могли бы дополнять друг друга.

Чтобы сотрудничество развивалось поступательно и было взаимовыгодным, необходимо постоянно сверять свои возможности, намерения и конкретные действия с отношением к ним партнера, учитывать его оценку пройденного пути и перспективы. Именно этими мотивами руководствовалась редакция журнала, пригласив в свой «Бизнес-клуб» глав представительств ведущих южнокорейских корпораций, аккредитованных в Москве.

Корпорация «Самсун»

Первым на вопросы нашего корреспондента согласился ответить глава представительства «Самсун» господин Хон Сон Хён. Он более пятнадцати лет служит в этой корпорации. Ранее представлял ее интересы в Нигерии, словом, обладает богатым опытом ведения бизнеса.

Корр.: Ваша корпорация первой из южнокорейских фирм открыла свое представительство в Москве. Несмотря на короткий срок — в СССР Вы работаете немногим более года — Вам, наверное, есть, что сказать о нашем партнерстве?

Ответ: Должен Вам сказать, мы не жалеем, что оказались в роли «пионеров». Первый опыт и результаты показывают, что начало положено неплохое. Объем операций с Вашей страной в 1989 году составил около 100 млн. долл., в 1990 год мы рассчитываем завершить на отметке в 250 млн. долл. В соответствии с контрактами мы начали осуществлять на территории СССР сборку видеоманитофонов, поставляем в Вашу страну видеокассеты, телевизионные трубки, двигатели для бытовой техники, а также некоторые виды товаров широкого потребления. В Советском Союзе закупаем

свинец, горячекатаную сталь, отдельные виды продукции нефтехимической промышленности и морепродукты.

Наши специалисты пришли к выводу, что одной из перспективных сфер взаимовыгодного сотрудничества может стать совместное использование результатов фундаментальных исследований, проводимых в СССР. Нас привлекают передовые разработки советских исследователей в области биологии и аэрокосмической техники. Ваши идеи и наша технология, взятые вместе и примененные в производстве, принесут, как нам кажется, обоюдную пользу и прибыль.

Корр.: И тем не менее, как я понимаю, пока в своей деятельности на территории СССР «Самсун» отдает приоритет торговле. А что Вы можете сказать об инвестировании совместных проектов и вообще о приложении своего капитала в нашей стране?

Ответ: Вы правы, мы действительно на данном этапе больше всего уделяем внимание осуществлению торговых операций с советскими партнерами. Что же касается вопроса о наших инвестициях, то обстоятельства вынуждают нас проявлять большую осторожность и пока ограничиваться в основном изучением возможностей. Чтобы все было понятно, я немного поясню сказанное.

Не скрою, что, по мнению руководства «Самсуна», пока существует большой риск для осуществления крупных инвестиций в СССР. Это обусловлено рядом причин. На наш взгляд, советская экономика в настоящее время находится в разбалансированном состоянии, а если выразаться проще — в состоянии хаоса. Административным путем уже не удастся сохранять устойчивое функционирование всего экономического комплекса, а рыночные механизмы пока не начали работать. В таких условиях мы не можем сделать перспективный расчет того, во что и как вкладывать капиталы, чтобы усилия не оказались напрасными и, главное, убыточными. Статистика, к которой мы имеем доступ, не удовлетворяет нас, поскольку она не отражает реального положения на предприятии, в отрасли, в экономике в целом.

По мере продвижения реформы советской экономики трудности для нас не уменьшаются, а, к сожалению, прибавляются. Так, например, еще год-полтора назад мы неплохо представляли себе, к кому и по каким вопросам обращаться, с кем вести деловые переговоры. Сейчас же теряемся в догадках, то ли начинать обсуждение деловых вопросов с предприятиями или местными властями, то ли с центральным правительством или, быть может, с республиканским.

Я понимаю, этот перечень не совсем приятен для наших советских партнеров, и, может быть, его не следовало бы продолжать. Однако есть один вопрос, на котором я все-таки хочу заострить внимание советских бизнесменов. Опыт общения с ними показывает, что у них много желания и напористости, стремления заключить выгодные сделки, в том числе с привлечением иностранного капитала. Но вот что при этом бросается в глаза. Зачастую советская сторона уж слишком упрощенно подходит к решению серьезных проблем. Взять, к примеру, вопрос о создании совместного предприятия. Предложений к нам поступает много. Но, как правило, они сводятся к следующему: «у нас, то есть у советских представителей, имеется земля под СП, полезные ископаемые или сырье и рабочая сила, а вы предоставьте нам капитал, технологию и обеспечьте менеджментом». Когда же наши эксперты начинают вникать в детали и пытаться смоделировать все аспекты деятельности будущего совместного проекта, то выясняется, что советские партнеры подробно не проработали идею в той части, которая относится непосредственно к их компетенции и которую за них никто, конечно же, делать не будет. Я имею в виду такие вопросы, как изучение рынков сбыта продукции, которая будет производиться на СП, способ обеспечения производственного процесса энерго- и гидроресурсами, система отбора и подготовки квалифицированных кадров, проблемы транспорта, коммуникаций, связи и т. д. Короче говоря, нет ответов на многочисленные вопросы, взвешенный анализ которых является непременным условием для принятия решения о создании СП и выделении на эти цели капитала.

Корр.: Похоже, что на этапе перехода нашей страны к рыночной экономике трудно ожидать крупных инвестиций со стороны «Самсуна». В таком случае, каковы, на Ваш взгляд, перспективы деятельности корпорации в СССР?

Ответ: Да, для нас предпочтительней подождать, пока у Вас в стране утвердится свободный рынок. На собственном опыте знаем, что становление свободной рыночной

экономики — это болезненный процесс. А при любой болезни — будь то недуг человека или кризисное состояние экономики — многое зависит прежде всего от самого организма, его жизнеспособности. А если уж болезнь неизлечима, то и дорогостоящие лекарства не помогут. Так и в нашем случае, финансовые инъекции неконкурентоспособному предпринятию, отрасли, неработающей экономической системе в целом, откуда бы они ни шли, могут оказаться неэффективными.

Поэтому, как я уже говорил, «Самсун» будет проявлять на данном этапе сдержанность в вопросе приложения своего капитала в крупных размерах на территории СССР, что, однако, не исключает инвестирования в небольших объемах. Вместе с тем мы готовы в случае предоставления Республикой Корея Советскому Союзу государственного кредита и соответствующих гарантий со стороны Вашего правительства принять участие в реализации отдельных проектов.

Что же касается торговли, то расширение этой области сотрудничества во многом будет зависеть от усилий обеих сторон, и я предвижу неплохие перспективы для роста ее объема. Особые надежды в этом вопросе мы связываем с возможным установлением в какой-либо форме уже в ближайшем будущем конвертируемости советского рубля. Кроме того, если иностранным фирмам на территории СССР будет разрешено приобретать на заработанные рубли товары и продукцию по собственному усмотрению, а не в соответствии с навязываемым, строго ограниченным и лицензированным ассортиментом, то это, несомненно, будет способствовать повышению нашей заинтересованности в расширении экспорта продукции «Самсуна» в вашу страну.

Корпорация «Хёндэ»

Известно, что Советский Союз высоко оценивает перспективы сотрудничества с «Хёндэ». В ноябре 1990 года глава корпорации г-н Чон Чу Ён был принят президентом СССР М. С. Горбачевым.

Интересы «Хёндэ» в Москве представляет господин Хан Дон Су. Надо думать, что не случайно при назначении на пост главы представительства выбор пал именно на господина Хана, сорокавосемилетнего бизнесмена, имеющего солидный «бэкграунд». Он — выпускник Сеульского университета, в «Хёндэ» работает 14 лет, возглавлял ее представительство в Саудовской Аравии, Англии.

Корр.: Известно, что корпорация «Хёндэ» уделяет много внимания советскому рынку. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что ее председатель, господин Чон Чу Ён, уже несколько раз побывал в Советском Союзе. Чем привлекает СССР Вашу корпорацию?

Ответ: Как Вам, наверное, известно, успехи, достигнутые нашей корпорацией за последние тридцать лет, стали возможными благодаря четко проводимой политике в области экспортно-импортных операций с продукцией и сырьем. За этот же период нам удалось хорошо изучить возможности рынков почти всех стран мира. Однако советский рынок до недавнего времени оставался для нас белым пятном, как, впрочем, и китайский рынок.

Вырабатывая свою стратегию в отношении СССР, мы исходили из двух главных факторов. Во-первых, учитывали необходимость выхода на новый, я бы сказал, безграничный, рынок, где можно не только продавать нашу продукцию, но и приобретать то, что нам крайне необходимо, и, прежде всего, сырье. Ведь это не секрет, что в промежутке между сырьем и готовой продукцией мы имеем в общем все.

Во-вторых, хотя мы и бизнесмены, но мы никак не можем не думать о политической стороне дела. Налаживание бизнеса с СССР — это путь к установлению хороших, деловых отношений между нашими странами, который в конечном итоге ведет к ослаблению напряженности на Корейском полуострове и к повышению безопасности для всех живущих на нем корейцев.

Корр.: Каковы первые итоги деятельности «Хёндэ» на советском рынке?

Ответ: Имеющийся у нас опыт освоения новых рынков показывает, что вначале всегда больше расходов, чем доходов. К этому мы были готовы, когда впервые высадили свой «десант» в СССР. Однако результаты превзошли наши ожидания, поскольку первые полтора года оказались для нас в целом удачными. Судите сами. Налажен импорт в Республику Корею некоторых видов цветных металлов, древесины, химических продуктов и даров моря. Заключены соглашения об экспорте из нашей страны компьютеров, телевизоров, видеомагнитофонов, предметов одежды. Реализуется договоренность о ремон-

те советских кораблей на судоверфях «Хёндэ» в городе Ульсане. Открываются неплохие перспективы сотрудничества с приложением с нашей стороны крупного капитала в таких областях, как деревообрабатывающая промышленность и совместная разработка месторождений угля и газа в районах Сибири и Дальнего Востока.

Корр.: Приятно слышать. Ваш оптимизм контрастирует с выжидательной позицией тех бизнесменов, которые считают, что надо еще посмотреть, чем все закончится в СССР, а затем уж решать, вкладывать деньги в советскую экономику или нет.

Ответ: Видите ли, мы исходим из того, что перестройка в СССР обязательно докажет свою жизнеспособность, и поэтому смело идем на расширение сотрудничества с Вашей страной. Считаю, что с точки зрения долгосрочной перспективы это выгодно для обеих сторон. Конечно, в различных областях жизни советского общества возникает много проблем. Мы их видим, анализируем, но не рассматриваем как препятствия для нашей деятельности на советском рынке. К тому же, если дожидаться, пока все проблемы в СССР будут решены, то можно потерять слишком много времени. Поэтому идем на известный риск: без разумного риска в бизнесе не обойтись.

Если же говорить о тех трудностях, с которыми наша корпорация сталкивается на территории СССР, то я не стал бы их драматизировать. Да, они есть. Например, пока не все в порядке со своевременностью оплаты советской стороной по заключенным контрактам. Далее. Ваши бизнесмены еще не привыкли к тому, чтобы уже на начальной стадии переговоров иметь при себе и быть готовыми при первой же необходимости выложить на стол детализированные предложения в письменном виде. Подчас мы много теряем времени из-за того, что плохо работает внутрисоюзная связь с отдельными регионами или по причине того, что кто-то из ответственных лиц в Ваших организациях находится, например, в отпуске, а другие служащие не в курсе обсуждавшейся с ним проблемы. Я думаю, что с переходом в СССР к рыночной экономике эти шероховатости постепенно будут изжиты, и Ваши бизнесмены поведут дела на уровне мировых требований.

Корр.: Если судить по сообщениям южнокорейской прессы, экономика Республики Кореи сейчас переживает не лучшие времена. Замедляется рост ВВП, усиливаются инфляционные процессы, ухудшается ситуация на традиционных рынках экспорта южнокорейских товаров. Как влияют эти факторы на степень активности «Хёндэ» на советском рынке?

Ответ: Действительно, в последние 2,5 года наблюдается снижение темпов роста экономики Республики Кореи. На мой взгляд, это временное явление, одной из главных причин которого является обострение отношений между предпринимателями и рабочими. В период правления президентов Пак Чжон Хи и Чон Ду Хвана мы не имели такого числа трудовых конфликтов, как сейчас. В течение последних 2,5 лет, когда страна вступила и идет по пути демократизации, споры между предпринимателями и рабочими вполне естественны и неизбежны. Я думаю, что в ближайшие два года все утрясется, и предпринимателям удастся найти общий язык с рабочими.

Не могу заявлять от имени всех деловых кругов Республики Кореи, но что касается «Хёндэ», то маловероятно, чтобы наблюдаемые в настоящее время негативные тенденции в экономике нашей страны повлияли бы на снижение ее деловой активности в СССР. Надо учитывать, что «Хёндэ» имеет широкое поле деятельности. Поэтому торможение или неудача на одном-двух малых участках не влияют на деятельность корпорации в целом.

Корпорация «Сункён»

Направляясь в представительство корпорации «Сункён» для беседы с его руководителем господином Пак Джун Ы, я, откровенно говоря, уже имел ответы на большинство интересовавших меня вопросов. Однако встреча с сорокадевятилетним Паком, опытным бизнесменом, представлялась для меня интересной потому, что «Сункён» всего лишь несколько месяцев назад учредила свое представительство в Москве и, как говорится, делает только первые шаги на советском рынке. Поэтому хотелось узнать о первых, свежих впечатлениях зарубежного бизнесмена.

Корр.: Не знаю, может быть, я ошибаюсь, но, видимо, пока рано говорить о

каких-либо итогах деятельности Вашей корпорации в СССР. Видимо, можно говорить лишь о первых шагах. Каковы они?

Ответ: Вы правы — о результатах говорить, действительно, сейчас еще рановато. Ведь только в июле 1990 года мы получили разрешение на аккредитацию. Первым делом попытались решить проблему с помещением для офиса. Это оказалось весьма непростым делом, и мы рады, что руководство ИМЭМО заключило с нами контракт, предоставив часть помещения института для представительства.

В настоящее время задачей номер один является изучение специфики советского рынка. Без этого, как Вы понимаете, трудно вести бизнес в любой стране, и тем более в Вашей, которая имеет иную, чем Республика Корея, политическую систему и находится на стадии грандиозных преобразований во всех областях, в том числе и в экономике.

Корр.: Насколько успешно Вам удастся решать эту первоочередную задачу?

Ответ: Вы знаете, к сожалению, даже в этом вопросе мы сталкиваемся с трудностями. Откровенно говоря, хотя в Москве много источников информации, но они мало пригодны для того, чтобы удовлетворить интересы иностранных бизнесменов. Я имею в виду отсутствие в СССР такого справочного материала, в котором были бы сосредоточены в концентрированном виде сведения о том, что предпочтительнее продавать в СССР или что можно здесь закупать. Кроме того, лишь небольшое количество советских учреждений и организаций при ведении переговоров могут предоставить зарубежным партнерам рекламные проспекты, в которых в необходимых для бизнесменов пределах сообщалось бы о их структуре, истории создания, характере деятельности и т. д.

В изучении советского рынка нам могли бы помочь интерпринёры из числа советских специалистов в вопросах бизнеса. Но, к сожалению, этот институт пока не получил в Вашей стране широкого развития. Без интерпринёров, хорошо знающих законы бизнеса и реалии своей страны, в данном случае СССР, нам приходится тяжело на первых порах. Мы готовы в интересах дела подобрать среди советских людей лиц, которые по объективным данным могут впоследствии стать опытными интерпринёрами, и провести их соответствующую подготовку и обучение в нашей корпорации. Этой проблемой мы занимаемся в настоящее время.

Корр.: Как Вам видятся перспективы сотрудничества с советскими партнерами?

Ответ: Наша корпорация работает главным образом в области нефтехимии и в отраслях, производящих различные химические продукты. С учетом такой ориентации у нас имеется большой интерес к долгосрочному сотрудничеству с СССР. В какой форме и какими темпами оно будет осуществляться, покажет время. Думаю, что развитие торговли и создание совместных предприятий будет отвечать нашим интересам, как, разумеется, и вашим. Сейчас пока имеются определенные сложности в ускоренном расширении сфер нашего сотрудничества. Так, торговлю сдерживают имеющиеся у вас проблемы с оплатой получаемых товаров. Что же касается совместных предприятий, то здесь ситуация более сложная, чем в торговле. Дело в том, что в СССР пока не существует утвердившейся на Западе системы менеджмента. Я имею в виду такой порядок, при котором рабочие и предприниматели были бы связаны системой отношений, позволяющих без вмешательства государства стимулировать труд и осуществлять другие меры по бесперебойному и прибыльному функционированию производства в условиях конкуренции.

* * *

Редакция журнала благодарит южнокорейских бизнесменов, любезно согласившихся в рамках «Бизнес-клуба» высказать свои позиции о деловых отношениях в нашей стране. Надеемся, что продолжение дискуссий в нашем «Бизнес-клубе» может принести пользу как советским, так и иностранным бизнесменам, поскольку опыт и мнение одного партнера может помочь другому избежать ошибок и легче преодолеть возникающие проблемы. Приглашаем всех желающих в наш клуб. Ждем ваших откликов, мнений, предложений, критики и советов!

Интервьюировал С. Кудасов

Компромисс интересов — путь к успеху

14 июля 1990 г. Верховный Совет РСФСР принял постановление «О создании зон свободного предпринимательства». В соответствии с постановлением такие зоны будут созданы в Ленинграде, Выборге, Приморском крае, Калининградской, Сахалинской и Читинской областях. В сентябре 1990 г. Верховный Совет РСФСР постановил принять предложения Советов народных депутатов Алтайского края, Кемеровской и Новгородской областей, Еврейской автономной области и г. Зеленограда (Москва) об объявлении их зонами свободного предпринимательства. Совету Министров РСФСР поручено совместно с Советами народных депутатов данных территорий разработать проект постановления о правовом статусе этих зон для утверждения на Верховном Совете России. Готовятся и постановления о порядке деятельности предприятий и организаций на территории зон свободного предпринимательства, о налоговом режиме, методах регулирования там трудовых отношений.

Часть регионов уже близка к завершению разработки концепции зоны, в других такая работа еще только начинается. Интересной представляется ситуация, складывающаяся в Зеленограде. О проблемах создания зоны свободного предпринимательства в городе, имеющем большие шансы добиться успеха за счет опоры на высокотехнологичные производства, рассказывает А. Н. Куликов, заместитель председателя коммерческого банка «Технополис», действующего в Зеленограде. С ним беседует кандидат экономических наук Е. Р. Богатова.

Е. Р. Богатова: На осенней (1990 г.) сессии Верховного Совета РСФСР было принято постановление об объявлении Зеленограда свободной экономической зоной. Как я знаю, этому предшествовала непростая борьба. Пожалуйста, несколько слов о предыстории.

А. Н. Куликов: Зеленоград — уникальное явление в нашем технологическом, экономическом механизме. Это связано в первую очередь с тем, что все его производства завязаны на единую отрасль — микроэлектронную промышленность. Весь Зеленоград первоначально представлял собой одно предприятие, которое потом делилось в рамках одной отрасли на различные подотрасли, подфункции. Традиционно Зеленоград был любимым детищем не только своего министерства, но и Совета Министров, ЦК КПСС. Ему создавались льготные условия, прежде всего за счет направления туда наиболее квалифицированных кадров, решения социальных проблем.

Это была, пожалуй, вторая после Новосибирска попытка реализовать идею технологических прорывов, когда в единое русло соединены и идея технологического прорыва в какой-то отдельно взятой отрасли, и идея социального развития региона. Сейчас Зеленоград — это примерно 800—900 тыс. жителей, 6 крупнейших предприятий, ориентированных на все подотрасли микроэлектроники и соответственно весь комплекс социальных, городских служб, структур, которые предусмотрены для любого города-спутника, кровно связанного со столичным регионом. Отсюда и плюсы и минусы города. В силу своей замкнутости и закрытости в течение длительного времени он несколько «диковат» с точки зрения деловой инфраструктуры, «качества» населения.

В связи с этим — серьезные противоречия Зеленограда: с одной стороны, лучший в стране потенциал, технологическая структура, действительно передовая для нашей страны, с другой — полная оторванность этих структур от действенных внешнеэкономических контактов, отсутствие элементарной системы коммуникаций, опыта деловых переговоров, то есть всей необходимой деловой инфраструктуры. В мире между технологическим уровнем и деловой инфраструктурой обычно существует соответствие, складываются определенные соотношения. Здесь же полный отрыв.

Когда около 2,5 лет назад возникла идея выхода во внешнеэкономическую сферу, в первую очередь она «шла» от технологии. У нас обычно реформа внешнеэкономических связей идет от идеи совершенствования оборота, структуры внешней торговли. Здесь же исходили из того, что передовой технологический потенциал нужно использовать и во внешнеэкономической сфере. Долгое время это было катего-

рически запрещено, потом, после постановления Совета Министров СССР от 1988 г., нам сказали: идите и пробуйте. На внешний рынок вышли сначала отдельные НИИ и заводы, как правило, случайно. Никакого содействия Министерства внешнеэкономических связей, собственного министерства практически не было.

В результате даже разовых контактов выяснилось, что некоторые элементы технологического производства представляются интерес, и немалый, для зарубежных фирм. Например, оказалось, что оригинальная логика российского мышления в создании компьютерных игр интересна японцам и позволяет нашим программистам создавать такие игры, каких у них нет.

Вначале был осуществлен, таким образом, разовый прорыв даже не в отраслях, а по отдельным видам товарной номенклатуры. Проданные товары пошли главным образом в двух направлениях — в Японию и США. Там существуют сейчас достаточно серьезные позиции у отдельных зеленоградских юридических лиц по фиксированным поставкам фиксированных категорий товаров. После того как этот этап был закончен и разовые сделки переросли какие-то разумные пределы, встал вопрос о том, что вся внешнеэкономическая деятельность Зеленограда должна приобрести концептуальные формы. Надо было как-то совместить ее с развитием отрасли, с развитием социальной сферы и вообще сделать так, чтобы Зеленоград, кроме того, что он технологический город, стал бы еще и городом цивилизованным. Туда начали приезжать иностранные делегации, поступали серьезные предложения о развитии сотрудничества. Тогда и возникла идея технополиса.

Е. Б.: Где, на каких этажах управления?

А. К.: Эта идея возникла в конце 1988 г. как авторская разработка группы энтузиастов без какой-либо поддержки и санкций сверху. Представители двух заводов объединились в самостоятельную, своего рода венчурную группу, отделившись от своих прежних юридических хозяев, и с помощью представителей науки начали разработку идеи технополиса как зоны развития высоких технологий. В структуре этой концепции были следующие идеи.

Первое. В Зеленограде создан сильный научно-технический потенциал, и опыт первых контактов с зарубежными партнерами показал, что часть этого потенциала вполне конкурентоспособна на внешнем рынке. В основе этого феномена то обстоятельство, что в ряде областей мы сильны, как это ни парадоксально, своей технологической слабостью. Мы, например, отстаем в области электронно-вычислительной техники — на полвека, по крайней мере, но математическая школа у нас традиционно сильна, и наши программисты вынуждены реализовать высокую фундаментальную подготовку на низкой технологической базе. В результате сложилась сильная школа математического обеспечения микроэлектроники, и это сейчас является основным полем заинтересованности зарубежных партнеров и формирует основной товар для продажи на западных и восточных рынках.

Другой пример «преимуществ отсталости»: отстав на порядок, мы остались, по сути, единственной страной в мире, которая на промышленной основе продолжает производить ламповую продукцию (для приемников, ЭВМ и т. п.). Лет 10—12 назад в развитых странах целиком и полностью перешли на микропроцессоры, отказавшись от использования ламп. Ныне же, производя новые поколения электронно-вычислительных машин, они вынуждены вновь вернуться к ламповому производству, так как использование ламп оказывается более «технологически чистым». А мы — монополисты в их производстве, причем основное производство ламп сосредоточено в Зеленограде.

Второе. Условия функционирования производства в стране сейчас не позволяют выйти на серьезный контакт с Западом. Так или иначе все постановления по реформе внешнеэкономической сферы одними положениями открывают возможности связей, а другими блокируют их. С этим противоречием сталкивается любой, кто выходит на внешний рынок. Приходится искать новые ходы и пути. Идея технополиса, по сути, и возникла как ответная реакция на несовершенство организационной структуры наших внешнеэкономических связей, явилась попыткой соединить технологический уровень и потенциал отрасли, города с условиями предпринимательства на свободном западном рынке.

Основное организационное содержание идеи технополиса — это предоставление высоким технологиям льготных условий для выхода на западный рынок. Льготный

ОТДЕЛЕНИЕ

НИИ ИИ СОС

выход (лицензирование и т. п.), льготные налоговые и финансовые условия, льготные условия для развития социальной сферы — те основные элементы, которые были включены в проект постановления Совета Министров СССР «О создании в г. Зеленограде технополиса — зоны развития высоких технологий». Как только эта идея возникла и начала практически оформляться, она вызвала жесточайшее сопротивление, в первую очередь со стороны Министерства электронной промышленности. Министерство чутко уловило, что если идея будет реализована, то регион приобретет самостоятельное и экономическое, и государственное значение и из-под контроля выйдет.

Естественно, в идее технополиса подспудно, помимо технологического прорыва, была заложена и чисто утилитарная цель — выйти из-под власти министерства, ибо последнее с определенного времени стало тормозом развития. В результате вначале как альтернатива, а затем, параллельно с развитием активности России, все более настойчиво стала высказываться идея свободной экономической зоны. По сути, это было отходом от первоначальной мысли о создании льгот для высоких технологий, приземлением этой идеи до уровня обыкновенного встраивания в общую логику реформы внешнеэкономических связей.

Е. Б.: Как выглядит концепция зеленоградской зоны на фоне идей создания других зон?

А. К.: Между зеленоградской свободной экономической зоной и другими объявленными в СССР зонами существуют серьезные отличия. По сути, сейчас есть разные ориентации зон. Первые — приграничные, на базе устоявшихся связей (Выборг, Находка); вторые — зоны сырьевой направленности. Среди них Зеленоград как белая ворона. Это внутренняя территория, не имеющая устоявшихся внешних связей, не располагающая сырьевым потенциалом. Это единственная свободная зона, которая будет опираться на свой научно-производственный потенциал.

На сегодняшний день в рамках подготовки к открытию свободной экономической зоны существует программа подготовительного этапа. Главная задача — создать деловую инфраструктуру, которая сейчас отсутствует почти полностью. Я, например, с ужасом представляю, что завтра объявят эту свободную зону и иностранцы ринутся сюда. Беда в том, что город строился в 60-е годы, он устарел. Правда, у него есть существенное преимущество — относительно хорошие экологические условия. Сейчас же город явно перенаселен. «Лишних» около 200 тыс. человек, если исходить из планового норматива заселенности. Принимать же делегации просто нелегко: в городе одна гостиница. Я говорю это не для сгущения красок, а для того, чтобы подчеркнуть: это общие для всех регионов особенности, в это упрутся многие противоречия и трудности открытия нашей экономики для внешнего рынка.

Е. Б.: Но, наверное, в самой идее развертывания свободной экономической зоны заложено предположение, что иностранные предприниматели возьмутся за решение этих проблем?

А. К.: Это, на мой взгляд, заблуждение. Никогда так иностранные предприниматели не делают. Так, правда, было в Китае, но когда мы примеряем к себе китайский феномен, мы часто забываем, что там первоначальный толчок развитию инфраструктуры делался на базе капиталов зарубежных китайцев. У нас таких национальных капиталов, готовых вернуться назад, по сути, нет. А надеяться на то, что иностранные предприниматели начнут вкладывать средства в капитальное строительство и инфраструктуру — это, на мой взгляд, очень большая ошибка. Нужны огромные капиталовложения, которые могут дать вероятную отдачу через длительный промежуток времени.

Е. Б.: Каков же выход?

А. К.: Во-первых, один из серьезных выходов — развитие связей с Южной Кореей. Закладываемые в нашей стране проекты в основном ориентируются на американцев и японцев. Они же, как показывает опыт, к таким капиталовложениям не готовы и идти на них не хотят. Корейцы, как представляется, не так избалованы и имеют несколько иную психологию предпринимательства.

Привлекая капиталы в наши свободные зоны надо, по-видимому, ориентироваться не на самые верхние эшелоны развитых стран, как это у нас делается, а на средние или приближающиеся к ним.

Е. Б.: То есть получается, что как Южная Корея в свое время искала нишу для развития

в Японии и Америке, так и мы должны искать пути тесных связей с новыми индустриальными странами и со странами «второго эшелона» развитого мира?

А. К.: Пожалуй, да. Надо иметь в виду и другое. Если рассмотреть все существующие совместные предприятия, то видна следующая картина. Около 30 % их создано на базе родственных контактов с эмиграцией, 40 % оставшихся — это те, кто с помощью организации СП пытается выйти из привычных структур управления. Только 5—6 % — это действительно совместное предпринимательство. Но и с ним не все так просто. В первую очередь к нам идут фирмы, желающие с нашей помощью поправить свои дела. Ведь вот что любопытно. И в нашей прессе, и в выступлениях политиков рельефно звучит мысль об экономической помощи Советскому Союзу, т. е. ожидается, что придут иностранцы и окажут эту помощь. Когда сидишь на переговорах рядом с представителями нашего истеблишмента (государственных органов советской власти), то эта идея даже начинает выходить на первый план. Не знаю, чем это вызвано — может быть, они так уверены, что зарубежные предприниматели должны любой ценой поддерживать нашу перестройку? На мой взгляд, иностранцам такая позиция кажется крайне странной, многие хотя и помалкивают, по-видимому из деликатности, но начинают нас считать ненормальными. Они предлагают вполне конкретные проекты и первыми приходят наиболее оборотистые люди, ищущие сверхприбыли на отдельно взятом прорывном участке. Много и таких, которые приехали в Советский Союз исключительно из-за того, что их финансовое и деловое положение в собственных странах оказывается затруднительным. Так что я воздержался бы от эйфории первых контактов, особенно с самыми развитыми странами.

Е. Б.: Расскажите, пожалуйста, каковы ваши впечатления от первых контактов с Южной Кореей?

А. К.: Первые серьезные контакты, которые были у нас с южнокорейскими фирмами, — это контакты с корпорацией «Дэву». Проблем много. Первое, с чем мы столкнулись на начальных этапах, — это такая степень бюрократизации связей южнокорейского делового мира с СССР, которую даже у нас сейчас представить трудно.

Е. Б.: Контакты по разрешению?

А. К.: Да, именно так. Предприниматели должны согласовывать практически каждый свой шаг.

Второй момент трудностей. Мы дали предложения по контактам, но их не передали по назначению. По какой причине — сказать трудно. Только после выезда в Южную Корею нашего представителя дело сдвинулось с мертвой точки.

Это трудности контактов. Но есть и более глубокие проблемы. Насколько я понимаю, южнокорейские корпорации определили для себя три зоны приоритетов: Дальний Восток, Ленинградский экономический район с Выборгом, Москва — только на третьем месте, причем она у предпринимателей ассоциируется с Зеленоградом.

Первые, на кого южнокорейские предприниматели натолкнулись в Зеленограде, были министерские структуры, которые произвели на них впечатление размером, солидностью людей, богатством зданий, нерациональной роскошью. И примерно полгода ушло на то, чтобы сформировалось понимание: с этими структурами работать нельзя. И для нас, и для южнокорейской стороны это был очень болезненный процесс.

По-видимому, у корейцев существует четкое представление об иерархии и определенное преклонение перед ней. Если перед ними министерские работники и «свободные предприниматели», они отдают предпочтение министерским деятелям.

Е. Б.: Не совсем понимая, наверное, что министерства в советском варианте во многом уже отживающие структуры?

А. К.: Да. И лишь недавно корейцы стали менять позицию, причем, как это ни парадоксально, именно благодаря тому, что сами министерские работники разъясняют им: «С министерством дело иметь не стоит». Начинается переориентация южнокорейских деловых людей на муниципальные структуры, независимые предприятия.

Е. Б.: Какие условия ставят южнокорейские предприниматели при обсуждении возможных взаимных контактов?

А. К.: Применительно к Зеленограду (не к Выборгу, не к Находке) — это, во-первых, предоставление земли (в неограниченных размерах), во-вторых, фиксированный сбыт своих товаров и только затем — вопрос о технологическом сотрудничестве, совместном предпринимательстве. Причем до третьего пункта дело доходит лишь при условии

согласования первых двух. Советская же сторона начинает с другого конца, ибо и первое и второе условие крайне трудно реализовать.

У нас нет понятия собственности на землю и не урегулирован вопрос о сдаче в аренду земельных участков. Что касается фиксированного сбыта товаров, то здесь тоже есть свои проблемы. Насколько я понимаю, большинство южнокорейских корпораций очень диверсифицированы по горизонтали и охватывают номенклатуру от простых товаров до самых сложных. И первое, что они хотят, — это гарантировать сбыт товаров «нижнего» технологического уровня, обеспечив на этом прибыль, и уже затем вкладывать полученные средства в более высокие технологии с участием советских партнеров.

Е. Б.: Другими словами, речь идет о своего рода первоначальном накоплении капитала за счет самого советского рынка. Но неужели это нам, с нашим пустым, дефицитным рынком не интересно?

А. К.: Нам, конечно, это было бы очень интересно, но у нас отсутствуют для этого экономические условия. Чем мы будем расплачиваться: или отдадим свои рубли, или же будем конвертировать полученную фирмами выручку в твердую валюту. Все это похоже на кошку, которая бегает за своим хвостом. Без продажи невозможны вложения в технологические производства, а только при таких вложениях мы можем обеспечить что-то, что даст возможность конвертируемости.

Прорвать этот замкнутый круг удается с большим трудом. К примеру, пытаюсь решить поставленный корпорацией вопрос о земле (они хотели бы получить землю под индивидуальную застройку, деловой центр, технопарк, т. е. готовы осваивать любые виды земли, вплоть до dna какого-либо болота или озера), мы прошли все инстанции — местный Совет, Моссовет, Верховный Совет России. Этот вопрос не решается, пока не сдвинется дело на самом верху, пока не будет принята новая система земельной собственности и действительно произойдет разделение полномочий между центром и местными органами.

Что касается фиксированных объемов продажи южнокорейских товаров, то здесь мы сталкиваемся с особенностями нашей торговли. Во-первых, нужен статус свободной экономической зоны. В современных условиях привлечь товары большими партиями ни для кого — ни для торговых организаций, ни для муниципалитетов, ни даже для конкретных фирм, которые выступают посредниками, — не выгодно. Очень высоки таможенные пошлины на ввоз потребительских товаров, и очень высоки налоги на прибыль от реализации. При любых условиях поставок советский заказчик теряет. Единственное, что дает прибыль, — это те виды товаров, которые можно реализовать по сверхвысоким ценам. На советском рынке сейчас это компьютеры. Даже при том, что в последнее время наметилось некоторое снижение цен, они все-таки так высоки, что позволяют даже с учетом больших пошлин и налогов извлекать прибыль из реализации.

Из своей практики скажу: мы не нашли фактически ни одного прибыльного товара из номенклатуры потребительской продукции. Выход только в снижении налогов, таможенных пошлин, что возможно при статусе свободной экономической зоны.

По-видимому же, государство, даже после создания условий свободной экономической зоны, на послабления в сфере потребительских товаров не пойдет.

Е. Б.: Вам не кажется, что это какая-то странная политика — при нашем-то всеобщем дефиците на потребительском рынке?

А. К.: Очень странная. Но реальность такова, что будут предоставлены льготные условия для ввоза технологий, стройматериалов, того, что называется основными производственными фондами, а из поставок товаров народного потребления государство будет пытаться выкачивать дополнительные доходы.

Е. Б.: А в готовящемся законе об иностранных инвестициях нет изменений по сравнению с этим традиционным подходом?

А. К.: Видите ли, все документы об иностранных инвестициях, о свободных экономических зонах по-прежнему ориентируются на создание льготных условий для капиталовложений в нашу экономику, а политика в сфере товаров народного потребления остается пока неизменной. Пугает переход денежных средств в руки иностранных поставщиков — достаточно будет дня, чтобы они скупили страну на корню. Тем более, при вводимом сейчас разрешении на участие иностранного капитала в советских акционерных обществах при условии рублевого взноса.

Мы сейчас делаем все для того, чтобы убедить корейцев, что можно начать с сотрудничества в области технологии, совместных проектов.

Интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла МНР Н. Мишигдоржа корреспонденту журнала «Проблемы Дальнего Востока»

Товарищ посол, прошло несколько месяцев с тех пор, как Вы приехали в нашу страну в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла МНР. Каковы Ваши впечатления о процессе перестройки в Советском Союзе?

— Мне выпала высокая честь представлять свою страну в Советском Союзе. Если учесть переломный характер развития наших стран, необходимость дальнейшего совершенствования монголо-советских отношений в соответствии с сегодняшними реалиями, то быть послом в такой момент — это большая ответственность.

За процессом перестройки в Советском Союзе пристально следят во всем мире, в том числе в соседней с вами Монголии, и не случайно люди связывают положительные перемены в мире с политикой нового мышления и советской перестройкой, возлагают на нее надежды. Монгольский народ, правительство приветствуют и полностью поддерживают перестройку в вашей стране.

Естественно, путь перестройки не может быть прямым и гладким. Бесспорно, вами достигнуты большие успехи в развитии демократии и гласности, в критике былых ошибок, в переосмыслении исторического прошлого, предпринимаются попытки преобразовать экономику страны. Вместе с тем наблюдаются негативные моменты, осложняющие многогранный процесс перестройки. Но, я думаю, это временные трудности, присущие новому прогрессивному явлению общественного развития. И я уверен, что многонациональный советский народ осуществит начатое им дело перестройки.

Вы могли бы, товарищ посол, остановиться на процессе демократизации монгольского общества?

— Перестройка в Советском Союзе и в Монголии преследует одну и ту же цель — строительство гуманного демократического общества. Но это не означает, что нет различий в тактических подходах к решению тех или иных задач перестройки в СССР и МНР.

Мы исходим из того, что при общности конечных целей каждая страна должна учитывать свою специфику, свои исторические традиции, уровень и возможности социально-экономического развития. В основе процесса перестройки в МНР лежали как внутренние факторы развития страны, так и внешние. Вместе с тем перестройка у нас не является механическим копированием всего готового у Советского Союза, как это имело место раньше, а представляет собой процесс переустройства общественной жизни, который требует собственного подхода и неординарного решения тех или иных проблем, стоящих перед МНР.

Курс обновления общества был выработан XIX съездом МНРП (1986 г.). На первых порах основное внимание было уделено совершенствованию хозяйственного механизма и обновлению системы экономических отношений. Однако итоги работы показали, что нельзя достичь успехов на этом фронте, не осуществляя реформу политической системы. На основе такого вывода 5-й пленум ЦК МНРП (1988 г.) выработал основные направления обновления экономической и политической системы, социальной и духовной жизни общества. Эти и другие важнейшие решения осуществлялись непоследовательно и не давали ощутимых результатов. Главным тормозом дальнейшего продвижения страны по пути перестройки оставалась по-прежнему командно-административная система.

Процесс перестройки пробуксовывал, что усугубляло внутривнутриполитическую обстановку. Она приобретала еще большую остроту на фоне крутых, порой драматических событий в странах Восточной Европы. В конце 1989 г. в стране появились первые неформальные организации, выступившие за ускорение коренной перестройки всего общества. Они выступали за отставку руководства ЦК МНРП и правительства, за установление многопартийной системы, проведение досрочных выборов в Великий народный хурал (ВНХ) и пр. Использование экстремистских, порой нетрадиционных для монголов методов политической борьбы не раз создавало критические моменты.

Однако возобладали дух реализма, дух согласия и конструктивного сотрудничества между политическими силами, за что высказалась МНРП на своем чрезвычайном съезде, состоявшемся в апреле 1990 г. Взятый на нем курс вывода страны из кризиса сыграл важную роль в деле консолидации общества и углубления перестройки.

И хотя с тех пор прошло сравнительно небольшое время, в нашем обществе произошли важные изменения. В частности, законодательно учреждены институт президентства и парламентская система, принят закон о политических партиях, закрепивший многопартийную систему, проведены первые демократические выборы в народные хуралы всех ступеней, избраны первый президент страны, вице-президент, члены Малого государственного хурала (МГХ) — постоянно действующего парламента, создано новое правительство из представителей основных политических партий. Ныне в Монголии действуют 9 политических партий, 6 из которых официально зарегистрированы, появились десятки неформальных общественных организаций.

Новая политическая структура имеет свои особенности. Президент страны наделен соответствующими полномочиями (он не является депутатом ВНХ). У нас глава государства больше не выступает одновременно в роли лидера политической партии. Вице-президент возглавляет постоянно действующий парламент. Согласно новой избирательной системе избиратели отдали свои голоса не только за кандидатов в депутаты, но и за ту или иную политическую партию, и они занимают места в МГХ в соответствии с полученными голосами избирателей. Кроме того, четверть членов МГХ составляют недепутаты. Это положение установлено с учетом того, что если политические партии не получают голосов избирателей, то их представители могут участвовать в постоянно действующем парламенте. Надо отметить, что итоги выборов показали необходимость дальнейшего совершенствования избирательной системы.

Сложившаяся политическая структура дает нам возможность и дальше развивать демократию и укреплять заложенные фундаменты правового государства. Прошло время, когда каждый из нас выступал с позиции своей колокольни. Теперь все политические партии и организации несут перед народом общую ответственность, которая заключается в том, чтобы обеспечить стабильное развитие страны, национальное согласие и поддержание дружественных отношений с народами мира.

Как нам кажется, в МНР процесс демократизации идет довольно быстро, а политическая обстановка, в общем, стабильна. Считаете ли Вы это «миром» на длительную перспективу или «перемирием»?

— Углубляющийся в стране демократический процесс создает благоприятные внутренние условия для решения существующих проблем. Теперь необходимо совершенствовать правовые основы установившейся политической структуры. Такая работа уже начата. Разрабатываются новая конституция и другие основополагающие законодательные акты.

С другой стороны, не может быть и речи о политической стабильности, если не будут предприняты безотлагательные меры оздоровления экономики, не будут решены накопившиеся годами социальные проблемы. Развернувшийся демократический процесс надо подкрепить материальными гарантиями, углублением экономической реформы, улучшением жизненного уровня народа, что является необходимым условием обеспечения общественного спокойствия.

С чем связано то, что экономическая реформа в Монголии отстает от политической?

— Я уже упомянул, что обновление общества началось в Монголии в сфере экономики. Принятые в этой области меры послужили основой для отказа от административно-бюрократического засилья. Они способствовали развитию самостоя-

тельности и предпринимательства, положили начало кооперативному движению, предоставили гражданам право заниматься индивидуальной трудовой деятельностью. Однако эти меры не носили комплексного всеохватывающего характера и, следовательно, не привели к улучшению и стабилизации экономической жизни страны.

При этом следует вновь отметить органическую связь между политической и экономической реформами. В этом направлении предпринимаются первые шаги. Реализуется открытая экономическая политика. Страна взяла курс на переход к рыночной экономике, разрабатывается его концепция. Одним из основных условий перехода на рыночную экономику является развитие различных форм собственности, разгосударствление собственности, расширение подрядно-арендных и акционерных отношений, создание специализированных банков и т. д.

Хотя каждая политическая партия имеет свой подход к экономической реформе, в целом их программные установки совпадают. Все они выступают за многообразие форм собственности, за рыночные отношения в экономике. Теперь нам необходимо максимально использовать внутренние ресурсы, приложить собственные усилия и активно развивать международное сотрудничество для того, чтобы широко развернуть хозяйственную реформу.

Благодаря процессу демократизации общества возрождаются исторические традиции и национальное самосознание монгольского народа. Об этом свидетельствует, в частности, восстановление старой монгольской письменности, различных ритуалов и обычаев, пересмотр роли Чингисхана в истории. Наряду с этими тенденциями наблюдаются и негативные с точки зрения интересов советско-монгольских отношений моменты. К примеру, звучат выпады антисоветского характера со стороны представителей некоторых политических кругов. Чем это можно объяснить?

— Действительно, перестройка дала сильный толчок подъему национального самосознания монгольского народа, возрождению его многовековых традиций. Такой процесс был неизбежен. Ведь копирование европейского образа жизни привело к забвению национальных традиций. Следствием введения кириллицы, помимо положительного, стало незнание старой письменности целым поколением, которое теперь начинает заново учиться родной азбуке.

Мы с Вами достаточно откровенно говорим о тех ошибках и просчетах, которые допускались в монголо-советских отношениях в прошлые годы. Они возникли прежде всего в результате сталинских репрессий 30-х и 40-х годов и недальновидной политики прежних руководителей. Об этом часто пишут в прессе.

Интеграция и кооперирование в рамках СЭВ, политика всемерного сближения стран «социалистического содружества» под флагом интернационального единения привели к монополизму в сфере производства и законсервировали сырьевую направленность экономики МНР, способствовали отстранению ее от мирохозяйственных связей. В итоге сложилось неблагоприятное положение в народном хозяйстве страны, неспособном обеспечивать заметное повышение жизненного уровня народа, что отрицательно сказалось на формировании общественного мнения.

Критические, но конструктивные высказывания по проблемам совершенствования монголо-советского сотрудничества не принимались во внимание прежним монгольским руководством. Авторы этих выступлений преследовались, лишались работы под предлогом проявления национализма и антисоветизма.

Кроме того, недопонимание сути плюрализма, свободы слова, желание крикнуть погромче — все это имеет место. Что поделаешь, от запретов во всем у людей образовалась и такая потребность.

Эти и другие факторы обусловили, как Вы сказали, появление выпадов антисоветского характера со стороны отдельных людей. Однако у нас в Монголии нет такого яркого антисоветизма, истеричных выкриков в адрес Советского Союза, какие уже наблюдаются в восточноевропейских странах и даже в некоторых союзных республиках Советского Союза.

Следует подчеркнуть, что не это негативное явление определяет наши отношения, а обоюдное стремление к дальнейшему развитию монголо-советской традиционной дружбы и всестороннего сотрудничества.

В наших странах стали откровенно говорить о существующих проблемах монголо-советского экономического сотрудничества. Каковы главные из них, есть ли пути их решения?

— Советский Союз — наш основной партнер торгово-экономического сотрудничества. Сегодня предприятия, построенные при технико-экономическом содействии Советского Союза, производят половину национального дохода и более 50 % валовой продукции промышленности страны, этот список можно продолжить. Реальные плоды монголо-советского сотрудничества налицо.

Тем не менее сотрудничество не было лишено недостатков. У нас, да, видимо, не только у нас, бытовала психология, что в «подлинно образцовых отношениях» между социалистическими странами нет и не может быть проблем, и возникавшие «мелкие» вопросы то решались в духе «нерушимой дружбы и интернационализма», то откладывались на неопределенный срок. Все, что делалось в Советском Союзе, считалось абсолютной истиной, мы следовали его опыту везде и во всем, и это нам дорого обошлось. Возьмите такой пример: у Советского Союза, поистине мировой державы, и у крошечной Монголии — были совершенно идентичные структуры управления. Тем не менее, говоря об этом, я далек от мысли связывать все наши беды и неудачи с дружбой и сотрудничеством с Советским Союзом, как это теперь пытаются делать в некоторых других странах.

Благодаря демократизации и гласности прежние стереотипы в наших отношениях начинают сменяться равноправным партнерским взаимодействием, полностью учитывая коренные интересы и специфику, взаимовыгодность сторон.

Одной из главных проблем торгово-экономического сотрудничества двух стран является совершенствование механизма ценообразования. Действующий механизм ценообразования на протяжении многих лет оказывал отрицательное влияние на баланс внешней торговли страны, а также на подъем ее экономики. Рост внешнеторговых цен на готовые изделия, в первую очередь на машины и оборудование, транспортные средства и запасные части к ним, импортируемые из Советского Союза, значительно опережает рост цен на сырьевые товары сельскохозяйственного происхождения и горнорудной промышленности, экспортируемые из МНР в СССР. Например, за 1976-1986 гг. цены на товары, поставляемые из СССР в МНР, увеличились в 1,8 раза, а на монгольский экспорт — только на 36 %.

Кроме того, в последние годы увеличивается стоимость объектов, строящихся в Монголии при технико-экономическом содействии СССР, что в свою очередь привело к резкому удорожанию стоимости основных фондов, росту себестоимости продукции отраслей народного хозяйства страны. Так, за последние 15 лет фондоотдача народного хозяйства снизилась на 40 %.

Вследствие указанных обстоятельств, несмотря на непрерывный рост объема экспорта МНР, удельный вес его в общем товарообороте с Советским Союзом снижается из года в год, следовательно, увеличивается объем кредитных средств на сбалансирование товарооборота.

Учитывая сложившуюся ситуацию, центральные экономические органы начиная с 1988 г. проводят поэтапные переговоры по вопросу совершенствования механизма ценообразования в торгово-экономическом сотрудничестве между МНР и СССР, обмениваются мнениями по данному вопросу.

Мне представляется, что в основу механизма ценообразования должны быть заложены принципы, обеспечивающие сбалансированность внешнеторгового товарооборота МНР с учетом, конечно, интересов Советского Союза. Мы надеемся, что переход с начала 1991 г. на взаимные расчеты в конвертируемой валюте на основе мировых цен будет содействовать решению многих проблем, существующих в торгово-экономическом сотрудничестве двух стран.

Что касается задолженности по долгосрочным кредитам, то она у нас довольно значительная. Как было отмечено, доход от экспорта не покрывает валютные затраты импорта. К тому же фонды потребления и накопления не обеспечивают социально-экономические потребности, экономический рост страны. Принимая во внимание нынешнюю ситуацию и обращение монгольской стороны, Советский Союз, выступающий за облегчение бремени внешней задолженности развивающихся стран, мог бы, на что мы и надеемся, в одном случае продлевать срок погашения на более поздний срок, в другом — списать ее определенную часть.

В прошлом году во время рабочего визита монгольских руководителей в Советский Союз стороны высказались за совершенствование форм и путей нашего сотрудничества. Что подразумевается под «совершенствованием» и что вы могли бы сказать о перспективах советско-монгольских отношений?

— Состоявшийся в мае прошлого года рабочий визит монгольских руководителей — товарищей П. Очирбата и Г. Очирбата в Советский Союз стал событием особого значения в монголо-советских отношениях. Важность визита заключается в том, что высшие руководители двух стран в откровенной, очень деловой атмосфере обсудили итоги многолетнего сотрудничества между МНР и СССР и политически оценили их сегодняшнее реальное состояние, обменялись мнениями по ряду конкретных проблем двусторонних отношений, о путях их решения. Монголо-советские переговоры на высшем уровне подтвердили обоюдную решимость сторон и впредь совершенствовать это сотрудничество в духе нового времени, с учетом нынешних перемен перестройки, сегодняшних реальностей в Советском Союзе и Монголии.

Под совершенствованием монголо-советского сотрудничества мы понимаем прежде всего необходимость незамедлительного разумного решения годами накопившихся в наших отношениях проблем, очищение его от всего наносного, решительное преодоление деформаций и ошибок прошлого, ликвидацию «белых пятен» в истории монголо-советских отношений. Это также развитие справедливого, взаимовыгодного и равноправного сотрудничества.

Принципиальные договоренности, достигнутые между высшими руководителями МНР и СССР, в целом успешно выполняются. В этом направлении уже предпринимаются конкретные шаги, в частности, на завершающем этапе идет работа по пересмотру договоров и соглашений, ранее заключенных между нашими странами, осуществляется корректировка структуры и механизма экономических отношений в целях повышения их эффективности и социальной направленности. В Монголии с удовлетворением встретили заявление советской стороны о причастности Сталина и его приспешников к репрессиям монголов в Советском Союзе и в самой Монголии в 30-е и 40-е годы, что имеет важное значение для воссоздания полной и правдивой истории монголо-советских отношений. Таким образом, монголо-советские отношения становятся более зрелыми, деловыми, в равной мере учитывающими интересы обеих сторон.

Именно в этом мы видим перспективы монголо-советской дружбы, ее поступательное развитие, необходимость сохранения самого ценного в ней, что унаследовано вот уже 70-летней историей нашей совместной борьбы. Я уверен, что наше общее стремление и активные усилия обеих стран выведут традиционные монголо-советские отношения на новый рубеж в соответствии с достигнутыми принципиальными договоренностями на высшем уровне.

Перемены внутри страны, как правило, отражаются и на состоянии внешних связей. Меняются ли приоритетные задачи внешнеполитического курса МНР? Если да, то в каком направлении?

— Естественно, внутриполитические перемены в любой стране влекут за собой определенные изменения и во внешней политике. Так происходит и у нас. Для успешной реализации внутренних проблем, стоящих перед страной, мы стремимся правильно определить основные приоритетные задачи внешней политики, исходя из национальных интересов.

При этом мы принимаем во внимание такой важный фактор, как геополитический. Особый акцент делается на развитие всестороннего сотрудничества с Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, с другими странами Азии и Тихого океана. И не случайно в своем первом выступлении после избрания на пост президента страны товарищ П. Очирбат подчеркнул особое значение дружественных отношений, справедливого и равноправного сотрудничества с двумя нашими великими соседями.

Другим приоритетным направлением является независимый, основанный на принципах неприсоединения курс во внешней политике. МНР участвует в деятельности движения неприсоединения со статусом наблюдателя и намерена стать его членом. Монголия как развивающаяся страна будет действовать на международной арене в рамках движения неприсоединения в тесном сотрудничестве с другими развивающимися государствами. Наше взаимодействие с ними охватит важнейшие сферы международной жизни, в том числе деятельность по установлению справедливых международных экономических отношений на демократических началах.

Еще одним принципиальным моментом обновления внешнеполитического курса страны является освобождение внешнеполитической деятельности от идеологиза-

ции, стремление нашей страны развивать взаимовыгодное сотрудничество со всеми государствами мира. Объявленная Монголией открытая экономическая политика позволяет развивать экономические и торговые отношения со многими государствами мира. В этих же целях у нас принят закон об иностранных капиталовложениях. Создаются первые совместные предприятия, заключаются межправительственные торговые и другие соглашения по сотрудничеству с этими странами.

Вы упоминали о национальном интересе. В чем Вы видите высший национальный интерес Монголии в сегодняшнем взаимосвязанном и взаимозависимом мире? Ваша личная точка зрения?

— Процветание родины, обеспечение национального единства, укрепление государственного суверенитета и безопасности страны — вот в чем я вижу главный смысл национального интереса. Достижение этих целей предполагает проведение такого внешнеполитического курса, который обеспечил бы благоприятные внешние условия, принес бы максимальную пользу для страны и народа. Однако предпочтение национального интереса не означает пренебрежение интересами других стран. Наоборот, защита национальных интересов одного государства должна осуществляться при уважении интересов других, то есть должен быть обеспечен баланс интересов во имя «созительства» и «соразвития» в сегодняшнем взаимозависимом мире.

Вы отметили, что развитие сотрудничества с СССР и КНР является одним из приоритетных направлений монгольской внешней политики. Могли бы Вы остановиться конкретнее на монголо-китайских отношениях?

— Монголо-китайские отношения имеют древнюю историю, и в своем развитии они прошли извилистый путь. Был в наших отношениях и период отчуждения и конфронтации. Благодаря усилиям обеих сторон отношения между странами теперь полностью нормализованы.

Официальный дружественный визит главы государства МНР товарища П. Очирбата в КНР в мае прошлого года стал важным событием в развитии монголо-китайских отношений на современном этапе. Во время визита руководители Монголии и Китая подтвердили решимость и впредь укреплять и развивать отношения дружбы и сотрудничества двух стран, опираясь на монголо-китайский Договор о дружбе и взаимной помощи (1960 г.), на основе пяти принципов взаимного уважения государственного суверенитета и территориальной целостности, ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, взаимовыгодности и мирного сосуществования.

В духе достигнутых в ходе визита договоренностей успешно развивается наше сотрудничество во всех сферах общественной жизни. Постоянно растет государственная и приграничная торговля. Налаживается экономическое сотрудничество. Расширяются научно-технические и культурные связи. Укрепляется правовая основа наших взаимоотношений.

Мы придаем большое значение нашему сотрудничеству с КНР на международной арене, в первую очередь в АТР.

Опираясь на достигнутый уровень сотрудничества, нам необходимо углублять и обогащать монголо-китайское сотрудничество на базе совместных усилий.

В связи с перспективой развития отношений МНР с СССР, как и с КНР, возникает у меня другой вопрос. Вы говорите об укреплении безопасности страны политическими средствами. В чем суть и какие основные компоненты этой концепции?

— Говоря о концепции укрепления безопасности страны, я бы выделил следующие ее аспекты.

История распорядилась так, что МНР соседствует с СССР и КНР. А соседям подobaет жить в мире и согласии. Этим принципом руководствуется наше государство в отношениях с двумя нашими великими соседями. Как я подчеркнул, всемерное развитие сотрудничества и добрососедских отношений с ними является одним из приоритетных направлений внешнеполитической деятельности МНР. При этом наши отношения с той и другой стороной должны развиваться гармонично, с одной и той же динамикой, что обеспечит высокий уровень доверия и взаимопонимания этих трех стран. В прошлом нарушение этого баланса, ориентация на одну из сторон наносили ущерб интересам МНР, ослабляли, по существу, ее безопасность.

Полная нормализация отношений между МНР и КНР, СССР и КНР, советско-китайские переговоры по укреплению доверия в военной области, общее сокращение вооруженных сил в этих странах, а также в Монголии, объявленный ею безъядер-

ный принцип и курс на неприсоединение — все это углубляет доверие в межгосударственных отношениях, следовательно, укрепляет безопасность нашей страны.

Положение советско-китайского коммюнике 1989 г. о том, что стороны не будут прибегать к силе или угрозе применения силы в отношении друг друга в какой бы то ни было форме, в том числе путем использования территории, территориальных вод и воздушного пространства третьих стран, сопредельных с другой стороной, способствует также обеспечению безопасности МНР.

Стабильность в данном треугольнике Центральной Азии является существенным фактором обеспечения мира и безопасности на Дальнем Востоке и в районе всей Азии. В оздоровлении военно-политического климата в АТР и в развитии широкого регионального сотрудничества мы видим еще одно звено укрепления национальной безопасности страны. В этой связи МНР выступила с рядом мирных инициатив, в частности, она предложила создать переговорный механизм между странами Северной части Азии с участием таких стран, как Канада, Китай, КНДР, Республика Корея, Монголия, Советский Союз, США и Япония. В начале октября 1990 г. в Улан-Баторе состоялась первая международная конференция ученых упомянутых стран кроме КНДР по проблемам сотрудничества. Установление МНР и СССР дипломатических отношений с Республикой Корея, предстоящий визит главы советского государства в Японию, диалог на Корейском полуострове, официальные контакты между КНДР и Японией и другие положительные сдвиги подтверждают, что и в этой части земного шара стал преобладать дух реализма и устраняется наследие «холодной войны».

Другим важным аспектом обеспечения безопасности страны является вопрос о достижении международной гарантии, участниками которой стали бы постоянные члены СБ ООН. Основные положения такой гарантии могли бы быть выработаны с учетом внешнеполитического курса МНР на неприсоединение.

Действуют и внутренние факторы. К ним относятся обеспечение национального единства, то есть согласие и сожителство всех народностей, населяющих территорию Монголии, создание высококоразвитой современной экономики и т. д.

Таковы, на мой взгляд, основные компоненты концепции обеспечения национальной безопасности и суверенитета МНР.

Ваша страна сейчас придерживается политики неприсоединения. Вам не кажется, что в нынешних условиях, когда пришел конец «холодной войне», «блоковой политике», породившим «неприсоединение», такой курс теряет перспективу?

— Ваш вопрос имеет резон, если смотреть на вещи лишь через призму «блоковой политики». А если подходить к проблеме с другой стороны, то, бесспорно, сохраняет свою актуальность курс на неприсоединение. Ведь его возникновение означало не только отказ от участия в противостоящих военно-политических союзах, но и отражало решимость освободившихся народов отстаивать свою государственную независимость путем «активного нейтралитета» — неприсоединения, стремление к свободе выбора пути социально-экономического развития страны. К сожалению, в наше время мы все еще являемся свидетелями того, что не везде и не всегда соблюдается право народов на выбор их собственного пути развития. Существуют и другие животрепещущие глобальные проблемы, в том числе экономические, экологические и др., справедливое решение которых требует объединения усилий неприсоединившихся государств.

А как Вы относитесь к позиции некоторых монгольских политических партий, которые выступают за нейтралитет?

— Членство в движении неприсоединения позволит нашей стране проводить активную международную политику, откроет более широкий простор действиям на мировой арене, чем нейтралитет. Вместе с тем следует отметить, что традиционно нейтральные государства Западной Европы играют активную роль в современных международных отношениях. Они выступают вместе с другими неприсоединившимися странами с единых позиций по многим международным проблемам. Это особенно наглядно проявляется на примере их совместных действий в рамках общеевропейского процесса.

На мой взгляд, в наше время каждое государство должно активно участвовать в решении общечеловеческих проблем. Любой ядерный конфликт, экологические катастрофы и пр. подвергают опасности все государства, независимо от их

политического статуса. В этой связи, мне думается, необходимо обосновать целесообразность проведения страной такого курса в современных условиях.

Монголия, проводя открытую экономическую политику, стремится активно включиться в международное разделение труда и мирохозяйственные связи. В этой связи хотелось бы узнать, как МНР намеревается осуществлять эту политику, какие трудности, по Вашему мнению, могут возникнуть на пути перехода к рыночной экономике?

— Как известно, начиная с этого года наша страна переходит в рамках открытой экономической политики на мировые цены во взаимных расчетах с нашими традиционными партнерами — Советским Союзом и другими странами Восточной Европы.

Закон об иностранных капиталовложениях привлекает должное внимание зарубежных партнеров. Со стороны многих фирм и организаций поступают предложения о сотрудничестве, в том числе о создании совместных предприятий. Заключаются первые соглашения в данном направлении.

Опираясь на собственные сырьевые ресурсы, интеллектуальный потенциал и применяя передовые зарубежные технологии, мы рассчитываем выпускать в будущем конкурентоспособную на мировом рынке продукцию.

Кроме того, Монголия будет вовлечена в международные, в первую очередь региональные, интеграционные процессы. Это — неременное условие становления МНР как полноправного, полноценного партнера на мировой арене.

Для включения страны в международное разделение труда и развитие рыночных отношений нам необходимо иметь развитую систему транспорта и связи. Поэтому наша страна переходит на международные системы связи «Интелсат» и «Азиасат». В прошлом году в Улан-Баторе вступила в строй наземная станция спутниковой связи «Азиасат», что позволило установить прямую связь практически со всеми странами мира.

Переход к рыночной экономике будет нелегким. Наряду с экономическими мерами потребуются большие усилия для психологической подготовки людей к активной деятельности в условиях жесткой конкуренции, свободных цен. Весьма важным является создание механизма защиты от возможного отрицательного влияния рыночной экономики на жизнь трудящихся.

Государственное регулирование рынка будет нацелено на обеспечение стабильного жизненного уровня населения путем установления рациональных налогов, цен, таможенных пошлин.

Одно из основных условий перехода на рыночную экономику — это развитие различных форм собственности. Если мы хотим развивать рыночную экономику, то нам необходимо расширять сферы деятельности частной собственности. В таком случае как решать вопрос разгосударствления собственности для МНР? Каким быть его механизму? Все эти вопросы принципиальные. Нам надо их решить и осуществить свою политику без каких-либо негативных последствий.

Несколько мне известно, Монголия намерена стать членом некоторых международных экономических и валютно-финансовых организаций. Каковы перспективы вхождения в состав, что Вы ожидаете от них?

— МНР вступила в «Группу-77», установила официальные отношения с ЕЭС. В прошлом году наша страна стала членом Азиатского банка развития. Предпринимаются также шаги по вступлению в Международный валютный фонд, Всемирный банк и другие международные финансово-экономические организации.

Мы надеемся, что вопрос о вступлении МНР в эти организации будет решен в ближайшее время. Вступление МНР в эти международные организации откроет широкие перспективы подключения страны к мирохозяйственным связям, будет содействовать ее переходу на путь рыночной экономики. Мы не исключаем возможности получения финансовых кредитов от этих организаций с целью проведения экономической реформы, создания современной высокоэффективной структуры национальной экономики.

Финансовый рынок в КНР

В. ПОРТЯКОВ

Одним из важнейших направлений радикализации экономической реформы в СССР является создание крупномасштабного финансового рынка. С одной стороны, его наличие и полноценное функционирование выступает обязательным условием и важным составным элементом модернизации всей денежно-кредитной системы страны, предпосылкой перестройки механизма финансирования народного хозяйства. С другой стороны, формирование финансового рынка может содействовать решению широкого круга текущих и перспективных общеэкономических задач — связыванию «горячих денег», смягчению ажиотажного покупательского спроса, обретению предприятиями статуса подлинных товаропроизводителей, возвращению деньгам их подлинных функций. Наконец, финансовый рынок, будучи неотъемлемым элементом системы рынка в целом, выступает важнейшим «узлом связи» народного хозяйства страны с мировой экономикой, «окном» в современное мировое хозяйство. Становление финансового рынка в СССР предполагает скрупулезное изучение богатейшего зарубежного опыта. На наш взгляд, особого внимания заслуживает практика Китайской Народной Республики в силу сопоставимости масштабов экономики наших стран, сходства дореформенных хозяйственных механизмов, однотипности решаемой задачи перехода к управляемому рынку.

Развитие финансового рынка в КНР (при относительной непродолжительности — всего 6—7 лет) велось достаточно целенаправленно и последовательно, в опоре на глубокие теоретические исследования проблем социалистического товарного хозяйства и путей перехода от жестко централизованного управления экономикой к использованию и укреплению рычагов рыночного регулирования, а также в тесной увязке с перестройкой денежно-кредитной системы в целом, апробированием гибкой политики учетных ставок, «имплантацией» новых для страны финансовых институтов. По-своему ценно для СССР и ознакомление с немалым кругом проблем и противоречий, которые сопутствуют процессу формирования финансового рынка в КНР.

В Китае взят курс на создание в перспективе полноценного финансового рынка, охватывающего все виды кредитования и иные формы циркуляции ссудных денежных средств и капиталов. Такой рынок должен обладать рядом вполне определенных качественных характеристик, среди которых — товарный характер средств, самокупаемость кредитно-денежных институтов, ориентация циркуляции капиталов на получение прибыли, свобода формирования спроса и предложения на капитал и колебания процентной ставки на ссуды.

Структурно финансовый рынок будет в конечном счете состоять из комплекса органически взаимосвязанных между собой систем. В их числе — система институтов (субъектов) рынка циркуляции средств, включающая банковские и небанковские денежно-кредитные организации различных форм собственности; система кредита (государственный, банковский, потребительский, «гражданский», то есть неофициальный, международный) с основой в виде коммерческого кредита; система инструментов циркуляции денежно-кредитных средств, включающих акции, облигации, иностранную валюту, золото, различные векселя и т. п.; система операций на финансовом рынке, таких, как краткосрочное межбанковское кредитование, операции с векселями, купля-продажа ценных бумаг.

Вместе с тем в КНР пока далеко не в полной мере созрели необходимые для нормального функционирования финансового рынка объективные условия, а именно: экономическая самостоятельность и самокупаемость субъектов рынка, позволяющая им самим выбирать формы привлечения денежных средств на хозяйственные цели; развитая сеть рыночных институтов, включая кредитную систему, биржи, торговые центры и т. п.; наконец, комплексная отработанная система управления финансовым рынком. Поэтому тот реальный финансовый рынок, который сформировался в КНР, пока не только относительно скромнен по масштабам, но и несколько отличается от сложившегося в мировой практике. Здесь под финансовым рынком понимают главным образом прямую циркуляцию средств между хозяйственными организациями, как бы вбирающую в себя все то, что выходит за рамки традиционной системы кредитования через банки и кредитные кооперативы. Финансовый рынок служит дополнительным (а нередко и единственным) источником оборотных или инвестиционных средств при недостатке или невозможности их получения по линии государственного бюджетного финансирования, обычного кредитования, путем привлечения из-за рубежа в виде кредитов или прямых инвестиций. «Цена» денег и капиталов на финансовом рынке прямо зависит от спроса и предложения на нем, тогда как банковское кредитование — по масштабам, объектам, учетной ставке — жестко регламентируется в Китае требованиями плана и общегосударственной экономической политики. Важное достоинство финансового рынка — способность аккумулировать воедино разрозненные, дисперсные денежные средства, переключать часть фонда потребления на производственно-хозяйственные нужды.

Функционально финансовый рынок в Китае подразделяют на краткосрочный (при ссудах менее одного года) и долгосрочный. Иногда первый называют рынком денег, а второй — рынком капиталов. В качестве самостоятельного элемента выделяется рынок валютного регулирования.

Главным звеном краткосрочного финансового рынка в КНР является так называемый межбанковский, или межфилиальный, краткосрочный кредит. Зародившийся в 1984 г. в форме взаимных ссуд на несколько дней между отделениями того или иного специализированного банка, он в условиях рестрикционной кредитно-денежной политики стал с 1985 г. быстро завоевывать популярность и вышел далеко за первоначальные рамки. Ныне это понятие охватывает практически весь спектр краткосрочных ссуд на текущие хозяйственные операции, при котором денежные средства изыскиваются за счет естественного разрыва во времени и месте их использования. Постепенно сформировались сначала городские (например, в Шанхае и Гуанчжоу) и внутрисистемные (например, в системе торгово-промышленного банка), а затем и межрегиональные и межсистемные рынки краткосрочного взаимного кредита. В 1986—1987 гг. срок сделок, как правило, колебался от нескольких дней до 3—5 месяцев, объем разовой ссуды — от нескольких до 100 млн. юаней, процент составлял порядка 0,5—0,6 % в месяц. К концу 1988 г. учетная ставка возросла до 0,72—0,75 % по месячным и до 0,9—0,93 % по двухмесячным ссудам¹. Суммарный объем краткосрочного взаимного кредитования нарастал поистине стремительно — с 30 млрд. юаней в 1986 г. до 240 млрд. в 1987 (из них 60 млрд. — межсистемный кредит) и до 400 млрд. юаней (прогнозная оценка, позднее не подтверждавшаяся) в 1988 г.² Затем, однако, денежный рынок в КНР сильно пострадал от инфляции, при которой ссуды стали убыточны для кредитора. Негативную роль сыграло широко распространенное «переливание» краткосрочных кредитов, призванных пополнить оборотные средства, на инвестиционные цели. С начала 1989 г. Народный банк Китая ограничил срок межфилиального кредита одним месяцем.

В 1990 г. в КНР вновь поставлена задача всемерного оживления рынка краткосрочного взаимного кредита. К этому объективно подталкивают и проводимая в условиях урегулирования экономики рестрикционная кредитная политика, и огромная потребность предприятий в привлечении оборотных средств со стороны (ныне доля собственных оборотных средств на китайских предприятиях менее 18 %). Падение уровня инфляции и снижение процента по сберегательным вкладам населения и предприятий создают объективную возможность для более или менее нормального функционирования данной разновидности финансового рынка.

Другой важной разновидностью краткосрочного финансового рынка является рынок учета векселей. Эксперименты по акцепту и дисконту торговых векселей

впервые были проведены в 1980 г. в Шанхае, а с 1982 г. — в городах Чунцин, Шэньян и провинции Хэбэй. С 1985 г. учет векселей осуществляется по всей стране, а с 1986 г. практикуются и операции по переучету векселей, учтенных (акцептованных) специализированными банками. В 27 городах, проводящих эксперимент по реформе денежно-кредитной системы, разрешены создание рынка обращения торговых векселей, их циркуляция между кредитно-денежными организациями и купля-продажа векселей на рынке посредническими органами. К концу 1987 г. общий объем учета торговых векселей в стране превысил 20 млрд. юаней³. Как считают в Китае, причины медленного развития рынка учета векселей — недостаток знаний об операциях такого рода на всех уровнях, отсутствие достаточной правовой основы, высокие ставки переучета векселей специализированных банков в центральном банке.

В Шанхае с 1987 г. ведутся операции с обращающимися депозитными сертификатами большого номинала. Они представляют собой удостоверение, свидетельствующее о произведенном срочном вкладе от 10 тыс. юаней минимум до 1 млн. юаней максимум. Срок — 1,3,6,9 месяцев с процентной ставкой соответственно от 0,3 до 0,39 % в месяц (ситуация 1987 г.). Суммарный объем выпуска составил 870 млн. юаней. Эмиссия депозитных сертификатов и сделки с ними регулируются специальным положением Шанхайского отделения Народного банка Китая⁴.

Выпуск и купля-продажа краткосрочных облигаций предприятий в целях пополнения оборотных средств были разрешены с 1987 г. сначала в 27 экспериментальных городах, а затем в принципе и для любых высокоэффективных предприятий с санкции Народного банка Китая. Первое в стране временное положение, регулирующее с декабря 1987 г. выпуск краткосрочных облигаций предприятий в Шанхае, предусматривало разовый объем эмиссии таких облигаций в пределах от 1 до 30 млн. юаней на срок 3,6 и 9 месяцев с месячной ставкой соответственно 0,51, 0,54, 0,57 %⁵.

Наконец, еще одной разновидностью краткосрочного финансового рынка является так называемый гражданский кредит, то есть нечто сходное с такими элементами «неформального» финансирования в развивающихся странах, как семейный, соседский, «подпольный» кредит под очень высокие проценты. В КНР он в наибольшей степени распространен в районах активного развития индивидуального и частного предпринимательства, например, в районе Вэньчжоу провинции Чжэцзян.

В рамках общего курса на развитие многоканальной конкурентной сети денежно-кредитных институтов в 1987—1988 гг. в КНР поощрялось создание компаний краткосрочного обращения средств, которые наряду с компаниями ценных бумаг и поручительскими инвестиционными компаниями должны были играть ведущую роль в функционировании финансового рынка, особенно в операциях с векселями, депозитными сертификатами и т. п. Однако вследствие известного налета спекулятивности в их деятельности эти компании стали одним из первоочередных объектов упорядочения и массовой ликвидации в период «оздоровления хозяйственной среды и наведения порядка в экономике» в конце 1988 — начале 1989 г.⁶

На долгосрочном финансовом рынке КНР доминируют различные облигации государственного займа: государственные казначейские обязательства (к началу 1990 г. выпущены на сумму 51 млрд. юаней), облигации на строительство ключевых объектов народного хозяйства (5,4 млрд. юаней), гарантийные облигации с увязкой процента с индексом роста цен (12 млрд. юаней), облигации финансового займа (6,8 млрд. юаней), строительные облигации (2,8 млрд. юаней). В целом объем выпуска облигаций государственного займа возрос с 4,8 млрд. юаней в 1981 г. до 22,5 млрд. юаней в 1989 г.⁷ Половина облигаций закупается населением, половина — предприятиями и организациями. «Облигация» внутреннего государственного долга (достигшего к началу 1990 г. 80 млрд. юаней), по-видимому, вышла за экономически рациональные рамки. Распространение облигаций приобрело, по существу, принудительный характер. По свидетельству гонконгской печати, в 1989 г. 10 % зарплат на государственных предприятиях КНР выдавалось облигациями госзайма. Бремя выплат по облигациям с 8 млрд. юаней в 1986 г. (первый год выплат) выросло до 34 млрд. юаней в 1988 г.⁸ и в конце концов оказалось непосильным для госбюджета: в 1990 г. «причитающиеся» получают только индивидуальные владельцы облигаций, а выплата процентов и основного капитала по облигациям, купленным предприятиями и организациями, отложена на неопределенный срок.

Кроме того, в КНР существуют многочисленные разновидности финансовых

облигаций, или облигаций денежно-кредитных организаций, суммарная эмиссия которых составила 20 млрд. юаней⁹. Как правило, по этим облигациям устанавливается колеблющаяся процентная ставка — или прогрессивная, с нарастанием по годам, или увязанная с движением учетной ставки по кредитам.

Эмиссия облигаций предприятий, достигшая к концу 1988 г. примерно 20 млрд. юаней¹⁰, регулируется Временным положением Госсовета КНР о контроле за облигациями предприятий от 27 марта 1987 г. Им установлено, что объем выпуска облигаций не должен превышать чистую стоимость имущества предприятия, а доходность — 40 % надбавки к проценту на сберегательный вклад граждан на аналогичный срок¹¹. Облигации предприятий подчас выпускаются под будущую поставку той или иной дефицитной продукции по твердым ценам, иногда такие облигации называют «натуральными».

Ситуация с акциями в КНР можно охарактеризовать, по выражению китайских ученых, всего лишь как «ростки ростков». Формальные показатели — более 6 тыс. акционерных и паевых предприятий, свыше 2 млрд. юаней аккумулированных средств (по состоянию на середину 1988 г.¹²) не должны вводить в заблуждение. 85 % предприятий выпустило акции для своих рабочих и служащих, большинство акций есть, по сути дела, «псевдоакции», так как носят характер облигаций с выплатой твердого процента, возможностью возврата, включением дивидендов в себестоимость продукции. В результате, по данным китайской печати, при международном уровне доходности акций в 4 % в КНР она превышает 15 %¹³. Сплошь и рядом при выпуске акций дело ограничивается аккумуляцией средств без каких-либо перемен в управлении предприятием. К концу 1988 г. в КНР выпустили акции для открытой продажи в обществе всего около 60 предприятий на сумму 500 млн. юаней¹⁴. Именно они, и только они, являются более или менее «нормативными», то есть невозвратными, разрешенными к перепродаже.

Однако похоже, что ненормальная ситуация с акциями будет постепенно выправляться. Госкомитет КНР по реформе хозяйственной системы наметил провести своего рода упорядочение акционерных предприятий, предполагающее, в частности, внедрение принципа невозвратности акций, невключение дивидендов в себестоимость продукции, установление верхнего предела доходности акций в виде рентабельности по фондам, рассчитанной на базе остающейся у предприятия после уплаты налогов прибыли.

В целом ценные бумаги — акции и облигации — составляют ныне около 10 % денежно-кредитного имущества КНР, в том числе акции — менее 1 %¹⁵.

К концу 1989 г. общий объем эмиссии ценных бумаг в КНР достиг 144,9 млрд. юаней, из них бумаги на сумму порядка 5 млрд. юаней поступили в рыночное обращение¹⁶.

На этой базе в стране с середины 80-х годов стали формироваться элементы **вторичного рынка ценных бумаг**. В августе 1986 г. в городе Шэньяне началась открытая купля-продажа некоторых разновидностей облигаций, а в сентябре того же года в Шанхае — акций. В январе 1987 г. шанхайское отделение Народного банка Китая утвердило Временное положение о торговле ценными бумагами в биржевых конторах. Дело, однако, шло вяло: в 1987 г. объем купли-продажи акций в Шанхае (крупнейшем в стране центре торговли ценными бумагами) составил 0,76 млн. юаней — всего 3,8 % от суммарной стоимости разрешенных к обращению индивидуальных акций, а по облигациям — соответственно 27,7 млн. юаней и 7,4 %¹⁷.

Фактически до середины 1988 г. торговля велась крайне узким ассортиментом ценных бумаг: в Шанхае, например, осуществлялась котировка курса всего шести видов акций и нескольких разновидностей облигаций предприятий и банков. Дело пошло несколько живее после того, как в апреле 1988 г. была разрешена рыночная купля-продажа государственных казначейских обязательств выпуска 1985 и 1986 гг. Ныне в Шанхае разрешено обращение 26 видов ценных бумаг. С 1990 г. в стране разрешено рыночное обращение государственных казначейских обязательств 1987 и 1988 гг. выпуска. По оценке, общий объем сделок с ценными бумагами в КНР за 1988—1989 гг. составил 6—7 млрд. юаней¹⁸. Свыше 90 % составляет торговля облигациями.

К середине 1990 г. в КНР имелось 38 компаний по операциям с ценными бумагами, 99 брокерских (поручительских) и около 400 биржевых контор (точнее, пунктов сделок) во многих городах страны, в том числе в 61 из примерно 300 крупных и средних городов¹⁹.

Ведется подготовка к созданию настоящей, так сказать «нормативной» фондовой биржи — сначала в Шанхае и Шэньчжэне, а затем и общеитайской. Одно из необходимых условий — набор «критической массы» акций, открыто обращающихся на рынке. По имеющейся оценке, для этого минимально необходимо доведение числа настоящих акционерных компаний до 500.

С 1986 г. в Гуанчжоу, Шанхае и специальной экономической зоне Шэньчжэнь начали функционировать рынки валютного регулирования для предприятий с участием иностранного капитала. Впоследствии они появились и в других районах и охватили все виды операций по купле-продаже валюты предприятиями. Как правило, предметом сделок служит валюта, заработанная предприятием-экспортером и продаваемая предприятию-импортеру. Объем сделок составил 6,26 млрд. долл. в 1988 г. и 8,57 млрд. долл. в 1989 г.²⁰

Как считают в Китае, здоровому поступательному развитию всех видов финансового рынка во многом способствовало бы принятие комплексной взаимоувязанной системы законов, регулирующих различные аспекты его деятельности. В их числе законы о банках, векселях, ценных бумагах, кредите, об управлении финансовым рынком, о банкротстве денежно-кредитных организаций.

К каким же основным выводам подводит анализ формирования финансового рынка в КНР?

Прежде всего его становление, сколь бы длительным и трудным оно ни было, есть непрерывное условие реализации целей экономической реформы и в целом, и особенно в таких звеньях, как преобразование кредитно-денежного и инвестиционного механизмов, развитие акционерных форм хозяйства.

Далее. Достаточно крупномасштабный финансовый рынок прямо или косвенно подпитывает целый ряд позитивных процессов в экономике: а) ее демополизацию через конкуренцию предпринимателей за привлечение временно свободных средств населения и предприятий, «соревновательность» различных проектов вложения средств на рынке ценных бумаг; б) «деполитизацию» народного хозяйства — роль скоро финансовый рынок шаг за шагом сужает поле инвестиционной деятельности, руководствующейся не чисто экономическими соображениями; в) повышение эффективности экономики через более рентабельное использование денежных средств и через котировку курса ценных бумаг предприятий на бирже, отражающую результативность их хозяйственной деятельности; г) сдерживание текущего потребительского спроса, растягивание его во времени, перевод внутреннего государственного долга в общепринятые в международной практике формы.

В то же время совокупные масштабы финансового рынка, формы его функционирования, степень развития тех или иных видов рынка есть в значительной степени величины объективные, опосредуемые и даже прямо ограничиваемые многими экономическими, организационными и чисто техническими факторами.

В условиях характерного и для КНР, и для СССР перманентного «инвестиционного голода», то есть общей нехватки средств для экономического развития, создание полноценного финансового рынка объективно затруднено, а процесс его формирования неизбежно замедляется из-за отсутствия необходимой кадровой, информационно-технической (компьютерная сеть), институциональной базы (разветвленная система банковских и небанковских финансовых организаций, в том числе компании ценных бумаг, поручительские инвестиционные компании).

При выходе финансового рынка за быстро выбираемые пределы он в наших странах неизбежно начнет «теснить» обычный банковский кредит и тем самым не столько помогать, сколько мешать нормальному процессу воспроизводства. Представляется, что определение оптимальных размеров финансового рынка и его основных разновидностей — рынка денег и рынка капиталов — возможно не только «эмпирически», то есть по достижении ситуации незавуалированного перелива сбережений населения и предприятий из банков на финансовый рынок, но и расчетно, исходя из наличных кредитных ресурсов, потребностей народного хозяйства в новых оборотных средствах и инвестициях и т. п. Особо тонкой наладки требует политика учетных ставок на сберегательные вклады населения, банковские кредиты и процентов по облигациям.

Эти блоки экономики — настоящие сообщающиеся сосуды, и динамика соотношения их относительной доходности будет оказывать нарастающее и все более серьезное влияние на кредитно-финансовую сферу КНР и СССР в целом.

В общем, темпы развития финансового рынка не могут быть произвольно форсированы независимо от наличия экономических условий.

На наш взгляд, китайский опыт однозначно предостерегает против попыток «одним махом» решать проблемы внутреннего государственного долга и дефицита бюджета путем перевода их в те или иные государственные облигации (казначейские обязательства, облигации госзайма, облигации ключевого строительства и т. п.). Очевидно, что такая мера допустима в строго ограниченных масштабах, превышение которых ведет к долговременному подрыву престижа государственных ценных бумаг у населения и организаций, к неизбежному сбою на насильственную разверстку гособлигаций и к превращению самого рынка ценных бумаг в фикцию.

Опыт Китая, да и мировой опыт свидетельствуют, что для становления оправдывающего свое предназначение рынка ценных бумаг необходимо, во-первых, образование вторичного рынка ценных бумаг, то есть их свободная купля-продажа по ценам спроса-предложения, и, во-вторых, определенная структура самого рынка и первичного, и вторичного: он не может быть почти исключительно облигационным, как сейчас, а должен быть в равной или даже в большей степени рынком акций.

При развитии краткосрочного денежного рынка важно предотвращать «капитализацию» этого потока циркуляции денежных средств, то есть переключение кредитов, предназначенных для пополнения оборотных фондов, на инвестиционные цели. Практика КНР свидетельствует, что такая опасность весьма реальна.

Наконец, требует дальнейшей и всесторонней проработки все связанное с деятельностью институтов финансового рынка. В Китае оказались не вполне удовлетворены вариантом, когда функции эмиссии ценных бумаг берут на себя непосредственно банки и их низовые отделения. «Предпринимательская», «хозрасчетность» всех звеньев банковской системы ведет, как оказалось, к их погоне за увеличением собственного дохода, к «кредитной войне» и принесению в жертву единой кредитно-денежной политики. В то же время другие институты, создававшиеся специально в целях содействия функционированию финансового рынка — компании циркуляции ценных бумаг, компании по операциям с краткосрочными облигациями, поручительские инвестиционные компании и т. п. — нередко обретали откровенно спекулятивный характер и подчиняли циркуляцию денег и капиталов интересам не общества, а своим собственным. Определенные сомнения вызывает и отнесение к компетенции центрального банка (в КНР — Народный банк Китая) вопросов разработки законодательства, регулирования деятельности финансового рынка и его институтов.

В общем, хотим мы того или нет, но неумолимо подходит к концу время, когда финансовый рынок был для всех нас понятием сугубо экзотическим, вроде НЛЮ.

¹ Цайцзин яньцзю. — Шанхай. — 1989. — № 6. — С. 52.

² Десять лет реформы хозяйственной системы в Китае — Чжунго цзинцзи тичжи гайгэ ши нянь. — Пекин. 1988. — С. 508; Цаймао цзинцзи. — Пекин. — 1988. — № 10. — С. 43.

³ Десять лет реформы... — С. 508.

⁴ См.: У Яньтао. Акции и облигации в Шанхае — Шанхай ды гуяо хэ чжайцюань. — Шанхай. 1988. — С. 104—105.

⁵ Там же. — С. 106—109.

⁶ Чжунго цзинцзи тичжи гайгэ. — Пекин. 1987. — № 12. С. 58—61; Чжунго цзинцзю. — Пекин. 1989. — № 5. — С. 8.

⁷ Шицзе цзинцзи. — Пекин. 1990. — № 2. — С. 11.

⁸ Статистический ежегодник Китая 1989. — Пекин, 1989. — С. 672 (на кит. яз.).

⁹ Гайгэ. — Чунцин. — 1990. — № 3. — С. 72.

¹⁰ Там же.

¹¹ Жэньминь жибао. — 1987. — 5 апреля.

¹² Там же. — 1988. — 14 сентября; Чжунго цзинцзи тичжи гайгэ. — 1989. — № 1. — С. 26.

¹³ Шицзе цзинцзи даобао. — Шанхай. — 1989. — 6 марта.

¹⁴ Тигай синьси. — Чунцин. — 1989. — № 12. — С. 13.

¹⁵ Чжунго цзинцзю. — 1988. — № 10. — С. 34; Цаймао Цзинцзи. — 1988. — № 10. — С. 46.

¹⁶ Я Тай цзинцзи жибао. — Гуанчжоу, 1990. — 17 июня.

¹⁷ Десять лет реформы... — С. 518.

¹⁸ Чжунго цзинцзи тичжи гайгэ. — 1990. — № 6. — С. 63.

¹⁹ Там же; Я Тай цзинцзи жибао. — 1990. — 17 июня; China Daily. — 1989. — 15 October.

²⁰ Жэньминь жибао. — 1990. — 13 февраля.

Л. БОНИ

Сущность семейного подряда в сельском хозяйстве состоит в его способности стимулировать индивидуальную материальную заинтересованность крестьянского двора в развитии производства.

В условиях семейного подряда принцип разделения права собственности и права хозяйствования реализуется на практике. Этот принцип позволяет непосредственно соединить работника со средствами производства, увязать доходы двора с результатами его хозяйствования. Внедрение семейного подряда стимулировало также создание необходимых материальных условий и предпосылок для перехода сельского хозяйства на путь товарного производства. Изменилось имущественное положение крестьянского двора. Он получил надел подрядной земли в длительное пользование, а также часть средств производства (орудия труда и пр.) в свое распоряжение или собственность, самостоятельность в производственной и хозяйственной деятельности. Это способствовало превращению двора в относительно независимого товаропроизводителя. С помощью подряда удалось удовлетворить наиболее насущные потребности производителей и создать определенные излишки продукции и ресурсов, которые могли быть обменены на рынке или вложены в расширение основных фондов. Стимулируя быстрый рост эффективности труда, подряд высветил в земледелии и практически «выжал» из него огромные количества излишней рабочей силы, создав предпосылки ее «перелива» в другие отрасли. Все это способствовало углублению общественного разделения труда, обменных отношений, более рациональному использованию ресурсов. Целью производства крестьянского двора наряду с обеспечением себя продовольствием начинает становиться увеличение доходов, расширение производства на рынок, увеличение товарности. За первые пять лет реформы товарность зерна удвоилась. Создается впечатление, что Наумов И. Н. (см.: «ПДВ».— 1990.— № 5.— Прим. ред.) не видит прямой связи между переходом на семейный подряд и ускорением процессов, стимулировавших разделение труда в деревне, развитие товарного производства, как и саму суть этой формы хозяйствования.

Вместе с тем следует иметь в виду, что становление системы семейного подряда, как и развертывание других взаимосвязанных направлений реформы — переход к многоукладности и многообразию форм хозяйствования, расширение сферы товарно-денежных отношений, развитие многоотраслевого хозяйства, особенно сельских предприятий,— проходило в благоприятной экономической и политической обстановке. Развитию этих процессов сопутствовала «поддерживающая» экономическая политика. Она включала и крупное повышение закупочных цен на все основные виды продукции сельского хозяйства (в среднем на 25 %), и расширение масштабов государственных капиталовложений в сельское хозяйство (до 11 %), и существенный импорт зерна с целью облегчить «бремя» хлеборобов и дать им «передышку», и конкретные меры по либерализации политики — восстановление сельской рыночной торговли, подсобных промыслов, шаги, поощряющие индивидуальную деятельность, и т. д. Таким образом, семейный подряд «работал» в комплексе с другими мерами на микро- и макроуровнях, способствовавших его эффективности. Правы те китайские экономисты, которые считают, что огромные успехи в сельском хозяйстве за первые шесть лет реформы явились результатом довольно гармоничного соче-

Бони Людмила Дмитриевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ АН СССР.

тания многих объективных и субъективных факторов, а не одного только семейного подряда. Соответственно в Китае выделяют следующие основные группы причин, приведших к застою в сельском хозяйстве в стране: сохранение стратегии экономического развития, основанной на принципе неэквивалентного обмена, иррациональной системе цен; противоречия в земельной системе, связанные с половинчатостью и незавершенностью реформы и ошибками в «руководящем» курсе и практической политике, способствовавшие усилению негативных аспектов семейного подряда и приведшие к ослаблению и размытию коллективного начала в значительной части районов. Перечень проблем, тормозящих поступательное развитие сельского хозяйства, говорит о том, что дело не только и не столько в семейном подряде, сколько в той «системе координат», в которую он поставлен.

Все единодушно признают, что камнем преткновения на пути развития товарного хозяйства в деревне, существенно расширившегося после 1985 г., все больше становится сохранение и даже укрепление принципа неэквивалентного обмена между городом и деревней, всей иррациональной системы ценообразования, а в конечном счете всей стратегии экономического развития страны. Видимо, необходимая на определенном, ограниченном отрезке времени, когда ускорение развития индустриализации соответствовало коренным интересам страны и могло быть осуществлено лишь за счет первоначальных накоплений, изымаемых из сельского хозяйства посредством «ножниц цен», эта стратегия, традиционно ориентированная на интересы промышленности при недооценке роли и значения сельского хозяйства, в последнее время окончательно оторвалась от реальной обстановки в стране, от требований законов товарной экономики. Продолжающееся изъятие из сельского хозяйства огромных ресурсов посредством неэквивалентного обмена привело к глубоким структурным противоречиям между сельским хозяйством и промышленностью, к обескровливанию сельского хозяйства, стало главной причиной падения производственной активности земледельцев. Так, если в 1979—1984 гг. «ножницы цен» обеспечивали государству в год в среднем от 41,2 до 67,7 млрд. юаней, в 1985—1987 гг. ежегодные темпы прироста объема изъятия средств составили 15,6 %, абсолютные размеры изъятия достигли 104,5 млрд. юаней. Столь большой разрыв в «ножницах цен» поддерживается за счет заниженных закупочных цен на важнейшие виды сельскохозяйственной продукции, охватываемой системой контрактационных закупок, а также за счет резкого повышения цен (на 50—100 %) государством на все основные виды продукции производственно-технического назначения, включая средства производства для сельского хозяйства. В 1989 г. рост цен на все основные средства производства для сельского хозяйства продолжался.

В результате перехода к свободным ценам на значительную часть продукции сельского хозяйства, особенно второстепенную (свыше 65 % всей продукции отрасли реализуется по договорным и рыночным ценам), сильно увеличился разрыв между закупочными и рыночными ценами внутри сельского хозяйства, делая для крестьян невыгодным развитие производства зерна, хлопка, масличных, свинины и т. д., то есть продукции, которая в значительной мере подлежит продаже государству по твердым заниженным ценам. Возникшая в результате реформы единых централизованных закупок двухуровневая система цен на основные виды продукции в условиях все растущего разрыва в уровнях закупочных и рыночных цен (этот разрыв в 1988 г. составлял порядка 2—3 раза) фактически превратилась в дополнительный налоговый пресс для крестьян, всячески сдерживающий развитие производства.

Крестьянин не стал полным распорядителем произведенной продукции в результате реформы. Низкая величина средней прибыли в сельском хозяйстве стала главной причиной падения заинтересованности производителя в расширении товарного производства, падения эффективности отрасли, и прежде всего зернового производства, вымывания производственной структуры растениеводства.

Серьезные проблемы, возникшие в мобилизации товарных ресурсов зерна и ряда другой продукции, привели к усилению административных мер в осуществлении контрактационных закупок государством. Соответственно оказалась утраченной связь между оплатой труда и результатами производства. Главным принципом при распределении доходов двора стало выполнение заданий по контрактным закупкам. Упала стимулирующая роль подряда. При этом постоянно растущие многочисленные об-

шественные отчисления и поборы с крестьян, еще более утяжеляющие крестьянское «бремя», в настоящее время достигли более 60 млрд. юаней в год.

Второй главной причиной застойного состояния сельского хозяйства явились проблемы и противоречия в земельной системе, созданной в ходе реформы, связанные с половинчатостью, незавершенностью самой реформы. Сегодня в Китае отмечают, что само направление реформы было выбрано правильно, однако допускались ошибки в «руководящем» курсе и практической политике проведения реформы. В плане теории было ошибочным заикливание на одной-единственной форме семейного подряда, сведение к ней всего многообразия форм хозяйствования. В практической работе большим просчетом явилось также отсутствие должного контроля в управлении процессом перехода к семейному подряду, что привело к стихийному размыванию основ коллективного хозяйства со всей его инфраструктурой растениеводства, ослаблению самого семейного хозяйства. Высказывается также мнение (и автор статьи полностью поддерживает эту точку зрения), что процесс становления нового хозяйственного механизма в деревне еще только начался и это длительный процесс, особенно в условиях таких масштабов территории и населения, крайней неравномерности развития производительных сил в разных регионах. Соответственно переход к системе семейного подряда является лишь первым шагом в развернувшемся процессе становления товарного хозяйства и действительно относится к числу важнейших «прорывов» в теории социализма.

Переход к семейному подряду как основной форме хозяйствования в земледелии, по существу, представляет собой реформу системы имущественного права на землю, результатом которой было формирование новой земельной системы* в деревне. Основой ее утверждаются коллективная собственность на землю и право уравнительного пользования землей крестьянским двором. За счет преодоления отчуждения работника от средств производства новая земельная система создала мощные стимулы производственной активности крестьянского двора. Вместе с тем по мере развития товарного производства в ней нарастают противоречия, связанные с незавершенностью реформы, с допущенными просчетами. Эти противоречия и проблемы сводятся в основном к отсутствию четкой нормативной правовой основы системы имущественного права, а также законодательной основы и механизма обращения земли как средства производства.

Кроме общего положения о характере собственности на землю, зафиксированного в Конституции КНР и Законе о земле, практически отсутствуют какие-либо определения субъекта права собственности, содержание права и его гарантии. В результате право собственности оказывается размытым, ограниченным, отсутствуют условия его реализации, что препятствует осуществлению коллективным хозяйством своих функций по управлению землей. В то же время не раскрыто содержание права пользования землей, нет правового механизма его реализации. Отсюда — чувство неуверенности, незаинтересованности крестьянского двора в осуществлении долгосрочных вложений, повышении плодородия земли.

По мере углубления процесса разделения труда, развития товарного хозяйства основные принципы и условия выдачи подряда — уравнительность, безвозмездность, жесткость закрепления земли за двором — приходят во все большее противоречие с требованиями закона стоимости. Постоянно меняющаяся демографическая ситуация в деревне, изменения социального положения и состава семьи требуют регулярно перераспределения подрядной земли на основе подушевого принципа, стимулируя тенденцию все большего дробления уже изначально малых подрядных наделов, расплывания ресурсов. Этому способствует также существующая в Китае система наследования в равных долях. В большинстве сельских районов прошло уже несколько перераспределений подрядной пашни, что привело к изменению прежних границ и сокращению подрядного надела, увеличению числа подрядных хозяйств. За последние двенадцать лет число подрядных дворов соответственно увеличилось со 180 млн. до более чем 200 млн. В результате перечеркивается сам принцип долгосрочности подряда и его стабильность. На фоне общего сокращения пахотных ресурсов как следствия продолжающегося отторжения земель под несельскохозяйственные цели па-

дает эффективность использования распыленных земельных ресурсов, сужаются возможности применения современных средств производства, снижается эффективность подрядного хозяйства. По оценкам китайских экономистов, относимым к 1986 г., средний подрядный надел двора составлял тогда менее $\frac{1}{10}$ тех размеров пашни, которые обеспечивают эффективное ведение хозяйства. В результате доходы крестьянского двора все больше формируются не за счет отрасли, а вне ее и его производственная активность реализуется все чаще в несельскохозяйственной сфере. Будучи не в состоянии добиться нормальной жизни за счет подрядного поля, крестьянин в то же время не может его оставить: это — единственный гарантированный источник получения продовольствия, особенно зерна. Соответственно в деревне получила широкое распространение форма хозяйствования, известная как «совмещение». При совмещении, которое практикуют более $\frac{2}{3}$ всех крестьянских дворов, сельскохозяйственная деятельность на подрядном поле совмещается с несельскохозяйственной в промышленности, торговле и др. с целью получения необходимого дополнительного дохода. Следствием «совмещения» является падение производства товарной продукции, прежде всего зерновых, поскольку подрядное поле используется ровно настолько, насколько оно может обеспечить потребности личного потребления семьи. Зачастую это поле обрабатывается кое-как, поскольку в условиях «совмещения» резко упало качество рабочей силы в земледелии: сильная, здоровая молодая рабочая сила уходит из сельского хозяйства, оставляя женщинам, старикам и детям заботу о подрядном поле. Причины распространения «совмещения» связаны, помимо всего, еще и с исторически сложившимся уровнем развития производительных сил как результатом хронической диспропорции между людскими и земельными ресурсами. Его отличают малая величина прибавочного продукта, сохранение полунатурального характера зернового производства. Поэтому в преобладающей части районов земля продолжает выступать как средство к существованию, а не товарного производства. Это состояние «совмещения», подвешенности рабочей силы объясняется также отсутствием необходимых экономических условий в несельскохозяйственной сфере, сдерживающим темпы перелива рабочей силы из земледелия (а именно отсутствие достаточных ресурсов товарного зерна и средств для создания дополнительных рабочих мест). В то же время отсутствие адекватной общественной сферы различных услуг, и прежде всего по линии коллективного хозяйства, препятствует специализации зернового производства, развитию крупных специализированных дворов, ведущих товарное хозяйство. Число их практически не растет в последние годы. И тем не менее «совмещение» представляет собой шаг вперед на пути к товарному производству, следующую малую ступень в углублении разделения труда в низовой производственной ячейке-семье. По мере создания необходимых условий эти дворы, совмещающие разные виды производства, в первую очередь будут пополнять ряды несельскохозяйственной рабочей силы. Но процесс вызревания этих условий длителен.

Неясность, размытость имущественных отношений двора и коллективного хозяйства, нечеткость основных элементов этих отношений — ответственности, прав и интересов — не обеспечивают нормальной реализации права собственности. Резко упала договорная дисциплина, во многих районах от письменных договоров перешли к устной договоренности. Отчисления в общественные фонды коллективных хозяйств осуществляется нерегулярно или вообще не осуществляются. Усиливается тенденция к приватизации подрядного хозяйства.

Одной из серьезных проблем стала слабость и размытость основ коллективного хозяйства в деревне в преобладающей части районов, что негативно сказывается на развитии сельского хозяйства, эффективности хозяйственной деятельности крестьянского двора. Дело в том, что внедрение подрядной системы не сопровождалось адекватным укреплением коллективных хозяйств, которые должны были выступать в роли юридического лица, подрядчика. В результате в большей части районов в уравнительном порядке земля оказалась поделенной между дворами, и, как говорят в Китае, «очень многие подрядные земли имеют лишь того, кто их взял, и нет того, кто их сдал в подряд». В ходе реформы системы народных коммун при разделении административных и хозяйственных функций главный упор делался на административном строительстве, недооценивалась работа по совершенствованию экономических функций низовых коллективных организаций. Оказались растраченными основные фон-

ды коллективного хозяйства, размыта вся инфраструктура растениеводства, созданная за долгие годы. Слабость материальной базы коллективного хозяйства, утеря им своих организационных функций (в коллективной собственности остались земля, ирригационные сооружения, леса и другие природные ресурсы) не позволяют обеспечить обслуживание многих участков производственного процесса (переработка, снабжение, сбыт, транспортировка и пр.); поддерживать на должном уровне ирригационные сооружения и другую технику, противостоять стихийным бедствиям и пр.

Сегодня в китайской прессе уделяют много внимания тем ошибкам, которые были допущены в ходе реформы и привели к резкому ослаблению коллективного хозяйства в деревне, называя их «самым большим уроком реформы». Справедливости ради следует напомнить, что все партийные и правительственные документы первых лет реформы в деревне свидетельствуют о том, что руководство и тогда понимало опасность ослабления коллективного начала и всячески препятствовало и сдерживало высокие темпы развития семейного подряда, который был рекомендован в основном для бедных отсталых отдаленных районов, где коллективное хозяйство оказалось слишком слабым и неспособным обеспечить необходимый уровень существования в деревне. Одну из серьезных причин быстрого развала коллективного хозяйства в деревне многие видят в отсутствии прочной материально-технической базы коллективного хозяйства, поскольку коллективизация не сопровождалась технической реконструкцией сельского хозяйства. Однако, как нам представляется, основной урок, видимо, состоит в том, что невозможно сдерживать никакими административными мерами процессы, которые вызрели и диктуются объективными потребностями развития производительных сил. Потребность в преодолении отчуждения работника от средств производства, нашедшая выражение в форме семейного подряда, стихийно, с невиданной силой пробил себе дорогу. Именно поэтому семейный подряд правильно называют «творчеством масс». Уравнительный подход и безвозмездный характер получения права подряда на землю явились отражением господствовавшей долгие годы в китайской деревне идеи уравнительности как символа справедливости. Лишь по мере развития народного хозяйства эти принципы превращаются во все большее препятствие на пути развития сельского хозяйства и возникает вопрос о совершенствовании формы семейного подряда.

Отсутствие законодательной основы и механизма обращения земли как средства производства сдерживает процесс концентрации земли — объективный процесс развития производительных сил. Как уже отмечалось, после перехода к форме семейного подряда, закрепившего уравнительное распределение земли и других ресурсов за двором, по мере повышения эффективности труда, осуществления политики либерализации в деревне, а также в связи с естественными изменениями в структуре населения и рабочей силы неизбежно начинает пробивать себе дорогу потребность в перемещении права пользования землей. Одни подрядные дворы из-за отсутствия или нехватки рабочей силы оказались не в состоянии осуществлять подряд на землю, другие стали заниматься разными видами подсобных промыслов, усиливая специализацию производства, и не были заинтересованы в ведении земледелия; третьи, где рабочей силы оказалось много, имелись опыт и достаточно средств, испытывали нехватку земли. Потребность в обращении земельных ресурсов была признана руководством страны в виде «права на передачу подряда» в Документе ЦК КПК № 1 (1984). Разрешая на определенном этапе противоречие уравнительного закрепления земли по подряду, «передача земли» создает условия для рационального использования земли, повышения ее плодородия, а также для более эффективного применения сельскохозяйственной рабочей силы, способствуя переливу ее излишков в несельскохозяйственную сферу. Таким образом создаются предпосылки для ускорения разделения труда, специализации, развития товарной экономики. Процесс постепенной концентрации земли поставил на повестку дня необходимость совершенствования семейного подряда, предлагающего решение таких вопросов, как возмездность передачи подряда, то есть выплаты рациональной компенсации за капитальные вложения в землю, разрешение найма рабочей силы и др. Автор полностью разделяет точку зрения экономиста Чэнь Цзяна из Исследовательского центра при Госсовете КНР, который считает, что переход к семейному подряду заложил прочную организационную основу на микроуровне для повышения продуктивности земли, повышения эффективности производства. И любая реформа должна совершенствовать

эту основу, а не разрушать ее, как предпосылку. И действительно, семейное хозяйство, с одной стороны, стало основой для создания новых форм кооперации на принципах полной добровольности и экономической потребности в объединении ресурсов отдельных дворов для расширения производственной и хозяйственной деятельности. Эти объединения получили название хозяйственных объединений, представляющих сегодня разные формы объединений по типу горизонтальных и вертикальных связей не только отдельных дворов, но и дворов с самыми различными формами хозяйств разных секторов. С другой стороны, семейное хозяйство становится хорошей основой для формирования специализированных крестьянских хозяйств, таких, как семейная ферма и т. д. И хотя в количественном отношении эти новые формы хозяйств пока малочисленны, но, представляя собой новые формы товарного производства, отличающиеся высокой эффективностью и растущей товарностью, они могут превратиться в два направления развития общественного производства: пойти по пути кооперации или создания фермерских хозяйств. В настоящее же время семейный подряд в силу объективных факторов будет еще длительное время оставаться главной формой хозяйствования в земледелии.

Выступив твердо в поддержку семейного подряда как основной формы системы производственной ответственности в сельском хозяйстве, которая в преобладающем большинстве районов соответствует уровню развития производительных сил и пользуется полной поддержкой крестьян, руководство страны провозгласило необходимость его стабилизации и совершенствования одновременно, как одно из главных направлений углубления реформы в деревне (Решения 5-го пленума ЦК КПК 13-го созыва // Жэньминь жибао. — 1990. — 17 января). Одновременно была раскритикована определенная «заикленность» теоретиков на одной-единственной форме хозяйствования в сельском хозяйстве — «полной ответственности двора», или семейного подряда, — как искусственное сужение содержания реформы. Выдвинута установка на многообразие форм подряда на основе принципа возмездности и товаризации права пользования землей.

Решающим условием стабилизации и совершенствования семейного подряда становится реформа земельной системы. Ее основными направлениями, считают китайские ученые, должны стать создание четкой системы имущественного права на землю и, таким образом, утверждение чувства стабильности у крестьян в отношении пашни и заинтересованности в осуществлении вложений, с одной стороны. С другой — создание эффективного механизма, стимулирующего перемещение и концентрацию земли как фактора производства. Проблема реформы земельной системы широко дискутируется в научных кругах Китая. Она включает в основном три варианта: национализацию земли, приватизацию, совершенствование системы коллективной собственности на землю. Преобладающее большинство ученых страны в последнее время приходят все больше к выводу о том, что последовательное совершенствование коллективной собственности на землю в большей мере соответствует реальной обстановке в стране и должно в ближайшем будущем стать основным направлением создания системы имущественного права на землю (Чжунго нунцзунь цзинцзи. — 1989. — № 6. — С. 31).

Полагают, что концепция совершенствования системы коллективной собственности включает совершенствование права собственности на землю и создание соответствующей системы землепользования. Управление коллективной собственностью следует сосредоточить на уровне деревни. Юридическим лицом должен выступать комитет жителей деревни или кооперативная хозяйственная организация деревни, которая на основе закона осуществляла бы владение, пользование, право получения доходов, функцию разделения. Принципиально важной стороной совершенствования права собственности ученые считают четкое признание за коллективным хозяйством права «разделения», которое, согласно закону, сегодня запрещено. Право «разделения» означает право сдавать землю в аренду коллективным, государственным, частным предприятиям, превращать землю в капитал и вкладывать ее в виде акций в совместные предприятия или закладывать под капитал. Важным моментом реализации права собственности является право на получение дохода от земли. В этой связи предлагается четко установить, что крестьянский двор должен платить арендную плату за подрядную землю, полученную от коллектива. Соответственно приостанавливается взимание отчислений в коллективные фонды. Выдача свидетельств на право собственности на землю государством должна подтверждать правовое признание этого

права. Совершенствование системы землепользования предполагает стабилизацию права хозяйственной деятельности подрядного двора, когда на основе принципа добровольности и необходимости устанавливаются разные, но достаточно продолжительные сроки земельного подряда. Чтобы усилить право хозяйствования в отношении земли, имеется в виду определить правовые границы землепользования, право на получение доходов, частичное право собственности (то есть право на получение компенсации за ресурсы, вложенные в землю), право «разделения», а также право на продолжение подряда, право на сдачу земли в аренду, на передачу подряда, осуществление вклада в совместные предприятия.

Вторым направлением реформы земельной системы является формирование системы обращения земли. Такая система должна обладать двуедиными возможностями: во-первых, должна укрепить стабильность подряда, что будет стимулировать вложения крестьян в землю и стимулировать подвижность земли и в конечном итоге обеспечит оптимальное использование земельных ресурсов; во-вторых, она должна обеспечить социальную справедливость (путем справедливого распределения основных производственных ресурсов) и экономическую эффективность (путем концентрации земли). Основу такого механизма должен составить принцип возмездности землепользования, принцип товарищания права пользования подрядной землей в форме возмездного или конкурсного подряда, аренды, акционерного предпринимательства и т. д. В отдельных районах уже сегодня в экспериментальном порядке получили распространение переходные формы возмездных видов получения права пользования подрядной землей, платы за ресурсы. Наибольшее распространение в последние три года получила «система двух полей»: поле, обеспечивающее пропитание семьи, и поле, передаваемое в подрядную ответственность, за счет которого обеспечивается товарное производство. Если первое поле передается безвозмездно двору или за небольшую плату за подряд (около 10 юаней за 1 му, например в провинции Шэньси), то на второе поле коллективное хозяйство объявляет открытый конкурс и сдает в аренду за более высокую плату либо тому же двору, либо другому члену своего хозяйства, либо вне его. С первого поля, как правило, не взимаются отчисления в общественные фонды и налоги, во многих местах оно закрепляется за семьей навечно и выступает как важная форма социальной гарантии. При этом предпринимаются усилия, чтобы изменить существующее право наследования в равных долях. В экспериментальном порядке в ряде районов вместо этой системы вводится право наследования имущества (в том числе земли, вернее, права пользования землей) старшим братом. Это должно постепенно замедлить тенденцию дальнейшего дробления подрядной земли. При увеличении семьи продовольствие новым членам семьи обеспечивается коллективным хозяйством за счет ресурсов товарного зерна.

Одним из важных направлений совершенствования системы семейного подряда становится совершенствование самой договорной системы путем более четкого определения ответственности, прав и интересов договаривающихся сторон.

Важное значение могут обрести крупные шаги руководства, направленные на корректировку стратегии экономического развития. Выдвинута программа конкретных мер по усилению материального, финансового и научно-технического обеспечения сельского хозяйства за счет расширения капиталовложений, кредитов, постепенного повышения закупочных цен и т. д. Принято решение о создании специального фонда развития сельского хозяйства. При этом взят курс на стабилизацию аграрной политики и углубление экономической реформы в деревне как решающее условие подъема отрасли. Помимо повышения закупочных цен на зерно в 1989 г. (на 18 %), на хлопок (на 10 %), предполагается в 1990 г. отрегулировать соотношение цен на зерно и сельскохозяйственные средства производства, а также сравнительные цены на зерно и технические культуры. Одновременно принимаются меры по сокращению объема зерна, предназначенного для планового снабжения городов по твердым ценам, постепенное сокращение масштабов контрактационных закупок товарного зерна.

По мере перелива сельскохозяйственной рабочей силы в несельскохозяйственную сферу деятельности в деревне происходит, хотя и медленно, дифференциация полунатурального мелкого хозяйства. Идет медленный процесс концентрации подрядных участков в руках дворов, располагающих излишками рабочей силы и некоторых материальных ресурсов. Хотя в общем и целом мелкое полунатуральное хозяйство крестьянского двора по-прежнему занимает доминирующее положение в деревне,

а разные формы относительно крупного товарного производства — очень небольшой удельный вес.

В этих условиях все более насущной становится проблема ускорения темпов интенсификации сельского хозяйства в целях смягчения и постепенного преодоления противоречия между спросом и предложением основных видов сельскохозяйственной продукции. Новым шагом в этом направлении может стать курс на комплексное развитие и освоение сельскохозяйственных ресурсов, выдвинутый Всекитайским совещанием по обмену опытом комплексного развития отрасли (ноябрь — декабрь 1989 г.).

Суть курса состоит в концентрации всех выделяемых сельскому хозяйству капиталовложений на конкретные цели — для создания баз товарного производства зерна и других основных видов продукции сельского хозяйства по «ключевым точкам», то есть в районах и уездах, обладающих определенными экономическими и другими условиями, где при необходимых вложениях можно получить максимальную отдачу, добиться самой высокой эффективности освоения вложений.

Опыт создания группы баз товарного зерна и других культур в 60-е и в начале 80-х годов (с 1983 г.) дал неплохие результаты. Так, базы товарного производства зерна, заложенные в 1983 г., имеют высокие темпы развития сельского хозяйства — около 6,8 %, намного выше среднегодовых темпов по стране. Только в 1988 и 1989 гг. создано 19 районов комплексного развития. Осуществление плана работ должно обеспечить здесь прирост 40—50 млн. т зерна. Считается, что за счет освоения новых ресурсов в этих районах можно наполовину выполнить план прироста сельскохозяйственного производства.

Особый упор при этом делается на использование таких элементов товарного хозяйства, как конкуренция, возмездность, эффективность капиталовложений, открытость при сохранении единого плана всего проекта. Основными формами хозяйствования здесь должны стать наиболее прогрессивные товарные формы производства, как спецдворы, семейные фермы, хозяйственные объединения дворов, коллективные фермы на основе использования разных форм подряда, в том числе возмездного, конкурсного подряда, аренды. Семейный подряд обретает второе дыхание.

С 9 по 11 октября 1990 года в Москве, в Институте Дальнего Востока АН СССР состоялась I Всесоюзная научная конференция «Китай и социализм. Актуальные проблемы изучения экономики, политики, истории и культуры Китая». Организаторы конференции — Научный совет Отделения экономики АН СССР по проблемам комплексного изучения современного Китая и Институт Дальнего Востока АН СССР. В работе конференции приняли участие более 100 советских ученых, представители практических организаций, преподаватели вузов.

Хотя конференция была изначально задумана как внутрисоюзное мероприятие, в ней изъявили желание участвовать синологи из других стран — Болгарии, Монголии, Польши, США, Чехо-Словакии, а также наши коллеги из Китайской Народной Республики. Это, по существу, превратило конференцию в международную, придало дискуссии большую широту и остроту.

Несколько слов о предыстории конференции и о заложенной в ней концепции. Полтора года назад был создан Научный совет Отделения экономики АН СССР по проблемам комплексного изучения современного Китая. На первом его заседании было решено, что основной формой деятельности Совета станет проведение ежегодных научных конференций, посвященных ключевым, наиболее интересным и острым проблемам, встающим перед учеными-китаеведами нашей страны. Поскольку «жизнеобеспечение» деятельности Совета было возложено на Институт Дальнего Востока АН СССР, то и основные хлопоты по организации конференции легли на плечи руководства и научных сотрудников ИДВ.

При выработке концепции конференции ее устроители исходили из того, что она должна иметь «свое лицо», отличаться от таких традиционных конференций, как «Государство и общество в Китае», которую проводит Институт востоковедения, от ленинградской конференции по историографии Китая и организуемой Дальневосточным отделе-

нием АН СССР конференции по вопросам регионального сотрудничества в АТР.

В основу концепции был положен комплексный подход к изучению Китая как интегральной части мирового сообщества.

Известно, что синологи в любой стране (и наша — не исключение) — корпорация достаточно замкнутая. Бесконечно интересный «объект изучения» ведет к несколько смещенному, китаецентристскому взгляду на мир. Известно также, что китаеведы, являющиеся в большинстве случаев узкими специалистами, нелегко воспринимают чужую точку зрения на Китай. Не случайно они «славятся» среди других обществоведов своим консерватизмом, который, впрочем, имеет под собой совершенно объективную основу. Поэтому китаеведческие конференции зачастую превращаются в сумму очень интересных, но все-таки монологов по поводу тоже очень интересных, но узких сюжетов.

В то же время очевидно, что современный Китай стал активным участником мирового процесса, а окружающий мир все более бесцеремонно вторгается в жизнь этой древней страны, оказывая непосредственное и опосредованное влияние на экономику, внутреннюю политику, идеологию и культуру КНР. Поэтому рассматривать события, происходящие в Китае, вне международного контекста — значит заранее обречь себя на необъективность, увидеть вместо целостной картины ее обрывки.

С другой стороны, хотя все понимают необходимость всестороннего, взаимосвязанного изучения происходящих в Китае процессов, осуществить многоплановое их исследование, охватить их во всей полноте и многомерности — задача трудновыполнимая. Лишь плодотворная, углубленная дискуссия, ведущаяся специалистами разных профилей, позволяет высветить узловые проблемы развития, определить наиболее перспективные направления исследований.

Организаторы конференции были убеждены в том, что плодотворное об-

суждение проблем, даже узкоспециальных, возможно лишь в широком контексте тех бурных изменений, которые происходят в мире, в Китае, в Советском Союзе.

Анализ присланных на конференцию тезисов докладов, подготовленных учеными-китаеведами Ленинграда, Владивостока, Хабаровска, Новосибирска, Алма-Аты, представителями научных, учебных центров и практических организаций Москвы, показал, что с единомыслием былых времен и заданностью в оценке происходящих в Китае процессов покончено*.

Ряд докладов был непосредственно посвящен сравнительному анализу преобразований в СССР и КНР. Но и там, где эта тема не затрагивалась специально, она присутствовала как бы «вторым планом». Действительно, болезненный и неоднозначный ход экономических и политических преобразований в СССР заставляет пристально всматриваться в опыт Китая, поскольку история наших двух стран, к счастью и несчастью одновременно, имеет гораздо больше общего, чем это кажется непрофессионалам.

Основная работа конференции проходила в пяти секциях:

— Современное состояние китайского общества. Идеино-теоретические процессы в КНР (руководители — д. ю. н. Л. М. Гудошников и к. филос. н. В. Ф. Феоктистов);

— История революционного движения и социалистического строительства в Китае (руководители — д. и. н. А. В. Меликсетов и д. и. н. А. М. Григорьев);

— Китай: традиции и современность (руководитель д. и. н. Л. С. Переломов);

— Вопросы экономического развития КНР. Внешнеэкономические связи КНР и проблемы регионального сотрудничества (руководители — д. э. н. Л. И. Кондрашова и д. э. н. Е. А. Коновалов);

— Внешняя политика КНР и международные отношения на Дальнем Востоке (руководители — д. и. н. В. С. Мясников и д. и. н. А. Г. Яковлев).

Стремление не уходить от острых проблем проявилось уже в ходе пленарного заседания, которое носило отнюдь не парадный характер. Выступившие на пленарном заседании авторитетные

ученые поставили в центр своих выступлений кардинальные проблемы развития Китая, вопрос о судьбах социализма, о путях развития мировой цивилизации.

Новаторская постановка вопросов, дискуссионный характер большинства докладов задали тон обсуждениям, развернувшимся в дальнейшем на соответствующих секциях.

Конференция была открыта докладом академика С. Л. Тихвинского. Его выступление было посвящено анализу наиболее важных проблем, встающих перед Китаем, идущим по пути реформ, а также характеру и перспективам развития советско-китайских отношений. Если доклад С. Л. Тихвинского носил традиционный характер, был классически сбалансированным, то выступление директора ИДВ АН СССР д. филос. н. М. Л. Титаренко было полемически заостренным, вызвало живую реакцию аудитории. М. Л. Титаренко построил свое выступление в форме полемики с известным американским исследователем Фукуямой, который считает социализм потерпевшим окончательный крах, а создание высокоиндустриального общества потребления — одновременно венцом и концом истории. М. Л. Титаренко показал, что потенциал социализма далеко не исчерпан, что путь реформ, по которому идет Китай, открывает огромные возможности для решения социально-экономических проблем в интересах всего общества и каждого человека в отдельности.

Эти идеи были конкретизированы в докладе заместителя директора Института экономики АОН КНР Мао Тяньци, который охарактеризовал экономическое развитие Китая как поступательное движение вперед. Он остановился на конкретных мероприятиях по совершенствованию управления народным хозяйством, рассмотрел основные направления хозяйственной реформы, включая совершенствование инвестиционной и кредитной деятельности государства.

Выступивший затем к. и. н. В. Я. Портяков остановился на проблемах реформы системы макроэкономического управления в КНР на современном этапе. Он особо подчеркнул необходимость мер по усилению директивного планирования, макроконтролирующих функций центрального банка, отлаживанию финансовых взаимоотношений центра и провинций. Меры по ужесточению макро-

экономического контроля, которые ряд ученых считает контрреформой, В. Я. Портяков признал объективно необходимыми для оздоровления экономики и предотвращения ее разбалансированности.

С иных позиций сложившуюся в Китае ситуацию оценил д. и. н. Г. Д. Сухарчук. В своем докладе он проследил влияние китайской политической традиции на характер китайской революции, показал ограниченность чисто экономических программ преодоления кризиса командно-административной модели социализма. Он дал общую оценку нынешнего состояния китайского общества, охарактеризовав политику упорядочения как выбор в пользу снижения темпов всех структурных преобразований, включая экономические реформы, ради приспособления их к медленной поступи политико-административных изменений.

С большим интересом был встречен доклад д. и. н. А. В. Меликсетова, в котором были подняты вопросы выбора Китаем пути социально-экономического развития в начале 50-х годов, проблема соотношения прагматической политики и утопического идеала. Давая ответ на вопрос, почему не нэп, а «великий перелом» стал социальным ориентиром КПК, А. В. Меликсетов пришел к выводу об идеологической близости маоизма и сталинизма, снимающей проблему «навязывания» советской модели развития Китаю. Особое место А. В. Меликсетов уделил Всекитайскому совещанию по вопросам финансово-экономической деятельности (лето 1953 г.), ставшему переломным моментом в выборе между «товарным» и «бестоварным» социализмом.

В докладе д. и. н. В. И. Глущина и д. и. н. А. М. Григорьева рассматривалась концепция истории Китая в новейшее время. Формирование новых подходов к анализу революционных и освободительных движений, переосмысление важнейших мировых процессов, введение в последние годы в научный оборот новых документов и материалов позволяют советским ученым преодолеть упрощенные, догматические представления прежних лет об истории Китая в новейшее время. Общий недостаток советской концепции новейшей истории Китая авторы видят в ее безальтернативности, детерминирован-

ности. Авторы подняли вопрос и о переосмотре периодизации истории КНР.

Идеи, высказанные на пленарном заседании А. В. Меликсетовым, а также А. Г. Григорьевым и В. И. Глущиным, получили дальнейшее развитие в выступлениях на секции «История революционного движения и социалистического строительства в Китае».

В центре дискуссии стояла проблема изменения подхода к оценке судеб революционного движения и социалистической идеи в странах Востока. Однако на секции прозвучали также доклады, касающиеся проблем как новой истории Китая, так и самых актуальных проблем развития социализма в КНР. В ряде докладов были затронуты малоисследованные проблемы, позволяющие более объективно подойти к анализу различных аспектов новейшей истории Китая.

Основные дискуссии на секции «Традиции и современность» проходили вокруг вопросов о регулирующей роли государства, о пределах восприимчивости Китая к западным моделям развития, об изменениях в подходах к личности и семье.

В докладах отмечалось, что модернизация, особенно в таких странах, как Китай, возможна лишь в условиях синтеза традиционного с современным. Успех построения социализма с китайской спецификой зависит от умения руководства страны выработать оптимальную модель такого синтеза.

Углубленная проработка идеологических проблем, вопросов политической реформы общества велась на секции «Современное состояние китайского общества, идейно-теоретические процессы в КНР, вопросы культуры и образования».

Острую дискуссию здесь вызвал вопрос о целесообразности быстрой демократизации китайского общества по «западному образцу». Ряд ученых высказались в том смысле, что оценка политической реформы с точки зрения ее соответствия западным стандартам соблюдения прав человека и политических свобод неисторична, поскольку не учитывает национальной специфики Китая. Высказывались опасения, что ускоренный процесс демократизации может вызвать дестабилизацию и обострение противоречий в китайском обществе, привести к непредсказуемым последствиям.

Самой крупной по количеству участников и, пожалуй, наиболее интересной по характеру обсуждаемых проблем была секция «Вопросы экономического развития КНР. Внешнеэкономические связи КНР и проблемы регионального сотрудничества».

На секции были рассмотрены вопросы методологии исследования нынешнего этапа социально-экономического развития КНР, проанализированы причины структурной разбалансированности народного хозяйства КНР, усиления межотраслевых и внутриотраслевых диспропорций. Практика показала опасность попыток длительного сосуществования административных и рыночных рычагов регулирования экономики, приводящих к их взаимной нейтрализации и невозможности осуществления действенного макроэкономического контроля. Выход китайской экономики из порочного круга структурной несбалансированности, низкой эффективности и затратного характера воспроизводства видится лишь на путях комплексного осуществления рыночных преобразований, охватывающих все области экономической деятельности.

Традиционно большой интерес вызвали доклады специалистов по аграрному вопросу.

Была высказана та точка зрения, что опыт коллективизации в КНР нельзя считать безусловно негативным, так как на определенном этапе развития создание коллективных хозяйств повысило эффективность сельскохозяйственного производства. Основным же направлением изменений хозяйственной структуры деревни на ближайшую перспективу может стать дополнение семейного хозяйствования кооперативными структурами в сфере снабжения средствами производства и сбыта продукции, технического и агротехнического обслуживания производства.

Внешнеэкономическая часть работы секции была посвящена углубленному сравнительному анализу советских и китайских внешнеэкономических концепций, а именно концепции «необходимости установления нового международного экономического порядка», «взаимозависимости Севера и Юга», поддерживаемых КНР, и «международной экономической безопасности» и «взаимозависимого мира», выдвинутых СССР в середине 80-х годов.

Были проанализированы общие причины всестороннего и глубокого кризиса плановой системы в таких странах, как СССР и Китай, сделан вывод о том, что нынешние трудности переходного периода в обеих странах обусловлены не столько ошибками, непоследовательностью реформ, сколько самими системными чертами планово-распределительной экономики, которая противится реальным переменам.

Особенно подчеркивалось, что наука должна отвечать на запросы и вопросы практики, реальной жизни. Схоластические рассуждения о «социалистичности» или «капиталистичности» реформ не проясняют перспектив развития экономической ситуации, не отвечают требованиям дня.

На секции «Внешняя политика КНР и международные отношения на Дальнем Востоке» были рассмотрены методологические проблемы изучения внешней политики КНР, внешнеполитическая практика Китая на современном этапе, ставились вопросы о целях и задачах советской политики в АТР.

Оживленную дискуссию вызвало обсуждение особенностей политики СССР в АТР. Была высказана мысль, что призывы к укреплению безопасности в АТР с содержательной точки зрения не несут серьезной нагрузки, носят в целом характер политической декларации и не способны вносить в дальнейшем ощутимый вклад в углубление позитивных тенденций в АТР. Для несоциалистических стран АТР важнейшими являются задачи динамичного экономического развития, и убеждать их, что проблема разоружения важнее — дело бесперспективное. Другие же исследователи отвергли такую постановку вопроса, заявив, что американское военное присутствие в АТР представляет реальную опасность как для СССР, так и для стран региона.

В работе секции приняли участие ученые из Монголии Ш. Аурязан, который дал оценку нынешнему состоянию китайско-монгольских отношений, а также исследовательница из США К. Холмс, коснувшаяся методологических проблем изучения внешней политики КНР в различных научных центрах США. Она также изложила свою точку зрения на перспективы советско-китайских и американско-китайских отношений.

Нормализация советско-китайских отношений, отметила К. Холмс, оценивается в США положительно, как фактор стабилизации обстановки в АТР. Что касается китайско-американских отношений, то, несмотря на негативную реакцию общественности на подавление демократического движения в КНР, американская администрация стремится сохранить достигнутый ранее уровень китайско-американских связей.

Ряд интересных замечаний по поводу обсуждавшихся проблем сделал известный польский ученый Я. Ровиньский. Он призвал глубже анализировать взаимосвязи между внутренней и внешней политикой Китая, рассматривать события, происходящие в КНР, в контексте изменений в мире.

Подводя итоги работы конференции,

М. Л. Титаренко отметил, что основные задачи, которые ставили перед собой ее организаторы, выполнены. Конференция стала своеобразным полигоном обкатки новых идей, смотрам достижений советского Китаеведения. Дискуссии и обсуждения позволили выявить ключевые проблемы, требующие первоочередного изучения.

В то же время конференция показала, что более глубокое осмысление вопросов, изучаемых Китаеведами, невозможно без тесного сотрудничества с обществоведами широкого профиля — философами, историками, политологами, социологами. Это позволило бы расширить рамки исследований, по-новому взглянуть на Китай как неотъемлемую часть мирового сообщества.

Т. Сулицкая

Воспоминания об одной конференции

Ф. ЛАППО

Апрельская (1990) конференция «Социализм в мире и странах Азии» Института востоковедения АН СССР будет продолжена. Основанием для такого решения послужил широкий интерес к теме, ее актуальность, научная ценность уже состоявшегося обсуждения.

Социализм в странах Востока, — отметил, открывая конференцию, заместитель директора ИВ АН СССР, доктор экономических наук Г. И. Чуфрин — это часть общих проблем социализма. На одной конференции невозможно даже теоретически описать сложнейшую современную ситуацию в этой области, поэтому небесполезно прежде всего обозначить позиции и подходы к этим проблемам.

Первую часть конференции составили три доклада.

В чем странная особенность дихотомии «капитализм — социализм»? Доктор исторических наук, заведующий сектором ИВ АН СССР А. В. Кива, отве-

чая на этот вопрос, заявил: теория мирового революционного процесса, как и теория «реального социализма», демонтировалась вместе с демонтажем административно-командной системы, обернувшейся властью бюрократии, но никак не рабочего класса. С ГУЛАГом и коррупцией или без них — это было искусственное построение, как бы родственное «госкапитализму» в Европе, даже со «следом» феодализма или «азиатского способа производства». Все это не могло быть выводом из теории Маркса и Ленина, не нашедшей после 1924 г. достойного продолжения, как не может быть следствием злой воли Сталина. Здесь не прав тов. Цинко. Бюрократический социализм имеет своим основанием идею люмпенского социализма (см.: Известия. — 1990. — 1 июня). С другой стороны, в Австрии и Швеции общество ближе к идеалу социализма и устойчивее, чем казарменный социализм.

Модель «реального социализма» оказалась тем более искусственной для стран «третьего мира», хотя марксистский социализм имеет здесь социальную

Изложение дальнейшего обсуждения названной проблемы см.: Восток. — 1991. — № 1.

базу, в отличие от Запада. Особенно неудачными следует признать попытки насильственного насаждения этой искусственной модели с присущими ей структурами элитарной власти. Основная часть «третьего мира» пошла по эволюционному пути, близкому к «третичной» модели капитализма.

Марксистско-ленинское учение сыграло огромную историческую роль. Формационная теория К. Маркса не потеряла своей актуальности и в наши дни. Однако эта теория оказалась в неразвитом состоянии, подавленная сталинизмом и неосталинизмом, оторванная от новейших достижений естественно-научного и социального знания о природе, обществе и человеке (Эйнштейн, Вернадский, Фрейд и др.). Стала очевидной также необходимость сочетания формационного и историко-цивилизационного подходов. В заключение А. В. Кива указал на историческую необходимость равноправного и взаимопользующего сотрудничества со странами «третьего мира» в области теоретической работы, высказал убеждение в грядущем синтезе социалистических идей и движений.

Ю. В. Ванин, заведующий отделом социалистических стран Азии ИВ АН СССР, кандидат исторических наук, справедливо обратил внимание на характерную передержку в теоретических и публицистических работах наших оппонентов. Социализм они рассматривают только через призму советского опыта, опыта страны со «среднеслабым» (В. И. Ленин) стартовым уровнем, скомканным переходным периодом, с огромными деформациями, скачками, которые «изувечили» наше общество и картину социализма. С другой стороны, социалистическая революция — не менее правомерна, чем буржуазная. Именно капитализм был автором многочисленных революций, был «искусственно смоделирован» и идеологически обеспечен. Наконец, в-третьих, является фактом множественность моделей социализма, причем критерии моделирования столь же множественны, включая различные типы собственности. В Азии особая трудность вызвана необходимостью «перехода к переходному периоду», а также негативным влиянием советского опыта. Поэтому обновление социализма, его перестройка происходят и в этих странах, имея своим содержанием пере-

оценку прошлого, «откат» к экономическим методам, рыночным отношениям, мирохозяйственным связям. Причем вероятны на этом пути и частичные политические потрясения на почве социальных проблем, вызываемых самими реформами, на почве сопротивления консервативных сил и т. д.

Доктор исторических наук, заведующий отделом общих проблем ИВ АН СССР Р. Г. Ланда сказал в своем докладе: Каждое старое общество расценивало свой уход как нечто противоестественное, как конец света. И выбор эволюции или революции делали не вожди и теоретики, а ход истории, сумма факторов: традиции, уровень культуры, состояние экономики и цивилизации, морали и психологии общества, умение политического маневрирования, ожесточение от войн и разрух. Экстремисты были всегда, но не всегда их слушали. Теоретики — тоже, их тоже слышат не всегда. Чаще всего почвой революций были традиции авторитаризма и деспотизма. Когда степень исторической зрелости противоборствующих сил одинаково низка, а их мораль деградирована, то давняя привычка решать дела посредством силы делает свое черное дело.

Касаясь проблем социализма, Р. Г. Ланда отметил, что, помимо прочего, это общество, по существу, высоко рационально в организации хозяйства, многообразного по формам собственности, в том числе общественной. Коллективное не заменяет индивидуальное, а энтузиазм — конкретный, реальный материальный интерес. Социализм — многообразнее по всем измерениям. Поэтому нужна система децентрализации ради большей активности участников производства и управления. Социализм — это и этап в нравственно-психологической эволюции, новое гражданское самосознание, чувство человеческого достоинства. Социализация личности должна вырваться из шор «масскультуры», характерной для индивидуалистического общества (где сочетается иллюзия свободы с реальностью нивелирования индивидов), к подлинным богатствам культуры человечества. Пока для этого нигде нет оптимальных условий, да и быть не может при современном укладе жизни. Только новая культура станет основой новых человеческих отношений, сознания самоцен-

ности человека и, следовательно, новой морали. Это и будет подлинный социализм, где «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех».

Из более чем тридцати выступлений чуть более трети были посвящены страноведческим вопросам и почти две трети так или иначе затрагивали общетеоретические проблемы. Примером такого взаимодействия может быть названо выступление профессора Л. П. Делюсина. В КНР, отметил оратор, разворачивается процесс выработки новой концепции современного Китая, принявший форму «борьбы с буржуазным либерализмом» на базе положения о «начальной стадии социализма». Однако складывается впечатление, что возгласами «Не трогайте марксизм!» пытаются защитить нынешнюю политику, причем нынешняя политика обращается к марксизму чаще всего в виде «идей Мао Цзэдуна». Одни зовут на «истинный путь», указывая на негативные последствия рыночных отношений, другие призывают развивать дальше рыночные отношения и осуществлять демократические преобразования в сфере политики. Л. П. Делюсин подчеркнул, что к марксизму следует относиться как к науке, а не идейной привилегии, то есть его должно (изучив) развивать на основе опыта, накопленного за последние десятилетия.

Н. А. Макаров (ИМЭПИ) посвятил свое выступление анализу социально-политических процессов во Вьетнаме новейшего времени. Сложность их заключалась в том, что при отсутствии материальных предпосылок социализма и социальной базы коммунистического движения вьетнамская революция вобрала в себя целый ряд традиционных структур и идей, с трудом поддающихся модернизации. По мнению тов. Черменского (МГИМО), ситуацию в СРВ нельзя считать тупиковой, так как политическая система и экономический базис страны вполне согласуются друг с другом, а вместе — с процессом социалистических преобразований и, наконец, идеологически вполне согласуются с народными представлениями. В политике руководства используется тактика проб и ошибок, растет интерес к опыту КНР, широко распространены лозунги национального возрождения. Экономические реформы в сочетании с жесткой политической системой позволяют, по мнению вьетнамских товарищей, осуществить первоначальное

социалистическое накопление. События в Восточной Европе оцениваются здесь как следствие ослабления роли субъективного социалистического фактора в жизни этих обществ.

В. В. Грайворонский (ИВ АН) показал значение идей марксизма-ленинизма в развитии МНР, а Ю. П. Дементьев (ИВ АН) обратил внимание на важную роль национального вопроса в Камбодже, где полпотовцы традиционно опираются на бедные горные племена. Д. В. Мосяков (ИВ АН) описал и другие сложности движения этой страны к социализму — преодоление тенденций бюрократического социализма, которые доминировали после 1979 г., трудности восстановления крестьянского хозяйства, многоукладность низшего порядка в промышленной сфере.

Ряд выступлений был посвящен реакции в арабском мире на процессы современного социалистического развития и на эволюцию социалистической идеи. В Дамаске в конце 1989 г. проведена конференция на тему «Перестройка: арабский аспект», в центре внимания которой были судьбы революционного социализма на Ближнем Востоке.

Большинство участников конференции определили социалистическое обновление как новую фазу цикла, свидетельствующую о более широком разбросе значений социалистического процесса, но не о его сужении. В. Ф. Ли (ИВ АН) сформулировал итог данного обсуждения так: «Социализм — это глобальная теория и глобальное движение».

Общетеоретические выступления с известными оговорками можно свести к оппозиции: «формация» или «цивилизация».

Главный редактор журнала «Восток» («Народы Азии и Африки»), доктор исторических наук Л. Б. Алаев, пожалуй, высказался наиболее определенно: социализм как формация может возникнуть лишь после того, как капитализм исчерпает свои возможности. Социализм как система (?) теоретически не обоснован, так как неясно, чем «общественная собственность» отличается от государственной. «Реальный» же социализм — это большей частью социалистический национализм, нативизм. Необходимо прежде всего изучить опыт социализма и опыт перестройки в нашей Средней Азии.

В. Ф. Ли обратил внимание на то, что новое мышление предполагает рас-

смотрение социалистического развития в контексте развития общемировой цивилизации как ее части, как процесса возвращения к ней. Следовательно, мы должны исходить из закономерностей всемирно-исторического процесса, которые в современном мире разворачиваются в двух планах — межцивилизационного взаимодействия и конвергентных взаимодействий двух общественных систем. Родовой же признак социализма неизменен — освобождение труда, ликвидация его изъемной формы. Но в целом следует иметь в виду: законченная теория противоположна диалектике.

Какой способ производства мы имеем при деформированном социализме, — поставил вопрос В. Т. Ростяников (ИВ АН), — когда субъектом этого социализма выступает политическая власть, которую мы реформируем, а сам этот социализм стараемся заменить? Писал же Маркс о «вульгарном коммунизме».

Разговор о марксизме продолжил Г. Г. Котовский (ИВ АН). На Западе давно признан большой вклад марксизма в науку об обществе, тогда как у нас суждения о Марксе зачастую просто невежественны. Лучшее в марксизме и есть формационная теория, раскрывающая и ход общенсторического процесса, синтезирующая и развитие производительных сил, и формационное, и цивилизационное развитие. Теория конвергенции, по мнению тов. Котовского, отражает реальный, объективный процесс, в котором участвуют две линии — европейская и представленная СССР и рядом стран Азии. Столь же неизбежна и идейно-политическая конвергенция с социал-демократией. Этот подход имел серьезных оппонентов.

Л. С. Васильев, доктор исторических наук, заведующий сектором ИВ АН СССР, предложил для рассмотрения две позиции. 1) Ответственность за дискредитацию социализма несет не Сталин. Социализм вообще взялись строить совсем не там и не в тех условиях, где предполагал Маркс (Маркс как раз предполагал первой революцию в России. — Ф. Л.). Кронштадт показал, что произошло в результате этого решения Ленина, поэтому неп был не гениальным ходом, а шагом к здравому смыслу, возвратом от коммунизма к простому товарному производству (!). Что делать дальше, Ленин не знал, с тем и ушел. Сталин знал, что делать: или любой

ценой создать мощную державу и тем спасти социализм, или сдаться капитализму. Сталина упрекают за разгул насилия, но ведь не он, а Маркс возвел насилие в ранг теории. 2) Социализм этого типа (с его хорошим и плохим) рухнул в Восточной Европе, у нас оказался на пределе, а в Азии застыл в неподвижности. И это произошло потому, что он базировался на марксовой теории формации (теория не может быть причиной, она может быть лишь фактором. — Ф. Л.), которая оказалась мифом, кроме разве положения об азиатском способе производства. (Можно не сомневаться, если бы Маркс увидел, как на нем «базировались», самое деликатное, что он сказал, было бы следующее: «На что же вам дана собственная голова?» — Ф. Л.). Есть лишь два пути в истории, продолжал В. С. Васильев, — европейский (с такими его императивами, как частная собственность и свобода личности) и неевропейский (с государственным руководством, жестко контролирующим частную собственность и рынок, где есть лишь управляющие и управляемые — типичная административно-командная система). И в основе у нас оказались механизмы, общие с Востоком. Все получалось, как у Моцзы, особенно в Китае. (Гитлер и К° были все же европейцами. — Ф. Л.).

В. С. Ерасов, доктор философских наук, заведующий сектором ИВ АН, отвечая на тезис А. В. Кивы о глобализации мировых процессов, заявил, что социализм «задержался» на Востоке и это раскрыло «тайну» (?) марксизма. С другой стороны, глобализация — не конвергенция, ибо предполагает этническое и цивилизационное многообразие, в котором социализму, однако, поместиться негде. Наконец-то выяснилось, отметил В. С. Ерасов, что социализм не обладает собственной сущностью и легко распадается на национальные и цивилизационные элементы (как это? — Ф. Л.). Нет исторического смысла прерывать эволюционно-естественный ход развития. Маркс не считал естественное развитие сознательным процессом, об этом вспомнил М. Вебер. (Вспомним и мы мысль Маркса: в истории нет ничего, кроме деятельности сознательного, преследующего свои цели человека. — Ф. Л.) Революции влекут за собой термидоры, продолжил В. С. Ерасов. В России революция была направ-

лепа против демонтажа империи, против сближения с Западом (а лозунг мировой революции? — Ф. Л.), против естественного социального устройства. Наш социализм — социализм восточный, близкий к религиозному фундаментализму, поэтому он более тотален и агрессивен. Коллективизм — восточное явление, противоположное личностному бытию европейца (в социальной психологии бытует мнение, что коллектив действителен лишь тогда, когда он состоит из личностей, а не «случайных индивидов». — Ф. Л.). Для Востока более характерны объединение, интеграция на почве общего врага, нежели развитие (следовательно, Япония и НИС — это теперь Европа? — Ф. Л.). Наш уход с Востока послужил бы на пользу нашему цивилизационному статусу (интересно, как доктор Ерасов расценивает этот наш статус в 1941 г.? — Ф. Л.). В этом смысле Афганистан — конец эпохи и начало новой — симбиоза с Западом...

Выступление Е. Р. Богатовой (ИМЭПИ) было посвящено таким вопросам: реформируемо ли то общество (социалистическое), которое мы имеем в Европе и Азии, и являются ли эти общества социалистическими и вообще был ли 1917 г. началом новой формации? У Маркса теории социализма как таковой нет (согласимся, не может быть законченной теории того, что не началось. — Ф. Л.), а те идеи, что им высказаны, не подтвердились. Станным кажется постановка вопросов о социалистическом выборе, социалистических завоеваниях и преимуществах социализма: $\frac{1}{6}$ населения — за чертой бедности, так и не достигнута всеобщая занятость. 1985 год порожден не самим этим обществом (и даже не диссидентами? — Ф. Л.), а внешним фактором. Существующая система суть неудачный эксперимент, шаг в неопределенность. В нашем обществе характер системы определяется отношением «власть — общество», значит, отказ от государственной собственности означает отказ от власти, поэтому система не реформируема, и есть лишь один выход — немедленно идти к капитализму, то есть к рынку.

Итак, 1000 лет, вдвое дольше Европы, просидеть в феодализме, всего 56 лет слегка попробовать капитализма и после 70 лет, едва не провалив дело социализма, просидеть туда, откуда, не пресуев, пришли к 1914—1917 гг.?

А. В. Кива призвал в заключительном слове отринуть верноподданническую логику и перейти к обычной, нормальной. Наше общество — искусственное, ибо оно создано по плану (неужели это можно назвать планом? — Ф. Л.). Но сама идея социализма неистребима, в том числе социализма казарменного, пока в мире есть бедные и угнетенные. (Наверное, потому и постольку идея неистребима, что она суть отражение в общественной мысли человечества социальной сущности человека, его принадлежности к роду людскому. — Ф. Л.) А капитализм извлек уроки из срывов своего «магистрального шествия» — двух мировых войн и кризиса 1929 г. с фашизмом. Рыночные отношения нам нужны как переходные к «магистралу».

Ю. В. Ванин очень убедительно говорил о сложности проблем социализма и о необходимости строить теоретические схемы прежде всего на почве историзма, на почве фактов во всем их многообразии, взаимосвязи, чтобы не стать рабами новых догм и пленниками новых мифов. Ни экономическую систему, ни теорию нельзя менять, как комнату. Не надо забывать, например, что центр и периферия капитализма и сегодня — совершенно разные вещи и отнюдь не равноправные партнеры. Критика марксизма может быть впрок, только если будет исходить из знания его. Да и опыт социализма в Европе и Азии изучается недостаточно. Шумное отрицание — еще не наука.

Р. Г. Ланда отметил, что главное достижение конференции в том, что она будит мысль. Пока что выделяются эмоциональные, даже панические моменты в умонастроениях. Ненужно придет и серьезный анализ, понимание, что революции — тоже элемент естественно-исторического развития, что в происшедшем у нас после революции ответственные не революционеры, а те, кто их заменил, что неудачи революции и социализма объясняются не только формами собственности, но их содержанием, формами реализации, отсутствием заинтересованности работника. И решатся наши проблемы не тем, что есть на Западе (хотя опыт этот необходим), а в сфере наших реалий, среди которых — артельность, общинность, даже настроения эгалитаризма.

Заметим в итоге, что вопросы, поднятые на конференции, настолько

важны, что для их решения (помимо практического творчества) необходимы усилия и экономистов и геофизиков, и страноведов и политологов, и социологов и историков, и этнологов и лингвистов, и философов и культурологов. Нужна кооперация наук. Подузнание пуце невежества, как сказал Д. С. Лихачев.

И если мы стремимся к новой, гуманистической, как иногда ее называют, цивилизации, то должны знать, что такое та или иная *историческая цивилизация*. Почему они — та или иная? В чем каждой причина и сущность? И вопрос иного плана: какие нужны еще аргументы, чтобы убедить в необ-

ходимости изучения не только на эмпирическом, но и на теоретическом, философско-историческом уровне специфики *восточно-азиатской цивилизации*, определяющей в XXI в. пионерскую роль АТР в мире. Чем не работа для востоковедов и, в частности, ученых Института Дальнего Востока и их журнала? (Ради экономии обзор («конспект и заметки на полях») сокращен; не оказалось места и для ответа на ряд сомнительных утверждений и описания современных взглядов на формационные и цивилизационные процессы.)

Из жизни ВАКИТ

11 октября 1990 года состоялось заседание Президиума Центрального совета Всесоюзной ассоциации китаеведов (ВАКИТ). На заседании были подведены итоги деятельности ВАКИТ в 1990 году. Минувший год был периодом оживленных контактов научной общественности СССР и КНР, которые отличались возросшим интересом к изучению взаимного опыта.

Ассоциация совместно с Институтом Дальнего Востока АН СССР, ССОД — ОСКД провела ряд крупных мероприятий. При активном содействии ВАКИТ проведена I Всесоюзная научная конференция «Китай и социализм. Актуальные проблемы изучения экономики, политики, истории и культуры Китая» (Москва, 9—11 октября 1990 года). В ее работе приняли участие китайские ученые. Отныне данная конференция становится традиционной, ежегодной, и ее проведение будет приурочено к годовщине провозглашения Китайской Народной Республики.

Значительное место в работе Ассоциации в 1990 году отводилось развитию связей с зарубежными научными обществами и организациями. В мае в СССР находилась делегация Китайской ассоциации за международное взаимопонимание во главе с ее Генеральным секретарем Юй Вэнь — членом ВК НИКСК.

В сентябре ВАКИТ организовал делегацию и группу научного туризма для участия в XXXII Конгрессе Европейской ассоциации китаеведения (ЕАК) в городе Лейдене, Нидерланды. В состав делегации входили представители китаеведческих центров Москвы, Ленинграда, Владивостока, Хабаровска. В соответствии с просьбой ЕАК, ВАКИТ подготовил

справочное издание «Советское китаеведение», которое выйдет в 1991 году на русском и английском языках.

В 1990 году Ассоциация вела работу по подготовке к печати трех сборников, продолжая ранее начатую серию «Новое в изучении Китая». Сюда вошли: «Социально-экономическое развитие Китая: навстречу 90-м годам», «Китай в системе международных отношений» и «История Китая в новое и новейшее время: историография и источниковедение». Эти сборники статей ведущих китаеведов страны, отражающие новые концепции, выйдут в свет в 1991 году.

Секретариат ВАКИТ совместно с Московским отделением участвовал в организации и проведении ежемесячных семинаров под руководством академика С. Л. Тихвинского «ВАКИТовские пятницы», где обсуждаются актуальные проблемы китаеведения, заслушиваются сообщения р научных командировках.

Совместно с ССОД — ОСКД в феврале 1990 года в ИДВ АН СССР состоялось празднование Чуньцзе (Праздника Весны) с приглашением китайских стажеров и учащихся. Совместно с Институтом востоковедения АН СССР ВАКИТ организовал вечер памяти крупного советского востоковеда Л. З. Эйлина.

В 1991 году ВАКИТ предполагает расширить сотрудничество с научно-общественными организациями КНР и китаеведческими центрами третьих стран, усилить связи с отделениями Ассоциации в СССР за счет поощрения их самостоятельности, информирования о всех аспектах деятельности ВАКИТ и центральных академических научных учреждений.

М. ТИТАРЕНКО

Перестройка в Советском Союзе, закат эпохи «холодной войны» в международных отношениях ставят перед всеми нами кардинальные вопросы: куда идет человечество? каким будет мир на рубеже XX и XXI веков и в последующий период? имеет ли будущее современная цивилизация? может ли человек изменить мир?

Эти вопросы относятся к категории вечных, связанных с самопознанием человечества, его стремлением заглянуть в завтрашний день. Очевидно, что это стремление диктуется желанием сделать существование людей более разумным и целенаправленным. Оно естественно, но следует сразу оговориться, что, например, на вопрос «можно ли действительно изменить мир?» среди всех провозвестников существуют различные, подчас прямо противоположные точки зрения. Одни утверждают, что будущее познать невозможно. Библия приводит высказывание Иисуса Христа о том, что если человек хочет быть счастливым, то он должен жить сегодняшним днем. Эта христианская идея развивалась многими мыслителями с древности и до наших дней. Как известно Дейл Карнеги положил этот принцип Христа в основу своей концепции счастливой жизни и приобретения друзей. У Екклесиаста, например, сказано: «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познание, умножает скорбь». Однако в той же Библии содержатся максимы и иного рода. Как бы то ни было, футурология в наше время стала одной из модных и популярных наук. И это является отражением общей тенденции человеческого развития, — тенденции совершенствования цивилизации. Другими словами, внутренний принцип формирования ноосферы.

Идея ноосферы, выдвинутая П. Тейяр де Шарденом, Э. Леруа и развитая В. И. Вернадским, указывает на опережающее влияние человеческой деятельности, и прежде всего человеческого разума, на естественноисторические процессы, на нашу планету и околоземное космическое пространство. Более того, Вернадский выдвинул идею антропокосмизма, которая указывает на возможность человека в будущем по мере развития и совершенствования техники оказывать серьезное влияние на процессы в Великом космосе, и прежде всего в Солнечной системе. Итак, на вопрос: возможно ли действительно изменить мир? — ответ может быть только утвердительным. Но нас больше интересуют ответы на практические вопросы, куда идет человечество? Каков характер грядущих изменений и как они будут влиять на жизнь человека: в благоприятном или неблагоприятном направлении? У древних был поставлен и встречный вопрос, а нужны ли эти изменения человеку? Благоприятны ли они, полезно ли вмешательство человека в природу, в развитие ноосферы для самого человека?

Мне кажется, что ответы на поставленные выше вопросы можно найти, рассматривая различные проблемы отношения «Восток — Запад», которые в современном понимании можно разбить на две группы в зависимости от подхода. Во-первых, группа проблем, в которых отношения «Восток — Запад» рассматриваются как взаимодействие двух культур в формировании общечеловеческих ценностей. Во-вторых, в по-

слевоенные годы в понятие отношений «Восток — Запад» стали включать и проблемы межсистемных политических и социально-экономических отношений.

На первый взгляд между этими двумя «Востоками» и «Западами» нет ничего общего, к ним трудно найти общий подход. Но тем не менее он есть. При анализе взаимодействия двух культур Запад рассматривается как носитель рационального технократического начала, а Восток — духа, идеи, морально-этических ценностей. Достаточно вспомнить, что все современные мировые религии зародились или имели корни на Востоке. При рассмотрении проблем межсистемных отношений Запад — развитой капитализм ассоциируется прежде всего с производством. Восток-социализм — с идеей построения социально справедливого общества. При этом следует понять, что ошибки в выборе пути достижения цели еще не означают ошибочности самой цели.

Если взять общетеоретический, философский, аспект проблемы развития и изменения человеческой цивилизации, то следует, видимо, подчеркнуть, что в эпоху ослабления конфронтации и перехода к диалогу, а от него к сотрудничеству, взаимодействию — а именно в начале такой эпохи мы живем — огромную, можно сказать, решающую роль в обеспечении не только выживания, но и прогрессивного развития человечества имеет гармонизация взаимодействия восточной и западной цивилизаций и гуманизация международных отношений в целом. Эта проблема, — проблема взаимодействия двух типов культуры, порождала в прошлом множество конфликтов, вызывала неприязнь между народами. Конфликтное толкование логики взаимодействия западных и восточных цивилизаций преобладало на протяжении многих веков. В кратком афористическом выражении его дал английский писатель Редьярд Киплинг в «Балладе о Востоке и Западе», строка из нее — «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись» — цитируется многими авторами. Однако при этом забывается, что Р. Киплинг был апологетом британского империализма, свое незаурядное литературное дарование он направлял на доказательство «цивилизаторской» миссии англосаксонской расы среди «отсталых» народов Востока. «Бремя белого человека» — так называется одно из его произведений — он видел в том, чтобы убеждением или силой подчинить Восток великой английской цивилизации. Можно еще раз с сожалением отметить, что классиков больше цитируют, чем изучают. Приведенная выше цитата из Киплинга сейчас часто используется как бесспорный аргумент в пользу конфронтационного подхода в оценке отношений между Востоком и Западом, без учета личности Киплинга, его политических взглядов.

Можно отметить, что и в марксистской идеологии, в том числе и в ленинизме, который органически пронизан идеей интернационализма, доминируют взгляды определенного превосходства западной цивилизации над восточной. Запад во многих современных учениях был синонимом цивилизации и прогресса, а Восток — отсталости, косности и застоя. Ответной реакцией Востока на такие взгляды можно считать «георию» Мао Цзэдуна о том, что «ветер с Востока одолевает ветер с Запада». И здесь мы видим конфронтационный подход.

В России, Китае, Японии, Индии и других странах в XIX и в XX вв. особую остроту приобрела проблема выживания собственно восточной цивилизации в русле ее взаимодействия с цивилизацией западной. В России на протяжении многих лет борьба между славянофилами и западниками то утихала, то разгоралась с огромным ожесточением. И сейчас, в ходе нашей перестройки она вновь приобрела крайне острый характер и даже стала причиной поляризации социальных сил, размежевания по культурному и национальному признаку. Эта борьба породила крайне националистические организации и всплеск шовинистических настроений, как, например, у идеологов общества «Память» в России, «Саюдиса» в Литве, украинских, армянских и азербайджанских «народных фронтов» и т. д.

Выдающийся русский философ Николай Бердяев в книге «Судьба России» писал: «Объединение человечества, его развитие к всеединству совершается через мучительное, болезненное образование и борьбу национальных индивидуальностей и культур. Другого исторического пути нет, другой путь есть — отвлеченность, пустота или чисто индивидуальный уход в глубь духа, в мир иной.»¹ И далее: «Все великие национальные культуры — всечеловечны по своему значению. Нивелирующая цивилизация уродлива». Красной нитью в этой книге проводится идея о том, что «национальность есть положительное обогащение бытия и за нее должно бороться как за ценность».

Этот вывод можно распространить и на взаимоотношения Востока и Запада. Каждая культура — ценность для человечества. Работа Н. Бердяева проникнута оптимизмом, верой в прогресс, верой в то, что борьба между Востоком и Западом ведет к взаимообогащению культур. В качестве примера он ссылается на историю немецкой нации. «Германия, — пишет он, — была экономически и политически отсталой страной по сравнению с Францией и Англией, была восточком по сравнению с западом. (Разрядка моя. — М. Т.) Но пробил час, когда она приняла эту более передовую западную цивилизацию. Стала ли она от этого менее национальной, потеряла ли свой самобытный дух? Конечно нет.»³

Примером страны, где взаимообогащение двух культур проявляется наиболее заметно, является Япония. Здесь можно видеть, как западная техника и технология синтезируются с национальными, восточными чертами характера, с традиционными ремеслами. В стране получили признание западная музыка, живопись, но воспринимаются они японцами через призму национального, что ускоряет развитие как западной, так и восточной культуры в целом.

Борьба «западников» с «националистами» наблюдается практически во всех странах Востока. Например, с большой остротой она шла и идет в нашем веке в Китае. Студенческое «движение 4 мая 1919 г.» в Китае стало знаменем прогрессивных сил страны в их стремлении к новой культуре. Но при этом многие национальные ценности огульно отрицались, в то время как далеко не лучшие образцы потребительской и массовой культуры Запада неоправданно возвеличивались. В ходе той давней полемики конфуцианство подвергалось поношению, а его основоположник, великий древнекитайский философ и политический деятель Конфуций, был объявлен реакционером и чуть ли не людоедом. В период так называемой «культурной революции» 1966—1976 гг., развязанной по инициативе Мао Цзэдуна, углубилась конфронтация между сторонниками национальной идеологии, с одной стороны, и современных западных теорий — с другой. Это произошло в первую очередь потому, что как западные теории, так и национальные были вульгаризованы и примитивизированы, что нанесло огромный ущерб прежде всего самой китайской культуре. Драматические события на площади Тяньаньмэнь в 1989 году — это отзвук той давней борьбы, той давней конфронтации.

Известно, что западная цивилизация рассматривается многими мыслителями как цивилизация рационализма. Макс Вебер, анализируя внутренние закономерности духа цивилизации западных обществ, весьма пессимистически оценивал перспективы господства техногенной рациональности. Он подчеркивал, что этот тип рациональности ведет к дегуманизации обществ, дегуманизации отношений между людьми, антагонизму между природой и обществом и в конечном счете к перерождению рациональности в иррациональность. Вебер констатировал, что отрыв этических и гуманных ценностей от технической цивилизации ведет к тому, что общество цепенеет в «механизированной окаменелости, все человеческое каменеет в окружающем бесчеловечном мире» и гибнет в «специалистах без души, в людях наслаждения без сердца»⁴.

Опасность «гибели человечества» в результате господства «западной рациональности», не подкрепленного духовностью, видят и современные западные ученые. Известный психолог Виктор Франкл, которого часто ставят в один ряд с создателем первой Венской школы психотерапии Зигмундом Фрейдом и главой второй Венской школы «индивидуальной психологии» Альфредом Адлером (школу Франкла сейчас называют третьей Венской школой психотерапии), отмечает, что во многих странах Запада дело доходит до потери смысла жизни. И это в обществе изобилия, которое ни одну из базовых потребностей человека не оставляет неудовлетворенной. «Это происходит именно от того, что оно только удовлетворяет потребность, но не реализует стремление к смыслу»⁵.

В. Франкл цитирует письмо к нему американского юноши. «Мне 22 года, у меня есть ученая степень, у меня шикарный автомобиль, я полностью независим в финансовом отношении, и в отношении секса и личного престижа я располагаю большими возможностями, чем в состоянии реализовать. Единственный вопрос, который я себе задаю, — какой во всем этом смысл». Потеря смысла при полном благополучии становится одной из основных причин самоубийств среди американских студентов. В. Франкл приводит такие данные. Самоубийства по частоте занимают второе место после дорожно-транспортных происшествий среди причин смертности у американских сту-

дентов. При этом попыток самоубийств в 15 раз больше. Обследования этих лиц показали, что 85 % из них не видели больше в своей жизни никакого смысла. При этом 93 % из них, отмечает Франкл, были физически и психически здоровы, жили в хороших материальных условиях и в полном согласии со своей семьей. Они активно участвовали в общественной жизни и имели все основания быть довольными своими академическими успехами⁶. Причина этого, на мой взгляд, в преобладании рационалистического материального начала в ценностных ориентациях и недооценка духовного.

На заре становления западного капиталистического общества, видя перспективы его материального развития, французские просветители и другие западноевропейские гуманисты поддерживали и развивали весьма оптимистические концепции развития общества. Еще Лейбниц сказал: «Все к лучшему в этом лучшем из миров». Но Вольтеру этот оптимизм показался недостаточным. «Все к лучшему в этом самом лучшем из миров», — уточнил он. В то время пессимистический взгляд Руссо на роль прогресса цивилизации не встретил понимания со стороны французских просветителей. Великий Гегель прогресс человечества и культуры отождествил с саморазвитием абсолютного духа. В каком-то смысле можно сказать, что эта идея является предшественницей концепции ноосферы, которая, как известно, акцентирует именно господство человеческого разума над окружающей нас природой, правда, освобождая разум от божественного промысла.

Какова разница в подходах Востока и Запада при поиске путей процветания общества? Платон считал, что для порядка нужна сильная власть. Конфуций же, как идеолог восточного подхода, говорил, что порядок установят просвещение, пропаганда жизненных канон. Чувство стыда ведет к порядку, а не страх перед законом. Конфуций считал универсальными законами жизни гуманность и этику — жэнь и ли. Уже с тех пор на Западе акцент традиционно делался на правах человека, а на Востоке на долге и обязанностях. Права человека определяются, устанавливаются, обеспечиваются институтами власти. Долг и обязанности же опираются на духовность человека. В одинаковых условиях представители Запада ищут оправдания своим поступкам во внешних причинах, а Востока — действуют, как правило, в соответствии с внутренними убеждениями.

В нашей нынешней повседневной жизни мы все чаще убеждаемся в том, что трудно обеспечить права человека без соблюдения обязанностей. Цитировавшийся выше В. Франкл пишет: «Как было бы прекрасно синтезировать Восток и Запад, объединить дело и свободу. Тогда свобода могла бы получить полное развитие. Пока это в большей степени негативное понятие, которое требует позитивного дополнения. Этим позитивным дополнением является ответственность. Ответственность интенционально соотносится с двумя вещами: со смыслом, за осуществление которого мы ответственны, и с тем, перед кем мы несем эту ответственность. Поэтому здоровый дух демократии будет выглядеть однобоко, если понимать его как свободу без ответственности.

Свобода, если ее реализация не сопряжена с ответственностью, угрожает выродиться в простой произвол. Я люблю говорить, что статуя Свободы на восточном побережье США должна быть дополнена статуей Ответственности на западном побережье⁷.

В середине XX в. возникла марксистская концепция прогрессивного развития общества. Она как бы восприняла ряд идей христианской телеологии (предопределенность развития), но переиначила их на материалистический манер, как и диалектический идеализм Гегеля. В основу этой концепции была положена идея гуманизации общества, рационализации человеческой жизни. Свободное развитие каждого как условие развития всех — вот идеал, провозглашенный марксизмом.

Однако суровые реалии современного мира поставили перед марксистами и их нынешними последователями множество проблем, особенно в связи с их попытками ускорить социально-экономическое развитие народов и государств в рамках социалистического выбора или социалистической ориентации, в то время как они находились на докапиталистических и доиндустриальных стадиях развития цивилизации.

Здесь, мне кажется, уместно остановиться и на упоминавшейся выше второй группе проблем отношений «Восток — Запад», когда они рассматриваются как возникшие в результате взаимодействия социализма и капитализма. И здесь, практически с первых шагов, мы видим конфронтационные подходы. Сторонники коммунистической

идеи видели возможность построения полного социализма на базе торжества социалистической революции в мировом масштабе. Троцкий и его последователи призывали «одним махом переделать старый мир». И эта позиция находила широкую поддержку не только у троцкистов. Достаточно указать на принятую на VI конгрессе Коминтерна программу мировой пролетарской революции. С другой стороны, идеологи Запада отстаивали доктрину «мирового капитализма» и не брезговали призывать к экспорту контрреволюции, что усугубляло конфронтацию двух систем.

Анализируя события в Восточной Европе, ход перестройки в Советском Союзе, многие западные идеологи, посвятившие себя бичеванию коммунистической идеологии и советской системы, ныне активно выступают с пророчествами о бесповоротном крахе коммунизма до конца нынешнего столетия. Но даже в нынешних условиях объективный глубокий анализ показывает, что социализм был, есть и останется одним из крупных факторов развития мировой политики и культуры. Рассматривая будущие изменения в мире, нельзя обойти вопроса о будущем социализма и, во всяком случае, о влиянии на эти изменения идей социализма, таких, как идея социальной справедливости и защищенности, идея равенства. Наши попытки воплотить их в жизнь, наши эксперименты в прошлом опирались в большинстве случаев на насилие, исходили из того, что к лучшему обществу человека можно привести насильем. Приходится признать этот путь ошибочным, но это не значит, что ошибочна и цель. Во всяком случае даже буржуазные идеологи считают, что под влиянием идей социализма капитализм был вынужден изменить свое отношение к человеку. Это говорит о том, что марксизм как течение политической жизни, как теория оказал и оказывает громадное влияние на мировой политический процесс.

Попытка заглянуть в будущее, во многом с точки зрения борьбы между Востоком и Западом, была сделана в опубликованной в американском журнале «Нэшнл интерест» сенсационной статье американского профессора Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории?»⁶. Фукуяма, следуя христианской традиции, утверждает, что человечество переходит к постиндустриальному обществу полного удовлетворения потребностей человека, что завершает исторический этап развития цивилизации. Эту победу, это завершение истории он связывает с «неоспоримой победой экономического и политического либерализма», которому нет разумной альтернативы. Он заявляет: «Триумф Запада, западной идеи очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив». Он считает, что «события в Советском Союзе (имея в виду перестройку.— М. Т.) — «родине мирового пролетариата» — забивают последний гвоздь в крышку гроба с марксизмом-ленинизмом». Фукуяма полагает также, что попытки модернизировать социализм — не более чем утопия. «Некоторые утверждения Горбачева,— продолжает профессор Фукуяма,— будто он стремится вернуться к первоначальному смыслу ленинизма, сами по себе лишь вариант оруэлловской «двойной речи».

Однако будущее мира после «конца истории» уважаемый профессор рисует отнюдь не в оптимистических тонах. «Конец истории печален. Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной цели, идеологическая борьба, требующая отваги, воображения и идеализма,— вместо всего этого — экономический расчет, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворении изощренных запросов потребителя. В постисторический период нет ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории. Я ощущаю в самом себе и замечаю в окружающих ностальгию по тому времени, когда история существовала. Какое-то время эта ностальгия все еще будет питать соперничество и конфликт. Признавая неизбежность постисторического мира, я испытываю самые противоречивые чувства к цивилизации, созданной в Европе после 1945 года, с ее североатлантической и азиатской ветвями».

Не вдаваясь в детальный анализ концепции профессора Фукуямы, можно остановиться на его оценках исторических судеб социализма.

На мой взгляд глубоко заблуждаются те, кто рассматривает кризис социалистической идеи, получившей реализацию лишь через практику казарменного социализма и тоталитарно-бюрократической системы управления, извращавших и дискредитировавших идеи ее основоположников и теоретиков, как отражение краха и полного самоуничтожения самой социалистической идеи. Странники этого подхода настойчиво тиражируют свои взгляды в средствах массовой информации во многих странах, вклю-

чая и страны Восточной Европы, и Советский Союз. На Западе политолог З. Бжезинский, отталкиваясь от драматического опыта Польши, родины своих предков, издал нашумевшее сочинение «Большой провал. Рождение и крах коммунизма в XX столетии». Настоячивое повторение этого тезиса приводит на мысль немецкую поговорку: «Что скажут народу трижды, тому верит народ». Важно подчеркнуть, что идеи конца мира, заката цивилизации, краха систем, конца истории появляются в переломные эпохи, когда наблюдается смена этапов развития, прекращение конфронтации культур и переход к иному этапу взаимного приспособления и сосуществования цивилизованных общностей.

Возвращаясь к статье профессора Фукуямы, оценивая ее, нельзя не отметить, что она в яркой публицистической форме поставила один из коренных вопросов современного и будущего взаимодействия двух миров, Востока и Запада, еще вчера погруженных в ожесточеннейшую «холодную войну», а сегодня ищущих пути совместного разрешения общечеловеческих проблем. Фукуяма с энтузиазмом склоняется к мысли: «Этот век, вначале столь уверенный в триумфе западной либеральной демократии, возвращается теперь, под конец, к тому, с чего начал: не к предсказывавшемуся еще недавно «концу идеологии» или конвергенции капитализма и социализма, а к неоспоримой победе экономического и политического либерализма»⁹.

В подтверждение своей мысли, выраженной в абсолютно категорической форме, Фукуяма ссылается на ряд, по его мнению, бесспорных фактов:

— В последнее десятилетие изменилась интеллектуальная атмосфера крупнейших коммунистических стран, в них начались важные реформы.

— Широкое распространение западной потребительской культуры, включая «крестьянские рынки и цветные телевизоры» в нынешнем Китае, «кооперативные рестораны и магазины одежды в Москве», «переложенный на японский лад Бетховен в токийских лавках» и рок-музыку, которой с равным удовольствием внимают в Праге, Рангуне и Тегеране.

Достаточно ли этого для подкрепления фундаментальной посылки Фукуямы «о конце истории как таковой, завершении идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления»? Думается, что нет. Вообще же концепция Фукуямы не столь уж и нова, хотя и выглядит сенсационной. Во-первых, яркость формы изложения не всегда подкрепляется убедительными аргументами и научностью методологии. Профессор Фукуяма относит себя к сторонникам Гегеля, но порывает с гегелевской диалектикой, утверждая, что постиндустриальное общество решит все противоречия. Это попросту невозможно. Оно решит противоречия предыдущего этапа развития, но породит новые противоречия, которые будут двигать его в том или ином направлении.

Во-вторых, чтобы доказать свою концепцию конца истории, профессору Фукуяма необходимо опровергнуть ту серию рациональных аргументов, которую в свое время по аналогичной проблеме выдвинули и Маркс, и Ленин, и целый ряд других выдающихся мыслителей таких, как Макс Вебер, Маркузе, Шпенглер и другие.

В-третьих, мир меняется, и прогресс в прошлом отсталых стран со всей очевидностью показывает, что «идеология консерватизма и обскурантизма», каковой называли конфуцианство, стала в Японии, Южной Корее, Тайване, Гонконге, Сингапуре важным идеологическим и морально-этическим фактором прогресса этих наций. Другим источником и фактором этого прогресса стало использование западного научно-технического опыта, западных научно-технических достижений, западной науки управления.

Есть все основания утверждать, что прогресс азиатских стран, во многом обусловленный расширением их экономических, культурных и политических связей с развитыми западными странами, превращает АТР в новый центр науки, политики, экономики, новый центр цивилизации наряду с европо-атлантическим центром. В Азии происходит сплав восточной и западной культур, и мы являемся свидетелями возникновения нового типа человеческой цивилизации. Сейчас трудно охарактеризовать ее особенности, но она развивается, обогащается и формирует будущее человечества, хотя трудно сказать что-либо конкретное о том, каким оно будет.

Это обусловлено тем, что ее благоприятному развитию и становлению мешают проблемы, порожденные современным развитием цивилизации — конфронтацией

человека с природой, сохраняющимися еще очагами конфликтов и войн, подрывом жизнеспособности окружающей среды, ядерными арсеналами. Мир, конечно, меняется, но будут ли эти изменения благотворными, в решающей степени зависит от решения вышеназванных проблем как в плане гармонизации восточной и западной цивилизаций и их неконфронтационного взаимодействия, так и решения проблем гуманизации международных отношений, утверждения древнего принципа естественности в отношениях человека с природой, осуществления политики разоружения, развития всестороннего и многогранного сотрудничества между народами безо всякой дискриминации.

* * *

Человечество вступило в эпоху мира, развития и соревнования. Она выдвигает перед странами Запада и Востока, перед капиталистическими и социалистическими государствами, перед развитыми и развивающимися странами актуальные проблемы поиска новой этики и морали в международных отношениях и новых принципиальных основ взаимодействия и сотрудничества.

История показывает, что возведение «Великой китайской стены» между Востоком и Западом, исходя хотя бы из «синдрома Киплинга», бесплодно для человечества. Да, Запад есть Запад, Восток есть Восток, каждый из них развивается своим путем, но при этом важно обеспечить процесс взаимообогащения, неконфронтационного синтеза и многообразия в рамках общечеловеческой цивилизации. Сейчас на Западе идет вторая волна интереса к учению Конфуция. Его общественные и нравственные идеалы привлекают многих. Когда-то Конфуция называли Учителем Дальнего Востока, однако есть некоторая общность в понимании критериев ценности человека. Ценностные ориентиры Конфуция, а главным для себя он ставил поиск путей к спокойному процветанию общества, опору прежде всего на морально-этические принципы, что нами рассматривается как мудрость народов Востока, становятся моральными аспектами предпринимательской деятельности. Обращение к человеческому фактору, рациональное сочетание западной технологии с конфуцианством нашло отражение в значительных экономических успехах азиатских новых индустриальных стран. Недаром сейчас предприниматели США, Англии, Италии, Франции и других западных стран изучают и стремятся использовать опыт Японии и НИС в использовании человеческого фактора. Это пример восприятия Западом морально-этических ценностей Востока на современном этапе развития человечества.

Не менее важно для человечества преодолеть попытки рассматривать отношения между Востоком и Западом как конфронтацию двух социально-политических систем, добиться их взаимодействия на основе баланса интересов и уважения выбора каждого народа. Мечта о наступлении такого времени, когда будет покончено с войнами и на планете воцарится всеобщий мир, всегда пронизывала взгляды лучших умов человечества и Востока и Запада.

В выдающемся памятнике философской мудрости Древнего Китая «Даодэцзин» говорится: «Где побывали войска, там растут терновник и колючки. После больших войн наступают голодные годы». Великий мыслитель древности Мо Ди (V в. до н. э.) говорил: «Пытаться с помощью войны решать политические споры между государствами, пытаться добиться мощи и славы — это все равно, что заставить всех людей Поднебесной пить одно лекарство для лечения разных болезней, ибо пользы от этого, может быть, будет лишь четырем-пяти человекам...» («Мо-цзы», гл. «Против нападений», ч. III). Европейские гуманисты эпохи Возрождения философы И. Кант и Г. Спенсер, писатели Лев Толстой и Генри Торо, великие мыслители К. Маркс и В. И. Ленин и многие другие представители гуманистической мысли прошлого, бескомпромиссно осуждая войны, без устали поднимали голос в защиту мира. В послевоенные годы в качестве глашатаев миролюбивых идей выступали такие видные ученые-гуманисты, как Бертран Рассел и Альберт Эйнштейн. Современный Восток дал нам поборников мира и идеи ненасилия, воспринявших мечту о мире из учения Будды таких, как Махатма Ганди. С Востока пришли идеи Панча Шила, принципы Бандунга.

В поисках правильного подхода к развитию отношений между Востоком и Западом нам поможет мудрость древних. В 15-й главе книги «Луньей» («Беседы и высказывания»), собравшей мысли Конфуция, содержится такой диалог ученика и учителя: «Ученик (Цзы гун) спросил: «Можно ли всю жизнь руководствоваться одним словом?» Учитель ответил: «Это слово — взаимность. Не делай другим того, чего не желаешь себе»». Как давно это сказано, и как это актуально. Именно взаимный учет интересов всех стран и народов, сколь бы трудным ни казалось это, понимание растущей взаимозависимости в этом противоречивом мире, большая терпимость, стремление сохранить, приумножить и усовершенствовать накопленные культурные ценности и самого человека — вот, на наш взгляд, те главные духовные и нравственные предпосылки для поиска правильного пути сохранения мира на Земле.

¹ Бердяев Н. А. Судьба России.— М.: Издательство МГУ, 1990.— С. 96.

² Там же.— С. 97.

³ Там же.— С. 99.

⁴ М. Weber. Versammelt Aufsätze zur Religionssoziologie.— S. 203—204.

⁵ Франкл В. Человек в поисках смысла / Сборник: Перевод с англ. и нем.— М.: Прогресс.— 1990.— С. 41.

⁶ Там же.— С. 26.

⁷ Там же.— С. 68.

⁸ См.: Вопросы философии.— 1990.— № 3.

⁹ Там же.— С. 134.

Восток Ксеркса

(Япония в философии истории Владимира Соловьева и Андрея Белого).

В. МОЛОДЯКОВ

Япония активно вышла на мировую арену в последней четверти прошлого века, уверенно заявив о себе как о новой исторической силе. Это, разумеется, не могло остаться вне пристального внимания не только политиков и экономистов, но и философов, историков, деятелей культуры. Применительно к России в их числе необходимо прежде всего назвать крупнейшего русского мыслителя второй половины XIX века Владимира Сергеевича Соловьева и его ученика и последователя, виднейшего представителя русского символизма Андрея Белого (Бориса Николаевича Бугаева). Соловьев раньше других почувствовал неизбежность переплетения исторических судеб Японии и России, что нашло выражение в созданной им концепции двух Востоков, художественно воплощенной и развитой Белым.

Для русской мысли всегда были характерны неоднозначное отношение к Востоку и неоднозначное истолкование этого исторического и социального феномена. Противоречивость, более того — несовместимость и одновременно диалектическое единство двух ликов Востока с наибольшей полнотой были выражены Соловьевым, давшим им имена — Восток Ксеркса и Восток Христа. Имя персидского царя Ксеркса употреблено мыслителем как синоним жестокого и беспощадного завоевателя, несущего гибель человеческой цивилизации и гуманистическим, христианским ценностям. Христос противостоит ему как воплощение добра, красоты и деятельной любви, как символ исторического оптимизма и устремленности в будущее.

Но к осознанию глобального исторического противоречия Востока Ксеркса и Востока Христа Соловьев пришел не сразу. Поэтому необходимо обратиться к генезису и истокам концепции двух Востоков.

Проблема Востока и Запада и положения России между двумя противоположными мирами издавна была важнейшей для русской мысли и имела в ней давнюю традицию, восходящую еще к средним векам, к формуле Филофея¹ о третьем Риме. Традиция включала и принципиально важный тезис об особом пути исторического развития России, отличном как от восточного, так и от западного. Для России познать Восток и Запад означало познать саму себя, так как в этой «системе координат» традиционно определяла Россия свое положение в мире. Петровские преобразования и последующие полтора столетия не критического восприятия западной цивилизации искусственно отодвинули проблему на второй план, но не лишили ее актуальности. Одностороннее, неестественное решение оказалось исторически ложным. На рубеже 30—40-х годов XIX века эту проблему ставят во главу угла русские славянофилы, в то время, по оценке русского философа В. В. Розанова, «единственная у нас школа оригинальной мысли»². Оппозиция Восток — Запад и положение России в связи с ней превращаются не только в политическую, но в глобальную историческую и философскую проблему, актуальность которой на протяжении последних полутора столетий только возрастает. И как бы ни решала ее потом русская мысль — она пошла по славянофильскому пути, в направлении славянофильской постановки проблемы, ибо западникам эта проблема была чужда как таковая. По верному замечанию Н. А. Бердяева, «русское национальное самосознание родилось в постановке проблемы Востока и Запада»³.

Запад для русской мысли всегда был неким монолитным и цельным образованием — вне зависимости от отношения к нему. Он мог представляться миром истинного христианства, прогресса и добродетели — мог казаться и средоточием зла, безверия и разврата. Отношение к нему и у западников, и у славянофилов было строго определенным, односторонним — и в этой односторонности неминуемо ложным.

Восток же и на раннем этапе развития исторической и философской мысли не мог казаться единым, ибо совмещал родину христианства, мусульманский мир — злейшего вра-

га христиан на протяжении многих веков, полусказочную Индию, легендарную Среднюю империю, монголов, превратившихся в абстрактный, но грозный символ. Несколько позже в этот ряд встанет и Япония. Ее появление на мировой арене в корне изменит представление русских (да и не только русских) о Востоке.

Если Запад в XIX веке был уже «открыт» и определенно оценен русскими, то «открытие» Востока по сути еще только начиналось и в будущем шло параллельно с развитием русской философской мысли. Эволюция взглядов Владимира Соловьева как нельзя лучше раскрывает сущность и ход этого процесса.

Главная идея Соловьева — идея синтеза, противостоящего односторонности. Уже в магистерской диссертации «Кризис западной философии. Против позитивистов» (1874) он пишет о необходимости органического соединения результатов рационального познания западной философии с «истинами, которые в форме веры и духовного созерцания и я утверждались великими теологическими учениями Востока (отчасти древнего, а в особенности христианского)»¹. В работе «Три силы» (1877) Соловьев уже прямо постулирует противоположность Востока и Запада как царства бесчеловечного бога и безбожного человека, расценивая и то и другое как односторонности. Под Западом он понимает Европу, под Востоком — мусульманский мир. Россию и мир славянского, объединенных православием, он считает третьей, исторически прогрессивной (в отличие от двух первых) силой, миссия которой — преодолеть искусственную ограниченность двух миров и соединить их лучшие достижения в синтезе «положительного всеединства». В этом отношении Соловьев принципиально расходится как с западниками, так и со славянофилами, в учении которых видит торжество «отвлеченных начал». Принимая многие принципиальные моменты и той, и другой доктрин, он уделяет главное внимание «критике отвлеченных начал», как назвал он свою докторскую диссертацию. Положительную альтернативу он афористически сформулирует позднее в статье «Мир Востока и Запада» (1896): «Империю двуглавого орла есть мир Востока и Запада, разрешение этой вековечной распри великих исторических сил...»².

В 80-е годы прошлого столетия Соловьев выступает преимущественно как богослов и религиозный публицист. Он обнаруживает глубокие симпатии к католицизму, что отразилось в серии работ, опубликованных по цензурным условиям только за границей («История и будущность теократии», «Россия и Вселенская церковь» и др.). Одновременно в русской прессе он полемизирует с поздними славянофилами — материалами этой полемики собраны в двух выпусках его сборника статей «Национальный вопрос в России». К проблеме Востока Соловьев в это время почти не обращается. Переломным стал 1890 г., в течение которого были написаны и опубликованы такие принципиально важные произведения, как стихотворение «Ех oriente lux» («С Востока свет») — ключ к концепции двух Востоков — и статьи «Китай и Европа» и «Япония». В стихотворении «Ех oriente lux» он прямо ставит перед Россией историческую дилемму:

*Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса или Христа?»³*

Заслуга Соловьева в том, что он первым в истории русской мысли показал два диалектически связанных между собой и непримиримо враждующих лика Востока с безусловной очевидностью. Тема христианского Востока у Соловьева уже рассматривалась в ряде посвященных ему работ. Тема же Востока Ксеркса до настоящего времени остается практически не изученной и не осмысленной.

К началу 90-х годов Соловьев перестал считать мусульманский мир сколько-нибудь реальной силой, враждебной христианству. Более того, в период своих наибольших католических симпатий он подчеркивал парадоксальную на первый взгляд близость ислама и восточнохристианских ересей, прежде всего в плане поклонения бесчеловечному богу, присущему культурам Востока в целом, что показано в работе «Великий спор и христианская политика» (I, 96—98). Соловьев до конца жизни интересовался историей ислама и в 1896 г. даже выпустил популярную биографию Мухаммеда, написанную в соответствии с лучшими достижениями тогдашнего востоковедения. Немалое внимание уделял философ и Индии, главным образом как родине буддизма, в котором видел высшее воплощение присущего Востоку созерцательного начала. Однако уже в индийском буддизме он указывает на отрицательную сущность, которую впоследствии будут резко критиковать в буддизме дальневосточном и разного рода «необуддийских» учениях. С 1890 г. именно на Дальнем Востоке видит Соловьев совершенно определенно и однозначно наиболее сильного и опасного врага христианства — а значит, в его понимании, и человечества в целом. Историческое значе-

ние его учения о двух Востоках для русской мысли в том, что в нем дана наиболее полная картина противоборства сил Ксержка и Христа в мире и сделан вывод колоссальной важности: «Всемирная история переносит свой центр тяжести» (II, 692) на Дальний Восток.

В статье «Китай и Европа» философ показывает оппозицию Ксержке — Христос как противопоставление «порядка» и «прогресса». И здесь очень важно отметить, что с того же времени оппозиция Восток — Запад им фактически снимается как неправомерная, заменяется исторически и философски более оправданным противопоставлением Ксержка и Христа, как воплощающих извечную борьбу Зла и Добра. Ксержка не тождествен Востоку, как и Христос не тождествен Западу. Добро Соловьев видит и на Востоке, и на Западе, в мире христианства в целом. Средоточие Зла, мир Ксержка — антихристианский мир, наиболее ярко воплотившийся для мыслителя в понятии «порядка», в китайском государстве и буддийской религии. Эту мысль он наиболее четко сформулировал в начале 1890-х годов, однако десятилетием раньше указывал на Китай как символ статичности и замкнутости, а потому выключенности из динамики мировой истории (I, 76).

Прогресс Соловьев связывает с христианством как динамичным учением, философией деятельной любви. *Порядок* же воплощает косность, обращенность в прошлое, самодовольную ограниченность (китайское государство), безразличие, пассивность и недеяние (буддизм). Главной опасностью «китайщины» мыслитель считал ее стремление навязать свои духовные и нравственные начала всему миру. Об этом он писал и в статье «Враг с Востока» (1891), сравнивая духовную экспансию «порядка» с нашествиями монгольских кочевников. Однако боязнь «китайской угрозы» вызывалась скорее традицией русской общественной мысли в отношении Китая, нежели реальной политической ситуацией. Внимание Соловьева все больше и больше начинает привлекать Япония. Вероятно, здесь имел место и сугубо личный момент. С 1892 г. русским посланником в Токио был Михаил Александрович Хитрово (1837—1896). В его жену, Софью Петровну Хитрово, в течение многих лет был безнадежно влюблен Соловьев. Отношения философа с М. А. Хитрово были весьма теплыми и дружественными, и когда дипломат умер, Соловьев поместил на страницах «Вестника Европы» некролог со словами о том, что его смерть «для нашей политики на Дальнем Востоке утрата незаменимая»⁷.

В последнее десятилетие жизни Соловьева в его взглядах на роль Японии в мировой истории произошли существенные изменения. Некоторые ранние отзывы философа о Японии сегодня не могут не показаться наивными. В статье «Китай и Европа» он утверждает, что «японцы не очень ценят особенности своей культуры, судя по той поспешности с которой они перенимают не только техническую сторону европейской цивилизации, но и жизненные ее принципы»⁸. В той же статье он уверенно лишет о духовной близости Японии к христианскому миру и спешит зачислить ее в союзники сил Добра в грядущем глобальном столкновении Христа и Ксержка.

Статья «Япония. Историческая характеристика» проникнута мыслью о принадлежности Японии к силам прогресса (в соловьевском понимании). Он решительно противопоставляет «подвижный, поступательный характер японской истории»⁹ консервативно-статичному Китаю. Останавливается Соловьев и на исключительной роли буддизма как одной из важнейших духовных основ жизни японцев. Однако, уверовав в их искренний отказ от своих традиционных ценностей, он строит весьма радужные прогнозы относительно будущей полной христианизации Японии и даже пытается обосновать это теоретически: «Положительного духовного содержания и цели для народной жизни буддизм не давал и дать не мог по своей отрицательной сущности. Япония нуждалась в такой религии, которая, поднимая народный дух над темным потоком материальной жизни, не оставляла бы его висящим в абстрактной пустоте, а ставила бы на твердый путь исторического процесса, указывала бы ему определяющую мировую цель и снабжала действительным руководством для ее достижения. Япония нуждалась в христианстве»¹⁰.

Одновременно автор отмечает парадоксальную тягу европейцев к восточным религиям, эзотерическим учениям, магии, что безусловно свидетельствовало об усилении среди них антихристианских тенденций и настроений. «Не скрывается ли за нынешним англо-французским необуддизмом другое, более могучее и таинственное движение, не предвзвещает ли и не подготавливает ли он последнюю мировую реакцию языческого Востока (Востока Ксержка. — В. М.) пред окончательным торжеством вселенского христианства?»¹¹. Отсюда и настороженно-отрицательное отношение Соловьева к теософии, «тайной доктрине» Е. П. Блаватской¹².

Вопреки оптимистическим прогнозам философа японский народ к христианскому миру «не припал» и не стал «желанным союзником тех исторических сил, которым суждено потрудиться для торжества царства Божия на земле»¹³. Японо-китайская война, показавшая реальную слабость Китая и не менее реальную силу и агрессивность Японии, оказала значительное влияние на эволюцию взглядов Соловьева. Под впечатлением происходящих событий он пишет с Иматы зимой 1894—1895 гг. друзьям серию пророческих писем о будущих исторических потрясениях на Дальнем Востоке, в которых столкнутся силы Ксеркса и Христа. Он обладал несомненным даром предвидения, но здесь мы имеем дело скорее с блестящим политическим прогнозом, полностью оправдавшимся в скором будущем. Тогда же он пишет стихотворение «Панмонголизм»:

*От вод малайских до Алтая
Вожди с восточных островов
У стен поникшего Китая
Сбирали тьмы своих полков*¹⁴.

«Вожди с восточных островов» — это, разумеется, японцы, а стихотворение написано под впечатлением японо-китайской войны. Этот принципиально важный и совершенно очевидный факт тем не менее не отмечен в комментариях З. Г. Минц к изданию стихотворений Соловьева¹⁵. Начиная с этого стихотворения панмонголизм как конечное выражение антихристианской идеологии устойчиво связывается у Соловьева с Японией, что в полной мере отразилось в «Краткой повести об антихристе», вошедшей в последнее крупное произведение Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1899—1900), своего рода завещании великого философа.

Основное содержание «Краткой повести...» — исторические потрясения, ожидающие землю в XX веке. Это новое монгольское нашествие на христианский мир, с быстрой победой и полувекowym господством над Россией и Европой и столь же стремительное низвержение. Это приход антихриста, искушение и прельщение им большей части христианского мира. И, наконец, это единение всех верных завету Христа, сокрушение антихриста и воссоединение Церковью — исполнение заветной мечты Соловьева. Подобная концовка никак не позволяет говорить об историческом пессимизме Соловьева в «Трех разговорах» (в отличие от «Панмонголизма» и двух небольших статей о «восточном вопросе» 1897 и 1898 гг., действительно не содержащих положительной исторической альтернативы). Для рассмотрения данной темы наиболее важен первый сюжет «Краткой повести...».

«Двадцатый век по Р(ождеству) Х(ристову) был эпохою последних великих войн, междоусобий и переворотов. Самая большая из внешних войн имела свою отдаленную причину возникшее еще в конце XIX века в Японии умственное движение п а н м о н г о л и з м а [выделено В. Соловьевым.— В. М.]» (II, 736). Высказывание автора 1894—1900 гг. не позволяют согласиться со следующим утверждением выдающегося философа А. Ф. Лосева: «Соловьев страшился уничтожения западной цивилизации новым монгольским нашествием, на этот раз из Китая. Эта идея панмонголизма, как и вообще все главнейшие соловьевские идеи, продумана им обстоятельно и глубоко на основании всей исторической жизни Китая»¹⁶. Добавим, что в конце 1890-х годов Соловьев опасался в большей степени именно за Россию, нежели за «западную цивилизацию».

Основной целью доктрины панмонголизма было «собрание воедино, под своим главенством, всех народов Восточной Азии против чужеземцев, то есть европейцев» (II, 736). Философ совершенно верно отразил главную тенденцию исторического развития Японии, стремительными темпами наращивавшей в те годы свою военную и экономическую мощь и уже вынашивавшей планы достижения политического господства на Тихом океане. По прогнозу Соловьева японцы не просто завоевывают Китай, но, завоевав, объединяются с китайцами против европейцев на общей платформе. Позицию японцев Соловьев излагает следующим образом: «Если вы [китайцы.— В. М.] соединитесь с нами [японцами.— В. М.] и примете наше практическое руководство, то мы скоро не только изгоним белых дьяволов из нашей Азии, но завоюем и их собственные страны и оснуем настоящее Среднее царство над всею вселенною» (II, 737).

Повествование о японских завоеваниях с поразительной точностью предсказывает реальный ход войны на Тихом океане четыре десятилетия спустя. Далее философ пишет о том, как новые монголы завоевывают Россию и Европу, пользуясь политическими и религиозными противоречиями внутри христианского мира. «Через год все европейские государства признают свою зависимость от богдыхана... Полвека длится новое монгольское иго над Европой» (II, 738—739). Крах же завоевателей стал результатом огромного то-

тального заговора, объединившего покоренные страны против нового Ксеркса. В предисловии к «Трем разговорам» Соловьев писал: «В теснейшем сближении и мирном сотрудничестве всех х р и с т и а н с к и х народов и государств я вижу не только возможный, но необходимый и нравственно обязательный путь спасения для христианского мира от поглощения его низшими стихиями» (II, 642), к которым он относил и панмонголизм. Схожие мысли высказывались уже в статье «Китай и Европа».

В последние месяцы жизни Соловьев с особой тревогой следил за разгоревшимся в Китае восстанием ихэтуаней с его ярко выраженной антиевропейской направленностью. Оно казалось ему первой из исторических бурь наступающего столетия, которые он предвидел. Особенно терзало его то, что к его пророчествам в России не прислушивались. Именно это обусловило тот пессимизм, которым проникнута его последняя статья «По поводу последних событий» (1 июля 1900 г.) и предсмертные разговоры с князем С. Н. Трубецким.

Русское общество в полной мере оценило гениальные предвидения Соловьева только во время войны с Японией. Популярный справочник издательства Брокгауз-Ефрон уже в первой половине 1904 г. писал о России как о щите против новых монголов-японцев и вспоминал великого провидца: «Ныне эта идея панмонголизма начинает переходить из области мечтаний на почву практической политики. Опасность, которую предвидел Вл. Соловьев, становится все более близкой и грозной. Япония смело выступает вперед и решительно берет на себя миссию возрождения и объединения народов Азии для будущей «мировой борьбы». Пока Япония действует сама по себе, она представляется просто честолюбивой и воинственной нацией... но в соединении с Китаем она может создать огромное расовое движение, которое и явится действительной "желтой опасностью"»¹⁷.

Конечно, сегодня разговоры о «желтой», «красной» и любой иной «опасности» следует считать достоянием прошлого, но нельзя не отметить исключительной дальновидности и высокой точности социально-политических прогнозов Владимира Соловьева. Эти прогнозы и их историческое воплощение полностью разрушают легенду о нем как о кабинетном философе, занимавшемся исключительно отвлеченными проблемами, и в полной мере показывают многообразие и разносторонность его гения.

Идеи Соловьева, в частности его концепция двух Востоков, оказали значительное воздействие на русскую культуру Серебряного века. Почти не отразившись в материалистической философии и литературе реализма, они стали основой русского религиозно-философского ренессанса и отразились на теории и художественной практике русского символизма, главным образом представителей «младшей» ветви этого течения¹⁸. Отношение символистов к Японии в полной мере иллюстрирует это влияние.

Из символистов на русско-японскую войну активно откликнулся только В. Я. Брюсов, сочетавший в руководимом им журнале «Весы» японофобскую публицистику с любованием традиционным японским искусством. Позднее японская тема заняла важное место в творчестве Андрея Белого, прежде всего в его романе «Петербург» (первая редакция — 1913 г.) — вершинном произведении русского символизма.

Сознавая себя учеником и последователем Соловьева, Белый во многом воспринял его взгляд на проблему Востока и Запада. Впервые на эту преемственность кратко указал близкий друг Белого критику Р. В. Иванов-Разумник в статье «Испытание в грозе и буре» (1918)¹⁹. Сквозь призму идей и пророчеств Соловьева воспринимал Белый и Японию. Отсюда — его трагическое восприятие русско-японской войны, взгляд на Японию как на Восток Ксеркса, отразившийся уже в его первом романе «Серебряный голубь» (1909).

Воплотив в «Петербурге» концепцию своего учителя, Белый вносит в нее существенную новацию. В отличие от Соловьева, видевшего в Западе царство истинного христианства, Белый, стоявший на неославянофильских позициях, однозначно относит его к миру Ксеркса и решительно противопоставляет в этом отношении России. Писатель в одном из пророческих лирических отступлений романа сулит гибель «европейскому» Петербургу (один из ликов Ксеркса в романе) в ходе одного из будущих катаклизмов — в отличие от исконно русских городов: Ростова, Владимира и Углича²⁰. Административные здания невисской столицы, окрашенные в «официальный» желтый цвет, вызывают в памяти «желтую опасность». Кровь «древних туранцев»* течет в жилах вылощенного сановника-европейца сенатора Абулюхова (которого автор не случайно называет «желтеньким старичком») и

* Туран — географический термин, употребляемый как противоположность Ирану; страна тюркских народов (в противоположность арийским народам).

его сына Николая, неокантианца, то есть следователя новейшего европейского учения. Учитывая это, многое из сказанного Белым о Востоке Ксеркса можно отнести к Западу (и наоборот). Как заметил в те же годы Н. А. Бердяев: «Восточно-монгольская стихия безличности проникла и в западную цивилизацию... Крайний Восток и крайний Запад таинственно сошлись»²¹.

Как и силы Зла вообще, Восток Ксеркса предстает в романе Белого во всем своем многообразии. Это «младоперс» Шишнаर्फне, оказывающийся чертом-оборотнем. Это провокатор Липпанченко, в облике которого автор сознательно подчеркивает монгольские черты и желтый цвет костюма. Это древний предок-туранец, являющийся Николаю Аблеухову чтобы подвигнуть на «монгольское дело» — «исполнить одну стародавнюю, заповедную цель: расшатать все устои; в испорченной крови арийской должен был разгореться старинный Дракон и все пожрать пламенем» (236). Дракон — символ Востока Ксеркса, символ сугубо дальневосточный, возникающий в стихотворении Соловьева «Дракон» — отклике на события в Китае. Кроме того, туранцы противоположны арийцам, как Ксеркс противоположен Христу. Замыкают этот ряд Николай Аблеухов («старая туранская бомба», по его собственному определению), который должен убить собственного отца, и террорист Дудкин — соучастник этого убийства, преследуемый «восточными» видениями. Так или иначе, все главные действующие лица романа плотно окружены восточными призраками, приметами, деталями быта.

В комментариях к «Петербургу» (675) отмечен один из источников такого рода видений — известие о душевной болезни близкого друга Белого поэта С. М. Соловьева (племянника философа). Однако в 1911 г. (время начала работы над «Петербургом») были опубликованы воспоминания Е. Н. Трубецкого о Владимире Соловьеве, содержащие следующий любопытный фрагмент, непосредственно связанный с темой Востока Ксеркса: «Рано утром, тотчас после пробуждения, ему [Вл. Соловьеву.— В. М.] явился восточный человек в чалме. Он произнес необычайный вздор по поводу только что написанной статьи о Японии («ехал по дороге, про буддизм читал, вот тебе буддизм») и ткнул его в живот необычайно длинным зонтиком. Видение исчезло, а Соловьев ощутил сильную боль в печени, которая потом продолжалась три дня»²². Эти воспоминания были, безусловно, известны Белому.

Японская ипостась Востока Ксеркса — одна из важнейших в романе. Время действия обозначено: «Проволновался Китай и пал Порт-Артур» (26) — осень 1905 г. На улицах города мелькают солдаты в «манчжурских шапках», вернувшиеся с войны, — характерная примета времени и глубокий символ. Гостиная Лихутиных, в которой происходят или с которой связаны многие ключевые эпизоды романа, обставлена в японском стиле, столь модном в начале века в аристократической, а потом и в мешанской (как в данном случае) среде. Эта деталь служит и отражению характерных черт времени, и выполнению сатирической задачи осмеяния духовных «мещан во дворянстве». Тему духовной убогости Софьи Лихутиной Белый настойчиво проводит на протяжении всего романа. Николай Аблеухов не случайно называет ее «японской куклой». Эпитет «японский» имеет у Белого устойчиво отрицательную окраску — и в художественных произведениях, и в статьях — как символ безжизненности, искусственности, фальшивости²³. Но писатель не ограничивается решением этих сугубо внешних задач. «Общее назначение в романе квартиры и семейства Лихутиных — в карикатурном, сниженном виде воспроизводить то, что происходит со всей страной [разрядка моя.— В. М.]» (601), — пишет исследователь творчества Белого Л. К. Долгополов. Не случайно провокатор Липпанченко — частый и желанный гость у Лихутиных.

Через весь роман проходит тема провокации. Затеянное охранкой убийство сенатора Аблеухова должно послужить поводом к расправам над революционерами. Однако убийство сенатора руками его собственного сына (важный для Белого мотив отцеубийства) перерастает в некую глобальную, окутавшую всю Россию провокацию. Причем провокация эта — восточного происхождения, за ней стоят или с ней связаны представители Востока Ксеркса в романе. Особенно знаменательно в этом плане видение, посетившее террориста Дудкина, когда он возвращался домой после разговора с Аблеуховым-младшим. «Желтые, монгольские рожки», промчавшиеся мимо него по Дворцовой площади на автомобиле, оказываются «именитыми японскими гостями» (100). Никаких японских гостей осенью 1905 г. в Петербурге не было и, конечно, быть не могло. Это еще один из ликов Востока Ксеркса в романе, восходящий к творчеству Соловьева. Соловьевского происхождения и «монголы» Белого. Уже в «Серебряном голубе» западник барон Тодрабе-Граабен произносит приме-

чательные слова: «Россия — монгольская страна; у нас всех — монгольская кровь, не ей удержаться нашествие: нам всем предстоит пасть ниц перед богдыханом»²⁴.

Не случайно возникает японская тема и в словах оборотня Шишнаर्फне в разговоре с Дудкиным: «Наши пространства не ваши; все течет там в обратном порядке... И просто Иванов там — я п о н е ц [выделено мной. — В. М.] какой-то, ибо фамилия эта, прочитанная в обратном порядке — японская: Вонави» (299). В японском языке такая фамилия невозможна. Важен принцип «перевертыша», анаграммы (восточного, и притом дьявольского происхождения), который связан в романе с Шишнаर्फне.

Соловьева и Белого объединяет и повышенное внимание к вопросу о Зле, о мире Ксеркса, исследование которого стоит в центре и «Трех разговоров», и «Петербурга». Однако мир Христа неизменно присутствует в обоих произведениях в качестве выражения исторического оптимизма авторов.

Десятилетие спустя Белый создает вторую (так называемую берлинскую), сокращенную редакцию «Петербурга», во многих отношениях существенно отличающуюся от первой²⁵. Подробный сравнительный анализ двух редакций дан в статье Р. В. Иванова-Разумника «Петербург» (1923) и в позднейших работах Л. К. Долгополова²⁶. Белый сокращал роман во многом за счет деталей, утративших свою злободневность. Поэтому многое связанное с Японией исчезло из второй редакции²⁷. Полное и объективное представление о философии и творческой практике Белого-символиста может дать только сравнительное изучение как первой, так и второй редакции романа.

С началом первой мировой войны японская тема в русской философии и литературе отходит на второй план. Воскрешаются старые тезисы о «тевтонской опасности», «пруссачестве» и «звоне цареградских колоколов». Меняется воплощение Ксеркса. После революционной идеи Соловьева находят свое непосредственное отражение в философии русского «скифства», одним из главнейших представителей которого был Белый. А восприятие Японии как Востока Ксеркса, пройдя через многочисленные метаморфозы и отчасти смешавшись с созданным массовой культурой времен русско-японской войны «образом врага», причудливо отразилось в «самураях», летевших наемь «под напором стали и огня».

* * *

Концепция двух Востоков, разработанная Владимиром Соловьевым и развитая его последователями, в частности Андреем Белым, не теряет своего значения и в наше время, отмеченное интенсивным процессом интернационализации и взаимного познания цивилизаций и культур. Перед каждой из них по-прежнему стоит извечный вопрос о выборе между Ксерксом и Христом. Это принципиально важно и для России, и для Японии, исторический процесс в которых уже дал немало примеров этого противостояния.

¹ Филофей — монах, русский церковный писатель и публицист XVI века, представитель раннего этапа философии русского мессианства. Ему принадлежит концепция Москвы как третьего Рима, выразившаяся в тезисе: «Два Рима пали, третий стоит, четвертому не быть».

² Розанов В. В. Ф. М. Достоевский. Достоевский Ф. М. Поли. собр. соч. — СПб., 1894. — Т. 1. — С. XVII.

³ Бердяев Н. А. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева: О Владимире Соловьеве. Сборник первый. — М., 1911. — С. 108.

⁴ См.: Соловьев Вл. Сочинения. В 2-х т. / Серия: Философское наследие. — М., 1988. — Т. 2. — С. 121—122. (Далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома римскими и страницы арабскими цифрами.)

⁵ Соловьев В. С. Сочинения. В двух томах / Серия: Из истории отечественной философской мысли. — М., 1989. — Т. 2. — С. 602. (Далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страницы арабскими цифрами.)

⁶ Соловьев В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. — Л., 1974. — С. 81.

⁷ Вестник Европы. — 1896. — № 8. — С. 905.

⁸ Соловьев В. С. Собрание сочинений. — СПб., б/г. — Т. VI. — С. 126.

⁹ См.: там же. — Т. VI. — С. 139.

¹⁰ Там же. — Т. VI. — С. 150.

¹¹ Там же. — Т. VI. — С. 157.

¹² Е. П. Блаватская (1831—1891), основатель теософии, мистического учения, эклектически сочетающего элементы восточных религий, магий и раннехристианских ересей.

- ¹³ Соловьев В. С. Собрание сочинений.— СПб., б/г.— Т. VI.— С. 157.
¹⁴ Соловьев В. С. Стихотворения и шуточные пьесы.— С. 104.
¹⁵ См.: Там же.— С. 303.
¹⁶ Юность.— 1989.— № 6.— С. 63.
¹⁷ Япония и ее обитатели.— СПб., 1904.— С. 361.
¹⁸ См. подробнее: Молодяков В. Э. Япония и русский символизм (отражение и влияние) // Вестник МГУ: Серия: Востоковедение.— 1990.— № 2.
¹⁹ См.: Иванов-Разумник. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый.— Пг., 1923.— С. 192—193.
²⁰ См.: А. Белый. Петербург / Серия: Литературные памятники.— М., 1981.— С. 99. Издание воспроизводит первую редакцию романа, рассматриваемую в данной статье. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием страницы.
²¹ Бердяев Н. А. Указ. соч.— С. 125.
²² Трубецкой Е. Н. Личность В. С. Соловьева: О Владимире Соловьеве. Сборник первый.— С. 61.
²³ См. А. Белый. Арабески. Книга статей.— М., 1911.— С. 346—347, 349.
²⁴ А. Белый. Избранная проза.— М., 1988.— С. 205.
²⁵ См.: А. Белый. Петербург. Роман.— М., 1978.
²⁶ См.: Иванов-Разумник. Вершины.— С. 105—177; Долгополов Л. К. Андрей Белый и его роман «Петербург».— Л., 1988.
²⁷ См.: Молодяков В. Э. Указ. соч.

В сентябре 1990 г. во время работы во Владивостоке международной конференции «АТР: диалог, мир, сотрудничество» по инициативе редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока» состоялась беседа ведущего японского специалиста по Советскому Союзу, вице-президента Международной ассоциации советологов, профессора Университета Хоккайдо Хириси КИМУРА и заведующего Центром японских исследований Института востоковедения АН СССР К. О. САРКИСОВА. В беседе принял участие заместитель главного редактора «ПДВ» Б. Н. СЛАВИНСКИЙ.

* * *

СЛАВИНСКИЙ: Как известно, в октябре 1956 г. Советский Союз и Япония подписали Совместную декларацию о прекращении состояния войны между двумя странами и восстановлении дипломатических отношений. Однако выработать взаимоприемлемый мирный договор в то время сторонам не удалось. Основная причина этого — разные подходы к территориальному размежеванию: в то время как Москва предложила вернуть Японии острова Хабомаи и Шикотан при условии подписания мирного договора, японское правительство настаивало на возвращении еще двух островов — Кунашира и Итуруп. Эти четыре острова получили название «северные территории». С тех пор прошло много лет, советско-японские отношения динамично развивались в различных областях, но, к сожалению, так и не удалось достичь той глубины и таких масштабов сотрудничества, которые соответствовали бы потенциальным возможностям обеих стран, как и установить между ними взаимное доверие и искреннее добрососедство. Неужели все это из-за существования территориального спора по «северным территориям»?

КИМУРА: Было бы неправильно сводить весь комплекс отношений между нашими странами только к вопросу о «северных территориях». И тем не менее, это — одна из наиболее важных проблем в советско-японских отношениях. Если вы спросите, почему, то я отвечу, что, во-первых, вот уже 45 лет проблема «северных территорий» мешает Советскому Союзу и Японии заключить мирный договор, который положил бы конец состоянию войны между ними и создал бы новую прочную основу для развития их отношений. Во-вторых, почти все другие важные проблемы советско-японских отношений уже урегулированы, и вопрос о «северных территориях» является одной из немногих оставшихся проблем, ждущих своего решения. Более того, решение этого политико-дипломатического спора и заключение мирного договора необходимы для развития научно-технического, экономического и культурного сотрудничества между СССР и Японией.

САРКИСОВ: Длительное время советская сторона вообще отрицала наличие этой проблемы. В последнее время не прямо, а лишь косвенно признав ее наличие, Москва тем не менее считает, что не эта проблема определяет характер и перспективы двусторонних отношений.

Моя точка зрения состоит в следующем: без урегулирования территориальной проблемы или, точнее, проблемы японских требований по территориальному размежеванию в послевоенное время, невозможно подписание мирного договора, поскольку мирный договор непременно по своей юридической сути предполагает фиксацию границ и определяет их неизблемость. Вместе с тем, очевидно и то, что территориальная проблема серьезно осложняет двусторонние отношения, отравляя их атмосферу. Было бы наивным полагать, что ее решение сразу же приведет к расцвету советско-японских отношений.

Я глубоко убежден, что недостатки и пороки отношений между СССР и Японией глубже, чем территориальная проблема. Они — в разнонаправленности стратегических интересов, относительно слабой экономической заинтересованности друг в друге, географической удаленности их центров и наиболее развитых районов и в других факторах.

Территориальная проблема — это рыба кость в горле двусторонних отношений. Дышать, пить-есть можно. И если вытащить кость — горло от этого шире не станет. Но уж очень дискомфортно, да и побаливает временами, а главное могут быть неприятные последствия, особенно со временем.

СЛАВИНСКИЙ: Хотелось бы коснуться исторической подоплеку проблемы «северных территорий», посмотреть, как она трактуется в наших странах. Чтобы не вовлекать собеседников в дебри «старинной глубокой», я напомним читателям, что в «ПДВ» в 1989 г. (№ 3 на русском, № 4 на английском и № 5 на японском языках) публиковалась моя статья «На пути к советско-японскому мирному договору», где подробно рассматривалась история этого вопроса. Подчеркну только, что по первому официальному русско-японскому договору 1855 г. «северные территории» были признаны как территория Японии. С тех пор они неизменно входили в состав японского государства. Изменения наступили в результате второй мировой войны. Вот с этого и хотелось бы начать.

КИМУРА: В Японии считают, что спор по поводу «северных территорий» начался еще при Сталине, когда Советский Союз неправомерно захватил эти острова после капитуляции Японии 15 августа 1945 г. В то время в Японии не было известно, что в ходе секретной встречи в Ялте в феврале 1945 г. И. В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль договорились о передаче Советскому Союзу прав на Курильские острова в случае, если СССР выступит на стороне союзников в войне против Японии. По мнению японской стороны, ей не следует считаться с тем, о чем ее не уведомили и с ней не консультировались. Член Президентского Совета СССР А. Н. Яковлев считает, что секретный протокол Молотова — Риббентропа 1939 г. недействителен для прибалтийских народов, ибо и сам факт подписания Протокола и его содержание от них утаивались. Как полагают в Японии, тот же принцип, выдвинутый Яковлевым, следует применить и к Ялтинскому соглашению, которое также содержалось в секрете от Японии во время ее капитуляции перед союзниками в августе 1945 г.

САРКИСОВ: Я тоже считаю, что исторически проблема возникла как результат или итог прошедшей войны. В ходе военных действий Советский Союз занял Курильские острова, в том числе и эти территории. Как отметил проф. Кимура, Япония не признает Ялтинских соглашений. Но ведь в 1951 г. она подписала Сан-Францисский мирный договор, документ, имеющий наивысшую юридическую силу для Японии в плане определения ее послевоенных границ. В тексте этого договора говорится о том, что Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова. Правда, в тексте этого документа нет уточнения, какие острова под названием Курильские имеются в виду. По мнению тогдашнего премьер-министра С. Иосиды, «северные территории» не входят в состав Курил, от которых Япония отказывается. Что же касается позиции США — «архитекторов» японского мирного урегулирования, то по их мнению, географические пределы Курильских островов должны быть уточнены в ходе японо-советских переговоров по заключению мирного договора.

И еще... Совместная декларация 1956 г., по которой СССР согласился передать Японии Хабомаи и Шикотан, ратифицирована парламентами двух стран и приобрела силу международно-правового документа. Но затем в 1960 г. после заключения нового договора безопасности между Японией и США советское правительство в своей памятной записке от 27 января заявило о «невозможности» осуществления обещания о передаче Японии островов Хабомаи и Шикотан. При этом, однако, говорилось, что «только при условии вывода всех иностранных войск с территории Японии и подписания мирного договора между СССР и Японией острова Хабомаи и Шикотан будут переданы Японии». То есть широко распространенное мнение о том, что обещание советской стороны передать Японии острова Хабомаи и Шикотан утратило силу, не соответствует действительности. В Памятной записке от 27 января просто говорится о новом условии, по которому Советский Союз готов передать эти острова Японии.

К сожалению, знание исторических обстоятельств территориального размежевания между двумя странами крайне искажено, особенно у нас. Совсем свежий пример — воспоминания Н. С. Хрущева, опубликованные недавно в США. Говоря об истории вопроса о четырех островах, Н. С. Хрущев пишет: «Для подобных претензий (на четыре острова.—

К. С.) со стороны Японии исторических оснований нет, поскольку японские империалисты силой захватили эти острова, когда Россия была слаба и не имела возможности защитить себя». Я цитирую по тексту перевода с английского в «Известиях» от 9 октября 1990 г. Факты же говорят о том, что первое территориальное размежевание не было России навязано.

Пока мы не поймем этого, мы будем находиться в плену ошибочных представлений и псевдопатриотических настроений, и, главное, в этом же духе настраивать свой собственный народ, сознание которого в течение многих лет искажалось историческими фальсификациями.

СЛАВИНСКИЙ: Мы говорили об историческом фоне проблемы. И у нас, и у японцев существенные различия в подходах к ней. Может быть с этим и связана тупиковость ситуации по территориальному вопросу?

КИМУРА: На мой взгляд, тупиковая ситуация в решении этой проблемы, приведшая к застою в советско-японских отношениях, во многом обусловлена политическим мышлением прежних советских руководителей. Советские лидеры слишком долго считали военную силу главным фактором международных отношений и рассматривали «северные территории» как военный трофей страны-победителя, выигравшей войну у Японии. Они уверовали в известную максиму германского геополитика Хаусхофера, которая гласит: «Границы — это скорее поле брани, нежели юридически закрепленная норма». Иными словами, они считали, что только война может изменить результаты предыдущей войны. Так, летом 1973 г. Я. С. Насрединова, будучи в то время Председателем Совета Национальностей Верховного Совета СССР, заявила в беседе с японской делегацией, которую возглавлял Х. Исиды: «Те, кто хочет изменить нынешние границы, завоеванные нами ценою жизни 20 миллионов советских людей, должны быть готовы к третьей мировой войне». Таким образом, советское руководство, не признавая наличие территориального вопроса, отказывалось сесть за стол переговоров с японской стороной.

САРКИСОВ: Тупиковость ситуации не только и не столько в разночтении исторических фактов. Суть тупика в нежелании или неготовности сторон идти на компромисс, из-за политических причин. Для советской стороны компромисс — сложный выбор. Здесь несколько причин. Компромиссы по территориям вообще трудная вещь, поскольку нужно отдавать то, чем реально владеешь. Во-вторых, острова имеют определенное военно-стратегическое, да и экономическое значение, в основном связанное с 200-мильной экономической зоной. В-третьих, есть проблема прецедента, т. е. опасности цепной реакции территориальных претензий. Наконец, проблема национального самосознания, престижа государства.

Убеденная в своей исторической правоте, советская сторона искренне считает, что передача островов явится серьезной и ничем не оправданной уступкой Японии. В связи с этим нередко задается еще один вопрос, несколько напоминающий торги: если мы передадим Японии какие-то территории, то что мы получим взамен?

Японцы придерживаются твердо своей линии: четыре острова — исконно японская территория. Поэтому они должны быть возвращены Японии в результате подписания мирного договора. На этом строится жесткая и бескомпромиссная позиция японского правительства и особенно МИДа.

Тупиковость ощущается, таким образом, по многим направлениям: тупик в осмыслении исторических фактов, тупик в понимании юридических аспектов проблемы...

СЛАВИНСКИЙ: А не кажется ли Вам, что есть и некий психологический тупик, из которого обе стороны не могут выйти?

САРКИСОВ: Несомненно. Я бы психологический тупик поставил на первое место. Между двумя странами проходит, как говорят социологи, огромный и труднопреодолимый «коммуникационный ров». Само существование территориальной проблемы отравляет психологически обстановку, отягчает атмосферу двусторонних отношений и формирует взаимное недоверие и подозрительность. Отсюда стереотип недружелюбного и во многом отрицательного образа друг друга. В частности, у нас до сих пор живы представления, по которым «японцам нельзя доверять, им дашь палец, они всю руку отхватят». Японские успехи в экономическом развитии серьезно повлияли на образ Японии в нашем отечественном сознании. Однако вытравить из сознания то, что народ видел в годы гражданской войны на Дальнем Востоке, и то, что было еще раньше, во времена русско-японской войны, очень трудно. Для этого необходимы значительно более широкие контакты, чем сейчас.

Увы, психологические стереотипы действуют и на самом высоком уровне. Известно, что

во времена застоя нашей внешней политикой руководили люди, воспитанные на военно-патриотической ноте, чье сознание и мировоззрение формировалось подготовкой к сражениям с империалистическими врагами, к которым относилась и Япония. У них было твердое убеждение, что с японцами можно говорить только с позиций силы и давления.

КИМУРА: Я тоже придаю большое значение психологическому фактору. На мой взгляд, Япония стремится вернуть эти территории именно в силу причин психологического, а бы даже сказал, символического свойства.

Во-первых, японская сторона считает, что возврат «неотъемлемых» островов будет знаменовать подлинное окончание войны. Например, господин Итиро Суэцугу, один из наиболее горячих и активных сторонников возврата четырех островов Японии, разъясняя свою позицию, говорит, что он «просто стремится закрепить факт окончания войны, который пока находится в подвешенном состоянии». Бывший премьер-министр Японии Эйсаку Сато часто подчеркивал, что «послевоенный период завершится только тогда, когда «северные территории» будут возвращены Японии». Острова нужны Японии для того, чтобы раз и навсегда стереть последнее напоминание о поражении в позорной войне.

Во-вторых, сам акт передачи островов будет рассматриваться в Японии как осязаемое свидетельство доверия и дружественного отношения со стороны великого и сильного соседа, в котором японцы до сих пор видят главную угрозу для своей страны. Основной принцип внешней политики послевоенной Японии состоит в т. н. «многосторонней дипломатии», направленной на развитие дружественных отношений со всеми странами. При этом подразумевается, что другие страны в свою очередь также будут развивать дружественные отношения с Японией. На данном этапе такая дипломатия привела к более или менее значительным успехам во всех направлениях, за исключением отношений с СССР. Поэтому Японии столь необходимо получить убедительное свидетельство добрососедского отношения со стороны Советского Союза, что поможет ей обогатить и довести до совершенства свои имеющие универсальную ценность дипломатические принципы.

СЛАВИНСКИЙ: Когда мы говорили об историческом фоне проблемы «северных территорий», то, естественно, касались и ее правовых аспектов. Хотелось бы более подробно рассмотреть существо вопроса с международно-правовой точки зрения.

КИМУРА: Поскольку о Ялтинском соглашении я уже говорил, позвольте мне остановиться на Сан-Францисской мирной конференции. Это, так сказать, еще один источник, на который, стремясь доказать законность своих притязаний на «северные территории», ссылались советские представители. Однако японцам совершенно непонятно, как советская сторона может ссылаться на договор, бойкотированный делегацией СССР во главе с Андреем Громыко. Ведь одна из причин, в силу которых Громыко отказался подписывать Сан-Францисский мирный договор состояла в том, что данный договор не предусматривает автоматическую передачу этих территорий Советскому Союзу. Например, в «Истории международных отношений на Дальнем Востоке, 1945—1977» под ред. М. Капицы (Хабаровск, 1978) говорится: «Если бы советское предложение было принято, это означало бы окончательное и полное решение территориального вопроса». Эту фразу можно понять только однозначно — поскольку советское предложение не было принято, «окончательное и полное» решение территориального вопроса не состоялось. Сознвая этот бесспорный факт, некоторые советские ученые и политические лидеры в последнее время стали говорить, что советской стороне следовало подписать Сан-Францисский мирный договор, ибо в этом случае советская позиция по «северным территориям» была бы в правовом плане более обоснованной.

САРКИСОВ: Правовой аспект проблемы, действительно, еще слабо исследован и тоже нередко трактуется произвольно с обеих сторон. Но вкратце он заключается в следующем. Курильские острова отошли к Советскому Союзу по Ялтинскому соглашению. Но это соглашение времен войны, и оно обязательно только для стран, его подписавших. В каком-то смысле это как бы протокол о намерениях. К сожалению, после войны это право СССР на Курильские острова не было зафиксировано в каком-то документе, который можно рассматривать как международное соглашение.

С другой стороны, что касается Японии, то ее территориальные пределы оговорены Сан-Францисским мирным договором, в котором говорится, что страна отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова. Это самый существенный момент во всей правовой аргументации. Таким образом, юридически Япония, претендуя на четыре острова, тем самым утверждает, что эти острова не являются Курилами. Главный аргумент японской стороны в том, что географические пределы Курильских островов

в международно-правовых актах были обозначены только в договоре 1875 г., так называемом договоре обмена Сахалина на Курилы. Но с логической и юридической точки зрения это большая натяжка. Текстовый анализ договора 1875 г. не дает достаточных оснований для такой интерпретации.

Я лично, на основании анализа документов и литературы по данному вопросу считаю, что Кунашир и Итуруп совершенно определенно являются частью Курильских островов. Шикотан то включался, то исключался из Курил. Хабомаи, скорее всего, часть Хоккайдо.

Мы уже говорили о втором правовом документе — совместной декларации 1956 г., по которой СССР обещал вернуть Японии острова Хабомаи и Шикотан. Суть, конечно, состоит в том, согласятся ли японцы таким образом урегулировать территориальный спор. Но чтобы им претендовать на два других острова — Кунашир и Итуруп, Япония как минимум должна доказать, что это не Курилы. Теоретически, без этого она не имеет прав на Кунашир и Итуруп, поскольку это будет нарушением Сан-Францисского мирного договора.

СЛАВИНСКИЙ: Как известно, условия Сан-Францисского мирного договора вырабатывали в основном Соединенные Штаты. А в дальнейшем, после его подписания, они пристально держали в поле зрения вопросы взаимодействия Японии и СССР по мирному урегулированию между ними. Как вы могли бы оценить действие «американского фактора» в советско-японских отношениях?

КИМУРА: Я бы ответил на этот вопрос, если можно так выразиться, в обратном порядке, начав с главного вывода: американский фактор играл, но уже не играет существенно важную роль в застойных отношениях между СССР и Японией.

В течение многих лет после окончания второй мировой войны Советский Союз считал Японию преданным лакеем своего главного противника — Соединенных Штатов и видел свою главную цель в том, чтобы вбить клин между Японией и США. Так, например, когда Япония в 1960 г. пересмотрела американо-японский договор безопасности, советская сторона (дело было при Хрущеве) пришла, иначе не скажешь, в ярость. Советский Союз зашел столь далеко, что отозвал свое внесенное ранее предложение «по подписании мирного договора передать острова Хабомаи и Шикотан Японии». Если говорить о периоде Брежнева, то одна из причин, определивших крайне жесткую позицию СССР в территориальном споре с Японией, была связана именно с острым соперничеством между СССР и США. Советский Союз рассматривал «северные территории» как незаменимое военно-стратегическое преимущество, ибо эти острова позволяют превратить Охотское море в пристанище советских ядерных подводных лодок, способных поражать американские цели. Теперь, с прекращением «холодной войны», «северные территории» по-видимому, не будут иметь столь важного военно-стратегического значения. С другой стороны, существенное возрастание экономической мощи Японии, похоже, ведет к пересмотру Советским Союзом своего отношения к американо-японскому военному альянсу. Если раньше СССР всеми силами старался добиться отмены американо-японского договора безопасности (что в любом случае почти невозможно), то теперь он, видимо, принимает этот договор таким как он есть.

Если пойти чуть-чуть дальше, то, пожалуй, можно даже предположить, что Советский Союз, возможно, предпочтет иметь дело с Японией, находящейся под определенным контролем в рамках военно-стратегической системы США, нежели с абсолютно свободной, независимой и, быть может, сильной в военном отношении Японией, способной нанести больший ущерб интересам СССР.

САРКИСОВ: Американцы на протяжении всего времени играли ведущую роль в территориальном вопросе как третья сила. Они в 1950—1951 гг. не дали японцам возможности уточнить в тексте Сан-Францисского мирного договора географические пределы Курил. Тогда у американцев было несколько причин для этого: во-первых, территориальная проблема позволяла держать две страны на приличном друг от друга расстоянии, не тратя на эти цели ни единого цента. Во-вторых, этот прецедент позволял американцам сохранять за собой Окинаву. В-третьих, в момент подготовки договора США рассчитывали, что Советский Союз пойдет на подписание договора и старались максимально не затрагивать интересов Москвы.

Летом 1956 года, когда до американцев дошла информация из Москвы, что тогдашний министр иностранных дел М. Сигмэнцу близок к тому, чтобы подписать мирный договор с Советским Союзом на условиях передачи Японии только двух островов,

Далее вмешался и пригрозил японцам, что в этом случае Японии не видать никогда Окинавы. Довольно реальная возможность территориального урегулирования была сорвана. Позднее шансы на урегулирование только ухудшались. Американцы играли свою политическую игру достаточно искусно. Собственно, для этого им не приходилось тратить больших усилий. Японская и советская стороны своими действиями сами загнали проблему в тупик. Но как только появлялась возможность какого-то сближения, Соединенные Штаты давали понять, что они против японских уступок и как страна, подписавшая Сан-Францисский мирный договор, могут в этом случае потребовать от Японии выполнения условия Статьи 26 Договора, в которой содержится коварное условие: «В случае, если Япония договорится о мирном урегулировании или об урегулировании военных претензий с каким-либо государством, предоставляющим этому государству большие преимущества, чем те, которые предусмотрены настоящим Договором, те же самые преимущества будут распространены на стороны настоящего Договора». Другими словами, если Япония по мирному договору «уступит» Советскому Союзу четыре острова, которые как бы не являются Курилами, то есть собственную территорию, то США и другие страны вправе потребовать того же самого для себя. В свое время США тем самым держали Японию на коротком поводке по поводу о. Окинава.

Я полагаю, что и впредь американцы будут серьезно влиять на процесс урегулирования территориального вопроса и подписания советско-японского мирного договора. Но сейчас ситуация в корне меняется. Если демократизация нашей страны и реальное превращение ее в государство с развитой демократией и рыночной экономикой осуществятся, то СССР становится не соперником, а партнером США. При определенных обстоятельствах можно предположить даже формирование союзнических отношений. Это круто меняет ситуацию. Создается новая система политических координат на международной арене. Это несколько страшит японцев. Если учесть и ухудшение японо-американских отношений, в основном в области морально-политического климата между ними, то понятно, почему Япония стремится решить свою проблему еще в старой системе политических координат. Немцам удалось разрушить Берлинскую стену и объединиться, и это стало частью нового миропорядка. Японской стороне хотелось бы сделать то же самое и в отношении своей «берлинской стены» — территориального вопроса.

СЛАВИНСКИЙ: Как известно, внешняя политика любой страны тесно связана с внутренним положением в ней, может быть даже определяется внутривнутриполитическими факторами. Как этот императив проявляется в вопросе о «северных территориях»?

КИМУРА: Я полагаю, что факторы, связанные с внутренней ситуацией в СССР, оказывают огромное влияние на отношение СССР к вопросу о «северных территориях». Вообще говоря, чем сильнее и стабильнее позиции советского руководства внутри страны, тем гибче его политика в данном вопросе. Например, когда власть Хрущева и Брежнева была сильной, они занимали весьма гибкую позицию в вопросе о «северных территориях», а ослабление власти каждого из этих лидеров вело к ужесточению их позиции. Власть Горбачева, как представляется, не может проявиться в полную силу ввиду национальных беспорядков и различных требований, выдвигаемых национально-этническими группами. Россия Ельцина заявляет, что территории, находящиеся в юрисдикции республики, не могут передаваться другим странам без согласия республики. «Губернатор» Сахалинской области Валентин Федоров выразил резкое несогласие с тем, что Москва, игнорируя интересы области, ведет переговоры с Токио по вопросу «северных территорий», которые, как он считает, входят в юрисдикцию Сахалинской области.

С другой стороны, внутренняя ситуация в Японии также в значительной степени сказывалась на подходе Токио к спорным территориям. Все политические партии, в том числе оппозиционные — СПЯ и КПЯ — единодушны в том, что «северные территории» должны быть возвращены Японии. Такое единство позиций — крайне редкое явление для плюралистического японского общества. Любой кабинет ЛДП или любой другой партии потерпел бы полное банкротство, если бы пошел на компромисс с советским правительством по этому вопросу и хоть на йоту поступил бы требованием о возврате Японии всех четырех островов.

САРКИСОВ: Действительно, против заключения мирного договора на условиях возвращения Японии только двух островов выступали влиятельные внутренние силы. И. Хатояма не мог пренебречь этими силами при подписании Совместной декларации в 1956 г. И позднее в политическом мире Японии существовало и существует прочное политическое единодушие в отношении территориальной проблемы. Различие касается только форм возвращения территорий и размеров территориальных претензий. На сегодняшний день трудно себе представить, чтобы кто-то из японских политических деятелей пошел бы на это. Слишком большой политический риск. Но это не исключает возможность компромисса. Для этого нужно провести большую работу с целью убедить общественность двух стран в необходимости и выгоды такого компромисса.

СЛАВИНСКИЙ: На какой же основе может быть решена проблема «северных территорий»?

КИМУРА: Честно говоря, я считаю нецелесообразным продолжать дебаты по этой проблеме в исключительно историко-правовом аспекте. В частности, совершенно бесполезно пытаться выяснить, кто — русские или японцы первыми открыли эти острова и кто первым там поселился. Ведь первооткрывателями и первыми жителями островов могли быть не русские, не японцы, а, скажем, голландцы, китайцы, айны или представители других народностей. В Совместной советско-японской декларации 1956 г. говорится, что по подписании мирного договора Советский Союз передаст острова Хабомай и Шикотан Японии, но ни слова не сказано о дальнейшей судьбе двух других островов — Кунашира и Итурупа. Если мы будем спорить об историко-правовом обосновании, то мы попросту завязнем в этом вопросе, наш спор никогда не кончится, а мы тем временем теряем и будем терять драгоценное для нашего сотрудничества время. Следовательно, для урегулирования этой трудной проблемы требуется политическое решение обеих сторон.

САРКИСОВ: Прежде чем ответить на этот вопрос, нужно выработать методологию решения проблемы и, в первую очередь, принципы ее рассмотрения, которые были бы приемлемы для двух сторон. Это большая и кропотливая работа. Поэтому я противник готовых формул решения на данном этапе. Я считаю, что нужно начинать с очевидных шагов и прежде всего создать соответствующий переговорный механизм с участием с обеих сторон людей, способных принимать решения или влиять на принятие решений. То есть так, как у нас было с американцами и европейцами, когда рассматривались труднейшие вопросы, которые еще год назад казались совершенно неразрешимыми.

Во-вторых, нужно серьезно готовить визит Президента СССР в Японию. Он должен заложить основы урегулирования территориальной проблемы. В ходе визита должны быть созданы предпосылки для этого. Я не берусь говорить за японскую сторону, но могу сказать, что стоило бы сделать нам. Прежде всего, в ходе обсуждения всего комплекса двусторонних отношений следовало бы признать официально существование территориальной проблемы и в соответствующих выражениях признать право (по крайней мере моральное) японской стороны ставить этот вопрос, исходя из предыстории формирования границы. Затем нужно откорректировать памятные записки советского правительства от 1960 года. Можно их дезавуировать, поскольку, как я уже отмечал, они ничего принципиально нового не вносили, было выражено лишь еще одно дополнительное условие: вывод всех иностранных войск с японской территории. Это условие можно вполне снять, так как это был результат «холодной войны», которая сейчас уже завершилась. Таким образом, логически мы возвращаемся к Совместной декларации 1956 года и признаем ее силу во всех частях. Это означает, что стартовая позиция — готовность передать Японии острова Хабомай и Шикотан не как признание территориального спора, а как акт доброй воли и уточнения послевоенных границ. С точки зрения политико-моральной в этом ничего страшного или наносящего ущерб нашему национальному сознанию и гордости нет. Мы, напротив, ведем себя как цивилизованные члены мирового сообщества и признаем обязательства, принятые ранее советским правительством и одобренные парламентом.

Очевидно, что японская сторона на компромисс на этих условиях не пойдет. Но, во-первых, это уже дело японской стороны. Мы свой ход сделали. Во-вторых, можно признать в конце концов суверенное право японцев ставить вопрос о судьбе двух других островов. Но это уже другая проблема, сугубо международно-правовая. Я хочу повториться: для того, чтобы выиграть этот спор японской стороне необходимо дока-

зать, что они не являются Курилами. Доказать это трудно, если вообще возможно. Можно было бы в конце концов передать этот вопрос на рассмотрение третейского суда, скажем, под эгидой ООН. Таким образом, я придерживаюсь точки зрения, что формула урегулирования территориального спора могла бы выглядеть как «два плюс альфа», где под «альфа» подразумевается какое-то компромиссное решение по островам Кунашир и Итуруп. Наша позиция должна исключительно базироваться на международно-правовой основе. Хотя решение этого вопроса скорее всего будет политическим.

СЛАВИНСКИЙ: А как на это будет реагировать общественное мнение, особенно, в Советском Союзе?

САРКИСОВ: Общественное мнение нужно готовить. В течение всех послевоенных лет в сознание советских людей (такова была политическая практика) внедрялась мысль о том, что эти острова исконно русские земли, возвращенные народу в результате войны с японцами и поэтому, мол, японские требования — это чистой воды реваншизм и происки определенных политических сил в самой Японии. Нужно в первую очередь отказаться от этого. Своему народу следует сказать всю правду об этих островах. Причем, я повторяю, в таком подходе нет никакого поражения или политики вынужденных уступок в период, когда наша страна оказалась в тяжелом экономическом и политическом положении. Вопрос мы этот должны были бы решить в любом случае. Другое дело, что мы пытались решать его с позиции силы. Теперь нужно перейти к иным методам решения споров с Японией. Это будет не уступка внешнему давлению, это будет уступка разуму, здравому смыслу и цивилизованным методам международного общения.

В этом случае общественное мнение нашей страны поймет и согласится с компромиссным решением, так как оно не будет чувствовать себя как-то ущемленным. Что касается населения, живущего на спорных островах, то это особая проблема. Этих людей понять можно, и их интересы не только не должны страдать, но и должны быть учтены в первую очередь.

КИМУРА: Я прекрасно понимаю, что нынешнее советское руководство во главе с Горбачевым испытывает определенные трудности в том, чтобы убедить широкую советскую общественность в необходимости немедленного возврата четырех островов Японии. Особенно это относится к дальневосточным районам СССР, в том числе к Сахалинской области, которая претендует на административно-правовую юрисдикцию над «северными территориями». Но в то же время хотелось бы заметить, что общественное мнение — вещь подвижная и может меняться. Как-то мне случилось лететь из Москвы в Токио рядом с одним работником «Аэрофлота». Мы разговорились, и он, не зная, кто я такой, сказал, что более 80, если не все 90 процентов населения СССР ничего не будут иметь против, если Советское правительство примет решение возвратить «северные территории» Японии, ибо, как он отметил, территория этих крохотных четырех островов ничего не значит для огромного Советского Союза.

Население Сахалина, напротив, резко разделилось в вопросе о том, должен ли СССР отказаться от «северных территорий». Большинство жителей Дальнего Востока и Сахалина в настоящее время, может быть, и возражает против передачи «северных территорий» Японии. Однако я не думаю, что Советское правительство может использовать этот факт как предлог для того, чтобы не возвращать их Японии. Прежние руководители внушили населению, что «северные территории» принадлежат Советскому Союзу, и ответственность за это несет правительство СССР, а не правительство Японии. Следовательно, нынешнее советское правительство должно сделать все, чтобы люди узнали правду: Советский Союз во времена Сталина силой захватил «северные территории», и что нынешнее правительство СССР поступит правильно, если, действуя в духе нового политического мышления, исправит ошибку Сталина.

Таким образом, как мне представляется, сегодня наилучшее решение вопроса — это немедленная передача Советским Союзом четырех островов Японии и заключение мирного договора.

Однако, если в силу каких-либо причин Советский Союз сочтет для себя невозможным осуществить эту меру в данный момент, то у СССР есть другая прекрасная возможность: в письменной форме, т. е. в совместной советско-японской декларации, которая должна быть принята по окончании визита Горбачева в Японию в апреле 1991 г., дать недвусмысленное обещание вернуть эти четыре острова в самом бли-

жайшем будущем, скажем, через три-пять лет. Этот документ должен быть подписан Президентом СССР и премьер-министром Японии и ратифицирован Верховным Советом СССР и Парламентом Японии.

Вывод советских войск с северных территорий также, несомненно, будет способствовать улучшению двусторонних отношений между Японией и Советским Союзом. Кроме того, для ослабления советского «образа врага» в представлении японцев и антисоветских настроений в нашей стране было бы весьма желательно и целесообразно, чтобы Президент СССР выступил с устным заявлением, в котором бы принес извинения за незаконное интернирование японских военнопленных в сибирских и других лагерях, сопроводив это заявление некоторыми практическими мерами.

СЛАВИНСКИЙ: Но Вы же знаете, что территориальная уступка Японии у нас будет рассматриваться как очередная уступка М. С. Горбачева и очередной минус перестройки? Кстати, как перестройка влияет на обсуждение проблемы «северных территорий»?

САРКИСОВ: Сейчас это обстоит именно таким образом. Поэтому наше высшее руководство весьма осторожно подходит к территориальной проблеме. Кроме того, следует иметь в виду, что есть еще и Верховный Совет, которому нужно будет ратифицировать мирный договор с Японией. А в нем настроения, мягко говоря, неоднозначные. Многое будет зависеть от того, как будет развиваться внутривластная обстановка в Советском Союзе.

Перестройка, приведшая в движение мощные процессы, решившая многие старые проблемы, разрушившая Берлинскую стену и покончившая с «холодной войной», в советско-японских отношениях пока ощутимых результатов не принесла. Но это должно все же произойти.

КИМУРА: Политика перестройки, начатая советским руководством при Горбачеве, несомненно, позитивно сказалась на обсуждении проблемы «северных территорий» между Японией и Советским Союзом. Прежде всего политика гласности — этот неизбежный спутник перестройки, позволила советским людям открыто обсуждать вопрос «северных территорий» — тему, на которую долгое время в СССР был наложен запрет. Следовательно, и Советское правительство теперь признает наличие проблемы «северных территорий», в то время как ранее советская сторона утверждала, что этот вопрос решен раз и навсегда, и такой проблемы в отношениях между Советским Союзом и Японией попросту не существует. Далее. Перестройка нацелена на превращение Советского Союза в правовое государство, в государство, которое следует букве закона. Таким образом, в настоящее время Советский Союз, по-видимому, признает положение международного права, которое гласит, что третья сторона не должна соблюдать соглашения, принятые без ее ведома. Как я уже говорил, А. Н. Яковлев заявил, что народы Прибалтики не могут быть связаны секретным протоколом Молотова — Риббентропа. Некоторые советские ученые также считают, что Япония не должна руководствоваться Ялтинским соглашением, которое тоже содержалось в секрете от японцев. Коль скоро новое политическое мышление предполагает важную роль невоенных средств в повышении международной роли и влияния СССР, то, следовательно, тем самым оно признает ограниченную роль военных средств в решении международных конфликтов. Если Советский Союз будет смелее применять такой подход в Северо-Восточной Азии вообще и в советско-японских отношениях в частности, то ему, надеемся, удастся занять более гибкую позицию в вопросе о «северных территориях», которые постепенно будут терять свое военно-стратегическое значение.

СЛАВИНСКИЙ: Вы упомянули о Берлинской стене. Какие, на Ваш взгляд, можно провести параллели между советско-германскими и советско-японскими отношениями?

САРКИСОВ: В этих отношениях сходного меньше, чем отличающегося. Мы воевали как с Японией, так и с Германией. Но последняя напала на нас, а Японии войну объявили мы. На западном фронте погибло около 26 млн. человек, немцы сожгли и разорили нашу страну, её наиболее развитую часть. В то же время нога японского солдата не ступала на нашу землю (я не говорю о периоде до второй мировой войны). Вернее, она ступила, но это были японские военнопленные. Кстати сказать, взятые в плен в Китае и Корее, японские солдаты были увезены в Сибирь в лагерь, где каждый десятый умер или погиб, не выдержав холода и голода. Конечно, не стоит ворошить прошлое, особенно связанное с японскими военнопленными. Дай Бог нам разобраться с островами. Но в моральном плане нельзя не говорить об этом. Хотя

я понимаю, что Япония, и никто другой, несет ответственность за агрессию. И перед японскими солдатами, попавшими в плен и этапированными в Сибирь, в первую очередь виновато японское правительство, совершившее агрессию против Китая и осуществлявшее геноцид в отношении китайского населения. Однако мы должны взять и на себя часть моральной ответственности и высказать наше сочувствие судьбе этих солдат. Но все это должно быть взаимным. Ведь главное в том, что вторая мировая война — общая трагедия, но ее непосредственными виновниками были державы «оси».

КИМУРА: По моему мнению, между ситуациями в советско-германских и советско-японских отношениях имеются сходство, и различия.

И раздел Германии, и проблема «северных территорий» — это наследие второй мировой войны. До недавнего времени никто не предполагал, что в ближайшем будущем удастся решить эти сложные вопросы. Позиция Советского Союза состояла в том, что для сохранения мира и стабильности необходимо уважать мировой порядок, установленный после войны. Но вдруг в 1989—1990 годах Берлинская стена была разрушена и произошло объединение двух германских государств. Это событие доказывает, что национальные границы, сформировавшиеся при окончании войны, не являются нерушимыми и подвержены изменениям мирными средствами. Почему аналогичные события не могут произойти в Азии, почему там нельзя изменить национальные границы, произвольно воздвигнутые Сталиным между СССР и Японией?

Но, с другой стороны, сходство на этом кончается. Ибо Восточная Германия никогда не была территорией Советского Союза, а представляла отдельное государственное образование. Советское правительство позволяло ГДР самой определять свою судьбу и вести свои дела. «Северные территории» были при Сталине включены в состав территории СССР, и с тех пор там проживают советские люди. В этой связи скорее напрашивается параллель между «северными территориями» и Калининградом.

СЛАВИНСКИЙ: Многие говорят, что Германия смогла объединиться потому, что Советский Союз, будучи в тяжелом экономическом положении, был прельщен перспективой получения крупных займов из Бонна. Не считаете ли Вы, что то же самое может произойти и в отношениях с Японией?

САРКИСОВ: Во-первых, я думаю, что вопрос объединения двух Германий был предрешен значительно раньше. Это закономерное следствие кризиса и краха системы, которой придерживались страны Восточной Европы. Мы могли лишь затянуть агонию этой системы и режима Хоннекера. Но тогда было бы еще хуже. То, что мы получили от немцев деньги — это неплохо. Хотя я, как и каждый советский человек, понимаю, что дело отнюдь не во внешних кредитах, а в том, насколько радикально нам удастся самим измениться. Что касается проблемы территорий, то я бы всячески избегал увязывания ее с экономической помощью Токио. Нужно четко представлять себе, что это чрезвычайно сложная и деликатная проблема, непосредственно и самым болезненным образом задевающая национальные чувства. И включать в пакет ее решения экономическую помощь, значит произвести впечатление, что мы готовы острова «продать». Это будет ранить национальное самолюбие, особенно сейчас, когда оно столько раз подвергалось испытанию. Но можно не сомневаться в том, что решение территориальной проблемы на принципиальной международно-правовой основе и путем политического компромисса откроет большие возможности для экономических отношений с Японией и притока японских капиталов и займов в нашу страну. Хотя и в этом нельзя быть большим оптимистом. Экономические связи с Японией будут в конечном счете зависеть от того, сможем ли мы быть выгодными и интересными партнерами.

В мире лишние деньги есть только у японцев. Только они обладают огромным положительным сальдо платежного баланса, исчисляемого десятками миллиардов долларов, которые они инвестируют за рубежом. Япония — главный кредитор и донор стран мира. Помощь развивающимся странам по линии официальной помощи развитию (государственные низкопроцентные займы) ежегодно составляет около 10 млрд. долл. Разумеется, японцы могли бы дать нам большие кредиты. Но, я повторяюсь, не нужно это напрямую связывать с территориальной проблемой.

КИМУРА: Как справедливо указывал Генри Киссинджер, взаимосвязь политики и экономики скорее реальность, нежели стратегия. Президент СССР М. Горбачев также заявлял, что «все связано». Все виды человеческой деятельности неразрывно связаны между собой. К примеру, Олимпийские Игры и другие спортивные меро-

приятня невозможно освободить от политики. Тот, кто верит в возможность освободить спорт от политического воздействия, мыслит в отрыве от реальности и может быть справедливо обвинен в лицемерии. Поэтому совершенно неизбежно и даже естественно, что Япония, экономически сильная держава, стремится использовать экономические рычаги для достижения своих дипломатических целей. Ни одна страна мира не может помешать Японии поступать подобным образом. Советский Союз, держава, сильная в военном отношении, частенько прибегал к своей военной мощи для оказания влияния на другие страны. Экономические средства воздействия менее вредны, чем военные. При канцлере Г. Коле Западная Германия прибегла к экономическим средствам, дабы получить от Советского Союза то, что ей было нужно. При президенте Дж. Буше Соединенные Штаты также связывают свое обещание предоставить СССР режим наибольшего благоприятствования с принятием в Советском Союзе нового закона об эмиграции. Япония стремится использовать экономический фактор для возврата «северных территорий» — это неоспоримый факт. Будь Советский Союз на месте Японии, он поступил бы так же. Главное не в том, увязывает ли Япония экономику и политику, а в том, как она это делает. Если Япония будет связывать политику и экономику, так сказать, напрямую, создается впечатление, что она как бы выкупает «северные территории» у Советского Союза. СССР, который опасается потерять лицо и перед своим народом, и на международной арене, возможно, не согласится на такую прямую сделку. Японии следует увязать эти вопросы более искусно, опосредованно. Если говорить конкретно, то Японии следует шире и смелее заявить о своей поддержке перестройки в СССР и предоставить Советскому Союзу практическую помощь в области экономики, управления и технологии. В дальнейшем масштабы такой помощи следует наращивать пропорционально смягчению советской позиции в вопросе о «северных территориях».

СЛАВИНСКИЙ: Мы с вами нарисовали довольно пеструю картину советско-японских отношений, откровенно вырисовали на ней тени и полутени. Но хотелось бы видеть побольше светлых тонов. В этой связи, что же, по вашему мнению, можно ожидать от визита М. С. Горбачева в Японию в апреле 1991 г.?

САРКИСОВ: Я думаю, что можно ожидать прежде всего сдвига с мертвой точки решения вопроса о заключении мирного договора и урегулирования территориального вопроса, который, для пользы дела, можно обозначить как проблему уточнения послевоенной границы. Второе, договориться о механизме проведения последующих переговоров и поисков компромисса. Остальное в пакете: меры доверия, установление контактов между военными ведомствами, проблемы мира и безопасности в АТР, трехсторонние (включая США) политические консультации по этим вопросам, японская поддержка нашего участия в региональных экономических организациях и, наконец, японская экономическая помощь перестройке.

КИМУРА: По вопросу визита Горбачева в Японию существуют две точки зрения — пессимистическая и оптимистическая. Пессимисты считают, что не следует ожидать какого-либо прорыва в результате визита Горбачева в Японию, ибо политические позиции Горбачева внутри страны недостаточно прочны, СССР угрожает чуть ли не распад, а популярность Горбачева падает. Следовательно, даже если бы Горбачев и хотел пойти на смелые уступки Японии по вопросу «северных территорий», сделать это он будет не в состоянии. Ельцин и другие местные политические лидеры (например, Валентин Федоров) выступают против возврата «северных территорий» Японии. С другой стороны, оптимисты указывают, что при Горбачеве внешняя политика СССР, проводимая в духе нового политического мышления, становится все более гибкой. Эту тенденцию убедительно подтверждает позиция и политика СССР в отношении объединенной Германии, Южной Кореи и Северной Кореи. Поэтому нет оснований думать, что советский лидер не проявит столь же гибкого подхода в отношениях с Японией. Сейчас едва ли возможно предсказать, кто окажется прав — пессимисты или оптимисты. Я лично больше склоняюсь к точке зрения оптимистов. Визит Горбачева в Токио состоится через шесть лет после его прихода к власти. Не только Япония — весь мир будет следить за этим визитом. Если советский Президент не совершит прорыва в ходе столь важного события, все будут крайне разочарованы, и визит этот, таким образом, станет контрпродуктивным.

СЛАВИНСКИЙ: В заключение нашей беседы мы можем позволить себе попытаться посмотреть немного дальше за горизонт, представить, как нам видятся в идеале отношения между СССР и Японией?

КИМУРА: Советский Президент Горбачев заявил, что он стремится к развитию «полнокровных» отношений между СССР и Японией. Думаю, что того же желает подавляющее большинство японцев. Совершенно неестественно и даже ненормально, что две соседние сверхдержавы не могут разрешить территориального вопроса и заключить мирный договор между собой. Как уже говорилось, проблема «северных территорий» — это самое большое препятствие, мешающее двум странам улучшить свои взаимоотношения. Из-за этой проблемы мы уже потеряли 45 лет. Тем временем этот вопрос стал своеобразным символом консерватизма СССР, который не допускает возможности отказаться от ранее захваченных территорий. Если только данная проблема будет решена так, как того желают японцы, это, несомненно, приведет к значительному улучшению советско-японских отношений и к быстрому росту крупномасштабных обменов и сотрудничества между двумя великими странами в области политики, финансов, управления, технологии, здравоохранения, культуры и во всех других сферах.

САРКИСОВ: Хотя я и не пессимист, но мне кажется, что до идеала в советско-японских отношениях еще очень далеко. Пока же нужно привести двусторонние отношения просто в нормальное состояние. А идеал — в неизмеримо большем объеме связей и контактов, японском прямом участии в нашей экономической жизни, превращение границы в чисто символический атрибут, в дальнейшем развитии культурных и духовных связей. Мы очень разные, но именно поэтому соединение двух культур и цивилизаций может быть особенно плодотворным.

Э. ГРЕБЕНЩИКОВ

За почти четверть века своего существования АСЕАН стала влиятельным фактором в международных отношениях азиатско-тихоокеанского региона. Масштабный эксперимент с созданием субрегиональной группировки в составе одних только развивающихся стран Юго-Восточной Азии, обладающих как схожими, так и резко различающимися характеристиками, можно считать удавшимся хотя бы потому, что корабль АСЕАН благополучно миновал многочисленные рифы, остался на плаву в бурных водах международной и региональной политики и достаточно уверенно держит курс на заданные еще в 1967 г. цели.

Ассоциация избежала опасностей и ловушек далеко идущей милитаризации как на региональном, так и на национальном уровне. Между тем с первых лет существования региональной группировки сталкивались различные мнения о целесообразности и правомочности придания АСЕАН (в том или ином объеме) военных функций, о направлениях военного строительства в отдельных странах. И это несмотря на то, что Ассоциация создавалась именно как невоенная, небоковая, неидеологизированная организация. Этот спор обычно обострялся в кризисные для Юго-Восточной Азии моменты. Предложения о трансформации АСЕАН в военный альянс, как бы то ни было, никогда не получали достаточной поддержки. В то же время военное сотрудничество между странами-членами развивалось по ряду направлений на двусторонней (реже) трехсторонней основе, но не под эгидой Ассоциации. Оно принимало форму совместных сухопутных, военно-морских, военно-воздушных либо комбинированных маневров стран — членов АСЕАН, обсуждения военных доктрин и т. д. Малайзия и Сингапур принимают участие в военной деятельности пятистороннего соглашения АНЗЮК, в которое входят также Англия, Австралия и Новая Зеландия. Помимо Таиланда, совместные учения с США проводят ВВС Малайзии¹. Особый случай представляют собой американо-филиппинские военные связи.

Давний спор о том, насколько далеко странам «шестерки» следует заходить в развитии военно-политических связей с внерегиональными державами и на каких условиях строить эти связи, вновь разгорелся летом 1989 г. Характерно, что поводом для него послужила не все еще неясная судьба филиппинских баз, а решение правительства Сингапура, принятое в августе 1989 г., обратиться к Соединенным Штатам с предложением разместить на территории города-государства американские военные объекты. Данная идея была высказана в общей форме и не на самом высоком уровне — ее обнародовал государственный министр иностранных дел Дж. Ео. И все же, насколько можно судить, данный шаг готовился заблаговременно и был хорошо рассчитан. В июне 1989 г. Сингапур посетила делегация американских технических экспертов, которые, по сообщениям печати, изучали на месте возможности для развертывания объектов по техническому обслуживанию вооруженных сил США. Едва ли обошел этот вопрос своим вниманием командующий вооруженными силами США на Тихом океане адмирал Хардинсиги, посетивший Сингапур позднее². Сингапурскую инициативу, несомненно, следует рассматривать в контексте американо-филиппинских переговоров о судьбе базовых комплексов США на территории Филиппин — единственных во всей ЮВА. Страны АСЕАН в целом выступают (хотя и не всегда в публичной форме) за продолжение присутствия США на Филиппинах и после истечения в сентябре 1991 г. соглашения об аренде баз Пентагоном. Однако размах антибазового, антиядерного и антиамериканского движения на Филиппинах

Гребенщиков Эдуард Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИМЭМО АН СССР.

пинах делает такую перспективу неопределенной³. Правительству К. Акино приходится нести определенные морально-политические издержки вследствие американского военного присутствия, которое кажется необходимым всем странам АСЕАН (в чем, повторим, они не всегда открыто признаются). На Филиппинах, например, часто ставится вопрос об ущемлении суверенитета страны, пережитках неоколониализма, обслуживании американских великодержавных интересов и т. д.⁴ И здесь Сингапур как бы вызвался разделить моральное бремя партнера по АСЕАН, надо сказать, не столько из-за проявления солидарности, сколько преследуя собственную выгоду.

В январе 1989 г. премьер-министр Ли Куан Ю в интервью «Манила Кроникл» высказывался в том смысле, что правительство некоторых стран Азии готовы к ликвидации американских баз «в не столь отдаленном будущем», поскольку американские силы переместятся «в менее стратегически важные и менее удобные места». Указание на наличие запасных вариантов, естественно, укрепляло позиции США на трудных и затяжных переговорах с Манилой.

Реакция некоторых стран АСЕАН на сингапурское предложение оказалась по ряду причин неожиданно резкой. Упомянутая проблема оставалась некоторое время предметом острых внутривнутриполитических дебатов в Индонезии и Малайзии, подогревая издавна существующие там антисингапурские настроения. За всем этим, очевидно, скрывалось недовольство самостоятельными шагами Сингапура, «оторвавшегося» от своих партнеров по АСЕАН. Как бы то ни было, в заявлении министра иностранных дел Сингапура от 19 октября 1989 г. говорилось о достижении с США договоренности о расширении использования ВМС и ВВС США сингапурских объектов. Предполагалось размещение на ротационной основе самолетов США на базе Пайа-Лебар и увеличение обслуживающего персонала вооруженных сил США в Сингапуре с 10 до 170 человек. Обо всем этом были проинформированы другие члены АСЕАН и АНЗЮК. Весной 1990 г. в Сингапуре состоялись новые переговоры американских и сингапурских официальных представителей о путях практической реализации достигнутой ранее принципиальной договоренности. Стороны как будто демонстрировали постоянство намерений и в то же время не видели причин для особой спешки.

Как известно, к началу 1990 г. завершился вывод из Сингапура новозеландского пехотного батальона, что лишало государственную казну определенных поступлений. Так что можно заключить, что правительство Сингапура руководствовалось не только стратегическими, но и определенными финансовыми соображениями.

Сделанный Сингапуром ход побудил некоторых его партнеров по АСЕАН еще более определенно высказаться за продолжение присутствия США на Филиппинах, а Манилу — несколько ослабить давление на Вашингтон в ходе переговоров о судьбе баз: ведь при наличии альтернативных мест дислокации снижалась та цена, которую Соединенные Штаты готовы были выложить за продление соглашения о базах (законы рынка с колебаниями спроса и предложения действуют и здесь). Америко-сингапурская сделка, можно считать, достигла своей цели и по той причине, что официально санкционированное нахождение американских военных и военно-технических специалистов на Сингапуре придавало ему большую уверенность в довольно непростых отношениях с соседями.

За сингапурским решением угадываются следующие мотивы: 1) обеспечить продолжение американского военного присутствия в ЮВА, предоставив для него вторую — помимо Филиппин — точку опоры в самом Сингапуре; 2) упрочить геополитическое положение самого Сингапура, этого, как его иногда именуют, «китайского острова в малайском море»; 3) получить коммерческую выгоду от предоставления военно-технических услуг американским вооруженным силам.

Какими же представлялись последствия принятого решения региональным наблюдателям? Некоторые из них отнюдь не считали американо-сингапурскую сделку безобидной и малозначительной. Предпринятый Сингапуром шаг, полагает влиятельный гонконгский еженедельник, чреват последствиями. В частности, он мог бы привести к «интенсификации военного соперничества» США и СССР, а также, возможно, других крупных держав в Юго-Восточной Азии именно в тот период, когда Москва и Вашингтон «пытаются замедлить гонку вооружений и положить конец «холодной войне»⁵.

После четырех раундов переговоров американо-сингапурское соглашение все же было достигнуто. Его скрепили своими подписями 13 ноября 1990 г. в Токио премьер-министр островного государства Ли Куан Ю и вице-президент США Дэн Куэйл.

прибывшие в Японию для участия в церемонии вступления на престол императора Акихито. Самое главное и основное: соглашение не предусматривает строительства новых военных баз на и без того ограниченной территории города-государства. ВВС США получают право использовать сингапурский аэропорт Пайя-Лебар в течение нескольких недель в году; увеличится также частота заходов и продолжительность пребывания военных кораблей США в порту Сембаваг. Численность американского обслуживающего персонала составит 95 человек (а не 170, как намечалось ранее). Соединенные Штаты не становятся арендаторами, они просто оплачивают счета за жилье, сингапурские поставки и работу местных специалистов по ремонту и обслуживанию боевой техники США. Американо-сингапурское соглашение заключено не для замены, а, как, подчеркивали стороны, в дополнение к находившемуся в стадии разработки американо-филиппинскому договору.

Свои услуги по текущему ремонту военно-транспортных самолетов США и их боевых кораблей предложили также малайзийские компании. Они, судя по всему, готовы составить конкуренцию Сингапуру.

Но вполне очевидные коммерческие расчеты и мотивы не заслоняют собственного видения путей обеспечения безопасности асеановской зоны, с акцентом не на американское военное присутствие (хотя таковое считается пока временно необходимым и полезным) и его материально-техническое обеспечение, а на создание некоей региональной системы безопасности, базирующейся на принципе региональной стойкости или региональной сопротивляемости. Важным элементом этой системы должно стать развивающееся военное сотрудничество между Индонезией, Малайзией и Сингапуром. Были проведены малайзийско-сингапурские учения сухопутных войск; подписано соглашение, предусматривающее использование индонезийской территории сингапурскими вооруженными силами⁶. Ведется подготовка к проведению в 1991 г. совместных учений с участием трех видов вооруженных сил Индонезии и Малайзии.

Таиландские лидеры призывают поставить на более прочную основу сотрудничество стран АСЕАН в области стандартизации вооружений. Министр обороны Филиппин Ф. Рамос провел в мае 1989 г. предварительные переговоры в Таиланде и Индонезии о создании совместных предприятий по производству военного снаряжения.

Стандартизация вооружений могла бы быть достигнута посредством закупок одних и тех же типов оружия и боевой техники в странах-поставщиках. Индонезия, Сингапур и Таиланд приобрели соответственно 12, 8 и 18 истребителей «F — 16 А/В» у американской корпорации «Дженерал Дайнемикс», но каждая страна заключила отдельную сделку и, следовательно, не могла рассчитывать на скидку, которую получила бы при наличии объединенного заказа. Малайзия же остановила свой выбор на «Торнадо» западноевропейского производства. Она разместила огромные заказы на английских военных предприятиях (предусматриваются поставки британского военного снаряжения и техники в течение десятилетнего периода)*. Англия присматривается и к другим клиентам в АСЕАН. В то же время Таиланд приобретает большие партии оружия на чрезвычайно льготных условиях у Китая. Военно-промышленные предприятия Сингапура в состоянии обеспечивать техническое обслуживание военной авиации всех стран АСЕАН, но последние к этому как раз не стремятся. Очевидно, что интересы государств АСЕАН в этой сфере заметно расходятся.

Правящие круги стран «шестерки» постоянно подчеркивают, что их взаимодействие в оборонной области размещается вне рамок АСЕАН и не имеет целью создание военного блока. В АСЕАН стало правилом достигать консенсуса по любым спорным вопросам, что до сих пор сглаживало крайности и предотвращало опасные эволюции Ассоциации. При этом в столицах стран-членов явно преобладает мнение, что главным, наиболее эффективным инструментом обеспечения безопасности, укрепления того, что именуется «национальной и региональной стойкостью», является социально-экономическое развитие и более справедливое распределение его результатов, а не мероприятия чисто военного характера, хотя последними отнюдь не пренебрегают.

Совокупные военные расходы шести стран АСЕАН составили в 1987/88 фин. году 5,8 млрд. долл.— довольно умеренный показатель, сопоставимый, кстати говоря, с воен-

* В мае 1990 г. Малайзия аннулировала часть своего заказа. Как полагают, это было сделано по соображениям экономии средств и в свете изменившегося в ЮВА политического климата (Financial Times.— 1990.— 22 May).

ными расходами такого государства, как Австралия (5,03 млрд. долл. в том же году), причем ВВП Австралии также практически равен ВВП шести стран АСЕАН (соответственно 209 и 203,4 млрд. долл.). Доля военных расходов «шестерки» в совокупном ВВП шести стран Ассоциации — 2,31 %⁷.

К счастью, камбоджийская проблема все больше переводится в политико-дипломатическую плоскость, а потому перестает быть генератором напряженности в ЮВА, да и в азиатско-тихоокеанском регионе в целом. Однако широкие перспективы мирного развития, открывающиеся перед Юго-Восточной Азией, омрачаются разногласиями по поводу принадлежности некоторых островных территорий в Южно-Китайском море. Так, есть опасения, что архипелаг Спратли (отдельные части и островки которого контролируют в настоящее время Китай, Вьетнам, Малайзия и Филиппины, а также Тайвань) может стать яблоком раздора или даже очагом напряженности, если не ареной вооруженного конфликта. Данное обстоятельство побуждает ряд стран АСЕАН увеличивать ассигнования на укрепление своих военно-морских и военно-воздушных сил, расширение военного строительства в целом. Заметный рост военного бюджета Таиланда (на 16 % в 1989 г.) объясняется, по-видимому, как корпоративными интересами местных военных кругов, так и резким сокращением американской военной помощи. Примечательно, что законодатели США не склонны драматизировать ситуацию в регионе. Государственная мудрость и искусство дипломатии, каковыми не обделены руководители стран АСЕАН и Индокитая, должны и способны предотвратить нежелательное развитие событий.

Пока что общую ситуацию в сфере безопасности стран АСЕАН можно без натяжки оценивать как довольно благоприятную. Сегодня странам Ассоциации не приходится сталкиваться с какими-либо явно выраженными внешними или внерегиональными угрозами. Никто уже не опасается «вьетнамского вторжения». Беспрепятственно осуществляемые мирные перемены в Восточной Европе укрепляют доверие к Советскому Союзу, демонстрируют уважение им права народов на свободный выбор пути и модели развития. В этих условиях как никогда трудно обосновать продолжающееся военное присутствие США на Филиппинских островах.

Действует, однако, могучая сила инерции. Несмотря на неясность ситуации вокруг баз, Пентагон выделил в начале 1988 г. 45 млн. долл. на их расширение и модернизацию. В частности, на крупнейшей базе ВВС в Кларк-филд строится вторая взлетно-посадочная полоса.

В октябре 1988 г., как известно, завершились чрезвычайно трудные, не раз находившиеся на грани срыва переговоры американских и филиппинских представителей об условиях пребывания баз США на Филиппинах на период до 1991 г. Споры шли главным образом вокруг вопроса о размерах ежегодной компенсации за их эксплуатацию. Первоначально Манила запрашивала у Вашингтона 1,2 млрд. долл. в качестве ежегодной ренты за пользование базами. США в итоге согласились увеличить ежегодный объем экономической и военной помощи Филиппинам со 180 до 481 млн. долл. (Вместе с другими выплатами размеры американской помощи на двухлетний период приближаются к 1,5 млрд. долл.)⁸.

Главы внешнеполитических ведомств США и Филиппин подписали в Вашингтоне меморандум, предусматривающий внесение некоторых уточнений в двустороннее соглашение о базах от 1947 г. Одно из них предусматривает, в частности, что филиппинская сторона станет владельцем (в юридическом смысле) всех сооружений, среди которых немало дорогостоящих, на территории баз. Вашингтонская администрация обязалась также ускорить предоставление обещанных кредитов, часть которых предназначена для погашения внешнего долга Филиппин.

В ходе переговоров делегаты США постоянно как бы интернационализировали проблему, увязывая ее не только с экономическим положением Филиппин, но и общей ситуацией в АТР. Этой тактики вашингтонская дипломатия придерживается и сегодня. Так, обещанный «план Маршалла для Филиппин», предусматривающий мобилизацию финансовых ресурсов различных стран для кредитования возрождения местной экономики (порядка 10 млрд. долл.) обусловливался успешным завершением переговоров по базам. Неоднократно выражал свою заинтересованность в их «благополучном исходе» главный донор Филиппин — Япония.

По сообщениям печати, Япония дала понять о готовности погасить часть филиппинского долга в обмен на сохранение американских баз. Это было бы вполне логично.

Надежное функционирование последних в Токио считают важной дополнительной гарантией быстро растущих японских инвестиций в экономику стран АСЕАН. Помимо этого, опорные пункты Пентагона на Филиппинах и в Японии составляют единое стратегическое целое. К примеру, Субик-бей является портом приписки 7-го флота США, чья штаб-квартира расположена в японском порту Йокосука. Субик-бей и Кларк-филд используют тайландские, сингапурские и австралийские подразделения в ходе проведения совместных маневров и учений.

Трудно не увидеть того, что функционирование крупнейших и старейших баз Пентагона в Субик-бей и Кларк-филд (на филиппинской земле они с начала нашего столетия, то есть задолго до рождения «советской угрозы» и появления советского военно-морского флота) служит препятствием для реализации концепции ЗОПФАН, то есть входит в противоречие с программными установками АСЕАН.

Заметим, что от участников манильского совещания в верхах (декабрь 1987 г.) все же не последовало коллективного заявления в пользу продления срока аренды Пентагоном филиппинских баз, на что, вероятно, рассчитывали в Вашингтоне, хотя сама эта встреча стала недвусмысленной манифестацией моральной поддержки правительства К. Акино и ее лично. Примечательно, что демонстративные облеты американскими военными самолетами, базирующимися на Филиппинах (своеобразная «психическая атака»), позиций мятежников, пытавшихся в конце 1989 г. отстранить К. Акино от власти, сыграли важную роль в провале путча. В данном эпизоде, кстати говоря, сторонники сохранения американского военного присутствия и после 1991 г. находят дополнительные аргументы в подкреплении своей позиции.

В связи с возможным развитием событий на Филиппинах сейчас разрабатываются различные сценарии, строятся различные проекты и планы на «послебазовый» период. В августе 1989 г. создан совместный комитет, состоящий из представителей законодательной и исполнительной власти, для рассмотрения различных вариантов. Их диапазон весьма широк. Так, министр обороны страны Фидель Рамос высказывался за постепенную ликвидацию баз США к 1998 г. — столетию независимости Филиппин.

Многие иностранные наблюдатели не исключают, что Пентагону придется пожертвовать базой Кларк-филд с передачей ее функций Субик-бею, имеющему большее стратегическое значение. Некоторые эксперты считают возможной и целесообразной конверсию базовых комплексов с их налаженной инфраструктурой — превращение их, скажем, в крупный портовый, судоремонтный, финансовый центр, в особую индустриальную и сельскохозяйственную зону. Бывшие американские базы вполне могут быть переданы и филиппинским военным, которые переедут туда из столицы, освободив занимаемые в ней площади и помещения, свободная продажа которых может существенно пополнить государственную казну. Таким образом, есть что противопоставить до сих пор, казалось бы, неотразимому аргументу об экономической выгодиности содержания и обслуживания опорных пунктов Пентагона на филиппинской земле⁹.

Вывдигалось среди прочих и предложение о превращении авиабазы Кларк-филд в совместное предприятие стран АСЕАН по выпуску гражданской авиатехники на основе кооперации с компанией «Боинг», а базы ВМС в Субик-бей — в судовой флот гражданского назначения.

Филиппинские ученые всесторонне исследовали проблему баз во всех ее аспектах и проявлениях. По их наблюдениям, присутствие американских военных объектов на филиппинской земле приносит как значительные социально-экономические выгоды, так и не менее крупные социальные издержки. К первым они относят обеспечение источника пропитания и занятости для жителей близлежащих населенных пунктов, гарантированное медицинское обслуживание (предоставляемое филиппинским гражданам на базах), создание объектов инфраструктуры; ко вторым — угрозу нанесения ядерного удара по филиппинской территории; распространение венерических заболеваний; обострение жилищной проблемы и проблемы преступности в городах, расположенных вблизи военных баз, вследствие притока туда из других местностей людей, ищущих работу. Население расположенных недалеко от баз городов ориентируется на обслуживание их потребностей, в чем бы эти потребности ни заключались. Такая безоговорочная адаптация является, по мнению филиппинских исследователей, «аморальной» и «разрушающей душу народа». Они рекомендуют «поощрять развитие

в прибрежных городах и селениях независимой промышленности и сферы услуг», не замыкающихся на обслуживании баз. Одновременно филиппинские ученые призывают к дальнейшим углубленным исследованиям вопроса¹⁰.

И в самих США ряд влиятельных политических и военных деятелей считает, что после 2000 г. (может быть, и ранее) Соединенные Штаты более не будут нуждаться в базовых комплексах Субик-бей и Кларк-филд, а потому дело следует вести к постепенному свертыванию военного присутствия на Филиппинах, особенно не ввязываясь в долгие и вязкие переговоры с Манилой. В рекомендациях такого мозгового центра, как «Фонд наследия», адресованных президенту Дж. Бушу, предлагается, чтобы филиппинские вооруженные силы использовали объекты в Кларк-филд и Субик-бей наравне с американскими, подобно тому, как это практикуется с базами США в Западной Европе и на Японских островах. К Маниле одновременно обращен призыв фонда не полагаться исключительно на американские силы¹¹.

Идея совместного использования объектов Пентагона на Филиппинах находила поддержку как в министерстве обороны этой страны (в лице главы данного ведомства Ф. Рамоса), так и со стороны командования тихоокеанским флотом США. Слышится на другом берегу океана все настойчивее и другой мотив: надо уходить самим, пока нас об этом не попросили, тем более что в современную эпоху значение заморских баз падает. Так, весьма скептически оценивал стратегическое значение филиппинских баз влиятельный американский журнал «Атлантик». В обширном материале, опубликованном на его страницах, отмечалось, что: 1) базы не могут служить защитой от советских (впрочем, не только от советских. — Э. Г.) ракет; 2) они никак не помогают в борьбе с терроризмом (напротив, сами служат объектом террористических акций. — Э. Г.); 3) базовые комплексы сами нуждаются и требуют защиты; 4) для филиппинцев сохранение опорных пунктов Пентагона представляет собой мучительную психологическую проблему, подчеркивающую их зависимость от США. Выполняемые же базы функции (демонстрация флага, «защита» ЮВА, Южной Кореи и Японии), по словам ежемесячника, «не являются незаменимыми»¹².

К началу 1991 г. трудные, вязкие переговоры об условиях и сроках аренды Соединенными Штатами филиппинских баз так и не нашли своего завершения. Филиппинская администрация вела разговор о заключении с Вашингтоном договора сроком на 5—10 лет, накладывающего на США строгие обязательства о выплате Маниле компенсации за пользование базами; американская администрация предпочитала менее обязывающий документ — соглашение, но с большим сроком действия — 15—20 лет. Американские должностные лица считают непомерной запрашиваемую филиппинской стороной арендную плату, обвиняя партнеров по переговорам в «кассовом» подходе, неприменимом, по мнению госдепартамента, тогда, когда затрагиваются такие «священные понятия», как «обеспечение взаимной безопасности», не выражаемые в долларах.

В ходе очередного раунда переговоров с США, стартовавшего в ноябре 1990 г., филиппинская сторона уточнила свою позицию. Она поставила вопрос об установлении оперативного контроля Филиппин над базой Субик-бей, об использовании базы Кларк-филд американскими военными самолетами на коммерческих основаниях и о передаче Филиппинам четырех более мелких американских военных объектов. Независимо от того, какую окончательную форму примет американо-филиппинская договоренность, все более неизбежным представляется поэтапное свертывание американского военного присутствия на Филиппинском архипелаге. В данном контексте уместно упомянуть и продиктованное соображениями бюджетной экономии сокращение численности американской вооруженной группировки в Тихоокеанском бассейне на 10—12 %, которое не обойдет стороной и 17 тыс. военнослужащих США, расквартированных на Филиппинах.

Внутри АСЕАН обозначаются два подхода к затронутой проблеме. Так, участники X конференции межпарламентской организации АСЕАН, проходившей в Маниле с 21 по 26 августа 1989 г., высказались за ликвидацию баз США и создание в ЮВА безъядерной зоны, зоны мира, свободы, нейтралитета. Иной — официальный подход изложил известный малайзийский ученый Нурдин Соли. Он полагает, что даже сокращение военного присутствия в ЮВА может повлечь за собой «политическое, психологическое и экономическое разъединение США с регионом», в то время как в предстоящие годы АСЕАН будет нуждаться именно в «экономической вовлеченности США». «Япон-

ские инвесторы,— пишет этот малайзийский исследователь,— чувствуют себя в большей безопасности при наличии американских баз на Филиппинах... Кроме того, уход США из Филиппин подрывает надежность американских обязательств по отношению к Таиланду». В то же время «с точки зрения АСЕАН военное присутствие США служит необходимым противовесом растущей активности Японии, Китая и СССР»¹³.

Как это ни странно, Нурдин Сопи видит в американских базах не препятствие, а инструмент созидания ЗОПФАН (зоны мира, свободы и нейтралитета в ЮВА): американцы, по его логике, уйдут только вместе с другими из района ЮВА. Советский Союз, напомним, именно эту возможность и имел в виду, предлагая «размен» Камраня на Субик-бей и Кларк-филд, но реакция США хорошо известна: советское предложение было отвергнуто ввиду «неравноценности» Камраня и филиппинских баз.

В начале 1990 г. Советский Союз объявил о начале сокращения своего военного присутствия во вьетнамском порту Камрань по согласованию с СРВ и в рамках объявленных ранее мероприятий по уменьшению численности советских Вооруженных Сил в восточной части страны и переводу их на оборонительную структуру¹⁴.

Заместитель лидера меньшинства в палате представителей конгресса Филиппин Сальвадор Эскудеро от имени группы конгрессменов приветствовал этот шаг. Со своей стороны, Корасон Акино заявила, что действия СССР и США будут оцениваться только с точки зрения национальных интересов страны.

Член палаты представителей США Джим Колб выразил опасение, что вывод СССР части наступательных сил из Камраня усилит требования филиппинцев и некоторых законодателей США об ослаблении американского военного присутствия на Филиппинах. Что же лежит в основе такой обеспокоенности? «Китай может явить собой угрозу на определенном этапе в будущем,— сказал Дж. Колб.— Политика Вьетнама остается туманной; многие государства обеспокоены также планами Индии, которая создает мощные военно-морские силы». Официальный представитель военно-морской базы США в Субик-бее заявил: «Мы находимся здесь не для того, чтобы противостоять Советам. Мы находимся для того, чтобы «держат открытыми важные морские пути». Весьма красноречивое признание.

Таким образом, не вдаваясь в анализ того, насколько реальной представляется угроза, исходящая от названных выше государств, отметим, что огнюдь не политика и действия СССР служат единственной и важнейшей причиной все еще сохраняющейся привязанности США к их базам на Филиппинах.

Сокращая свои морские и прочие вооружения, СССР и США вкупе с другими странами вполне могли бы совместно надежно гарантировать безопасность морских коммуникаций, обеспечить сугубо политическое решение возникающих проблем, допустим, под эгидой ООН. В конце концов есть же опыт совместного патрулирования вод Персидского залива под флагом этой всемирной организации; в практической плоскости сегодня стоит и вопрос о наделении ООН важными функциями в камбоджийском вопросе. Выдвигалась идея арбитража ООН в урегулировании проблемы территориальной принадлежности и совместной эксплуатации островов Спратли.

* * *

Ни на Западе, ни в АСЕАН в настоящее время никто из серьезных политиков, стратегов, политологов, насколько нам известно, не ставит в прямой форме вопроса о трансформации Ассоциации тем или иным образом в военный блок. Тем не менее нет недостатка в предложениях Запада о подключении АСЕАН к военно-политической системе капиталистических государств в АТР. Вышеупомянутый «Фонд наследия» рекомендует странам АСЕАН стать «активными участниками неформальной азиатской демократической оборонной сети». Не столь уж употребительный в данном контексте эпитет «демократический» предназначен, надо думать, для придания идее большей привлекательности и для парирования ссылок на неудачный опыт СЕАТО, а также АЗПАК.

В программном заявлении министра иностранных дел Австралии Г. Эванса была обещана австралийская поддержка усилиям по созданию «структурированного оборонного сообщества» на основе налаживания сотрудничества Таиланда и Индонезии с пятисторонним соглашением об обороне (ФПДА или АНЗЮК)¹⁵. Еще ранее предлагалось распространить сферу действия АНЗЮК на Сингапур и Бруней.

Как заявил 11 июня 1990 г. министр обороны Австралии Роберт Рей после

встречи с новозеландским коллегой, предложения о включении Брунея в АНЗЮК поддерживают все пять участников этого соглашения. Эта идея, таким образом, не снимается с повестки дня, а при ее реализации три страны будут одновременно состоять членами двух организаций, двух «шестерок» — АСЕАН и АНЗЮК. Авторитет первой из них едва ли окрепнет в результате подобного «двоеженства».

В нынешних условиях приверженность блоковым схемам и стереотипам кажется особенно неуместной. Но за попытками втянуть страны АСЕАН по меньшей мере в обсуждение этих вопросов угадываются интересы военно-промышленных кругов стран Запада, идеологов догматического склада, заназдывающее осознание фундаментальных изменений в мире и регионе.

Очевидно, дает о себе знать желание направлять внешнюю политику стран АСЕАН, их военное строительство в нужном Западу направлении, иметь дополнительную страховку на случай обострения индокитайской или китайской проблемы, а также стремление переложить часть расходов по поддержанию баланса сил в АТР на «шестерку» с ее растущими экономическими возможностями и относительно умеренными военными ассигнованиями.

Все еще, к сожалению, не изъята из политического арсенала установка на сдерживание Советского Союза, блокирование предпринимаемых СССР шагов в ЮВА и зоне АСЕАН. Данная установка, однако, все более размывается, и все больше берет верх противоположная тенденция — рассматривать СССР как законного «актера» на политической сцене ЮВА.

Как представляется, СССР и страны АСЕАН могут сообща работать над тем, чтобы сделать грядущее столетие свободным от ядерного оружия, гонки военно-морских вооружений, иностранного военного присутствия, милитаристских приготовлений, оставив в прошлом узкоблоковую догматику и претворяя в практику плодотворные идеи нового мышления.

¹ Asian Security. Research Institute for Peace and Security 1988—1989.— P. 112—118

² International Herald Tribune.— 1989.— 8 August.

³ Что касается лично К. Акино, то она неоднократно повторяла, что для нее вопрос о продлении или непродлении соглашения о базах остается открытым. В нижней палате филиппинского парламента, в отличие от сената, большинство — за продолжение американского военного присутствия после 1991 г. По данному вопросу предлагается также провести общенародный референдум, который позволил бы, как полагают, обойти veto сената, настроенного более антиамерикански. Против продления соглашения об аренде баз выступало не менее $\frac{2}{3}$ сенаторов.

⁴ Far Eastern Economic Review.— 1989.— 7 November.— P. 13.

⁵ Ibid.— 1989.— 30 November.— P. 2—3.

⁶ Ibid.— 1989.— 13 April.— P. 29.

⁷ Все данные и расчеты произведены по: The Military Balance. 1988—1989. The International Institute for Strategic Studies.— 1988.

⁸ Получить всю обещанную сумму (Филиппины предпочитают именовать ее рентой, США — помощью) Маниле, впрочем, едва ли удастся. Конгресс США собирается из-за соображений бюджетной экономии урезать размер компенсации, полагающейся Филиппинам.

⁹ В 1987—1988 фин. г. американские базы приобрели товаров и услуг филиппинского происхождения на 240 млн. долл. Всего 68 000 филиппинцев непосредственно занято обслуживанием баз, а их заработок служит источником существования для гораздо большего числа их сограждан. Более крупным работодателем на Филиппинах является только государство. См.: The Age.— 1989.— 12 December. Кроме того, 2 млн. филиппинцев отправились в США в поисках заработка и удачи.

¹⁰ Pilar Ramos-Jimenez, Ma Elena Chiong — Javier. The US Bases in the Philippines: Social benefits and costs // Foreign Affairs Journal.— 1988.— Vol. III.— N 4.— December.— P. 107—103.

¹¹ Asian Studies Center. Background. The Heritage Foundation.— 1989.— 6 November.— P. 12.

¹² The Atlantic.— 1988.— February.— P. 24—27.

¹³ Известия.— 1990.— 19 января.

¹⁴ International Herald Tribune.— 1988.— 12 May.

¹⁵ Australia's Regional Security Ministerial Statement by Senator H. G. Evens.— 1989.— December. Commonwealth of Australia.— P. 20.

Советско-японские отношения в 90-х годах

Ц. ХАСЭГАВА

Советско-японские отношения представляют собой аномалию. В годы перестройки, особенно после крушения коммунистических режимов в Восточной Европе, отношения Восток — Запад подверглись фундаментальной трансформации, в результате которой «холодная война» была объявлена законченной. Ведущие западные страны считают, что успех перестройки служит миру и стабильности во всем мире и, следовательно, они должны поддерживать реформы Горбачева. Японское же правительство упорно отказывается признать, что «холодная война» закончилась, по меньшей мере в Азии, и постоянно утверждает, что советская военная угроза на Дальнем Востоке все еще существует и нарастает. Оно считает, что оказывать экономическую помощь Советскому Союзу было бы не мудро и преждевременно. В последнее время Горбачев нанес визиты в Вашингтон, Лондон, Париж, Рим, Оттаву и Пекин, но бросается в глаза, что Токио не входит в этот перечень. Горбачев имел консультации с рядом азиатских лидеров, но никогда не встречался с японским премьер-министром, за исключением короткой встречи с Накасонэ на похоронах Черненко. Видимо, резонно считать, что советско-японские отношения действительно представляют собой исключение из главной тенденции — улучшения отношений Москвы с ведущими державами мира.

В этой статье делается попытка выяснить, во-первых, обоснованно ли такое заключение. Во-вторых, если обоснованно, то что вызвало патовое положение в отношениях. В-третьих, есть ли выход из него и возможно ли кардинальное укрепление советско-японских отношений в 90-х годах. В-четвертых, какие последствия можно было бы ожидать в случае улучшения или ухудшения отношений. В-пятых, какие проблемы сохраняются или, возможно, возникнут в 90-х годах.

1. Плохи ли советско-японские отношения

Прежде всего мы должны отвергнуть сам термин «плохие отношения». В экономических связях мы видим рост объема советско-японской торговли, который превысил в 1989 г. 6 млрд. долл. Япония является третьим торговым партнером Советского Союза. В отличие от США Япония предоставляет СССР условия наибольшего благоприятствования. Можно сказать, что экономические связи СССР с Японией развиты лучше, чем с США или какой-либо другой ведущей западной страной, за исключением ФРГ и Финляндии.

В области дипломатии, несмотря на в целом прохладные отношения, обе страны установили и поддерживают корректные связи. Несомненно, что из стран Азии, за исключением, быть может, социалистических союзников Москвы, Япония имеет наиболее зрелые, развитые отношения с Советским Союзом, с энергичным экономическим обменом, полностью нормализованными дипломатическими отношениями, разносторонним культурным обменом.

Таким образом, следует подчеркнуть, что советско-японские отношения достаточно развиты и нет оснований говорить, что «ущербность» этих отношений представляет реальную угрозу миру и стабильности в регионе. Нет также каких-либо признаков, говорящих о том, что эти отношения ухудшаются. Более того, как я покажу ниже, налицо важные признаки их улучшения.

Тем не менее следует признать, что советско-японские отношения улучшаются не так быстро, как советские отношения с другими ведущими западными странами, особенно если вспомнить, что по прошествии 45 лет после войны Япония и СССР еще не заключили мирного договора. Именно медленное продвижение в развитии отношений между двумя странами создает впечатление их «неудовлетворительности», вызывает чувство патового положения. Твердый отказ Японии войти в группу стран, нацеленных на сближение с СССР, подрывает политику Горбачева, который добивается полного признания среди ведущих западных стран. Япония накладывает вето на вступление Советского Союза в Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) и другие международные экономические организации. На совещании глав семи ведущих капиталистических государств в 1988 г. в Оттаве японский представитель убедил других западных лидеров принять тезис о том, что «холодная война» еще не закончилась в Азии. На подобном совещании в Хьюстоне в июле 1990 г. Япония, выступая в оппозицию западноевропейским партнерам, сумела отклонить предложения об оказании Западом совместной помощи Советскому Союзу. Более того, Япония выступает как главный камень преткновения новой политике Советского Союза в Азии, подрывает любые советские инициативы по контролю над вооружениями. Экономическое развитие советского Дальнего Востока, участие Советского Союза в экономической деятельности в АТР немислимы без кооперации с Японией, на которую японское правительство не идет. Советам теперь становится ясно, что без значительного улучшения отношений с Японией они не смогут приступить к проведению новой внешней политики в регионе, к созданию новой системы безопасности, войти в более тесную интеграцию с мировой системой. И западным странам становится все яснее, что Япония — основное препятствие при выработке единой политики в отношении Советского Союза.

2. Причины патового положения в советско-японских отношениях

Очевидной причиной патового положения является спор из-за «северных территорий» (островов Итуруп, Кунашир, Хабомаи и Шикотан), которые Советский Союз захватил в конце второй мировой войны. Обе стороны утверждают, что острова по праву принадлежат им исторически и юридически. Японское правительство настаивает на «принципе входа» (иригутирон), по которому возвращение четырех островов рассматривается как предварительное условие улучшения отношений, включая заключение мирного договора. Оно отвергает «принцип выхода» (дэгутирон), который предполагает возвращение территорий как конечный результат постепенного улучшения отношений в других сферах. Для японцев «северные территории» символизируют чувство унижения, которое Япония испытывала в годы оккупационного периода после второй мировой войны. Пока эти острова не возвращены, эра после второй мировой войны для нее не закончена. Поэтому понятно, почему японцы настаивают на том, что «холодная война» не закончена, указывая, что их родная земля, незаконно захваченная Сталиным, не возвращена.

Советскому правительству трудно принять японские требования. И можно сказать, что Советы платят высокую цену за накопившиеся в прошлом ошибки и упущения в отношениях с Японией. Начать с решения Сталина захватить острова в геополитических интересах, что неизбежно предопределяло конфликтные отношения с Японией. Отказ от подписания мирного договора в Сан-Франциско в 1951 г., когда Японию заставили отказаться от претензий на четыре острова, явился главным просчетом Москвы, который отодвинул Советский Союз от решения территориальной проблемы с Японией раз и навсегда. Советский Союз согласился вернуть два острова (Шикотан и Хабомаи) в 1956 г. при нормализации отношений. Однако это обещание было односторонне аннулировано Хрущевым в 1960 г., когда Япония возобновила договор безопасности с США. По словам советского журналиста, этим «Москва продемонстрировала свою ненадежность как партнера и свое болезненное отношение к Японии»¹. В начале 70-х годов премьер-министр Танака выступил с предложением о крупной экономической помощи для развития Сибири, Брежнев обещал открыть путь для решения территориального вопроса. Но стоило Японии заключить мирный

договор с Китаем, как Советское правительство вновь заняло жесткую позицию, утверждая, что территориальная проблема не существовала и не существует.

В конце 1986 — начале 1987 года, когда планировался визит Горбачева в Японию, Советы могли пойти на существенные уступки и Горбачев мог по меньшей мере вернуться к обещанию 1956 г. Но его поездка была отменена. Шанс достичь компромисса с Японией, не вызывая серьезной оппозиции в Советском Союзе, по существу, испарился.

Ошибки и просчеты Советского Союза в отношении Японии говорят о низком ее приоритете в его политике. До последнего времени Советы относились к Японии как к второразрядной стране, не играющей военной роли и безоговорочно следующей за внешней политикой США. Сейчас отношение стало более мудрым и тактичным, тем не менее и при Горбачеве Японии не предоставлялся приоритет, которого она заслуживает. Это раздражает тех, кто делает японскую политику. В свою очередь и японское правительство пытается управлять Японией как глобальной державой и в то же время не иметь дела с Советским Союзом. Торговля с Советским Союзом составляет только 1,3 % в общем товарообороте Японии. Япония находится под защитой американского ядерного зонтика и делегирует основную задачу обеспечения безопасности Соединенным Штатам. Не в пример западноевропейским странам, во внешней политике которых СССР занимал центральное место как сосед, вызывающий беспокойство, для Японии возможность быть атакованной Советским Союзом представляется проблематичной. Японское правительство не видит необходимости добиваться улучшения отношений с Советским Союзом за счет жертв в территориальном вопросе. Оно считает, что Советский Союз более нуждается в Японии, чем Япония в СССР.

Политика японского правительства основательно увязла в глубоко распространенной антипатии к Советскому Союзу. Во всех опросах общественного мнения в Японии он называется как страна, которая вызывает наибольшую неприязнь. История, очевидно, ответственна за эту непопулярность, но и действия Советов способствовали сплочению всех слоев японского общества. Особенность этой неприязни в том, что она проявляется в форме безразличия. Европейцы и американцы могут не любить Советы, но они не могут игнорировать их, и поэтому Советский Союз для них предмет серьезного общественного спора. В Японии же Советский Союз еще не проник в сознание среднего японца. Фактически нет другой страны, которая была бы так безразлична для среднего японца, как Советский Союз.

3. Действительно ли позиция в советско-японских отношениях патовая

Важно признать, что со времени прихода к власти Горбачева советско-японские отношения улучшаются, хотя и медленнее, чем отношения Советского Союза с другими ведущими державами. Они были глубоко заморожены после советского вторжения в Афганистан и начали улучшаться после визита Э. Шеварднадзе в Японию в январе 1986 г. В тенденции улучшения отношений был временный откат в 1987 г., когда имел место инцидент с компанией «Тосиба» и обе страны пошли на сокращение дипломатических представительств. Тем не менее после второго визита Шеварднадзе в Токио в декабре 1988 г. начался новый подъем. Лидеры советского общественного мнения начали выступать с различными конструктивными предложениями по решению территориального спора. Советское правительство отступило от своей непримиримой позиции и признало существование территориальной проблемы. Оба правительства согласились создать рабочие группы для подготовки мирного договора, наиболее важной задачей которых является поиск путей разрешения территориальной проблемы. Было объявлено, что Горбачев наконец посетит Японию.

Другим важным поворотным пунктом в советско-японских отношениях стал третий визит Шеварднадзе в Японию в сентябре 1990 г. Совместное заявление министров иностранных дел двух стран, Накаяма и Шеварднадзе, в связи с кризисом в Персидском заливе — первое совместное заявление Японии и СССР по региональному кризису — отразило взаимные интересы обеих стран в период после окончания «холодной войны». Прогресс по территориальной проблеме не был достигнут, но на переговорах превалировала дружественная атмосфера, и обе стороны проявили желание к преодолению расхождений.

Улучшение имеет место не только на высшем правительственном и политическом уровне, но и в других сферах. Сейчас, благодаря политике гласности, японские взгляды на территориальный спор стали освещаться в советских средствах массовой информации, как и различные точки зрения советской стороны. Торговые отношения улучшились, и товарооборот в долларах в 1988 и 1989 гг. превысил наивысший показатель, достигнутый в 1982 г. Можно считать, что, несмотря на временный спад в 1987 г., советско-японские отношения неуклонно, хотя и медленно, улучшаются. Этому способствуют изменения в международной обстановке и в образе мышления.

Советско-японские отношения не могут существовать в отрыве от глубокой трансформации в мировой системе. Во-первых, основательная перестройка в системе безопасности в Европе и процесс установления контроля над вооружениями оказывает влияние и на Азию, способствуя урегулированию вопросов безопасности в регионе. Так, США сокращают свой военный бюджет, что отражается на уровне вооруженных сил в АТР, американо-японский союз, который существует в противовес советской военной угрозе, потеряет свое значение, когда эта угроза исчезнет.

Во-вторых, утрата смысла в американо-японском союзе, видимо, вызовет рост экономических противоречий между США и Японией. Существует опасность, что Япония окажется «врагом № 1» для США. Прошлая практика возложения на плечи Японии большего бремени по обеспечению обороны теряет свою обоснованность, и американо-японский альянс теряет актуальность не только в области безопасности, но также и в экономике.

В-третьих, обстановка в Азии претерпевает значительные изменения. Сближение СССР и КНР ликвидировало китайско-советскую конфронтацию, которая была краеугольным камнем международных отношений в Азии в течение более чем четверти века. События на площади Тяньаньмэнь привели к ухудшению отношений Запада с Пекином. Китай больше не является предпочтительным для Запада коммунистическим режимом, и его место в этом плане постепенно занимает Советский Союз. США пошли на изменение политического курса в отношении камбоджийского кризиса, отказавшись от поддержки оппозиционной режиму Хун Сена коалиции. Это отказ от твердой поддержки Соединенными Штатами китайской позиции. Сближение Южной Кореи и Советского Союза завершилось установлением дипломатических отношений. Ветер перемен, пронесшийся над Восточной Европой, захватил и Азию. Монголия стала первой коммунистической страной в Азии, которая заменила диктатуру коммунистической партии на демократическую плюралистическую систему и ищет пути к внеблоковой внешней политике. Эксперимент с экономической реформой осторожно осуществляется во Вьетнаме. По-видимому, ясно, что ни Китай, ни Вьетнам, ни даже Северная Корея не смогут долгое время противостоять натиску реформаторства. Эти изменения свидетельствуют, что нынешняя обстановка в Азии имеет мало сходного с той, которая была четыре года назад, когда Москва и Токио предприняли первые шаги к урегулированию своих отношений.

Два фактора выступают как универсальная тенденция во всех указанных выше изменениях. Во-первых, приоритетное место занимает экономика как основа национальной мощи, а военный фактор лишь определяет важность развития экономики. Во-вторых, определенность в разграничении на союзников и противников исчезла, и на месте грани возникла неясность, расплывчатость и сложность, что становится главным фактором в международных отношениях². Все это в свою очередь имеет глубокое влияние на образ мышления политических деятелей и в Японии, и в Советском Союзе, в отношении к внешнему миру в целом и в отношении друг к другу в частности.

Изменения в образе мышления советской стороны нашли отражение в новом политическом мышлении. Необходимо указать, что новое политическое мышление построено на концепции внешней зависимости и взаимной безопасности, которая строится на двух факторах, о которых упоминалось выше, как превалирующих в изменениях в мировой системе: примат экономики перед военным строительством и возрастающие трудности международных отношений. Советские лидеры опираются на эту концепцию с завидной смелостью при переговорах о контроле над вооружениями, освобождаясь из пут Афганистана, воспринимая революции в Восточной

Европе и объединение Германии, достигая сближения с Китаем и Южной Кореей и другими странами, с которыми у СССР были враждебные отношения. Но есть какая-то ирония в том, с какой медлительностью советские политические деятели переносят новое мышление на политику в отношении Японии. Возможно, как отмечает Джонатан Хаслем, это происходит потому, что советское руководство на первое место ставит безопасность, а не экономическую независимость. Поэтому в азиатских инициативах Горбачева приоритет был отдан Китаю. Видимо, со стратегической точки зрения считалось более важным достичь сближения с Китаем, хотя это не несло такой большой экономической выгоды, как сближение с Японией³. Так продолжалось до тех пор, пока в 1988 г. аналитики советской политики, в частности специалисты по Японии и азиатским проблемам, не начали поднимать свой голос и показывать заинтересованность, беспокойство и опасения в связи с медлительностью советского руководства в развитии отношений с Японией.

Затем стало очевидно, по крайней мере специалистам по Японии и Азии, что Япония представляет собой ключ для входа в азиатско-тихоокеанский регион. И более того, что без сближения с Японией, по существу, невозможно проводить новую советскую политику в Азии, объявленную в речи Горбачева во Владивостоке. Этим специалистам видна интегральная связь между экономическим развитием советского Дальнего Востока и финансовой, технологической и экономической помощью со стороны Японии. Они пришли к четкому выводу о несовместимости между курсом на приоритет военного присутствия в регионе и экономическим прогрессом. Некоторые из них даже считают, что нужно согласиться с существованием американо-японского договора безопасности⁴.

Эти рекомендации повлияли на решения правительства. В марте 1988 г. был создан Советский комитет по сотрудничеству в АТР. Эта организация стала ведущей силой на международном симпозиуме, состоявшемся в том же году во Владивостоке в начале октября и имевшем целью сломать политическую и психологическую оппозицию открытию Владивостока. Ясно, что, поскольку правительство СССР поставило экономику в фокус своей новой азиатской политики, необходимость сближения с Японией становилась актуальной. Горбачев в своей красноярской речи отмечал, что важность развития отношений с Японией окончательно признана на уровне высшего руководства. Если в его владивостокской речи приоритет был отдан Китаю, то в красноярской главное место заняла Япония. Тем не менее эта речь продемонстрировала также, что руководство СССР, сознавая важность сближения с Японией, еще не приняло какого-либо решения о том, каким образом осуществлять его.

Для советского руководства становится также очевидным, что Япония представляет собой главное препятствие на пути к созданию новой системы безопасности в Азии. Неоднократные инициативы по контролю над вооружениями, выдвигаемые Горбачевым, отвергаются Японией как чистая пропаганда. Любые советские подходы и конструктивные предложения не воспринимались Японией под предлогом необходимости решения территориальной проблемы. Ясно, что для расширения прогресса в перестройке системы безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе Советы будут вынуждены пойти на сближение с Японией.

Изменение международной обстановки оказало сильное давление на японское правительство и правящую либерально-демократическую партию (ЛДП), заставив пересмотреть их подходы к политике в отношении Советского Союза. Как МИД, так и ЛДП с тревогой констатировали рост дипломатической изоляции Японии, грозящей превратить ее в «странную персону» в общем процессе фундаментальных преобразований в вопросах международной безопасности. И, более того, Япония могла бы оказаться под огнем критики не только со стороны Советского Союза, но и со стороны союзников за торможение этого процесса, если не сказать за его саботаж. Сейчас лидеры ЛДП намерены принять активное участие в формировании японской политики в отношении Советского Союза и имеются признаки смягчения позиции в самом МИД.

Одной из особенностей японской политики в отношении Советского Союза является то, что в ее формировании доминирует Министерство иностранных дел. В то время как в выработке решений по развитию отношений Японии с другими ведущими державами вовлечены другие правительственные ведомства, различные

заинтересованные группы и деловые круги, МИД Японии, по существу, монополизировал выработку политики Японии в отношении СССР. У Советского Союза нет мощного, сравнимого с китайским лобби, торговля с ним мизерна, и он не представляет интереса для Министерства внешней торговли и промышленности (МИТИ), если не считать контроля и запретов по линии КОКОМ. Кроме того, торговля с Советским Союзом ведется главным образом через крупные торговые компании, и не в пример ФРГ деловые связи с СССР для Японии не представляют особого интереса.

Примечательно, однако, что такие влиятельные в ЛДП политики, как Абэ, Канэмару, Одзава, приводят убедительные доводы в пользу сближения с Советским Союзом. В частности, представляет интерес позиция С. Абэ, который является главой наиболее консервативной фракции в ЛДП и рассматривается как наиболее возможный преемник Т. Кайфу на посту премьера. Абэ, будучи министром иностранных дел, принимал непосредственное участие в нормализации советско-японских отношений в 1986 г., которые были заморожены с конца 70-х годов. В связи со скандалом с фирмой «Рекруто» он был вынужден уйти с политической арены, а кресло премьера досталось Т. Кайфу. Победа ЛДП на выборах в нижнюю палату в феврале 1990 г. реабилитировала замешанных в скандале с «Рекруто» политиков, и Абэ предпринял смелую попытку возвращения на политическую арену. К несчастью для Абэ, победа ЛДП была слишком уверенной и Т. Кайфу, сохранив власть, демонстрирует замечательное, в какой-то степени неожиданный дипломатическое искусство в смягчении напряженности в отношениях с США. С другой стороны, растет вовлеченность С. Абэ в политику Японии в отношении Советского Союза, что тесно связано с его политическими амбициями⁶. Это дает шанс изменить место Советского Союза в японской политике. Практика, в ходе которой влиятельный политический деятель возлагает на себя задачу улучшения отношений с Советским Союзом как средство достижения своих политических целей, совсем недавно могла бы означать политическое самоубийство. С. Абэ посетил Москву в январе 1990 г. М. Горбачев в то время отменил все другие встречи с иностранными визитерами, но сделал исключение для С. Абэ, что не осталось незамеченным. С. Абэ заявил М. Горбачеву, что трудные проблемы, с которыми сталкиваются обе стороны, должны быть решены проявлением мудрости обеих сторон. И сделал предложение из восьми пунктов, направленных на развитие различных видов сотрудничества⁷.

Ясно, что С. Абэ, представляющий важную фракцию ЛДП и имеющий хорошие связи с МИД, является тем человеком, которого Советские считают сильным японским лидером, способным принять кардинальное решение и разрубить гордиев узел территориального вопроса. В то же самое время Т. Кайфу, который как премьер-министр будет принимать М. Горбачева, не может маневрировать, как С. Абэ, демонстрируя желание улучшить отношения с Советским Союзом. Если же он сможет заключить мирный договор с СССР, то это станет большим праздником, который будут помнить потомки. Как Хатояма в 1956 г. нормализовал отношения с СССР как свою личную миссию, так и Т. Кайфу должен стремиться в плане своих личных амбиций активно добиваться сближения с Москвой как к конечной цели перед своим уходом.

Ясно, что ЛДП идет на шаг впереди МИД. Это совершенно новая подвижка от прежней обстановки, дополнительное давление на МИД Японии. И в результате мы видим второе важное изменение в японской политике по отношению к Советскому Союзу — изменения во взглядах в самом МИД. Такие дипломаты, как С. Курияма, Т. Того, Х. Овада, придерживающиеся более современной позиции по отношению к Советскому Союзу, чем их предшественники в отделе СССР в МИД, сейчас заняли влиятельные позиции. Т. Того, например, сделал важное заявление, по которому советско-японские отношения должны рассматриваться в контексте более широких рамок азиатско-тихоокеанского бассейна и даже в глобальных рамках. Поэтому и проблема северных территорий, по его мнению, «должна рассматриваться не только в рамках двусторонних отношений, но и в более широком плане, когда принятое решение будет способствовать улучшению не только японо-советских отношений, но и политической ситуации на Дальнем Востоке, что привне-

сет стабильность в западный союз в целом»⁷. С. Курияма, который в настоящее время является заместителем министра иностранных дел, наиболее влиятельный пост, который может занимать карьерный дипломат, также отмечает: «Наша политика заключается в том, чтобы не отделять политику от экономики. Но это не означает, что, если мы не имеем прогресса по территориальному вопросу, то мы отказываемся от продвижения двусторонних отношений в позитивном направлении. Диалог между Японией и Советским Союзом будет длительным, пока окончательное решение территориальной проблемы не займет наконец в двусторонних отношениях стабильной базы. Но в этом процессе, наряду с усилиями для решения территориального спора, мы должны также стремиться к улучшению отношений и в других сферах»⁸.

Японское правительство занимает позицию под названием «какудайкинко» (расширенное равновесие), при котором оно намерено постепенно улучшать отношения, несмотря на отсутствие прогресса в решении территориального спора. В июле 1989 г. оно представило предложения по улучшению отношений из 10 пунктов. Фактически это существенное отступление от теории «входа» (иригутирон) и принятие теории «выхода» (дегутирон). Если это так, то расхождения в позициях СССР и Японии значительно стираются, и становится труднодоказуемым, что невозможно найти общую основу для выхода из тупика и даже для окончательного решения территориального спора.

4. Возможный сценарий развития событий

И тем не менее, несмотря на эти позитивные моменты, позиции обеих сторон в территориальном споре существенно не изменились. Хотя политика Японии стала более гибкой, ни японское правительство, ни ЛДП не отказались от сути своих основных требований, которые по-прежнему заключаются в возвращении четырех островов. Новая внутривластная обстановка в СССР делает затруднительным и для советской стороны, для Горбачева, пойти на существенные уступки японским требованиям. Любой договор, который изменяет государственные границы, должен быть ратифицирован Верховным Советом и Съездом народных депутатов. Эти законодательные органы более склонны забаллотировать любую попытку отказа от части советской территории в пользу иностранной державы. Более того, недавно провозглашенная декларация о суверенитете РСФСР требует референдума по любым изменениям территории России, и любые территориальные уступки будут, видимо, отвергнуты. Поэтому вряд ли М. Горбачев прибудет в Японию с предложением вернуть четыре острова. Более возможно, что он предложит вариант «два плюс»: возвращение двух островов (Шикотан и Хабомаи) и другие компромиссные предложения по Этурупу и Кунаширу. Этот шаг может быть аргументирован тем, что возвращение двух островов уже было обещано в совместной декларации в 1956 г., ратифицированной Верховным Советом, а СССР по международным обязательствам должен твердо придерживаться двусторонних соглашений, им подписанных и ратифицированных. Тем не менее возвращение двух островов само по себе не удовлетворит Японию. Политическая реальность в Японии такова, что ни одно правительство, которое пойдет на принципиальные уступки по проблеме возвращения четырех островов, не может рассчитывать на выживание.

Исходя из этого, М. Горбачеву важно предложить что-то большее, чем возвращение двух островов, что-то такое, что удовлетворит японское правительство и в то же время не будет расценено как распродажа национальной территории. Трудно предвидеть, что Советское правительство может включить в этот «плюс» и что японское правительство может принять, но нижеследующие идеи носят в воздухе как в Советском Союзе, так и в Японии и в других странах:

— Формула островов Сэнкаку, когда обе стороны соглашаются отложить решение о суверенитете на эти два острова, как об этом решили Китай и Япония по островам Сэнкаку при заключении мирного договора. (Примаков⁹, Овчинников¹⁰, Рогачев¹¹, Бовин¹²).

— Совместный суверенитет (Формула Шпицбергена, Гулий¹³).

— Совместное владение, причем Советский Союз оставляет за собой суверенитет (Кунадзе¹⁴, М. Накадзима¹⁵).

— Демилитаризация, советская сторона выводит все войска с островов, и Япония соглашается не размещать там какие-либо войска и военные формирования (Вада¹⁶, Ю. Афанасьев¹⁷, Б. Ельцин¹⁸).

— Совместное экономическое развитие (Гулий, Ельцин, Вада, Накадзима).

— Передача под управление ООН (Величанский¹⁹, С. Ота²⁰).

— Свободная территория с безвизовым въездом (Вада, Гулий).

— Возвращение трех островов, за исключением Итурупа (П. Бертон²¹, В. Зайцев²²).

Трудно предвидеть, что предложит Горбачев. Возможно, он выступит с некоторыми комбинациями этих формул. По моему мнению, оптимально приемлемым для обеих сторон было бы решение, по которому после взаимного согласия на возвращение двух островов стороны признают, что невозможно прийти к соглашению по вопросу о суверенитете двух других островов, приняв, по существу, формулу островов Сэнкаку. Учитывая оппозицию внутри страны, Горбачев не сможет пойти на уступки, которые выходят за рамки возвращения двух островов. В свою очередь лидеры ЛДП не смогут отказаться от требования возвращения четырех островов, не вызвав как взрыва в своей собственной партии, так и сильного противодействия со стороны МИД. Эти расхождения больше не являются помехой в достижении согласия по практическим мерам для улучшения отношений. Видимо, консенсус достигается сторонами как в СССР, так и в Японии, на позициях, защищаемых Х. Вада,— возвращение двух островов, демилитаризация и совместное развитие двух других островов, а также свободное безвизовое посещение японцами этих двух островов, остающихся под советским суверенитетом. Тройственное решение, содержащееся в предложении Х. Вада, имеет хорошие шансы быть принятым большинством советского народа. Вместе с тем, поскольку Япония не отказывается от принципа возвращения четырех островов, это решение, несомненно, получит одобрение большинства японцев.

Что Советский Союз может ожидать в ответ от Японии? Первое и главное — Япония может увеличить широкомасштабную экономическую помощь Советскому Союзу в пределах 5—6 млрд. долл. в течение пяти лет. Она откажется от своей оппозиции вступлению СССР в международные экономические организации, будет предоставлять займы через свой экспортно-импортный банк и гарантированные кредиты для стимулирования японских операций с Советским Союзом.

Второе, Советский Союз получит возможность вовлечь Японию в процесс перестройки системы безопасности в Северо-Восточной Азии, приблизиться наконец к своей цели — созданию новой системы безопасности в Северо-Восточной Азии с участием США, Японии и СССР. Это облегчит военное бремя в Северо-Восточной Азии, стимулирует сокращение военного присутствия в регионе, что в свою очередь позволит Советскому Союзу сосредоточить усилия в этом регионе на экономике.

Преимущества временного решения территориального вопроса, как подчеркивалось выше, должны перевесить потери, возможные при отсутствии продвижения. Что касается Советов, то эти потери очевидны. Отсутствие прогресса будет означать отказ от новой советской политики в Азии, обречет советский Дальний Восток на экономическую стагнацию и приведет к постоянной международной напряженности на Дальнем Востоке. В свою очередь для Японии отсутствие здесь прогресса грозит дипломатической изоляцией и ростом критики международной общественностью за нежелание поддержать общий процесс разрядки с Советским Союзом, особенно если Горбачев придет с пакетом продуманных предложений. Визит Горбачева в Японию представляется золотым случаем и для Советского Союза, и для Японии, чтобы выйти из тупика. Советско-японские отношения в послевоенный период характеризуются многими упущенными возможностями, но никогда еще не было случая, подобного нынешнему. Этот шанс может не повториться.

5. В чем суть встающих проблем

Советско-японское сближение, если оно произойдет, не решит всех проблем, они останутся, и даже прибавятся новые. Например, в экономических отноше-

ниях. Хотя торговля Японии с Советским Союзом в 1989 г. достигла своего рекордного уровня, она составила всего 1,3 % от внешнеторгового оборота Японии, при резком снижении с 2,5 % в начале 70-х годов. Эта мизерная доля не может ставиться в вину японскому правительству, что часто делают советские комментаторы. Японское правительство обладает небольшими возможностями влиять на бизнес. Более того, во многих случаях оно способствует развитию торговли с СССР. Точнее было бы говорить о том, что советско-японская торговля достигла предела, возможного при существующих условиях, считает экономист С. Табата²³. По его словам, стагнация японо-советской торговли явилась результатом жестких факторов, сдерживающих как импорт, так и экспорт. Среди ограничивающих экспорт факторов С. Табата называет отказ от больших проектов развития Сибири, обеспечивших значительный прирост в торговле в начале 70-х годов, решение японского правительства приостановить кредитование экспортно-импортным банком операций с СССР и монопольную роль крупных японских торговых компаний в торговле с СССР. Японский импорт резко сократился в конце 70-х годов, а экспорт Японии продолжал расти в 1981—1982 гг., что было в значительной степени связано с выполнением крупных сибирских проектов. Это привело к значительному увеличению положительного сальдо Японии в торговле с СССР в 1982 г. до более 2,2 млрд. руб. В то же самое время резкий рост поставок газа и нефти из СССР в западноевропейские страны давал прирост в советской внешней торговле, и Советы предпочли закупать машины и другие промышленные товары не в Японии, а в Западной Европе. Далее, экспортно-импортный банк Японии, который играл важную роль в финансировании сибирских проектов, с введением экономических санкций в связи с советской агрессией в Афганистане в 1980 г. прекратил кредитование торговли с СССР. В ФРГ, где в торговле с СССР участвуют более 1500 фирм, такая политическая акция встретила бы сильный протест, поскольку она означала бы банкротство этих фирм. В Японии же торговля с Советским Союзом в значительной степени монополизирована крупными торговыми компаниями, для которых советская торговля — малая доля в сравнении с торговлей с США. С. Табата утверждает, что, даже если бы японское правительство решилось на крутой поворот в своей политике в отношении СССР и стимулировало бы деловые круги на расширение торговли с Советским Союзом предоставлением гарантированных кредитов, советско-японская торговля тем не менее существовала бы не возросла, так как чисто экономические ограничения на импорт и экспорт не устранены. Он заключает, что экономические факторы доминируют и будут доминировать над политическими факторами, поскольку правительственная политика отражает интересы деловых кругов, а не что-либо другое. Настоящая ситуация далеко отличается от той, которая была в середине 70-х годов, когда деловые круги были обеспокоены развитием новых источников энергии и сырья любимыми средствами. Поэтому Табата считает, что нынешняя стагнация в японо-советских экономических отношениях, вероятно, продлится по меньшей мере до конца текущего столетия.

Я считаю, что этот пессимизм в определенной мере необоснован. Японское правительство могло бы предпринять ряд мер для стимулирования торговли с СССР. Оно могло бы найти средства на совместные работы по созданию инфраструктуры, особенно в области транспорта и связи, на финансирование подготовки специалистов, обеспечение деятельности совместных венчурных предприятий. Сняв запрет на кредитование экспортно-импортным банком, можно стимулировать торговлю с СССР, в частности экспорт потребительских товаров, так же как и импорт редкоземельных металлов, сырья, рыбопродуктов. В этом отношении можно было бы руководствоваться опытом японских экономических отношений с Китаем.

Тем не менее нынешняя обстановка полностью отличается от той, которая была в 70-е годы, и никто не может ожидать внезапного взлета экономических отношений. Во-первых, нет больших сибирских проектов. Сейчас по большинству позиций экономических отношений следует исходить из частных моментов, и в значительной степени небольших масштабов. Во-вторых, экономические решения в возрастающей степени будут зависеть от местных властей, которые часто не обладают достаточной властью и квалификацией. Но, с другой стороны, несмотря на неорганизованность и неизбежные потери, эти новые линии развития могут создать реальную эконо-

мическую базу, на которой обе страны могли бы строить деловые отношения. Наконец, нынешняя обстановка предоставляет возможность для развития экономического взаимодействия. В 70-е годы политика преобладала над экономикой, и экономические отношения Японии с Советским Союзом были принесены в жертву развитию ее отношений с Китаем. Теперь созрело время подумать о более конкретном подходе к созданию экономической зоны с участием Японии, СССР, Китая, Южной и, возможно, Северной Кореи. Подобный проект подготовлен²⁴. Однако в любом случае следует согласиться с С. Табата, который считает, что будущее советско-японских отношений зависит не от политиков, а от успеха экономической реформы в СССР.

Рассматривая проблемы безопасности, можно видеть, что Советский Союз столкнулся с двумя противоречивыми вызовами. С одной стороны, укрепление безопасности в Азии идет сравнительно медленно, а с другой — тревогу вызывает неопределенность и даже нестабильность, которая может возникнуть в ходе преобразования старой системы безопасности. Япония здесь играет стержневую роль.

Коренная перестройка системы безопасности Восток — Запад в Европе, несомненно, оказывает огромное воздействие на АТР. Взгляды, когда-то предпочтительные для Пентагона и японского правительства, в частности для его МИД и Управления национальной обороны (УНО), по которым советская угроза не ликвидирована в Азии, представляются теперь сомнительными. США, продолжая настаивать на необходимости передового размещения заокеанских баз для обеспечения безопасности, тем не менее начали процесс сокращения войск в Азии по трехступенчатой программе. Однако стратегическая «программа» Пентагона не заходит так далеко, чтобы удовлетворить стремление Советского Союза создать новую систему безопасности в АТР. США приветствуют любые меры по снижению напряженности в регионе, но хранят молчание по острой проблеме формирования мер доверия в Северо-Восточной Азии и всеми силами противятся любому контролю над морскими силами Пентагона. От Японии США ожидают поддержки этого курса, поскольку японское правительство, МИД и УНО менее подвержены воздействию развития обстановки в Европе. Таким образом, советская попытка добиться согласия от США и Японии на начало переговоров по снижению напряженности в Северо-Восточной Азии все еще наталкивается на каменную стену.

Однако очевидно, что новое политическое мышление Советского Союза поколебало систему безопасности в АТР, где доминируют США. Вашингтон сокращает свои войска в регионе, выводит их из Южной Кореи и ищет альтернативный вариант для филиппинских баз. Некоторые двусторонние меры контроля уже вторгаются в Тихий океан в форме соглашения по предотвращению инцидентов на море и обмена визитами в высших военных кругах. Но здесь можно заметить разницу в подходах США и Японии. Последняя занимает более ястребиную позицию. За этим скрывается эрозия японо-американского договора безопасности. Позиция США в отношении оборонной политики Японии полна противоречий. С одной стороны, Вашингтон подталкивает Японию к «увеличению возможностей обороны», «к расширению обороняемой территории и повышению возможностей по защите своих морских коммуникаций за пределами 1000 морских миль», с другой — стремится сдержать «любые дестабилизирующие тенденции, в которых заложены силовые моменты»²⁵. Командующий морской пехотой США на Окинаве утверждает, что главным предназначением войск США в Японии является предотвращение перевооружения Японии. Его выражение «Мы пробка в бутылке» пронеслось по всей Японии в заголовках центральных газет.

Необходимость в сохранении японо-американского альянса подвергается сомнению и в США, и в Японии. Эдвард Олсон из Военно-морской академии, например, высказывается за полный вывод американских войск из Японии с передачей ее обороны самим японцам²⁶. Кеннет Пайл из Вашингтонского университета, указывая, что Восточная и Юго-Восточная Азия становится для Японии жизненно важным экономическим регионом, считает, что американо-японский союз должен быть перестроен таким образом, чтобы повысить военную роль Японии в регионе. М. Асаи, отставной дипломат из японского МИД, высказывается за отмену договора безопасности²⁷, а японский голлист С. Исихара в своей одиозной книге

защищает еще более независимую политику обороны Японии²⁸. Другой бывший дипломат, К. Ито, призывает Советский Союз вернуть северные территории в обмен на три японских неядерных принципа и на полный вывод американских войск из Японии с сохранением японских сил на установленном уровне²⁹. Серьезный и влиятельный ученый-политолог С. Сато, который является твердым сторонником американо-японского договора безопасности, отмечает, что структура союза нуждается в основательном пересмотре³⁰.

Ясно, что нынешняя структура американо-японского союза устарела и не отвечает меняющейся реальности. Проблема, однако, заключается в том, какой новой системой ее заменить. Аннулирование союза, в пользу чего раздаются голоса в японских политических кругах справа и слева, не представляется приемлемым, так как связывается с милитаризацией Японии. В этом никто не заинтересован, и сами Советы в настоящее время высказываются за сохранение американо-японского союза³¹. Соседние страны опасаются растущей военной роли Японии в регионе и считают, что уход американцев создаст здесь неопределенный вакуум силы. С ликвидацией советской угрозы, которая традиционно рассматривается как оправдание военного строительства Японии, возникнет необходимость пересмотра ее военной роли в регионе. Это вызовет сложную реакцию в соседних странах, а также интенсивные дебаты в самой Японии.

На мой взгляд, для Японии приемлема такая система безопасности, которая была бы коллективной и в которой США играли бы главную роль. Однако система коллективной безопасности без Советского Союза будет неуклонно терять свою эффективность даже в АТР. Советский Союз и Япония неизбежно вступят в период неопределенности в сфере безопасности. 1990-е годы будут критическим десятилетием для Японии в плане выработки политики в вопросах безопасности. Мне кажется, что этот выбор интегрально связан с разработкой курса Японии в отношении Советского Союза. По этой причине советско-японское сближение представляется важным фактором стабильности в регионе.

Заключение

Многие проблемы еще стоят на пути советско-японского сближения. Это территориальный спор, экономическая несовместимость, расхождения в приоритетах при решении вопросов безопасности и другие. Помимо этого, сохраняются недоверие и подозрительность. Однако даже при осторожном оптимизме можно гарантировать, что в предстоящие годы политические деятели Японии и Советского Союза будут в состоянии проявить политическую смелость и мудрость, чтобы достичь коренного перелома в территориальном споре и сдвинуть отношения с мертвой точки, подвести итоги второй мировой войны. В противном случае надежды на сближение потерпят крах. Япония в результате будет выглядеть странно, не вписавшись в исторический процесс фундаментальной перестройки международной системы, а Советский Союз вряд ли добьется статуса азиатско-тихоокеанской державы. В целом же стабильность в регионе стала бы главной жертвой несостоявшегося сближения.

¹ Л. Млечин. Четыре острова и суверенитет России // Новое время.— 1990.— № 27.— С. 20.

² In: Robert A. Scalapino. Changing East — West Relations and Regional Peace. A paper prepared for the Seoul Olympiad Anniversary Conference.— Seoul, 1989.— 12—16 September.

³ Jonathan Haslam. Soviet Policy towards Japan and Western Europe: What the Differences Reveal. Acta Slavica Japonica. 1990.

⁴ См.: А. Богатуров, М. Носов. Треугольник без углов // Новое время.— 1989.— № 18.— С. 8—9.

- ⁵ См.: Ко да Такэси. Абэ хосо-но кабан-но наками- Что в портфеле у Абэ для Советского Союза? // Сёкун.— 1990.— № 3.— С. 90—98.
- ⁶ Емиури симбун.— 1990.— 16 января.
- ⁷ Атарасий пэйдзи-о хиракихадзимэта ниссо канкэй (Открытие новой страницы в японо-советских отношениях) // Гайко форуму.— 1989.— Март.— № 6.— С. 36.
- ⁸ Курияма Сэити. «Рёдо-дэ» бо-о нондаёна сисэй-ва торимасэн- Мы не можем занимать не гибкую позицию по «территориальной проблеме» // Сэкай.— 1990.— № 4.— С. 126—127.
- ⁹ Емиури симбун.— 1988.— 1 февраля.
- ¹⁰ Правда.— 1988.— 15 декабря.
- ¹¹ Пресс-конференция И. Рогачева.— 1989.— 24 марта.
- ¹² Емиури симбун.— 1989.— 6 октября.
- ¹³ Выступление депутата от Сахалина В. Гуля в комитете по внешней политике Верховного Совета СССР.— 1989.— 17 ноября.
- ¹⁴ Г. Ф. Кунадзе. Состояние и перспективы советско-японских отношений / Доклад на конференции НИРА и ИМЭМО в Токио.— 1989.— 20—21 июля.
- ¹⁵ Накадзима Минэо. Горбачёфу-га нагэру тайнити сэньяку=но букимина хэнкакю- Неожиданный ответный мяч Горбачева // Гэндай.— 1986.— Декабрь.
- ¹⁶ Вада Харуки. Хоппо рёдо мондай ницуйтэ-но косацу=Отклики по проблеме северных территорий // Сэкай.— 1986.— № 12.
- ¹⁷ В своей речи в Токио Ю. Афанасьев поддержал требование Японии о возвращении четырех островов и благожелательно отнесся к идее Х. Вада о возвращении двух островов в качестве первого шага.
- ¹⁸ 16 января 1990 г. Б. Ельцин выступил в токийском пресс-клубе и предложил четырехэтапное решение в течение 15 лет.
- ¹⁹ Комсомольская правда.— 1989.— 26 декабря.
- ²⁰ Ота Сэйдзо. Хоппо ёнто-о кокурэн синтакутотнка-ни=Предложения передать четыре северных острова под опеку ООН // Гунсюкумондай сирё.— 1989.— Апрель.
- ²¹ Из беседы Питера Бертона с автором в марте 1990.
- ²² Из доклада на конференции во Владивостоке 5 сентября 1990 г.
- ²³ Табата Син. Будущее советско-японских экономических отношений.— Выступление на конференции Славянского центра в марте 1990 г. в США.
- ²⁴ См.: Огава Кадзуо. Бассейн японского моря — зона советско-японского сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока.— 1989.— № 5.— С. 95—130.
- ²⁵ См.: Выступление представителя министерства обороны США в подкомитете по обороне сената США 19 апреля 1990 года. Стратегические планы азиатско-тихоокеанского кольца.— С. 18.
- ²⁶ Эдвард Олсон. Дзайнити бэйгун-ва тэттай сэйё=Вывод американских войск из Японии // Сёкун.— 1990.— № 1.— С. 250—262.
- ²⁷ Асаи Мотофуми. Нихон гайко: хансэй то тэнкан=Японская дипломатия: отклики и изменения / Иванами синсё.— 1989.— Токио.
- ²⁸ Исихара Синтаро, Морита Акио. Но-то изэру джапан=Япония, которая может сказать «нет».— Токио.— 1989.
- ²⁹ Ито Кэнъити. Исихара Синтаро. Дзаданкай: Америка-ва нихон-ни хицуйка= Дискуссия: Нужна ли Японии Америка? // Сёкун.— 1990.— № 5.— С. 32.
- ³⁰ Сато Сэйдзабуро. Имакосо андзэн хосё сэньяку-о тэнкай сэйё=Пришло время менять стратегию нашей безопасности // Тюо корон.— 1990.— Октябрь.— С. 76—85.
- ³¹ А. Богатуров, М. Носов. Указ. соч. // Новое время.— 1989.— № 18.— С. 8—9.

Новый курс Албании в АТР

А. ЧИЧКИН

С середины 80-х годов албанское руководство постепенно «деидеологизирует» внешнюю политику и торговлю, что обусловлено прежде всего экономическими причинами. Однако и в современных условиях, когда многие стереотипы и догмы уходят в небытие, политико-идеологические компоненты оказывают определенное влияние на формирование и реализацию внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии Албании, в том числе в АТР. Столь длительная идеологическая «преемственность» Тираны связана с давними претензиями руководителей Албании на «марксистско-ленинскую истину в последней инстанции», а также и с тем, что в нынешней зарубежной Европе Албания является единственной страной, где коммунистическая партия (с 1949 г. — Албанская партия труда) по-прежнему является единственной партией, руководящей государством и обществом. Экономико-политические реформы, осуществляемые сегодня в Албании, не затрагивают основ однопартийной общественно-политической системы этой страны и направлены, согласно заявлениям албанского руководства, на «совершенствование социализма, укрепление диктатуры пролетариата и упрочение единства народа и партии».

В то же время Албания активизирует экономическое и научно-техническое сотрудничество, развивает политические контакты со странами АТР и других регионов, постепенно отходит от самоизоляции. Этот аспект современной албанской политики не может не способствовать «возвращению» страны в международное сообщество, улучшению экономических и политических отношений Албании с другими странами, прежде всего с развивающимися. Особенно это относится к большинству стран АТР, ибо албанская политика 60-х — первой половины 80-х годов в отношении данных стран основывалась на безоговорочной поддержке леворадикальных партий и группировок, многие из которых вели вооруженную борьбу против национальных правительств (в ряде стран АТР подобная «партизанщина» продолжается по сей день, хотя и в меньших масштабах).

Очевидные изменения в албанской политике за истекшие годы созвучны качественно новой с начала — середины 80-х годов политико-экономической стратегии КНР, НИС Азии, других стран АТР, заключающейся в развитии международного экономического и научно-технического сотрудничества, постепенном смягчении военно-политической напряженности в АТР, ослаблении и по возможности устранении политико-идеологических препятствий региональной и международной экономической интеграции. К этой стратегии в последние годы активно подключается Албания. Ее связи со странами АТР, в первую очередь с КНР, становятся все более динамичными и разносторонними.

Албано-китайские отношения имеют, хотя и сравнительно короткую (40 лет), но насыщенную разными периодами и событиями историю. В развитии этих отношений выделяется несколько этапов.

Первый из них охватывает 50-е годы: в тот период получили развитие политические, торгово-экономические связи, поддерживались межпартийные отношения.

Второй этап — 60-е — первая половина 70-х годов — характеризуется резкой активизацией межпартийного (идеологического), внешнеполитического и торгово-экономического сотрудничества. На долю КНР приходилось в те годы 45-60 % албанского внешнеторгового оборота, не менее 50 % валовых капиталовложений в экономике Албании (то были безвозмездные субсидии, беспроцентные и бессрочные займы и кредиты Китая).

В то же время албанское руководство в те «годы великой дружбы» отказывалось копировать внутреннюю политику КПК, в частности, не стало проводить «культурную революцию» (хотя официально и поддержало последнюю, как и «большой скачок», по просьбе Мао Цзэдуна). По мере развития торгово-экономических,

а позднее и политических связей Китая со странами ОЭСР, прежде всего с США, с «ревизионистской» Югославией, руководители в Тиране стали проявлять недовольство политикой Китая.

Третий этап охватывает период со второй половины 70-х до середины 80-х годов. Он характеризуется разрывом политико-идеологических и экономических отношений между НСРА-АПТ и КНР-КПК, ожесточенной критикой Тираной и проалбанскими (ранее — прокитайскими) группировками практически всех аспектов внутренней и внешней политики Китая. Критика политики КНР «по всем азимутам» продолжалась в Албании в 1982 и последующие годы.

Китайское руководство стремилось не развивать полемику с АПТ. Такая позиция КНР в отношении НСРА была связана с постепенной деидеологизацией внешней политики Китая в тот период, началом урегулирования экономики и реализации курса «четырёх модернизаций». Разработка и осуществление широкомасштабных социально-экономических реформ, интенсификация внешнеэкономических связей КНР временно отодвинули на второй план (во всяком случае — до второй половины 80-х годов) идеологические аспекты внутренней и внешней политики, ослабили роль идеологических «запретов и предписаний» в общественно-экономической жизни КНР в период «эры реформ» (1978—1988).

Руководство Китая с 1981 г. взяло курс на нормализацию китайско-албанских отношений: были выдвинуты новые предложения о возобновлении торговли, научно-технического сотрудничества и культурного обмена; XII съезд КПК (1982) высказался за нормализацию отношений с НСРА. Представители КНР в ООН воздерживались от полемики с албанцами, в том числе по кампучийскому вопросу (Албания неизменно выступает за роспуск правительства «Демократической Кампучии» и исключение его представителей из ООН и других международных организаций). Такая «миролюбивая» стратегия Китая в отношении НСРА, характерная и сегодня, во многом обусловлена стремлением КНР не ставить развитие торгово-экономических связей с зарубежными странами в зависимость от политико-идеологической ориентации стран и правительств.

С 1983 г. китайское руководство активизировало курс на восстановление связей с Албанией. Это происходило на фоне развития сотрудничества НСРА с Вьетнамом, Лаосом, Камбоджей, КНДР, МНР. С Вьетнамом, Лаосом и Камбоджей Албания заключила ряд долгосрочных соглашений об экономическом и научно-техническом обмене, участились взаимные визиты партийно-правительственных делегаций. В НСРА дважды издавались произведения Хо Ши Мина, его имя присвоено проспектам в городах Дуррес и Сталин. Албания безоговорочно поддерживает политику Вьетнама (особенно по камбоджийской проблеме). Албанское руководство выступало и выступает за экономико-политическую интеграцию СРВ, Лаоса и Камбоджи, за нейтрализацию Индокитая. Политика ряда стран ЮВА в отношении Камбоджи и СРВ до последнего времени характеризовалась Тираной весьма негативно¹.

Необходимо отметить, что ситуация в Индокитае и особенно камбоджийская проблема являются своего рода «проверкой» дипломатического искусства многих стран, в том числе КНР и Албании в контексте активизации их отношений со странами субрегиона. Албанское «наступление» в камбоджийском вопросе включает попытки «оторвать» Н. Сианука от полпотовской оппозиции, усугубить раскол в рядах камбоджийских оппозиционеров. Так, еще в 1976 г. во время визита в НСРА делегации «Демократической Кампучии» во главе с Н. Суоном албанские руководители осудили полпотовский геноцид и одностороннюю ориентацию Пномпеня на Китай. Тирана также выразила несогласие с антивьетнамской политикой полпотовского руководства и рекомендовала правительству Пол Пота — Иенг Сари учитывать авторитет Сианука*. При этом Албания подтвердила намерение продолжать оказание финансовой и экономической помощи Кампучии². В письмах МИД НСРА Н. Сиануку (1984, 1987) содержались призывы вернуться на родину и вступить в прямые переговоры с Хенг Самрином и Хун Сенем. В албано-кампучийских коммюнике

* Такая позиция Тираны обусловила отмену намечавшегося в ноябре 1977 г. визита в Албанию правительственной делегации «Демократической Кампучии» во главе с Пол Потом. Эта делегация должна была посетить НСРА после визитов в КНР и КНДР (состоялись в сентябре-октябре 1977 г.).

1983, 1985, 1987—1989) также содержатся аналогичные предложения Сиануку**. Переговоры последнего с Хуи Сеном (1988—1989 гг.) были охарактеризованы Тираной как «торжество разума и патриотизма»³.

Албания выступает за переговоры Сианука с представителями СРВ, предлагает свое посредничество в этом вопросе. Вместе с тем Тирана осуждает «политику давления» на Ханой в камбоджийском вопросе и «международные попытки легализации полпотовщины» (речь идет о поддержке извне вооруженных группировок кхмерской оппозиции). В июле 1989 г. МИД НСРА выступил с заявлением, осуждающим включение полпотовцев в предполагаемый состав коалиционного кампучийского правительства (текст заявления был передан в Париже лично Сиануку). В том же месяце в Албании было опубликовано совместное заявление ЦК АПТ, «марксистско-ленинских» партий и группировок стран ЮВА, Восточного Тимора*, Австралии, Новой Зеландии и Папуа, которое одобряло политику НСРА в Индокитае, выражало поддержку правительству Самрииа, а также солидаризировалось с Вьетнамом и Лаосом. В заявлении содержался также призыв предотвратить «новый, кампучийский Мюнхен»⁴.

Активная индокитайская политика Албании способствовала развитию политических отношений НСРА со странами ЮВА в 80-х годах (в частности, были установлены дипломатические отношения с Кампучией, Бирмой, Таиландом, Малайзией, Сингапуром, Филиппинами и другими странами АТР).

Таким образом, политические и экономические отношения Албании со странами Индокитая развиваются по восходящей линии. Объем торговли НСРА с СРВ, Лаосом и Кампучией за 1980—1988 гг. возрос более чем в 3 раза; торгово-экономические соглашения предусматривают увеличение товарооборота к 1993 г. по сравнению с 1988 г. в 2,5 раза. НСРА экспортирует нефтепродукты, товары легкой и пищевой промышленности, феррохром, прокат цветных металлов, битум, медикаменты; импорт состоит из оловянных концентратов, древесины, тропических фруктов, натурального каучука, риса. Экспорт Албании осуществляется по ценам ниже мирового рынка, импорт — по ценам, на 20—50 % превышающим мировые⁵. Очевидно, что в основе данной внешнеэкономической стратегии Тираны лежат политические соображения. Во всяком случае, подобные внешнеторговые «льготы» Албания предоставляет в АТР только Вьетнаму, Лаосу и Камбодже.

На основе долгосрочных соглашений развивается торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество с КНДР, увеличивается албанский импорт стали, проката черных и цветных металлов, возрастают поставки из Албании нефтепродуктов, химических удобрений и битума. В декабре 1989 г. МИД НСРА выступил с заявлением, осуждающим «политику сверхдержав» в отношении КНДР.

Албано-монгольские отношения были «разморожены» в 1978 г. — после разрыва с КНР. Был подписан протокол о товарообмене (прерванном в 1962 г.), за которым последовали аналогичные протоколы и соглашения о научно-техническом сотрудничестве. В НСРА в 1983—1986 гг. были переизданы на 5 языках произведения Д. Сухэ-Батора и Х. Чойбалсана (их именами названы некоторые улицы и культурные объекты в трех городах Албании). В октябре 1987 г. по инициативе МНР осуществлен обмен посылками.

Однако в декабре 1988 г. ЦК АПТ выступил с заявлением, резко осуждающим развернутую в МНР кампанию по дискредитации Х. Чойбалсана — «последовательного марксиста-ленинца, вождя монгольского народа и МНРП»⁶. Последующие события в МНР (1989—1990) также получили негативную оценку Тираны.

Кончина Э. Ходжи (апрель 1985 г.), резкое ухудшение с середины 80-х гг. албано-югославских отношений внесли коррективы во внутреннюю и внешнюю политику

** Н. Сианук посещал с официальными визитами Албанию в 1972, 1974 и 1975 гг. Как «частное лицо» он приезжал в НСРА в 1978 и 1985 гг.

* Албания — единственная страна, которая признала Народно-Демократическую Республику Восточный Тимор уже на следующий день после ее провозглашения (28.11.1975 г.) Фронтом Революционного Освобождения Восточного Тимора (ФРЕТИЛИН). Представительство ФРЕТИЛИН в Тиране преобразовано в 1978 г. в посольство.

НСРА, что выражается в ослаблении воздействия идеологической «непримиримости» на политические и торгово-экономические связи Албании с КНР и другими странами АТР. В связи со смертью Э. Ходжи ЦК КПК направил ЦК АПТ очередное письмо, в котором, помимо соболезнований, вновь предлагалось восстановить политическое сотрудничество и расширить сферы неполитического обмена (торговля, научно-технические, культурные связи). Ответ ЦК АПТ (май 1985 г.) констатировал возможность развития неполитического сотрудничества на основе принципов мирного сосуществования.

По инициативе китайской стороны в декабре 1985 г. в Пекине было подписано соглашение о взаимной торговле на 1986-1990 гг., дополненное протоколами 1986-1988 гг. о научно-техническом сотрудничестве и культурном обмене. В соответствии с соглашением КНР поставляет в НСРА хлопок, рис, школьно-письменные принадлежности, изделия легкой промышленности; с 1987 г. начаты китайские поставки коксующегося угля, графитовых электродов, машин и оборудования, товаров нефтехимии. Албанский экспорт включает товары цветной металлургии, руды черных и цветных металлов, рыбные консервы, мясопродукты, консервированные плодовоовощи, коньячный спирт. С 1987 г. Албания поставляет в Китай моторное нефтетопливо, битум, химические удобрения.

Как видно, с 1987 г. торгово-экономические связи между КНР и НСРА получили определенное развитие. Однако темпы роста взаимной торговли пока еще отстают от показателей прироста товарообмена НСРА с СРВ, Лаосом, Камбоджей, КНДР. С этими последними странами (а также с Кубой, развивающимися странами «подлинно антиимпериалистической ориентации») на взаимовыгодных условиях с 1988-89 гг., а с КНР — с 1990 г. создаются и функционируют совместные предприятия и общества в таких отраслях, как нефтегазохимия, черная и цветная металлургия, добыча и обогащение руд цветных металлов, производство удобрений, сельхозтехники, медикаментов. При этом со стороны Албании в таких предприятиях (обществах) участвуют объекты только государственного сектора. Правительство разрешало данным объектам участвовать в совместных предприятиях только на территории других стран. Однако с августа 1990 г. совместное предпринимательство с отмеченными странами разрешено и на территории Албании, что объясняется прежде всего внутриэкономическими проблемами НСРА, стремлением Тираны учитывать современные политико-экономические реальности в мире.

В современных условиях интернационализации мирохозяйственных связей, развития международных форм экономической собственности политические «табу» искусственно ограничивают внешнеэкономические связи Албании, а расширение этих связей — актуальной задачей для НСРА. Поэтому в перспективе следует ожидать дальнейшей «делополитизации» экономических отношений Албании с другими странами, в том числе в АТР.

В последнее время Албания проявляет заинтересованность в развитии торговли и научно-технического сотрудничества с Японией, дипломатические отношения с которой были установлены в 1981 г. Албанская сторона заявляет, что не признает японских претензий на острова Сенкаку и на четыре острова южнокурильского архипелага. Данное обстоятельство затрудняет развитие албано-японских отношений, но в то же время является поддержкой позиций КНР и СССР по этим вопросам. Тем не менее в Токио (март 1989 г.) было подписано албано-японское соглашение о торговле и научно-техническом сотрудничестве на 1989-1992 гг.⁷ В ходе переговоров делегация НСРА изложила албанскую позицию по проблемам Кореи, Индокитая, Тайваня и Восточного Тимора, отличавшуюся от мнений Пекина и Токио по этим проблемам. Выражение солидарности с КНДР, индокитайскими странами и движением ФРЕТИЛИН имело целью показать, что идеологические основы внешней политики НСРА неизменны⁸.

Албанское руководство (как и прежде) считает Тайвань неотъемлемой частью КНР и в 70-80-е годы осуждало «проамериканскую» политику Пекина в тайваньском вопросе. Примечательно, что в настоящее время в Албании, в отличие от периода 50-70-х годов, не разделяют резко негативных оценок деятельности Гоминьдана, Чан Кайши и Цзян Цзинго. Время от времени в стране публикуются монографии, в которых содержится объективная характеристика социально-экономической и внешней политики Гоминьдана до и после 1949 г., эволюции внутри- и внешнеполитиче-

ской доктрины Гоминьдана в современных условиях (на Тайване). В этих монографиях часто цитируются работы советских исследователей (А. В. Меликсетова, П. П. Владимиров, С. Л. Тихвинского, Б. Г. Сапожникова, Д. Т. Капустина и др.).

Развитие торгово-экономических связей между КНР и Тайванем в 80-х годах (в основном через Гонконг и Макао) в определенной степени «развязало руки» Тиране в налаживании экономических отношений с рядом индустриальных стран (территорий), не имеющих дипломатических отношений с НСРА⁹. Политика «отделения» торговли от идеологии, проводимая Тайбэем со второй половины 70-х годов, активизация неполитических связей Тайваня с «невраждебными» социалистическими странами в 80-х годах некоторым образом перекликаются с постепенной деидеологизацией внешнеэкономических связей НСРА. И если выражения солидарности с КНДР весьма затрудняют развитие экономических отношений Албании с Южной Кореей (на это Пхеньян отреагировал бы резко негативно, судя по реакции КНДР на установление Польшей, Венгрии и СФРЮ отношений с Сеулом), то «терпимое» отношение Китая к установлению социалистическими странами неполитических связей с Тайванем объективно способствует албано-тайваньской торговле (пока — через посредников)*. Многие промышленные фирмы Тайваня активно выступают за отмену ограничений на развитие торговли с СССР и Албанией, за распространение на эти страны «пакета» мер по расширению прямых торгово-экономических и научно-технических связей (прямые связи с восточноевропейскими странами, Монголией, СРВ и СФРЮ разрешены Тайбэем с 1988 г.)¹⁰. Открытие в 1989 г. тайваньского торгового представительства в Белграде, задачей которого является развитие экономических отношений с СФРЮ и Албанией, свидетельствует о заинтересованности Тайваня в расширении географии внешнеэкономической активности (аналогичное представительство в том же году учреждено в Будапеште, сфера его деятельности — СССР и восточноевропейские страны)¹¹.

Необходимость развития торгово-экономических и научно-технических связей Албании с рядом «новых» индустриальных стран (и территорий) и КНР обусловлена несколькими причинами. Во-первых, несмотря на прилагаемые усилия по развитию национального машино- и станкостроения в Албании ощущается нехватка современных технологий и оборудования, особенно в сельском хозяйстве, отраслях добывающей, химической промышленности и энергетике¹². Идеологические «табу» не способствовали росту импорта средств производства из большинства индустриально развитых стран, прежде всего из стран-членов ЕЭС и НАТО. Кроме того, известные политические изменения в Восточной Европе, поддерживаемые странами ОЭСР, заставляют нынешнее албанское руководство, провозгласившее в 1985-1986 гг. политику «отделения» идеологии от внешнеэкономических связей, более избирательно подходить к вопросам расширения данных связей как со странами Восточной, так и Западной Европы. Поэтому Тирана стремится в настоящее время развивать торговлю и научно-техническое сотрудничество со странами и территориями, заинтересованными в новых рынках сбыта наукоемкой, высококачественной продукции (в первую очередь — технологии и оборудования) и не «оговаривающими» торгово-экономическое сотрудничество политическими условиями. В контексте современного политического и экономического положения Албании в Европе новые индустриальные страны и территории Азии, прежде всего Тайвань, Сингапур и Гонконг, наряду с Японией являются наиболее привлекательными («политически безопасными») и перспективными партнерами в торгово-экономических и научно-технических связях НСРА.

Во-вторых, в связи с длительной обособленностью Тираны от кардинальных политико-экономических изменений в восточноевропейских странах, доля которых (без СССР) во внешнеторговом обороте НСРА в 1987-1988 гг. составляла не менее 40 % (против 25 % в 1979-1981 гг.), перед Албанией стоит задача географической переориентации — «независимости» внешнеэкономических связей и одновременно предотвращения политической конфронтации с «новой» Восточной Европой. Решение этой задачи включает дальнейшее развитие торгово-экономических отношений не только с НИС Азии, но и с КНР, КНДР, Кубой, промышленно развитыми странами Латинской Америки и Африки. В настоящее время отношения НСРА с этими стра-

* В 80-х годах установлены также торгово-экономические связи НСРА с Гонконгом, Сингапуром и Макао.

нами (и регионами) постепенно расширяются, особенно в сфере торговли и научно-технического сотрудничества¹³.

В-третьих, намечившаяся с конца 80-х годов совпадение позиций АПТ (а также зарубежных «проалбанцев») и КПК по ряду вопросов современного международного положения, что привело к восстановлению с 1990 г. межпартийных связей, создает новую ситуацию в албано-китайских отношениях, способствует развитию политического сотрудничества между Албанией и Китаем. Во всяком случае с декабря 1989 г. наблюдается практически полное прекращение критики внутри- и внешнеполитических действий КНР со стороны Тирана¹⁴; в марте 1990 г. МИД НСРА в своем заявлении отметил «непреодолимое и общерегиональное значение» нормализации отношений между КНР и Лаосом.

Возможно, что X съезд АПТ, намеченный на июнь 1991 г., наряду с существенными коррективами внутри- и внешнеполитического курса НСРА (в направлении дальнейшей деидеологизации политики, экономики и внешней торговли Албании) обозначит восстановление албано-китайских межпартийных и политических связей в контексте положения Албании в Европе и общности подходов АПТ и КПК ко многим вопросам современной международной ситуации.

Кардинальные экономико-политические изменения в Восточной Европе, особенно события в Румынии, с которой Албания поддерживала активные торгово-экономические связи (а полемика с РКП была весьма сдержанной), заставили нынешнее руководство НСРА проводить с весны 1990 г. более прагматичную внутреннюю и внешнюю политику. Так, Тирана объявила о поддержке процессов разоружения в Европе и АТР, положительно (в отличие от прошлых лет) охарактеризовала тенденции к межъвропейской и азиатско-тихоокеанской экономической интеграции, заявила о возможности развития экономических и политических связей с восточноевропейскими странами, а в перспективе — и с США, СССР, Югославией, о поощрении иностранного туризма. Принципы мирного сосуществования и невмешательства во внутренние дела признаются ныне Албанией основополагающими в ее европейской и международной политике. Январский пленум ЦК АПТ (1990) констатировал, что «существенные идеологические противоречия» НСРА — АПТ со многими странами и партиями «не должны мешать поступательному развитию торгово-экономического и научно-технического сотрудничества НСРА с Восточной Европой, СССР, КНР и другими странами», а в таком сотрудничестве Албания весьма заинтересована.

Решения вышеупомянутого пленума и последующие постановления правительства НСРА (март — май 1990 г.) предусматривают во внутренней политике «демократизацию всех органов управления в центре и на местах» (включая альтернативные кандидатуры на выборах в местные Советы и Верховное народное собрание), «активизацию борьбы» с бюрократизмом и некомпетентностью, «обновление форм и методов» внутри- и внешнеэкономической деятельности предприятий. При этом пленум подчеркнул необходимость объективного изучения социально-экономической практики 80-х годов в КНР, чтобы избежать повторения негативных последствий китайских реформ¹⁵. Данный факт свидетельствует, во-первых, о намерении руководителей НСРА либерализовать внутривнутриполитический курс, и особенно планирование и управление экономикой. Во-вторых, Тирана намерена, по-видимому, в ближайшем будущем приступить к реформам, похожим на китайские. Последнее обстоятельство указывает на дальнейшее развитие процесса нормализации албано-китайских отношений. Подписание в 1990 г. взаимных долгосрочных соглашений об экономическом и научно-техническом сотрудничестве, предусматривающих создание совместных предприятий, подтверждает стремление НСРА и КНР углублять и расширять данные отношения.

По мнению ряда экспертов, сочетание «идеологической стойкости» с экономико-политическим плюрализмом будет составлять основу внутренней и внешней политики Албании — АПТ в ближайшие годы. «От критики опыта КНР — к его заимствованию» — не менее серьезный и, вероятно, вполне обоснованный вывод некоторых специалистов об экономике и политике Албании в 90-х годах.

Таким образом, албано-китайские отношения представляют собой комплекс взаимосвязанных политических и экономических факторов. Воздействие этих факторов распространяется также на албанскую политику в АТР, прежде всего — в Индокитае, регионе АСЕАН, Корее, что обуславливает необходимость комплексного подхода к анализу тенденций развития отношений между КНР и Албанией, как и азиатско-тихоокеанской стратегии НСРА в перспективе.

* * *

В декабре минувшего года руководство АПТ и НСРА, под воздействием кардинальных политических изменений в Восточной Европе и СССР, а также развития общеполитического движения за экономико-политические реформы, заявило о разрыве со сталинизмом, а также о разрешении деятельности альтернативных политических партий и намерении содействовать свободным выборам в стране в 1991 году. Таким образом, движение за радикальные реформы в Албании приобрело весьма существенный импульс, что ускорит процесс демократизации этой страны. Развитие отношений новой Албании со странами АТР в нынешних условиях является одной из первоочередных задач Тираны, прежде всего по экономическим причинам. На это указывают некоторые внешнеполитические документы как правящей партии (АПТ), так и образованной в конце декабря 1990 г. первой в послевоенной истории страны оппозиционной Демократической Партии Албании.

¹ In: Albanian News.— Tirana, 1983.— № 12; 1988.— № 5.

² In: Rruga e partise.— Tiranë, 1979.— № 2.

³ Bashkime.— Tiranë, 1987.— 8 декабря; Zerri e popullit.— 1989.— 16 января.

⁴ Novinare e Institute dhe Marks — Engels — Lenin — Stalin.— 1989.— № 8; Zerri e popullit.— 1989.— 31 июля.

⁵ См.: Puna.— Tiranë, 1989.— 2 сентября.

⁶ Albanian News.— 1989.— № 11.

⁷ См.: Zerri e popullit.— 1989.— 30 марта.

⁸ См.: Avante, revolucionario! Dili — Okusi (Timor).— 1989.— № 4.

⁹ НСРА с 1990 г. поддерживает инициативы КНР по воссоединению Тайваня с континентальным Китаем, осуждает, как и в 50—80-х годах, идеи сепаратной «независимости» Тайваня.

¹⁰ См.: За рубежом.— 1988.— № 16.— С. 11.

¹¹ См.: Известия.— 1989.— 8 апреля.

¹² Подробнее о современном экономическом положении Албании см.: За рубежом.— 1981.— № 5.— С. 17—18; Notes et etude documental Paris.— 1988.— 4867—4868.— Р. 243—249; Проблемы мира и социализма.— 1989.— № 7.— С. 32—33.

¹³ См.: Правда.— 1989.— 14 ноября; In: Iraq News.— Baghdad.— 1990.— № 40.

¹⁴ См.: Об этом свидетельствуют, в частности, заявления ЦК АПТ и «марксистско-ленинских» партий в связи со 110-й годовщиной со дня рождения И. В. Сталина (21.XII.1989) и 120-й годовщиной со дня рождения В. И. Ленина (22.IV.1990), а также речь руководителя АПТ и НСРА Р. Алия в Тиране по случаю 5-й годовщины со дня кончины Э. Ходжа (11.IV.1990).

¹⁵ В соответствии с решениями данного пленума ЦК АПТ намечается объявить с января 1992 г. албанский остров Сазани (38 кв. км) «особой экономической зоной»; административно-экономический статус острова Сазани, согласно предлагаемым вариантам, будет аналогичен статусу Шэньчжэня, Макао или острова Хайнань.

А. ЛЕДОВСКИЙ

7 июля 1937 г. Япония начала войну против Китая. Советско-китайские отношения в то время находились в весьма расстроеном состоянии. Продолжали сказываться последствия вооруженного конфликта 1929 г. на КВЖД, на отношении Китая к СССР сказывалась вражда между Гоминьданом и КПК. В Китае многие считали, что вооруженную оппозицию в лице КПК направляет и поддерживает «рука Москвы». Однако в связи с японской агрессией правительство Чан Кайши все же было вынуждено просить у Советского Союза помощи.

СССР выдвинул идею заключения Тихоокеанского пакта коллективной безопасности с участием СССР, Китая, США, Англии и других стран. США и их западные партнеры отвергли эту идею. В конечном счете СССР согласился на двусторонний договор с Китаем о взаимном ненападении, обещая при этом оказать и необходимую помощь. Китайскую сторону это не вполне устраивало, так как она стремилась связать СССР обязательством вступить в войну с Японией. Из-за этого начавшиеся в апреле 1937 г. переговоры «пробуксовывали», и договор был подписан лишь 21 августа 1937 г., когда в Китае уже полыхала война.

Предлагая договор о взаимном ненападении, Советское правительство исходило из необходимости для Советского Союза подвести под отношения с Китаем международно-правовую основу, которая позволяла бы нам помогать Китаю, не втягиваясь непосредственно в войну, не провоцируя японцев к нападению на СССР и не давая повода всем другим нашим противникам помешать сближению между СССР и Китаем, спекулируя на «коммунистической угрозе». И все же полностью избежать таких спекуляций не удалось. Когда был подписан указанный договор, то наряду с общей положительной реакцией со стороны китайских официальных и широких общественно-политических кругов, в Китае и за рубежом активно проявили себя противники советско-китайского сотрудничества. Особенно злобная кампания поднялась в Японии, Германии и Италии. Они запугивали китайцев коммунизмом и «советизацией» страны. Япония требовала от СССР воздержаться от всякой помощи Китаю и угрожала нападением на СССР. Германия в ультимативном порядке отозвала из Китая работавших там германских и итальянских специалистов, а также предприняла другие враждебные акции. Подливала масло в антикоммунистический костер также печать США и других стран. Китайскому правительству пришлось выступить с разъяснениями смысла и значения советско-китайского договора. В разъяснениях особо подчеркивалось, что от сближения с СССР Китай не станет коммунистическим, что СССР и впредь будет иметь дело только с официально признанным правительством Чан Кайши и вся советская помощь для борьбы с японцами будет направляться только этому правительству. Последнее в свою очередь согласилось выделять оружие и денежные средства для войск КПК.

Я остановился на этих моментах в связи с тем, что в советских и зарубежных публикациях очень слабо освещен вопрос о советско-китайском договоре о взаимном ненападении, не показаны все сложности, которые были связаны с этим договором, а в зарубежных публикациях распространяются кривотолки вокруг вопроса о том, почему СССР «помогал Гоминьдану» и «не помогал КПК». В Советском Союзе хорошо понимали, что малейшие попытки действовать через КПК умножали бы ряды китайских и зарубежных антикоммунистов и антисоветчиков и привели их к объединению про-

Ледовский Андрей Мефодьевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в отставке, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИДВ АН СССР.

тив СССР и КПК. В определении своей политики в Китае на период антияпонской войны советское руководство исходило также из того, что Гоминьдан представляет собой главную силу в Китае. Он располагал армиями, насчитывавшими накануне войны более 2 млн. человек (в войсках КПК было в общей сложности около 60 тыс. человек), под его контролем находились все имевшиеся в Китае торгово-промышленные и культурные центры, все экономически развитые районы страны, гоминьдановское правительство поддерживало широкие связи с внешним миром. КПК же базировалась в наиболее отсталых и малонаселенных сельских районах, лишенных промышленности, средств коммуникаций, практически находилась в условиях международной изоляции.

Сразу же после заключения советско-китайского договора СССР приступил к реализации широкой программы помощи борющемуся Китаю. Помощь осуществлялась в виде поставок вооружения, поставок бензина, медикаментов и т. п. Для доставки грузов из СССР через Синьцзян была построена автомобильная дорога, которую обслуживали свыше 5 тыс. советских грузовых машин с советскими шоферами и механиками. Была проложена специальная воздушная трасса от Алма-Аты до китайского города Хами, и в Китай направили большую группу летчиков-добровольцев. Значительную роль в организации и руководстве китайскими вооруженными силами сыграла группа военных советников, среди которых были выдающиеся советские военачальники. Большое значение для борющегося Китая имело постоянное присутствие у советских дальневосточных границ мощных советских вооруженных сил. В беседе с послом СССР в Китае А. С. Панюшкиным заместитель Верховного главнокомандующего генерал Бай Чунси заявлял, что этим СССР оттягивал на себя по меньшей мере 300 тыс. японских войск, которые могли бы быть переброшены на китайский фронт. С советской стороны борющемуся Китаю оказывалась также большая дипломатическая и морально-политическая поддержка.

Вопросы советской помощи Китаю в освободительной войне подробно изложены во многих книгах и статьях советских авторов, поэтому я ограничился здесь лишь упоминанием некоторых фактов. Но считаю необходимым коснуться другой стороны этой темы.

Советская политика в отношении Китая строилась не на альтруизме, как это можно было ошибочно заключить из некоторых советских публикаций, а на учете баланса интересов обеих стран в сочетании с интернационалистической направленностью политики СССР. Борющийся Китай в значительной мере мешал Японии развязать войну против Советского Союза. Кроме того в уплату за предоставляемую помощь СССР получал от Китая весьма ценные товары и материалы: чай, кожсырье, вольфрам и другие цветные металлы, а в годы Великой Отечественной войны — большое количество продовольствия, главным образом из Синьцзяна.

Важно также отметить, что со стороны Китая выражалась поддержка многим внешнеполитическим акциям СССР, например таким, как заключение советско-германского договора о взаимном ненападении (1939), освобождение Западной Украины, Западной Белоруссии, воссоединение Бессарабии, вступление в состав СССР прибалтийских республик и т. д. В сфере политических вопросов между двумя странами существовали, конечно, и расхождения, и противоречия, но в целом советско-китайские отношения в годы антияпонской войны носили дружественный характер.

Сочетание интересов двух стран очень четко прослеживалось в подходе ко многим вопросам китайско-японской войны.

Как уже упоминалось, в деле противодействия Японии Советское правительство избрало в качестве главной опоры в Китае Гоминьдан. Но СССР не забывал о КПК. Предоставляя помощь в распоряжение гоминьдановского правительства, Советское правительство исходило из того, что при сотрудничестве Гоминьдана и КПК Китай располагает достаточными возможностями, чтобы изгнать японцев со своей территории даже без посторонней помощи. Поэтому с советской стороны китайским руководителям постоянно указывалось, что помогая Китаю, Советский Союз воевать за него не будет, китайцы сами должны бороться за свое освобождение. Для этого им требуется одно: прекратить внутривнутриполитические и военные конфликты и объединить все патриотические силы в единый национальный антияпонский фронт на базе сотрудничества между Гоминьданом и КПК. И еще одно условие, строгого соблюдения которого СССР требовал от правительства Чан Кайши: не нападать на КПК, на ее войска и базовые районы.

На укрепление единого фронта и защиту КПК была нацелена деятельность совет-

ской дипломатии. Советские дипломаты, находившиеся в Китае, вели в этих направлениях активную работу среди руководящих государственных, партийных, военных гоминьдановских кругов, а также с представителями других общественно-политических организаций, деловых, культурных, университетских кругов и других слоев китайского общества.

Нередко для защиты КПК и предотвращения гражданской войны советской дипломатии приходилось прибегать к силовым средствам давления на гоминьдановское правительство — к сокращению и даже полному прекращению военных поставок. Так было в конце 1939 г., когда в результате крупного военного столкновения между войсками Гоминьдана и КПК СССР резко сократил поставки грузов в Китай. И хотя гоминьдановское правительство пыталось доказать, что конфликт произошел по вине КПК, Советский Союз отверг эти обвинения, приняв версию КПК и заставив гоминьдановцев не раздувать гражданскую войну.

Еще более серьезный конфликт произошел в конце 1940 г., когда был разгромлен штаб Новой 4-й армии. Снова советская сторона прибегла к задержке военных поставок в Китай и одновременно пустила в ход все дипломатические средства, контакты и связи с гоминьдановскими правительственными, партийными, военными кругами, с представителями широкой китайской общественности. Послу А. С. Панюшкину было поручено провести переговоры с Чан Кайши. В адрес последнего было направлено обращение советского руководства. Состоялись серьезные разговоры с находившимся в Москве в то время личным представителем Чан Кайши — генералом Хэ Яоцзу, а также с китайским послом Шао Лицзы.

Вот фрагмент одной из бесед заместителя наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовского с китайским послом Шао Лицзы 28 января 1941 г.

Заместитель наркома: Советское правительство очень обеспокоено сообщениями относительно разгрома Новой 4-й армии и убийства значительного количества командного состава и рядовых бойцов. Эти действия являются началом гражданской войны, которая может ослабить борьбу за независимость Китая.

Как эти действия в отношении Новой 4-й армии будут восприняты в Японии, США, Англии, в других странах и в самом Китае? Какой отклик это найдет в рядах ванцинзвэевцев?

Китайский посол: У меня нет сведений, как это воспринято в Японии, но полагаю, что Япония радуется. Мнение ванцинзвэевцев будет таким же, как у японцев.

Заместитель наркома: Ленин нас учил, что если враг радуется какому-либо твоему поступку — это значит, что ты поступил неправильно... Советское правительство хотело бы знать, какие меры принимает китайское правительство в направлении не только сохранения, но и укрепления единого фронта, без которого Китай никак не может добиться победы¹.

Советское руководство неоднократно поднимало перед правительством Чан Кайши вопрос о Новой 4-й армии, пока не добилось его окончательного урегулирования. Как уже упоминалось, большую работу в этом направлении проводило советское посольство в Чунцине во главе с послом А. С. Панюшкиным. 15 января 1941 г., сразу же после упомянутых событий, к нему и главному военному советнику в Китае В. И. Чуйкову обратились Чжоу Эньлай и Е Цзяньин.

А. С. Панюшкин высказал мнение о том, что руководству КПК целесообразно было бы встретиться с Чан Кайши. Отвечая на реплику Чжоу Эньлая, что с ним (Чан Кайши) бесполезно и не о чем разговаривать, посол СССР подчеркнул, что «именно сейчас, как никогда необходимо встретиться с Чан Кайши и не ждать, пока Чан Кайши не придет на поклон к КПК. Встретиться и поговорить по всем вопросам. Обстановка требует этого», — сказал А. С. Панюшкин, — и эта встреча будет только на пользу КПК и Китаю». Аргументируя свое мнение, А. С. Панюшкин указал на то, что такая инициатива со стороны КПК обезоружит ярых антикоммунистов, поддержит левых гоминьдановцев, выступающих за мирное урегулирование конфликта, встреча с Чан Кайши позволит КПК откровенно высказать все свои претензии, продемонстрировать готовность к сотрудничеству в борьбе против японских агрессоров. А. С. Панюшкин посоветовал проводить более гибкую линию в отношении Гоминьдана, не восстанавливать против себя Чан Кайши, не развязывать таким образом руки наиболее реакционным элементам для борьбы с КПК².

Руководство КПК поступило иначе. Оно воздержалось от встречи с гоминьдановским руководством на высшем уровне. Но конфликт вокруг Новой 4-й армии кое-как удалось ликвидировать и не дать разгореться гражданской войне. И немалую роль в этом сыграло вмешательство СССР.

Однако за этим конфликтом последовали новые инциденты, и советской дипломатии приходилось вновь и вновь включаться в их урегулирование. Работа эта была очень трудной. Обе стороны — Гоминьдан и КПК — выдвигали взаимные обвинения. Мы всегда считали своим интернациональным долгом перед китайскими коммунистами поддерживать и защищать только одну сторону — КПК. С этой позиции мы вели разговоры и дискуссии с представителями Гоминьдана, дипкорпуса и в общественно-политических, деловых и других кругах китайского общества.

Мы однозначно придерживались тех версий и аргументов, которые публиковались в Яньани, и всего того, что говорили нам китайские товарищи — представители КПК, находившиеся в Чуниине, а также того, что публиковалось в советской печати. Наши оппоненты в дипкорпусе и в упомянутых китайских кругах имели свои мнения, приводили свои факты и информацию на этот счет. Они настаивали на том, что в конфликтах не всегда повинна только гоминьдановская сторона, что часто конфликты возникают из-за действий войск КПК, которые по указанию Мао Цзэдуна занимают все новые и новые территории. Наши оппоненты утверждали, например, что в конфликте вокруг Новой 4-й армии виноват прежде всего Мао Цзэдун. Советские работники решительно отклоняли аргументацию китайских и других оппонентов, отказывались рассматривать какие-либо документы и материалы, на которые они ссылались. Типичный образец подхода с советской стороны к вопросам, затрагивавшим отношения между Гоминьданом и КПК, представляет собой беседа бывшего советского военного атташе в Китае В. И. Чуйкова с гоминьдановским министром обороны Хэ Инцином, которая приведена в мемуарах В. И. Чуйкова «Миссия в Китае». В. И. Чуйков пишет, что когда Хэ Инцин пытался проинформировать его, как произошел инцидент с Новой 4-й армией, он реагировал на это следующим образом: «Меня внутренне возмутила наглость, с которой генерал выложил подготовленную версию». А когда заместитель начальника генерального штаба генерал Бай Чунси «разложил передо мной топографические карты, — пишет В. И. Чуйков, — которые должны были послужить «документальным» подтверждением ее [Новой 4-й] армии виновности... я не стал рассматривать и заявил, что в Китае я человек новый, что еще не вжился в обстановку...»

Однако это незнание обстановки не помешало В. И. Чуйкову тут же, по существу с угрозой, заявить генералу Бай Чунси: «Мне придется, — сказал он, — подробно информировать наркома обороны маршала С. К. Тимошенко о заранее спланированном нападении правительственных войск на Новую 4-ю армию, которая неплохо сражалась с японцами»³.

И действительно, в Москву за подписью посла А. С. Панюшкина было направлено именно такое донесение. В нем однозначно, но без ссылки на проверенные факты, указывалось, что во всем виновна гоминьдановская сторона.

Повторяю, так было во всех случаях, касавшихся КПК. Иные оценки для Москвы были неприемлемы. Такой односторонний подход мало содействовал укреплению единого фронта, скорее, вопреки нашему желанию, подрывал его, поскольку вызывал раздражение и недоверие к Москве и ее представителям в Китае не только у правых элементов, но и у широких либеральных кругов, а также среди дипломатов зарубежных стран. В беседах с советскими дипломатами они говорили, что мы настолько «заидеологизированы», что не хотим объективно и беспристрастно разобраться в происходящих в Китае событиях и смотрим на все только через призму идеологических симпатий и антипатий соответственно по отношению к КПК и Гоминьдану.

О Гоминьдане они говорили, что не все в нем являются антикоммунистами и антисоветчиками, что имеется немало людей, стремящихся к дружбе с СССР и сотрудничеству с КПК, но жесткая линия Мао Цзэдуна на конфронтацию с Гоминьданом и на отстранение его от власти, резкие и грубые нападки лично на Чан Кайши, а также односторонний подход со стороны СССР к оценке внутривосточной обстановки в Китае подрывают позиции друзей СССР и КПК и усиливают позиции противников. Мы, однако, продолжали прежнюю линию: поддерживали межгосударственные отношения сотрудничества с гоминьдановским правительством, но с уклоном в сторону солидарности с КПК. Мы поддерживали все лозунги, требования и предложения, с которыми

выступал Мао Цзэдун и возглавляемое им руководство КПК — относительно демократизации страны, замены однопартийной системы коалиционным правительством, о проведении новых выборов в национальное собрание и принятии новой конституции, о проведении аграрной реформы и т. д. Поскольку это были чисто внутренние дела самих китайцев, советские дипломаты поднимали перед руководителями Гоминьдана указанные вопросы под углом зрения укрепления единого национального фронта в целях успешной борьбы с японскими агрессорами. Советский посол, другие советские работники всегда держали эти вопросы в центре внимания наряду с вопросами советско-китайских отношений, внешней политики СССР. Это был постоянный нажим с нашей стороны на правительство Чан Кайши. При встречах с гоминьдановскими министрами советский посол не упускал случая, чтобы спросить: в каком положении находится вопрос созыва национального собрания, каковы отношения правительства с КПК и т. п. По этим и другим внутривнутриполитическим вопросам советские дипломаты вели разговоры, дискуссии со всеми государственными, партийными, военными деятелями, с представителями других буржуазных партий и группировок, деловых кругов, творческой и научной интеллигенции, молодежных, женских, профсоюзных организаций и т. д. Эти вопросы поднимались и обсуждались нами также во время повседневных встреч и бесед с представителями дипломатического корпуса, с журналистами и корреспондентами Китая и других стран.

По вопросам, касавшимся отношений между Гоминьданом и КПК, мы придерживались оценок и концепций, содержащихся в официальных документах ВКП(б), Советского правительства, в публикациях советской печати, а также в документах и выступлениях печати КПК. Мы пользовались той информацией, которую получали от находившихся в Чунцине представителей КПК, с которыми посол СССР в Китае и другие советские работники поддерживали постоянные контакты и связи, носившие самые дружественный, товарищеский характер. По вполне понятным соображениям мы не афишировали эти контакты и связи, но и не избегали их. Мы приглашали китайских коммунистов на дипломатические приемы, советский посол и другие советские работники встречались и беседовали с ними также в неофициальной обстановке.

В беседах с китайскими товарищами выявлялись и совпадения, и расхождения мнений и оценок по отдельным внутривнутриполитическим вопросам. Главным образом они касались оценок гоминьдановского правительства и лично Чан Кайши. Чжоу Эньлай и некоторые другие представители КПК часто высказывали необъективные, чересчур тенденциозные, на наш взгляд, оценки. Они называли Чан Кайши капитулянтом, считали, что все действия, направленные против КПК, исходят главным образом от него, что он главный реакционер и враг КПК, враг демократии.

В действительности это было преувеличением. В Москве считали, что Чан Кайши деятель правого буржуазного толка, но не самый правый, а среди противников КПК — не самый ярый. В Москве полагали также, что пассивность Чан Кайши в войне против японцев объясняется отнюдь не его капитулянтством или же «прояпонскими» настроениями, а главным образом вооруженной оппозицией в лице КПК, для борьбы с которой гоминьдановское правительство вынуждено было прибегать к военным силам. В Москве считали, что Чан Кайши является не прояпонцем, не проамериканцем, что он — китайский националист, который по отношению к различным группировкам в правящих кругах Гоминьдана стоит на центристских позициях, уравновешивая все действующие в партии силы и представляя собой наиболее влиятельную и общепризнанную фигуру в Гоминьдане и, в сравнении с другими, — более твердого сторонника продолжения войны с японцами. С учетом всего этого советское руководство, не питая политических симпатий к Чан Кайши, считало целесообразным поддерживать с ним нормальные деловые отношения и по возможности влиять на него. В Москве считали, что если крайне правым или левым экстремистам в период антияпонской войны удастся отстранить Чан Кайши от власти, то это будет на руку Японии, во вред Китаю и Советскому Союзу.

У Мао Цзэдуна была иная позиция в отношении Чан Кайши, он был за то, чтобы свалить Чан Кайши и добиться этого как можно скорее, но это шло скорее от личных амбиций. В Москве ясно видели эти амбициозные устремления, но в официальных заявлениях советских руководителей об этом умалчивалось и в публикациях советской печати о каких-либо разногласиях с КПК не упоминалось: всегда выражалась полная поддержка в отношении коммунистов, критика раздавалась только в адрес Гоминьдана.

С этих позиций советские дипломаты вели все свои дискуссии с китайскими представителями и иностранными дипломатами.

Нашим высказываниям, оценкам китайские и иностранные оппоненты противопоставляли свои взгляды и оценки, многие из которых были весьма аргументированы.

Советские дипломаты в чем-то соглашались со своими оппонентами, но по главным вопросам, повторяю, строго придерживались оценок и версий, исходивших из Москвы и Яньани. Мы руководствовались не только инструкциями, но и убеждением, что победа над японскими милитаристами и властью Гоминьдана решит все стоящие перед страной проблемы, принесет китайскому народу свободу, демократию. Советская политика строилась также на идее, состоявшей в том, что победа революции в Китае проложит путь победам революций и национально-освободительных антиколониальных движений во всей Азии. Мы понимали также, что по ряду вопросов наши оппоненты были правы в своих оценках, ближе к истине. Но мы реагировали во всех случаях так, как это диктовало нам тогдашнее суровое время сталинского режима. Для иллюстрации приведу фрагмент из беседы посла СССР в Китае Д. В. Богомолова с китайским послом в СССР Цзян Танфу 8 марта 1937 г. Беседа состоялась в Москве перед выездом Д. В. Богомолова в Китай.

Цзян Танфу сказал, что в последнее время в Москве циркулируют самые невероятные слухи об отставке Тухачевского, о каких-то разногласиях между Сталиным и Ворошиловым и что он получил указание из Нанкина проверить эти слухи.

Д. В. Богомолов ответил на это следующим образом: «При том демократизме, который осуществляется в Советском Союзе, у Советского правительства нет секретов от советской общественности и поэтому не следует обращать внимание на слухи, которые циркулируют в дипкорпусе, а лучше читать советские газеты».

Советским дипломатам в Китае, как и в других странах, приходилось повседневно встречаться с резкой критикой по поводу внутреннего положения в Советском Союзе. Особенно резким осуждениям подвергались происходившие в СССР массовые репрессии, известные процессы над разного рода «шпионскими блоками» и «заговорами». В китайской печати указывалось на лживость обвинений, грубую фальсификацию судебных процессов, и это недоверие переносилось на внешнеполитическую деятельность советского руководства, на внешнюю политику СССР.

Советская печать о критических выступлениях в адрес СССР и КПК хранила гробовое молчание. Советским руководством любые негативные высказывания в адрес СССР, как и в адрес КПК, лично Мао Цзэдуна рассматривались главным образом как дело рук китайских троцкистов. В число троцкистов зачислялись китайские коммунисты, исключенные из КПК за разного рода «уклоны» или добровольно вышедшие из партии в знак несогласия, как они заявляли, с линией Мао Цзэдуна, идущей, по их мнению, вразрез с задачами единого фронта. Многие из них учились в Советском Союзе. К троцкистам были отнесены многие представители творческой и научной интеллигенции, общественно-политические деятели, работники средств массовой информации и т. д. По указанию из Москвы, советское посольство требовало от китайского правительства и лично от Чан Кайши строгого наказания «китайских троцкистов», изгнания их из гоминьдановских государственных, партийных, военных органов, из редакций газет, из университетов. Москва обвиняла их в подрыве единого фронта, в нападках на КПК, называла «врагами Китая и Советского Союза», «агентами японского генерального штаба». Под давлением Москвы гоминьдановское правительство прибегало к арестам и другим мерам наказания¹.

От сталинских репрессий в годы войны с Японией пострадало немало советских дипломатов, работавших в Китае, в НКВД СССР на дальневосточном направлении. Первыми жертвами оказались полпред (посол) СССР в Китае Д. В. Богомолов и военный атташе комкор (полковник) Лепин. Их обвинили в неправильном ведении переговоров с китайским правительством и в «дезинформации» о положении в Китае.

Как упоминалось выше, гоминьдановское правительство настаивало на заключении договора о взаимной помощи. Москва отклонила китайское предложение. С китайской стороны было заявлено, что полпред Д. В. Богомолов и комкор Лепин обещали, что СССР пойдет на оказание Китаю «более эффективной» помощи, то есть вступит в войну с Японией. Из Москвы Д. В. Богомолову было строго указано, что он нарушил данные ему инструкции, хотя в действительности ни Д. В. Богомолов, ни военный атташе Лепин подобных обещаний китайцам не давали.

Что касается «дезинформации» о положении в Китае, то произошло следующее. Накануне событий у Лугоцяо между японцами и китайскими властями шло активное политическое маневрирование, поиски сделок, компромиссов. Китайская сторона шла на уступки, не хотела давать отпора японцам. США, Англия и другие западные державы толкали Китай на «мирное урегулирование», чтобы не доводить дело до войны. В китайских правительственных кругах и среди иностранных представителей преобладало мнение, что отношения между Китаем и Японией нормализуются. Так считали или по крайней мере высказывались дипломаты США, Англии и других стран. Например, американский посол в Китае Джонсон в беседе с Д. В. Богомоловым 13 апреля 1937 г. заявил: «Имеются все признаки того, что Япония свою агрессию приостанавливает... Японская агрессия дошла до своего зенита и теперь пойдет на убыль».

Исходя из этого общего мнения, Д. В. Богомолов соответственно информировал Советское правительство. В своем донесении в Москву 18 июня 1937 г. Д. В. Богомолов писал: «Я думаю, что японцы в ближайшее время не рискнут ни на какую новую большую авантюру к югу от Великой стены и что в общем и целом политика Японии в северных провинциях будет заключаться в сохранении статус-кво»⁵.

А через три недели, 7 июля, началась китайско-японская война. Д. В. Богомолов и военный атташе комкор Лепин были отозваны из Китая и репрессированы как «враги народа», которые якобы умышленно дезинформировали Советское правительство о положении в Китае по заданию «японского генерального штаба».

Вслед за Д. В. Богомоловым и военным атташе комкором Лениным жертвой сталинских репрессий стал заместитель народного комиссара иностранных дел СССР Борис Спиридонович Стомоняков, непосредственно ведавший вопросами деятельности советской дипломатии на дальневосточном направлении и в отношении стран Азии в целом. Болгарин по происхождению, он был активным участником революционного движения в России, членом коммунистической партии с 1902 г. Начиная с 1921 г. занимал ответственные посты во внешнеторговых и дипломатических органах советского государства. Участвовал в переговорах по политическим и экономическим вопросам с Германией, Польшей, Румынией, Францией, Японией, в 1932 г. подписал договор о нейтралитете между СССР и Латвией. Был заместителем наркома внешней торговли, а в 1934 г. назначен заместителем наркома иностранных дел СССР. Б. С. Стомоняков стоял на позициях подлинно ленинской внешней политики, отстаивал ее гуманистические принципы, выступал против проявлений шовинизма, великодержавия, за дружественные отношения с другими странами не только на политическом, межгосударственном, но и на общечеловеческом уровне. Он не стеснялся высказывать свое мнение в отношении тех или иных мероприятий и решений советских правительственных органов в вопросах внешней политики, которые он считал неправильными. Из документов известно, в частности, о его обращениях в правительство (СНК СССР) с выражением несогласия с формами и методами проведения оборонных мероприятий на советском Дальнем Востоке.

Эти меры предусматривали объявление огромной части территории СССР запретными зонами и выселение проживавших там этнических групп, состоявших из людей, переселившихся в разное время из сопредельных стран и занимавшихся различной трудовой деятельностью. Среди них были китайцы, корейцы, японцы, представители других национальностей. Одни из них были приняты в советское гражданство, другие сохраняли свое иностранное гражданство, третьи были «лицами без гражданства». Вместе с «обрусевшими» семьями в массе своей они составляли десятки тысяч человек.

Сами по себе оборонные меры были нужны и вызваны возросшей агрессивностью японцев. Но действия органов НКВД по их практическому осуществлению были бесчеловечными. Они вылились в массовые аресты, заключения в лагеря, депортацию из СССР и т. п. В своей записке в СНК Б. С. Стомоняков писал, что установление обширных запретных зон в условиях мирного времени является беспрецедентным в практике международных отношений и вызовет весьма неблагоприятную для СССР реакцию во всем мире. Он отмечал также, что массовые репрессивные меры в отношении лиц иностранного происхождения нанесут большой ущерб нашим отношениям с народами зарубежных стран и обратил внимание на необходимость более взвешенного и всестороннего обдуманного подхода к решению вопросов, касающихся внешней политики. Однако это обращение Б. С. Стомонякова было проигнорировано. Репрессии продолжались все последующие годы. Жертвами их, как известно, стали миллионы советских людей.

Не обошла эта трагедия и многие тысячи проживавших в СССР иностранцев.

Упомянутая выше записка Б. С. Стомонякова, разумеется, лишь один из конкретных эпизодов в его деятельности на посту заместителя наркома, но этот факт довольно ясно характеризует Б. С. Стомонякова как принципиального, высоко нравственного советского дипломата-коммуниста. Его жизнь и деятельность оборвалась в конце 1938 г. В числе многих других талантливых деятелей партии и Советского государства он был арестован и расстрелян.

На посту заместителя наркома иностранных дел СССР по делам Востока, в том числе Китая, Б. С. Стомонякова сменил Соломон Абрамович Лозовский — член партии с 1901 г., известный деятель международного рабочего движения, с 1921 г. генеральный секретарь Профинтерна. Как заместитель наркома он непосредственно руководил деятельностью советских представительств в Китае и подразделений центрального аппарата НКВД, занимавшихся вопросами отношений СССР со странами Азии.

На рубеже 1938—1939 гг. в этих подразделениях, как и в НКВД в целом, были произведены большие кадровые изменения. Они коснулись и восточного направления. Однако внешнеполитический курс СССР в отношении Востока оставался неизменным. Сохранилась прежняя направленность нашей политики и в отношении Китая. Основные ее цели и задачи были подтверждены на специальном совещании работников Дальневосточного отдела НКВД и посольства СССР в Китае, которое было проведено С. А. Лозовским в Москве вскоре после его вступления в должность заместителя наркома. Он поставил перед советской дипломатией на китайском направлении задачи всемерной поддержки Китая в антияпонской войне, укрепления единого фронта всех антияпонских национально-патриотических сил, поддержки КПК, укрепления и развития советско-китайских дружественных отношений. На посту заместителя наркома, а затем заместителя министра иностранных дел С. А. Лозовский проявил себя как весьма опытный политик и искусный дипломат. При его непосредственном участии разрабатывался советско-китайский договор от 14 августа 1945 г., он был заместителем главы советской делегации на переговорах с Китаем относительно указанного договора. В последние годы жизни С. А. Лозовский подвергся необоснованным репрессиям. Посмертно реабилитирован.

Но вернемся к кадровым переменам в нашем дипломатическом аппарате в Китае. Как уже упоминалось, в конце 1937 г., вскоре после заключения советско-китайского договора о взаимном ненападении, полпред Д. В. Богомолов и военный атташе комкор Лепин были отозваны из Китая и расстреляны. На пост полпреда в Китай был назначен крупный военный работник, участник гражданской войны комкор Луганец-Орельский. Судьба отвела для его дипломатической деятельности очень короткий срок. Он прибыл в Китай в середине 1938 г., а в феврале 1939 был вызван для доклада в Москву. Обратного в Китай он не вернулся; в мае он погиб вместе с женой в автомобильной катастрофе на Кавказе. В обстоятельствах, связанных с его командировкой в Москву и последовавшей вскоре гибелью, осталось много неясного. Несмотря, однако, на непродолжительное пребывание в Китае, Луганец-Орельский внес немалый вклад в осуществление советско-китайского сотрудничества на весьма ответственном этапе антияпонской войны, каковым был рубеж 1938—1939 гг., характеризовавшийся прекращением крупномасштабных наступательных операций японцев в результате понесенных ими больших потерь в боях за Шанхай, Нанкин, Ханькоу и другие крупные города. В Китае высоко ценили военный опыт Луганца-Орельского, считали полезными его советы.

Чан Кайши через Луганца-Орельского весьма настойчиво обращался к Советскому правительству с просьбой направить в Китай в качестве главного военного советника при правительстве В. К. Блюхера, которого широко знали в Китае по его деятельности здесь в 20-е годы и ценили как выдающегося полководца. Москва отклонила эту просьбу. Объясняя отказ, Луганец-Орельский сказал Чан Кайши, что, по-видимому, Блюхер «нужен Родине». Вместо Блюхера, действительно нужного Родине, но казенного сталинскими палачами, в Китай были направлены другие советские военные работники.

В конце 1940 г. на должность советского военного атташе и руководителя группы советских военных советников при китайском правительстве был назначен генерал, впоследствии прославленный маршал, В. И. Чуйков. Свою деятельность в Китае он описал в мемуарах «Миссия в Китае». Хорошо зная о событиях того периода по своей работе в Чунцине, хочу сделать лишь некоторые дополнения и отметить, что огромная работа, проделанная в Китае В. И. Чуйковым на пользу советско-китайских отношений на завершающем ее этапе не обошлась без неприятностей, едва не закончив-

шихся трагедией, которая постигла упомянутых выше дипломатов и военных работников. А случилось следующее: на одном из дипломатических приемов иностранные корреспонденты вступили в беседу с Чуйковым и попросили ответить на вопрос, вокруг которого постоянно велись провокационные спекуляции в зарубежной, в том числе в китайской, печати. Речь шла о вступлении СССР в войну против Японии. После этой беседы в одной из китайских газет — «Синьшу бао» — 2 января 1942 г. появилась информация под многозначительным заголовком: «Беседа с ответственным советским военным лицом в Китае относительно стратегических планов СССР». Под «военным лицом» имелся в виду В. И. Чуйков, а в сообщении «Синьшу бао» говорилось, что, отвечая на вопрос корреспондентов, он заявил, что как только будет покончено с гитлеровской Германией, СССР примется за Японию.

Указанное сообщение об интервью с «ответственным советским военным лицом» вызвало большой резонанс в Китае и в других странах и было использовано для подстрекательства к войне между СССР и Японией, с целью заставить Советский Союз воевать на два фронта. В этом была заинтересована не только гитлеровская Германия, но и определенные круги в США, Англии и Китае, где всячески стремились переложить борьбу с милитаристской Японией целиком на плечи Советского Союза. Упомянутое интервью не осталось незамеченным, разумеется, в Японии, которая потребовала разъяснений от советской стороны.

Советское посольство в Китае выступило с опровержением сообщения «Синьшу бао», которое было разослано китайским официальным органам, редакциям газет и иностранным посольствам, миссиям и корреспондентам. В этом пресс-релизе указывалось, что содержащееся в «Синьшу бао» сообщение является измышлением корреспондента газеты «Синьшу бао». Советское посольство потребовало от департамента информации МИД Китая дать указание китайским газетам опубликовать упомянутое опровержение в китайской прессе. Посол СССР сделал представление по поводу, как он подчеркнул, «провокационной заметки» в «Синьшу бао» министру иностранных дел. Посол обратил внимание министра на «общий провокационный тон публикаций китайской прессы, которая выступает с требованиями к СССР объявить войну Японии», и потребовал принять меры к прекращению подобных выступлений.

Опровержение посольства китайские газеты не опубликовали. Директор департамента информации МИД, отвечая на упомянутое требование посольства СССР, ответил, что в результате выяснения этого вопроса установлено, что генерал Чуйков действительно сделал такое заявление, о котором сообщено газетой «Синьшу бао». Представитель МИД сказал также, что публикация опровержения советского посольства в китайской печати могла бы послужить поводом для «громких разговоров», поэтому китайскими властями было решено «замять это дело».

В Москве, разумеется, это дело не «замыли». Оттуда поступило указание о срочном откомандировании В. И. Чуйкова из Китая. Так закончилась его миссия в этой стране.

По возвращении из поездки в Москву, в конце 1942 г., посол СССР А. С. Панюшкин, рассказывая в узком кругу работников посольства о своей встрече со Сталиным, отметил, что он интересовался не только крупными вопросами, но и деталями, касавшимися положения в Китае. Он спрашивал о главных деятелях Китая. Более всего Сталина интересовала личность Чан Кайши как политического деятеля и как человека, например, его образ жизни, характер, привычки, даже то, что он ест и пьет. А. С. Панюшкин рассказывал нам, что указанная беседа проходила в Кремле глубокой ночью, часто прерывалась телефонными звонками со Сталинградского фронта. Сталин спрашивал А. С. Панюшкина об условиях работы советского посольства, о профессиональном уровне дипломатического аппарата, о том, владеют ли наши дипломаты иностранными языками, особенно китайским. Отвечая на вопросы Сталина, А. С. Панюшкин рассказал, что в посольстве очень мало работников, владеющих китайским языком. Сталин посоветовал коренным образом поправить положение, укрепив дипломатические кадры китайцами. Для этого, сказал он, необходимо будет подобрать в СССР группу способных работников и направить их в советское посольство специально для языковой подготовки. Это указание было незамедлительно выполнено. В конце 1942 г. в Чуцин прибыли 20 молодых работников в возрасте до 25 лет. Большинство из них были специально отозваны с фронта. При посольстве для них были организованы двухгодичные курсы. Слушатели занимались только учебной под руководством китайских и специально командированных из СССР советских преподавателей.

Но вернемся к встрече посла со Сталиным. А. С. Панюшкин рассказал, что в ходе беседы было упомянуто имя В. И. Чуйкова. Из этой беседы он узнал, что по приезде из Китая в Москву В. И. Чуйков был вызван к Сталину. В разговоре с В. И. Чуйковым Сталин сказал генералу, что из него «не получился дипломат, но, возможно, получится хороший солдат». С таким «напутствием», по словам А. С. Панюшкина, генерал был направлен в качестве командующего находившейся в запасе Первой резервной армией, которая в июле 1942 г. была переброшена на Сталинградский фронт, где В. И. Чуйков приобрел мировую известность как один из легендарных маршалов Советского Союза.

После отъезда В. И. Чуйкова из Китая на его замену никто направлен не был. Состав военной советнической группы в Китае стал постепенно сокращаться, поскольку интерес к их эффективному использованию у гоминьдановского правительства начал падать. После событий у Пёрл-Харбора центр военных действий с Японией переместился на Тихий океан, на китайском фронте все больше и больше наступало затишье, внимание Гоминьдана и маоцзэдуновского руководства все более сосредоточивалось на внутривнутриполитической борьбе за власть. С началом тихоокеанской войны в Китае возросли ожидания, что англо-американские войска вот-вот высадятся в Китае и с японцами здесь будет быстро покончено. Одновременно правительство Чан Кайши продолжало добиваться, чтобы Советский Союз вступил в войну против Японии. При этом высказывались заверения в установлении Китаем самых тесных дружественных отношений всестороннего сотрудничества с Советским Союзом, главная роль в этом отводилась Маньчжурии. Чан Кайши неоднократно поднимал перед советским послом в Китае вопрос о том, чтобы после окончания войны вновь приступить к совместному использованию КВЖД, Порт-Артура, Дальнего и выражал готовность пойти дальше в советско-китайском сотрудничестве, в том числе в вопросах координации внешнеполитической деятельности обеих стран в делах послевоенного урегулирования и обеспечения мира в Азии. Он настойчиво предлагал заключить между Китаем и СССР договор, в котором были бы предусмотрены все эти вопросы. Одна из главных причин, почему правительство Чан Кайши всячески стремилось заинтересовать СССР в сотрудничестве с Китаем в Маньчжурии, заключалась в том, что в Китае мало надеялись на возможность возвращения Маньчжурии Китаю. Дело в том, что не только Япония, но даже союзники Китая — США и Англия не собирались отдавать Маньчжурию Китаю. Разъясняя такие намерения, политический советник президента Ф. Рузвельта Л. Стюарт, выполнявший одновременно такие же функции при правительстве Чан Кайши, говорил советскому послу, что в Вашингтоне и Лондоне думают о том, чтобы или сохранить Маньчжурию за Японией, или сделать из нее своего рода «буферное образование» в целях (и в том, и в другом случае) обеспечения «равновесия сил» на Дальнем Востоке. Л. Стюарт говорил также, что он обсуждал проблему Маньчжурии с Чан Кайши и ему пришлось уговаривать его не отказываться от Маньчжурии, не «списывать» ее, а добиваться воссоединения с Китаем. Чан Кайши считал, что возвращения Маньчжурии Китаю может добиться только при содействии Советского Союза и установлении с СССР тесных дружественных отношений.

СССР воздерживался от обсуждения предложений Китая о Маньчжурии, о заключении нового договора, так как это связывалось с вступлением Советского Союза в войну с Японией, а до разгрома Германии СССР пойти на это не мог. Но как только закончилась война в Европе, СССР вступил в переговоры с китайским правительством. Они начались 30 июня и завершились 14 августа 1945 г. подписанием советско-китайского договора о дружбе и союзе. Одновременно были заключены соглашения о совместной эксплуатации СССР и Китаем КЧЖД, о совместном использовании Порт-Артура в качестве военноморской базы, а также соглашения о Дальнем, который объявлялся свободным портом, открытым для торговли и судоходства всех стран, и часть портовых сооружений передавалась СССР на правах аренды. Советский Союз подтвердил суверенитет Китая над тремя Северо-Восточными провинциями (Маньчжурией). Одновременно было достигнуто соглашение о признании Китаем независимости Монгольской Народной Республики. Советский Союз взял на себя обязательство вступить в войну с Японией, оказать Китаю всю необходимую помощь в его освобождении от японских захватчиков. Договор предусматривал взаимодействие обеих стран после окончания войны в целях предотвращения новой японской агрессии и оказание друг другу помощи в случае нападения.

В основу указанных договора и соглашений от 14 августа 1945 г. была положена договоренность по вопросам Дальнего Востока, достигнутая на Крымской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании, состоявшаяся в феврале 1945 г.

(Ялтинское соглашение). Чтобы не раскрывать заранее карт перед Японией и обеспечить секретность переброски дополнительных советских войск из Европы на дальневосточный фронт, Крымскую конференцию решено было провести без участия Китая. Ныне, спустя десятилетия, некоторые историки заявляют, что принятие указанного решения без Китая противоречит понятиям морали. Конечно, важность моральных принципов в международной политике нельзя отрицать. Но нельзя не признать и тот факт, что жестокие реалии того времени — борьба с фашизмом за выживание мировой цивилизации — диктовали союзникам антигитлеровской коалиции свои правила действия. Что касается Ялтинского соглашения по существу, то оно соответствовало тем предложениям, с которыми, как уже отмечалось выше, правительство Китая обращалось к СССР еще до Крымской конференции, добиваясь вступления СССР в войну с Японией. И когда 14 августа 1945 г. был заключен советско-китайский договор и другие соглашения (опубликованы они были в печати 27 августа), все эти договоренности встретили горячее одобрение и в Китае, и во всех странах антифашистской коалиции.

Положительная реакция в мире на советско-китайский договор и соглашения от 14 августа 1945 г. подтверждает полную несостоятельность появившихся впоследствии за рубежом заявлений некоторых критиков, утверждающих, будто СССР «узурпировал» суверенные права Китая, нанес ущерб его национальным интересам и т. п. Можно с полным основанием говорить о том, что советско-китайский договор полностью отвечал коренным взаимным интересам наших стран. Особо важную роль этот договор сыграл в деле разгрома милитаристской Японии и ускорения полного окончания второй мировой войны.

8 августа 1945 г. Советское правительство объявило войну Японии, и на следующий день советские вооруженные силы вступили в сражения с мощнейшей группировкой японских войск, основу которой составляла миллионная отборная Квантунская армия в Маньчжурии. Бои носили ожесточенный характер. Противник опирался на мощную систему обороны, которая считалась неприступной. Но выдержать натиск советских войск японцы не смогли. Через несколько дней японское командование потеряло управление над войсками, 14 августа правительство Японии вынуждено было заявить о принятии Потсдамской декларации союзных держав, под продолжавшимися сокрушительными ударами советских войск Квантунская армия прекратила всякое сопротивление и сложила оружие. Милитаристская Япония лишилась таким образом главной своей опоры и вынуждена была подписать акт о безоговорочной капитуляции, ознаменовавшей окончание второй мировой войны, самой ужасной из всех войн на Земле.

¹ Архив внешней политики СССР (АВП). Беседа С. А. Лозовского с китайским послом Шао Лицзы 28.I.1941.

² АВП. Беседа посла СССР в Китае А. С. Панюшкина с Чжоу Эньлаем и Е Цзяньином 15.I.1941.

³ Чуйков В. И. Миссия в Китае // По дорогам Китая. 1937—1945. Воспоминания.— М., 1989.— С. 265.

⁴ АВП. Беседы Луганца-Орельского с Чан Кайши 29.V.1938; с начальником отдела внешних сношений Министерства обороны генералом Чжан Чунем 18.IX.1938.

⁵ АВП. Политписьмо Д. В. Богомолова от 18.IV.1937.

Китайские историки о советских советниках

Ю. ЧУДОДЕЕВ

За 80-е годы тема советской интернациональной помощи революционному движению в Китае 1925—1927 гг. привлекла заметное внимание историографии КНР. В 1981—1985 гг. китайский читатель впервые смог познакомиться с переведенными на китайский язык мемуарами советских советников — участников революции А. И. Черепанова («Северный поход Национально-революционной армии Китая»)¹, А. В. Благодатова («Записки о китайской революции 1925—1927 гг.»)², В. В. Вишняковой-Акимовой («Два года в восставшем Китае»)³, со сборником «На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925—1945 гг.»⁴. Были также переведены книга А. И. Картуновой «В. К. Блюхер в Китае»⁵, а также сборник статей «Видные советские коммунисты — участники китайской революции»⁶. В 1983 г. в КНР вышел специальный сборник материалов о деятельности (в 1923—1927 гг.) М. М. Бородина, главного политического советника при Гоминьдане⁷. Помимо работ самого Бородина, в него вошли некоторые документы Коминтерна, статьи и выступления деятелей КПК Чэнь Дусю, Чжан Тайлэя, Ли Лисаня, Цай Хэсэня, Цай Цюбо, выдержки из воспоминаний Чжан Готао и другие материалы⁸. Работа советских советников получила определенное отражение и в изданных в КНР и за рубежом мемуарах китайских партийных и государственных деятелей — участников революции 1925 г. Ли Цзунжэня, Не Жунчжэня, Чжан Готао и др. Интерес к деятельности Коминтерна и его представителей в Китае в период революции 1925—1927 гг. нашел отражение и в переводах ряда работ западных авторов, в частности американских историков (Р. Норт, К. Юдин. Миссия Роя в Китае: раскол между Гоминьданом и КПК в 1927 г.)⁹, публицистических записок А.-Л. Стронг об уханьском этапе революции, где также затрагивается деятельность советских советников.

На этом фоне особый интерес вызывает появление в историографии КНР, по существу, первых научных работ, специально посвященных деятельности советских советников в революции 1925—1927 гг.

Уже сам факт появления в журнале «Жэнь-у» («Персоналии») биографического очерка о В. К. Блюхере, главном военном советнике при Гоминьдане (1924—1927), представляется примечательным. Его автор Фан Мин прослеживает основные вехи жизни выдающегося полководца, начиная с первых шагов его революционной деятельности до ареста в августе 1938 г.¹⁰ Автору удалось нарисовать правдивый портрет выдающегося революционера и интернационалиста. Многие факты из жизни Блюхера, в частности о его советнической деятельности в Китае, Фан Мин почерпнул из работ, изданных в СССР (прежде всего из книги А. И. Картуновой, а также В. Душенькина, К. А. Мерецкова, М. И. Казанина и др.). В целом солидаризируясь с характеристиками и выводами, сделанными советскими историками, Фан Мин подчеркнул огромный вклад В. К. Блюхера в строительство вооруженных сил китайской революции, в планирование и организацию боевых действий Национально-революционной армии (НРА), прежде всего в период Северного похода. Вслед за советскими историками и авторами мемуаров (например, А. И. Черепановым) автор указывает, что Блюхер проявил себя в Китае не только как крупный военный деятель, но и как дальновидный политик, который «стремился внести свой вклад и в решение важных политических проблем революции», оказывал всемерную поддержку КПК и руководимому ею массовому движению, относился с большим уважением к таким деятелям КПК, как Чжоу Эньлай, Е Цзяньин, Чжан Тайлэй, Юнь

Чудодеев Юрий Владимирович, старший научный сотрудник Института Востоковедения АН СССР, кандидат исторических наук.

Дайинь, Чэнь Яньнань, Пэн Бай, Чжан Готао и др. Оценивая политическую ситуацию и отношения классов, Блюхер считал, как пишет китайский автор, что не следует форсировать революцию, перескакивать через закономерные этапы ее развития. На том этапе китайской революции, отмечает Фан Мин, он был против выдвижения лозунга Советов в Китае и даже считал, что политическое управление в освобожденных провинциях должно быть «несколько правее по сравнению с Гуандуном».

Автор биографического очерка подчеркивает, что военный талант Блюхера, а также его серьезный, добросовестный стиль работы получили широкий резонанс в тогдашнем Китае. Его тщательный анализ военной ситуации часто вызывал восхищение даже у правых гоминьдановцев и реакционно настроенных генералов, вынуждая их соглашаться с выводами и рекомендациями советского советника. Фан Мин подчеркивает высокие качества и других советских военных советников, их профессионализм, смелость, инициативу, демократизм, непритязательность в быту («одевались, как обычные военнослужащие НРА, ели простую пищу») ¹¹. В то время, как отмечает автор, псевдоним В. К. Блюхера — Галин (в китайской транскрипции Цзялунь) — стал для многих китайцев нарицательным именем всех советских советников.

Попытку специально проследить роль В. К. Блюхера в период Северного похода предпринял Тань Фан. Автор с сожалением констатирует, что деятельность главного военного советника при Гоминьдане пока не получила надлежащей оценки в историографии КНР. По мнению Тань Фана, нельзя всесторонне и научно изучать этот период китайской истории, игнорируя ту огромную роль, которую сыграл Блюхер в планировании и осуществлении Северного похода, будучи одним из главных его руководителей. Как и Фан Мин, автор считает, что успеху Северного похода в немалой степени способствовали большой боевой и революционный опыт советского советника, его незаурядный талант полководца, внимательный и скрупулезный анализ политических, экономических и военных факторов при разработке боевых операций. По мнению Тань Фана, Блюхер творчески реализовывал рекомендации, которые поступали из Москвы, учитывая при этом нюансы быстро меняющейся ситуации ¹².

Павлов П. А.— первый главный военный советник в Китае, первый начальник гуанчжоуской группы советских военных советников.

Саховская М. Ф.— военный советник гуанчжоуской группы (начальник штаба группы, преподаватель школы Вампу).

Горев В. Е.— военный советник калганской, затем гуанчжоуской группы, участник Северного похода НРА.

Климов А. Я.— военно-политический советник хэнаньской, затем калганской группы советских военных советников.

В отличие от очерка Фан Мина, написанного в основном по советской литературе, статья Ло Та, опубликованная в специальном вестнике Линлинского пединститута (Хунань), носит исследовательский характер, претендуя на самостоятельный анализ деятельности аппарата советских советников в целом¹³. Помимо мемуаров (в том числе и не переведенных на китайский язык, например М. И. Казанина), автор привлек изданные в КНР сборники документов о деятельности М. М. Бородина и Г. Н. Войтинского, материалы по истории военной школы Вампу (Хуанпу)¹⁴, труды ряда советских (В. И. Глумина, А. И. Картуновой, Р. А. Мировицкой, Г. В. Астафьева) и западных авторов (в частности, вышедший в США в 1969 г. сборник статей американского историка Д. Спенса «За изменение Китая. Западные советники в Китае в 1620—1960 гг.» и др.)¹⁵.

Автор считает, что в китайской историографии, серьезно изучающей связи Коминтерна с китайским революционным процессом, до некоторых пор преобладала тенденция рассматривать представителей Коминтерна и советских советников как единое целое. По его мнению, деятельность советских советников, направленных в Китай по правительственной линии, имеет свою специфику и заслуживает специального рассмотрения. Статья Ло Та тем самым намечает новое для китайской историографии направление в исследовании революционных связей СССР и Китая.

Китайский историк высоко оценивает деятельность советских советников, возглавляемых М. М. Бородиным и В. К. Блюхером (в 1924—1927 гг. их насчитывалось 135 человек, включая 40 человек в армиях Фэн Юйсяна). Как подчеркивает автор, их направление в Китай для поддержки освободительной борьбы китайского народа было полностью справедливым делом. Советники, внесшие неоспоримый вклад в развитие китайской революции, воплощали, по мнению Ло Та, дух пролетарского интернационализма. Приняв непосредственное участие в китайской революции, они проявили себя как «пропагандисты марксизма-ленинизма и опыта русской революции, как прекрасные военные организаторы». В статье делается важный вывод о взаимной поддержке социалистической революции в России и освободительной борьбы китайского народа. Это исключало столкновение коренных интересов обеих сторон и конкретно воплотилось в советнической деятельности, соединившей патристические и интернационалистские начала.

Как и Фан Мин, Ло Та отдаст должное высоким моральным качествам советских советников, их профессионализму и активности. Советники стойко переносили трудности, смело пренебрегали опасностями. Многие из них принимали личное участие в боевых операциях. В этой связи автор приводит свидетельство Ли Цзунжэня, писавшего в своих воспоминаниях о их стойкости, честности, добросовестном отношении к своим обязанностям, демократизме в общении с простыми людьми («в повседневной жизни, — писал Ли, — они старались не выделяться по сравнению с китайцами, поэтому заслужили их симпатии»). Характерно, что Ли Цзунжэнь, говоря о советских советниках 20-х годов, сравнивал их с американскими, которые служили в Китае в 40-е годы. Последние, по его словам, считались «только со своими желаниями, так что простые китайцы не смели к ним и приблизиться». Приводя данное суждение, Ло Та пишет, что вряд ли найдутся люди, которые смогли бы опровергнуть эти слова Ли Цзунжэня. «Высокая нравственность и таланты советских советников, — подчеркивает он, — заслужили высокое уважение и доверие китайского народа»¹⁶.

Приведенные выше оценки в статьях Фан Мина, Тань Фана и Ло Та в целом совпадают с теми отдельными высказываниями, которые делались китайскими историками в общих работах по истории китайской революции и советско-китайским отношениям в 50-х — начале 60-х годов¹⁷.

Деятельность советских советников, как справедливо считает Ло Та, наиболее активно и результативно проявилась в политических и военных сферах. Анализируя работу М. М. Бородина, главного политического советника при Гоминьдане¹⁸, автор подчеркивает его огромную роль на всех этапах развития китайской революции 1925—1927 гг., особенно на стадии ее подготовки и подъема. Он констатирует, что все важнейшие события, имевшие место на Юге Китая в тот период, так или иначе связаны с именем Бородина, пользовавшегося огромным авторитетом в революционных кругах. Хотя, по мнению Ло Та, после событий 20 марта 1926 г.* влияние советских советников несколько ослабло, «Бородин на очень высоком уровне по-прежнему контролировал и влиял на политическую ситуацию в Гуандуне и Ухани».

Китайский историк, безусловно, прав и в оценке помощи по созданию и укреплению единого фронта как главной заслуги М. М. Бородина перед китайской революцией. В конце 1923 — начале 1924 г. эта помощь конкретно проявилась в подготовке и реорганизации Гоминьдана на основе вхождения в него коммунистов. Что касается участия М. М. Бородина в проведении I съезда Гоминьдана, составлении программы партии и целого ряда других важнейших документов, то эта сторона его деятельности получила, как известно, высокую оценку Сунь Ятсена, в частности, в письме к Г. В. Чичерину 16 февраля 1924 г.¹⁹

В статье Ло Та подчеркивается огромная помощь, которую оказывал Бородин молодой КПК. По его мнению, среди представителей СССР и Коминтерна «Бородин был самой крупной фигурой, влиявшей в то время на политику компартии». Отмечает автор и его внимание к аграрно-крестьянскому вопросу, который Бородин считал главным в национальной революции. Оценивая роль Бородина в создании НРА, китайский историк пишет, что его деятельность способствовала укреплению южнокитайской революционной базы (объединению Гуандуна), подготовке и проведению Северного похода, созданию революционного уханьского правительства. На основе опыта русской революции и собственного опыта, пишет автор, Бородин «дал много ценных конструктивных советов и рекомендаций китайским революционерам», которые, как он считает, до инцидента 20 марта 1926 г. «приносили пользу и были в основном правильными»²⁰.

Вместе с позитивными моментами в статье Ло Та прослеживается, на наш взгляд, некоторая тенденция преувеличения влияния Бородина на ход событий в Китае. Об этом свидетельствуют, в частности, используемые им формулировки («Бородин контролировал... ситуацию в Гуандуне и Ухани»), а также приводимые в статье мнения буржуазных историков и публицистов (например, А.-Л. Стронг), критиков Бородина «слева» (в частности, Цюй Цюбо, который считал, что в уханьский период «партийная политика определялась Бородиным, представителем Коминтерна Роем и тремя деятелями центральных

* «События 20 марта» — имеется в виду провокационная акция Чан Кайши, направленная против КПК, первое серьезное выступление против коммунистов армейской верхушки Гоминьдана в Гуанчжоу.

Ефремов М. Г.— военный советник гуанчжоуской группы; в 1926 г.— старший советник Главного штаба НРА.

Терешатов Н. И.— один из пяти первых (с 1923 г.) военных советников гуанчжоуской группы; участвовал в создании военной школы Вампу и в боевых операциях в Гундуне. (Фото из архива А. Я. Калягина).

органов партии»). Как известно, в воспоминаниях советских советников можно найти немало фактов, свидетельствующих, с одной стороны, об исключительно сложной обстановке, в которой протекала деятельность Бородина, а с другой — об ограниченном характере его возможностей (несмотря на огромный авторитет) в качестве главного советника. «Нужно отрешиться... от преувеличения возможностей М. М. Бородина, — писал, в частности, А. И. Черепанов, — которое проникло в выступления его критиков в 20-е годы. Бородин при всей значительности его положения в национальном правительстве и в революционных кругах гоминьдана был всего лишь советником, приглашенным Сунь Ятсеном. Он работал в конкретной ситуации: без достаточной информации, без широких возможностей общения с массами, без постоянной связи с Москвой, имел мало квалифицированных помощников. Наконец, ему приходилось считаться с такими реальными факторами, как крайняя незрелость и немногочисленность революционных кадров, наличие разного рода группировок и уклонов, сильнейшее влияние мелкобуржуазных тенденций. Когда подумаешь обо всем этом, то проникаешься особым уважением к тому, чего удалось, несмотря на все это, достичь М. М. Бородину в Китае»²¹.

Китайский историк отмечает и значительный вклад, который внес аппарат советских военных советников во главе с В. К. Блюхером в организацию революционных вооруженных сил, революционное объединение Гуандуна, подготовку и проведение Северного похода. Советники помогали воспитанию офицерских кадров в созданной при помощи СССР военно-политической школе Вампу, содействовали реорганизации и революционизации армии, разрабатывали тактические и стратегические военные планы, оказывали конкретную помощь в ходе боевых операций.

Влияние советников в экономической сфере, как считает Ло Та, прослеживается гораздо слабее. Действительно, группа финансовых советников при аппарате Бородина во главе с профессором В. М. Штейном была сравнительно малочисленна (только три члена), и, естественно, не имела ни сил, ни полномочий оказывать серьезное влияние

сложившуюся финансово-экономическую ситуацию. Следует, однако, сказать, что в период финансового кризиса в Ухани, возникшего весной 1927 г., по рекомендации советников были предприняты экстренные меры для предотвращения обесценивания бумажного юаня, но их эффект оказался ограниченным²².

В целом высоко оценивая помощь советских советников, Ло Та вместе с тем отмечает, что в их деятельности, как и в деятельности представителей Коминтерна в Китае, имели место и ошибки. При этом автор бросает упрек в адрес некоторых советских историков, которые, по его мнению, акцентируют внимание на заслугах советников и очень мало или почти ни слова не говорят об их ошибках, возлагают ответственность за поражение революции целиком на китайских коммунистов, которые-де неправильно интерпретировали или были бессильны реализовать всегда правильные указания Коминтерна. Ло Та считает неубедительным и новый подход к оценке итогов революции в ряде последних работ советских авторов.

Естественно, современное развитие исторической науки настоятельно требует более полного, правдивого и аргументированного освещения деятельности Коминтерна и советских советников в Китае. В настоящее время советские историки подчеркивают необходимость ликвидировать белые пятна в трудах о Коминтерне, изжить проявления охранно-апологетического подхода в оценках его китайской политики, приемы замалчивания либо беглого упоминания без серьезного анализа и надлежащих оценок его ошибок и просчетов. В. И. Глунин и А. М. Григорьев считают, что свойственная Коминтерну (и КПК) завышенная оценка социально-политического потенциала левых сил в Китае в те годы определила нарастание левизны в решениях пленумов ИККИ (в частности, появление планов превращения Гоминьдана в «рабоче-крестьянскую партию»), а в дальнейшем нереалистичность и практическую невыполнимость основанных на них директив в критический период революции²³.

В чем же, по мнению автора, состояла «ответственность представителей Коминтерна и советских советников за поражение революции», каковы были их ошибки? Прежде всего, как считает Ло Та, в ошибочных оценках Чан Кайши и Гоминьдана, что вело к уступкам Гоминьдану и правым группировкам и в конечном счете к поражению революции, в акцентировке сил и внимания на развитии вооруженных сил гоминьдана, которые в дальнейшем были использованы контрреволюцией против рабоче-крестьянского движения (по мнению Ло Та, ничего не было сделано, чтобы помочь КПК в создании собственных вооруженных формирований). Наконец, между советниками, между ними и представителями Коминтерна имели место разногласия, что дезориентировало и ослабляло революционные силы (автор, в частности, считает, что в период Северного похода между Бородиным и Блюхером существовали разногласия по поводу отношения к Чан Кайши и т. д.)²⁴.

Как нетрудно заметить, в данном случае автор в значительной степени следует «левым» оценкам итогов революции, которые достаточно активно прозвучали еще в 20-е годы. Прослеживаются они, судя по всему, и в современной китайской историографии, где, как показал анализ советских историков, доминирует концепция неиспользованных возможностей (Ло Та имеет в виду — советниками и представителями Коминтерна) как стратегического, так и военно-тактического плана. Совершенно очевидно, что вооруженную контрреволюцию в Китае могла победить только вооруженная революция. Революционная армия, как известно, создавалась в рамках единого фронта Гоминьдана и КПК. Попытки создать самостоятельные рабоче-крестьянские вооруженные формирования, естественно, натолкнулись бы на упорное сопротивление буржуазии и помещиков и привели к развалу единого фронта еще на более ранних стадиях революционного процесса.

В. И. Глунин, поставив под сомнение тезис о поражении революции, считает, что в ходе революции китайские коммунисты накопили богатейший теоретический и практический опыт, в короткий срок решили историческую задачу превращения КПК в массовую революционную партию и в общенациональную политическую силу. К существенным достижениям революции В. И. Глунин относит накопление КПК опыта организации масс, тактики единого фронта, наконец, приобщение к опыту международного коммунистического движения²⁵.

Проблема сочетания национальных и классовых задач в рамках единого фронта была одной из сложнейших в период революции 1925—1927 гг. Над проблемой ускорения национально-демократического движения при сохранении классовых позиций думали и представители Коминтерна, и руководители КПК, и советские советники. Чтобы найти безошибочный ответ, как подчеркивают советские авторы, «требовалось огромное полити-

ческое искусство, большой опыт политической борьбы, хорошее знание китайской действительности. Всего этого не хватало ни представителям Коминтерна, работавшим в Китае в те годы, ни руководству Компартии Китая. Отсюда постоянные крены то вправо, то влево²⁶. Не избежали этих кренов и советские советники. Естественно, как всякие творцы живого дела, работавшие в сложнейших условиях, советники не были свободны от заблуждений и иллюзий (об этом в советской литературе и мемуарах говорится, действительно, мало). Важным и непреложным остается другое — они сумели найти достойное место в рядах революции и отдавали ей все свои силы.

При всей спорности отдельных суждений автора статья Ло Та, как и другие публикации историков КНР, свидетельствует об его активном стремлении полнее представить характер советско-китайских революционных связей, выработать свой подход к их оценке.

¹ Чжунго гоминь гэминцзюнь-ды бэйфа — и гэ чжу хуа цзюньши гувэнь-ды чжацзи. Бэйцзин, 1981.

² Чжунго гэмин чжацзи (1925—1927). Бэйцзин, 1985.

³ Чжунго да гэмин цзяньвэнь (1925—1927). Бэйцзин, 1985.

⁴ Цзай Чжунго туди шан — Сулянь гувэнь хуэйи лу (1925—1927). Бэйцзин, 1981.

⁵ Цзялунь цзай Чжунго (1924—1927). Бэйцзин, 1983.

⁶ Чжунго гэмин юй Сулянь гувэнь. Бэйцзин, 1981.

⁷ Баолодин цзай Чжунго-ды югуань цзыляо (Материалы, относящиеся к деятельности Бородина в Китае). Бэйцзин, 1983.

⁸ В КНР был также опубликован сборник материалов о деятельности Г. Н. Войтинского [Вэйцзиньсыцзи цзай Чжунго-ды ю гуань цзыляо (Материалы, относящиеся к деятельности Войтинского в Китае). Бэйцзин, 1982].

⁹ North R. C., Eudin X. Y. M. N. Roy's, Mission to China. The Communist-Kuomintang Split of 1927. Univ. of California press, 1963.

¹⁰ Фан Мин. Шэньми-ды цзянцзюнь — та цзай Чжунго-ды минцзы цзю Цзялунь (Загадочный генерал — в Китае его называли Галин). — «Жэнь-у», 1987, № 5. — С. 125—134. Автор не касается деятельности В. К. Блюхера в качестве командующего особой Дальневосточной армией и его роли в разгроме северо-восточных милитаристов в период так называемого конфликта на КВЖД в 1929 г.

¹¹ Фан Мин. Указ. соч. — С. 130, 132 (см.: А. И. Каргунова. В. К. Блюхер в Китае 1924—1927 гг. М., 1979. — С. 62).

¹² Тань Фан. Цзялунь юй бэйфа-ды шэнли цзиньцзюнь (Галин и победная поступь Северного похода). — Миньго дан'ань, 1987. — № 3. — С. 93—94.

¹³ Ло Та. Сулянь гувэнь цзай Чжунго ди и цы гонэй гэмин чжаньчжэн чжун-ды дивэй хэ цзююн (Место и роль советских советников в Китае в период 1-й гражданской революционной войны). — Линлин ши чжуань сюэбао, 1987. — № 1. — С. 62—70 (перепечатка: Чжунго сяньдай ши. — 1987. — № 4. — С. 31—39).

¹⁴ Хуанпу цзюнь сяоши ляо (1924—1927). — Гуанчжоу, 1982.

¹⁵ Spence Y. To Change China. Western advisers in China 1620—1960. — Boston — Toronto, 1969.

¹⁶ Ло Та. Указ. соч. — С. 31, 32, 27—38.

¹⁷ См.: Чжунго синь миньчжучжун гэмин шицзы тун ши (История Китая в период новодемократической революции). — Бэйцзин, 1962. — Т. 1. — С. 284; Пын Мин. История китайско-советской дружбы. — М., 1959. — С. 117, 156—157.

¹⁸ Одной из первых работ о М. М. Бородине, появившихся в КНР в начале 80-х годов, была статья историка Лю Жэньцзина «Бородин» в сборнике материалов о его деятельности в Китае (см. прим. 7). Биографический очерк «Михаил Бородин» содержится также в приложении к сборнику статей Сян Цина «Коминтерн и китайская революция» (Сян Цин. Гунчангоцзи юй Чжунго гэмин гуаньси луньвэнь цзи. — Шанхай, 1985. — С. 281—290).

¹⁹ См. Сунь Ятсен Избранные произведения. М., 1985. — С. 750.

²⁰ Ло Та. Указ. соч. — С. 33.

²¹ А. И. Черепанов. Записки военного советника в Китае. М., 1976. — С. 588.

²² См.: На китайской земле. М., 1977. — С. 133—148.

²³ Проблемы Дальнего Востока. — 1989, № 1. — С. 95, 101—102.

²⁴ Ло Та. Указ. соч. — С. 35—37.

²⁵ Проблемы Дальнего Востока. — 1977, № 2. — С. 125.

²⁶ См.: Л. П. Делюсин, А. С. Костяев. Революция 1925—1927 гг. в Китае: проблемы и оценки. М., 1985. — С. 237.

Н. МЕСЯЦЕВ

В Китайской Народной Республике мне довелось быть трижды — в различных местах этой великой страны, по разным поводам, всякий раз при иных обстоятельствах, обусловленных состоянием советско-китайских отношений, как партийных так и межгосударственных. Но всякий раз я ехал туда с единственной целью — способствовать в меру возможного, пусть даже самого малого, развитию и укреплению отношений дружбы между советским и китайским народами. Может быть, сказанное и звучит ныне слишком декларативно. Но это так. В поведении своих сверстников, юность которых, формирование миропонимания связаны были как с героическими, так и трагическими страницами отечественной истории, с участием в Великой Отечественной войне, с послевоенным строительством, мне не доводилось замечать проявлений ни великодержавия, ни национализма. Они по своему духу и действиям были и остались приверженцами интернационалистического мышления.

...Наверное, с босоногого детства в сердце моем, на его доньшке залегла какая-то жалость к угнетенным китайским труженикам, задавленным феодалами-милитаристами, иностранным капиталом. В конце двадцатых годов в наших поволжских краях, на цементных заводах Вольска (почему-то и неведомо откуда) часто появлялись китайские семьи. Поражали их измученные лица, ветхая одежонка. Нет-нет, да и дрогнет сердце у земляка, сжалится и пустит к себе на ночлег скитальцев. В благодарность они выполняли различные поделки, ремонтировали все, что попросят. Внешний вид китайских эмигрантов вызывал сострадание. Нередко наши рабочие выделяли им из своего скромного дохода одежду, обувь, пищу, однако иногда, бедствующие, но сохранившие чувство собственного достоинства, они отказывались от предлагаемой помощи. Многоплеменное население Поволжья со своими радостями и бедами осталось в моей памяти. И когда жители немецких «колонок» (деревень немцев Поволжья) оказывали китайским семьям помощь продуктами, мы воспринимали это вполне естественным проявлением общечеловеческой доброты.

Позже, в школьные и студенческие годы, знания о Китае, конечно, расширились и углубились. Но чувство, запавшее в сердце в детстве, продолжало жить. Я до сих пор помню, как в одном из стихотворений описывалась судьба китайского крестьянина Ли Чана:

*...Потом на полях. Надсмотрщик зол,
Что ни день больно бьет Ли Чана.
С тех пор, как Ли Чан на поля пришел,
Не спина у него, а рана.*

Отголоски праведной борьбы китайского народа за свое национальное и социальное освобождение постоянно волновали и накладывались на впечатления молодости, постепенно вырастали в убеждение правоты политики нашего государства по отношению к Китаю, ее интернациональной основы.

Разгром немецко-фашистских оккупантов в ходе Великой Отечественной войны на полях Европы для нас, ее солдат, означал и близость победы над японским милитаризмом, а вместе с нею и возникновение нового, свободного, народного Китая. Так думалось, так хотелось, так мечталось. Мы восприняли победу китайской революции как новое подтверждение справедливости своего жизненного предназначения,

Месяцев Николай Николаевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института Научной Информации по общественным наукам АН СССР.

а потому и силы. Силы не оружия, а силы веры в торжество справедливости, гуманизма.

Никогда я не думал и не загадывал побывать в Китае, на полях, где «без надсмотрщика трудится Ли Чан». Но судьба распорядилась по-своему...

В начале пятидесятых годов по приглашению Центрального Комитета ВЛКСМ в Москву прибыла китайская молодежная делегация. Возглавлял ее тов. Ху Яобан, теперь уже ушедший в иной мир, но оставивший о себе добрую память. В то время он — первый секретарь ЦК комсомола, а позже, спустя более четверти века, в 80-х годах пройдя большую школу партийной и государственной работы, испытавший преследования во время «культурной революции», — Генеральный секретарь Центрального Комитета Компартии Китая.

Встречи и беседы с членами делегации представляли для всех нас несомненный интерес. За плечами многих китайских товарищей был уже немалый опыт работы среди молодежи в военных условиях. Ху Яобан, например, в рядах китайского комсомола состоял с 15 лет, избирался секретарем волостной ячейки и секретарем в уезде Люян провинции Хунань. Во время Великого похода китайской Красной армии трудился в армейском комсомоле. Ху Яобан всегда был приветлив, любил шутку, острое словцо, обладал живым умом и способностью быстро схватывать суть явления, проецировать его на китайскую действительность. Словом, он произвел тогда на нас впечатление надежного товарища, с которым можно было, не оглядываясь, как мы говорили, «идти в разведку».

У комсомола 30-х и 40-х годов за плечами был неповторимый опыт, сложившиеся традиции. Мы верили, что этот опыт небезразличен для китайских товарищей. И не ошиблись. Здесь, видимо, не могла не сказаться и уникальная история взаимодействия революций в России и Китае.

Посланцев из Пекина, казалось, интересовало все, и прежде всего функционирование комсомола во всех его звеньях, начиная от первичных организаций до ЦК, во всех взаимосвязях с общественными партийными организациями и их органами. Особое внимание, как мне помнится, они уделяли проблемам участия комсомольских организаций в восстановлении народного хозяйства после Великой Отечественной войны, системе образования юношества, идеологии, вопросам социальной защищенности юношей и девушек, преломлению их здоровых интересов в будничной практике комсомольских организаций.

Наверное, некоторые из читателей подумают о том, что я в этих своих заметках делаю акценты именно на таких аспектах деятельности ВЛКСМ в те годы, которые ныне «не в моде», подвергаются критике как «отжившие», «устаревшие» и т. п. Конечно, было бы наивно думать, что общественный организм статичен в своей деятельности, живет по раз заведенному порядку. Конечно, нет. Подобный подход равносильен смерти любого общественного организма, особенно молодежного, каким является комсомол. Но вместе с тем в опыте, в традициях ВЛКСМ есть непреходящие ценности, и прежде всего в его связях с жизнью, с практикой нашего многонационального народа. Без практических дел любая общественная организация, да и любой государственный орган превратится из работающего в болтающий. И внимательный читатель это знает ныне по собственному опыту.

Сегодняшней молодежи поросли было бы полезно с таким же прилежанием и вниманием относиться к прошлому опыту ВЛКСМ, как это делали в свое время китайские товарищи, трансформируя его в своих специфических условиях и задачах. В изучении нашего опыта задавал тон своим товарищам Ху Яобан — маленького роста, сухонький, с живыми глазами и большими ушами (что, как говорят в народе, признак незаурядного ума), он, как мне казалось, стремился от частного к общему, к познанию тех принципов, которые должны лежать в основе функционирования многомиллионной общественной, самостоятельной организации в многомиллионной стране, населенной многочисленными нациями и народностями, избравшей путь социалистического развития.

Для нас, советских комсомольцев, общение с делегацией китайского Коммунистического союза молодежи, несомненно, во всех отношениях было не только интересным, но и полезным. Нас радовало, что побратим Ленинского комсомола — Коммунистический союз молодежи Китая растет и крепнет, а воздействие, как мы это чувствовали, обоих наших союзов на международное юношеское движение усиливается. Мы с большим вниманием слушали рассказы о достигнутых успехах, сложностях и трудностях в строи-

тельстве нового мира. Нам был созвучен пафос создания нового Китая, которым была охвачена китайская молодежь. Советский народ в невероятно короткие сроки в основном восстановил разрушенное немецко-фашистскими войсками народное хозяйство на оккупированной ими нашей территории. Если мне не изменяет память, это было сделано за пять лет, а ныне историю того — да и не только того — периода вот уже в течение пяти лет поносят последними словами, а хозяйство страны и страна в целом впадает в хаос... Приходят новые «герои нашего времени», которые пытаются переписать историю под себя, под свои в конечном счете корыстные властолюбивые интересы. Естественно, что правда жизни рано или поздно возьмет свое, и эта плесень будет снята. Однако, думаю, что нашему народу стоило бы в оценке собственной истории поучиться у китайского народа, который на своем пути не избежал трагического, чуждого идеям социализма, но который свято оберегает социальные и нравственные ценности, приобретенные и в новейшее время на своем историческом пути.

Однако вернемся к теме нашего повествования, хотя отвлечения от нее как раз и навеяны воспоминаниями о прошлом.

...Сравнительно вскоре после отъезда делегации во главе с Ху Яобаном из Москвы в ЦК ВЛКСМ пришло приглашение ЦК комсомола Китая направить делегацию советской молодежи в КНР для обмена опытом работы и участия во Всекитайском слете молодых передовиков труда. Приглашение, естественно, было принято. По договоренности с китайскими товарищами было решено сформировать такую делегацию, члены которой могли бы прямо на рабочем месте показать китайским коллегам по профессии свои производственные успехи. В делегации были представлены различные, основные для того времени, специальности: сталевар из Магнитогорска и токарь-скорост-

Пекин. Делегация советской молодежи с руководящими работниками ЦДСМ Китая. У здания Союза молодежи. 1 октября 1955 г.

ник из Ленинграда, шахтер из Донбасса и буровой мастер из Азербайджана, прядильщица из Ташкента, всего 20—25 человек. (К сожалению, в памяти стерлись фамилии моих товарищей.) Срок нашей командировки был продолжительным — около месяца. И весь этот месяц пребывания в Китайской Народной Республике, несмотря на большую нагрузку, что китайские друзья умеют хорошо организовать, стал для нас настоящим праздником.

Повсюду нас принимали радушно. В некоторых городах Северного, Центрального и Южного Китая на встречи приходили десятки тысяч молодых людей. Нередко мы с трудом, долго продвигались по «живому» коридору. Улыбки, рукопожатия, объятия, приветствия выражали чувства взаимного уважения, тягу молодости двух великих народов — СССР и КНР — друг к другу. Они свидетельствовали о широте и глубине человеческих чувств.

Мы искренне верили в объективную основу дружественных взаимоотношений наших стран, развивавшихся после победы китайской революции в 1949 г. и образования Китайской Народной Республики. Эту объективную основу признавали и руководители Китая и всячески способствовали тогда развитию дружеских отношений между нашими народами и государствами. Китайские товарищи постоянно с благодарностью говорили о той большой помощи, которую Советский Союз оказывал КНР. «Старший брат», как тогда нас называли в Китае, искренне радовался успехам своего соседа в строительстве новой жизни. Мы, конечно, видели, что наши китайские сверстники весьма скромно одеты, не всегда сыты, в домах их убогая утварь... Но уровень жизни китайского народа уже тогда был выше, чем до установления народной власти. Все это чувствовали, гордились первыми успехами. Мне понравилась атмосфера, царившая тогда в стране, обстановка всеобщей приподнятости, отрешения от мелкого, обыденного. Потому и встречи членов нашей делегации с китайскими юношами и девушками были отмечены какой-то внутренней взаимной одухотворенностью, порожденной величием исповедуемых нами общих идей и постепенным продвижением вперед по пути их осуществления в исторической перспективе, утрата которой, как мы были убеждены, могла привести к движению вспять. Прежде всего пугала перспектива реставрации эксплуатации человека человеком со всеми известными каждому мыслящему человеку социально-политическими и нравственными последствиями.

Делегация наша работала с полной отдачей.

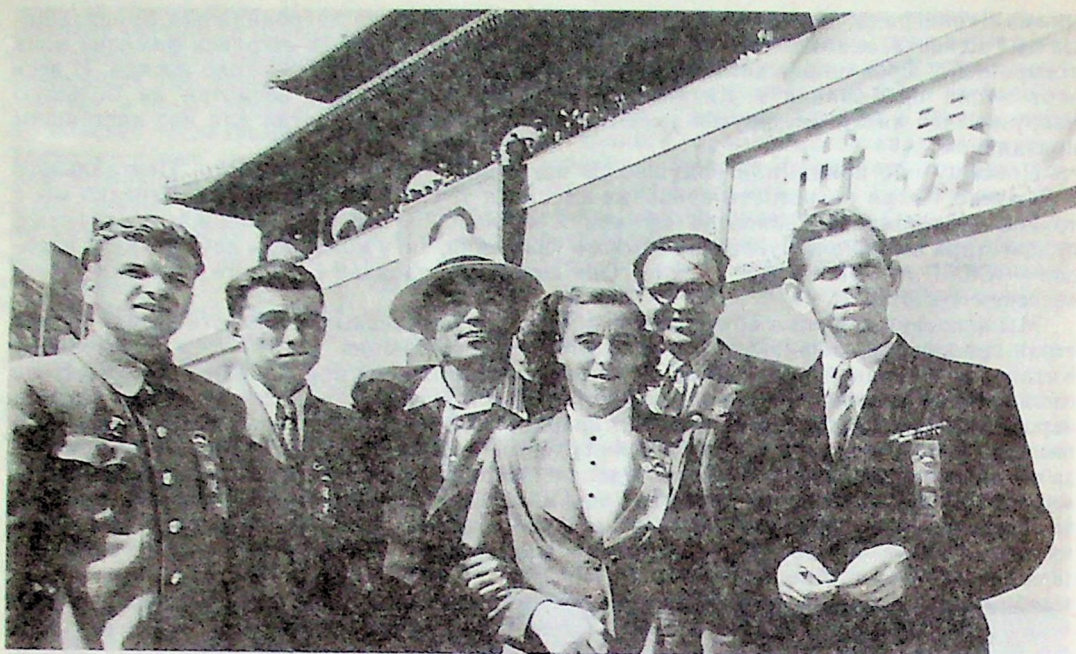
В г. Аньшане, на металлургическом комбинате, сооруженном при содействии СССР, наш сталевар с Магнитки вместе с китайскими подручными сварил первоклассную сталь за невиданно короткое время. На следующий день китайский сталевар, следуя методам и приемам нашего сталевара, перекрыл время его плавки, а затем и другие сталевары стали варить сталь таким же способом и за столь же короткое время. Экономический эффект был поразителен. Местные и центральные газеты подробно рассказали об этом опыте. Опубликовали приветственную телеграмму Мао Цзэдуна в адрес нашего и китайских сталеваров. А на одном из перегонов железной дороги над Шанхаем наш машинист впервые в Китае провел тяжеловесный скоростной состав. За ним повели такие же поезда китайские машинисты. Токарь из Ленинграда успешно обучал скоростной резке металла на заводах Мукдена.

...Повсюду делегаты советской молодежи делились своим профессиональным опытом с китайскими коллегами. Слово «дружба» овеществлялось в делах — в сверхплановых тоннах металла, угля, перевезенных грузах, выточенных деталях, метрах ткани. Творимое на глазах всей огромной страны советскими юношами и девушками дело утверждало в сознании миллионов граждан КНР бескорыстие и благородство советско-китайской дружбы.

Не счесть, сколько было восторженных рассказов о виденном и свершенном после того, как вся делегация снова собралась в Пекине. И на Всекитайский слет мы — делегация — шли как свои. Нас знал, наверное, весь пролетарский Китай — так мы думали.

Здесь, за стенами древнего императорского города, в зале Хуайжэньтан, на слете, прошедшем с огромным подъемом, только и возможным, пожалуй, в молодежной среде, я впервые увидел все руководство тогдашнего Китая во главе с Мао Цзэдуном: Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Дэн Сяопин, Пэн Дэхуан, Пэн Чжэнь и др. Тогда на слете не думал я, что пройдет не многим более десяти лет и мне уже в качестве советского дипломата придется встречаться со многими из них в стенах императорского города, и вне его.

К великому сожалению, это было уже другое время, со своими, присущими только

Автор (справа) с молодежной делегацией

ему характеристиками. Весна и лето с их теплыми отношениями между СССР и КНР сменились затяжными дождями и осенними туманами, сквозь которые подчас трудно было разглядеть причины их возникновения и кто за ними стоит. В этих условиях надо было ясно увидеть желаемое хорошее будущее этих отношений.

Шел год 1960-й... Неожиданно я получил предложение поехать в Пекин в качестве советника — посланника посольства СССР в КНР. Аргументировали это тем, что за моими плечами стоит уже достаточный жизненный опыт, определенный багаж знаний и разно-сторонняя деятельность.

Нашим послом в КНР был Степан Васильевич Червоненко. Он и явился той последней «инстанцией», которая склонила меня на поездку в Пекин. Степана Васильевича я до этого не знал, но был наслышан о нем от товарищей с Украины, где он успешно трудился в качестве секретаря ЦК КП Украины и откуда Н. С. Хрущев возил его с собой в Пекин и там представлял С. В. Червоненко китайским властям. Степан Васильевич своей добротой и интеллигентностью, умом и профессиональными знаниями оказал мне очень большую помощь в осознании проблем в сфере советско-китайских отношений. Помог и коллектив посольства, среди которых было немало самостоятельно мыслящих и способных работников. Были, конечно, и такие, которые держали нос по ветру, и отдельные же из них, достигнув благодаря этим «качествам» определенных служебных высот, собственной беспринципностью и угодливостью перед высшим начальством внесли свою лепту в осложнение отношений между СССР и КНР. А «спорных» проблем в этих отношениях становилось все больше: обострились и давали себя знать разногласия в сферах межпартийной и межгосударственной практики, создавая напряженность в практической политике. Это касалось областей обмена информацией, экономического, научно-технического сотрудничества, отношения к советским специалистам и др. В апреле 1960 г. в Пекине был опубликован сборник под названием «Да здравствует ленинизм!», которым, по существу, разногласия в практической политике переносились и в область теории, и прежде всего по коренным проблемам международного развития, по главным вопросам стратегии и тактики революционного движения. Выход в свет этого сборника обозначил начало открытых идейных споров между Москвой и Пекином.

На моих глазах рушились возведенные ранее мосты в советско-китайских отношениях. В 1961 г. по настоянию Пекина товарооборот между двумя странами был установлен почти на половину ниже фактического в предыдущем году; объем поставок комплектного оборудования в 1962 г. уменьшился до 5%. Атмосфера среди официального Пекина по отношению к нам, советским людям, была уже не та, что в мое первое посещение КНР, да и в народе стала ощущаться какая-то настороженность.

В этой ситуации наше посольство выдвигало перед Москвой одно предложение за другим, дабы остановить процесс ухудшения отношений с КНР, найти новые направления, которые бы вели к развитию добрых отношений. Москва, как правило, поддерживала эти предложения. Однако становилось очевидным, что любые конструктивные меры с советской стороны будут Пекином отклонены. Более того, стали возникать инциденты на китайско-советской границе.

На протяжении всего моего пребывания в Пекине как передо мной, так, очевидно, и перед другими дипломатами стоял один — главный — вопрос: почему и во имя чего рушатся добрые отношения между великими народами и странами, принадлежащими к одному и тому же общественному строю и типу государств?

Вряд ли в этих заметках я дам на него убедительный ответ, ибо он, конечно, не однозначен. Но, как мне представляется, ответ лежит в поведении главных носителей этих отношений, в творцах «большой политики» — в субъективной стороне советско-китайских отношений.

Приведу пример.

Весной, если не изменяет память, в апреле, 1962 г. начался массовый переход жителей Синьцзяна через китайско-советскую границу на территорию СССР. Шли они, как рассказывали очевидцы, целыми семьями — от мала до велика — со своим небогатым имуществом. Шли, уходя от национальных притеснений и возникших на этой почве трудностей жизни.

В связи с этим переходом я был вызван Премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем. В переданной мне ноте Правительство КНР возлагало вину за этот массовый переход на советскую сторону, квалифицировало его как дело рук «советских ревизионистов» и выражало требование воспрепятствовать переходу, прекратить его. Естественно, я отвел все претензии и сказал, что именно китайская сторона должна убедить своих граждан не идти на этот крайний шаг, предложил им прислать своих представителей для разъяснительной работы среди беженцев, воспрепятствовать этому переходу, прекратить его и спросил Премьера, как он мыслит осуществить это? «Не знаю как, — ответил он, — это ваша забота». «Но люди идут с вашей стороны, пересекают сначала вашу границу, почему же китайская сторона их не остановит?» — говорил я. «У нас нет на это сил», — утверждал Чжоу Эньлай. «Значит, вы предлагаете советской стороне использовать силу, — отвечал я. — Но вы же прекрасно понимаете, что советская сторона никогда не применит вооруженную силу против детей, стариков, женщин, против мирного населения, это было бы чудовищно». «Остановить исход людей с китайской стороны должны советские власти!» — в этом духе продолжал Чжоу Эньлай. Заканчивая беседу, я сказал, что переданную мне Премьером ноту Правительства КНР я немедленно доведу до Правительства СССР.

Мне вспомнилась эта встреча с Чжоу Эньлаем еще потому, что с его стороны не чувствовалось уверенности в правоте того, о чем он говорил и на чем настаивал. Он пересказывал, как мне казалось, чьи-то мысли или слова, не разделяя их. При этой встрече он изменял самому себе — своей обычной энергичной напористости, живости мысли, способности к убедительной аргументации. В беседе эти и другие превосходные качества Чжоу Эньлая отсутствовали, как говорится, напрочь. Он не походил на самого себя.

Не раз я отмечал про себя, что Мао Цзэдун поручает Чжоу Эньлаю выполнение особо заостренных против советской стороны акций (вспомним хотя бы широко известное выступление Чжоу на XX съезде КПСС). В этом неволью просматривалось стремление высшего руководителя КНР как-то сбить тот авторитет и ту популярность, которую приобрел Чжоу Эньлай среди советского народа как выдающийся деятель народного Китая.

Не является ли приведенный пример подтверждением тому, сколь значим был субъективный фактор в оценке тех или иных явлений и событий, имевших место в отношениях СССР и КНР. Мао, конечно, прекрасно понимал истинные причины массового перехода (более 60 тыс. человек) китайских жителей Синьцзяна через китайско-советскую границу

и потому не должен был использовать его в целях дальнейшего ухудшения китайско-советских отношений. Но и на сей раз он использовал подобный «хитроумный» прием.

Имели место, к сожалению, и с нашей стороны действия, которые были по самолюбию китайских руководителей, и прежде всего — Мао. Один (вождь) не хотел уступать другому (лидеру), представители высокого руководства одной стороны пытались согнуть представителей другой, ударить по их престижу, показать свои силовые возможности.

Вот тому пример. Получаю указание из Москвы посетить Чжоу Эньлая и ознакомиться его с текстом проекта Договора о нераспространении ядерного оружия. При этом указано: текст зачитать, в руки не передавать, что меня крайне удивило, ибо текст проекта был весьма пространным. Премьер Госсовета меня радушно принял. После взаимных приветствий я сказал ему о цели визита, деликатно упомянув, что буду читать. Неудовольствие Чжоу Эньлая нельзя было не заметить. Но он мне ничего по этому поводу не сказал, вызвал стенографистов, и я начал читать. Читаю час, два, на третий час Премьер, сославшись на занятость, перенес чтение на следующий день. Прощаясь со мной, он спросил, не мог бы я все-таки передать ему текст проекта Договора. От прямого ответа я ушел, надеясь запросить об этом Москву. Запросил, однако руководство положительного ответа на просьбу не дало.

На следующий день часа через два я закончил чтение проекта. Чжоу Эньлай после некоторой паузы сказал буквально следующее: «Передайте своим в Москву, что Китай — великая страна. Китай непременно будет иметь свое собственное атомное оружие».

Спустя некоторое время после этой встречи с Премьером Госсовета КНР проект Договора о нераспространении ядерного оружия, который я ему читал с перерывом в два дня, был опубликован в нашей и американской печати. Я был поражен. Мне стыдно было попадаться на глаза Чжоу Эньлаю. Представляю, какая реакция была у руководства КНР.

Анализируя советско-китайские отношения, процесс их обострения, я все больше убеждался в том, что их основная причина протекла из особенностей характера и поведения тогдашних лидеров Советского Союза и КНР. Конечно, каждый из руководителей КПСС и КПК формировался в специфической обстановке, являлся продуктом особых для своего времени условий. Но великодержавные амбиции, как я мыслил, не должны были отодвигать высшие цели интернационального сплочения социалистических государств.

Беды нашей страны, кровоточащие ее раны (особенно после вмешательства в Афганистан) позволили реально оценить основные причины субъективистского подхода наших лидеров к сложным проблемам советско-китайских отношений. Эти причины, как представляется, связаны, конечно, прежде всего с отсутствием демократических институтов, в том числе институтов контроля за деятельностью первых лиц, что актуально, на мой взгляд, и для сегодняшнего дня, когда имеет место отчужденность народа от принятия жизненно важных для страны решений.

Свою точку зрения мне в то уже далекое время удалось перепроверить, в частности, в беседе с Президентом Демократической Республики Вьетнам товарищем Хо Ши Мином.

Как-то поздним летом 1963 года в посольство позвонил помощник президента ДРВ и сообщил мне, что товарищ Хо Ши Мин проездом из Москвы, где он был с рабочим визитом, находится сейчас в Пекине и хотел бы посетить посольство и, если можно, позавтракать с советскими товарищами. Я сказал, что с радостью и почтением примем товарища Хо Ши Мина в посольстве и будем ждать его на завтрак к 9 часам утра, на что помощник сказал: Президент очень рано встает и хотел бы прибыть на завтрак к 5.30 утра.

Товарищ Хо Ши Мин пробыл у нас в посольстве целый день, уехал под вечер. Целый день я с восхищением слушал его воспоминания о пережитом, размышления о днях бегущих, возможностях будущего.

Я был покорен благородной простотой этого большого человека, бескорыстного коммуниста, чей талант, знания, силы, воля воистину были сполна отданы благородной идее.

Однако в данном случае речь идет о другом — о советско-китайских отношениях. В той части нашей длинной беседы, где об этом зашла речь, и товарищ Хо Ши Мин выразил свою обеспокоенность состоянием советско-китайских отношений и тем,

каким это тяжким грузом ложится на Вьетнам. Как трудно строить политику в этой обстановке, сетовал президент. Ведь над ДРВ сверху висит такая сила. Я спросил, какова, по его мнению, природа разногласий между СССР и КНР, КПСС и КПК? Хо Ши Мин с грустью и как бы мимоходом заметил, что между им и мною идет дружеская беседа, старого с молодым; кто знает, «как сложится Ваша жизнь; может быть, что-то пригодится в ней и от меня». И продолжал: конечно, среди высших руководителей-коммунистов еще есть такие, для которых ложно понятый авторитет, престиж, стремление не «потерять лицо» превыше высоких идей и подлинных социалистических целей. Думаю, говорил Президент, что в данном случае природа разногласий такова, что в нем (о ком именно идет речь было ясно) слишком велико желание воздействовать на весь мир, быть его учителем, вождем, знаменем, используя авторитет страны, возможности ее многомиллионного народа. Но и другой вам не даст спуску, с горечью продолжал Хо Ши Мин.

Запись этой моей беседы с Президентом ДРВ товарищем Хо Ши Мином в Москву передана не была. Я не мог позволить себе, чтобы кто-то другой, третий, многие прикоснулись к ней, слишком доверительной она была, а доверием надо дорожить. Сейчас я воспроизвожу ее фрагменты с единственной целью: опыт советско-китайских отношений нельзя не учитывать во внешнеполитической практике.

Страсти в спорах вокруг авторитета «вождей» особенно накалились во время встречи делегаций КПСС и КПК, состоявшейся по инициативе советской стороны в Москве в июле 1963 года. Немало пришлось приложить усилий, чтобы эта встреча состоялась. К тому времени прошло уже более года, как я был отозван из посольства в Пекине на работу в качестве заместителя заведующего Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, которым руководил секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов.

Юрий Владимирович искренне и последовательно отстаивал линию на развитие воистину добрых отношений между КПСС и КПК, СССР и КНР. В ряду других, весьма значимых партийных и государственных вопросов, входивших в его лично и Отдела ЦК в целом компетенцию, проблема советско-китайских отношений являлась для него наипервейшей. Решению ее Ю. В. Андропов отдавал свой ясный ум, большое сердце, уже тогда, к сожалению, дававшее сбои, свои недюжинные способности и большую работоспособность. Чего ему, как и другим в то время, не хватало, так это смелости перед вышестоящими. Конечно, в Отделе он был творцом идей и организатором их воплощения в живую практику. Он, говоря его словами, брал «ручку в ручку» и писал, переписывал, передиктовывал то, что к нему поступало. И странно сейчас читать публикации отдельных бывших консультантов Отдела, которые ныне выдают себя за единственных поставщиков идей для «вождей», но которые тогда не имели ни политического, ни практического опыта, а умели складно писать на заданные темы, используя свои картотеки из цитат, пригодные на все случаи жизни.

Ю. В. Андропов в те времена мне нравился. Несмотря на противоречивость его натуры, с ним было легко работать. Может быть, еще и потому, что в нас сидела «комсомольская закалка» простоты и честности в отношениях. Юрий Владимирович умел создавать обстановку, побуждающую к размышлениям, анализу, взвешенности в оценке явлений, фактов, процессов, а тем более принимаемых решений. «Мы с тобою,— говорил он,— не имеем права на ошибку — за нами ЦК».

Но вернемся, однако, к советско-китайской встрече лета 1963 года.

Н. С. Хрущева нам удалось убедить в необходимости проведения такой встречи в надежде предпринять еще одну попытку прекратить ухудшение советско-китайских отношений, найти пути к их нормализации и развитию на основе прежней дружбы, взаимовыгодного сотрудничества.

К сожалению, и эта встреча, как и другие предпринимавшиеся ранее с нашей стороны шаги, не привела к положительным результатам. Дело свелось, насколько помнится, не к обсуждению конструктивных предложений по улучшению советско-китайских межгосударственных отношений, а к выяснению и перебранке по поводу того, где, когда и что именно плохого сказал Н. С. Хрущев о Мао Цзэдуэне, а Мао о Хрущеве. Эта встреча лишний раз убедила меня в правоте моих взглядов на перво-причину ненормального состояния советско-китайских отношений. Во время встречи представители КПК продолжали отстаивать свои «особые» позиции, которым наша

Председатель Мао Цзэдун вместе с молодыми активистами — в переднем ряду слева направо: Линь Боцзюй, Сун Цинлин, Лю Шаоци, Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Чэнь Юнь, Чэнь Шутун.

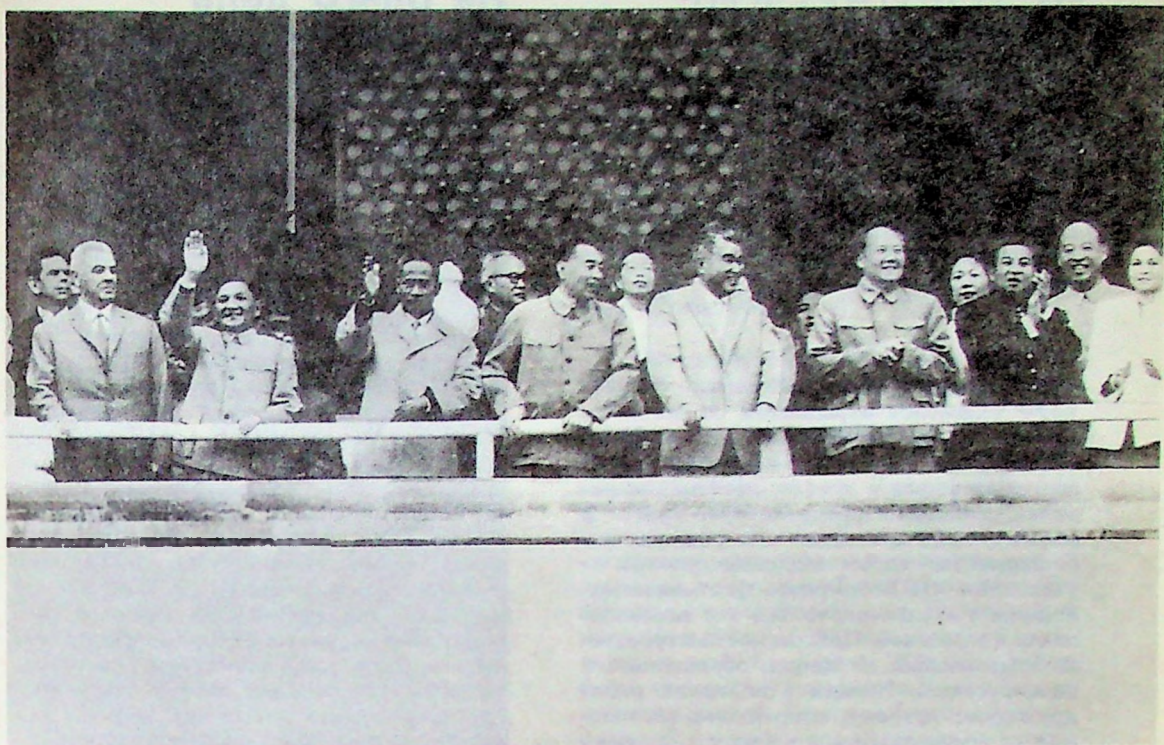
делегация давала оценку как мелкобуржуазную.

По инициативе китайской делегации эта встреча была прервана. Советско-китайские отношения продолжали ухудшаться.

Подчеркивая значение субъективного фактора в советско-китайских отношениях, я, конечно, «не открываю Америки» и не хочу ее открывать. Политику делали и делают люди. Я хочу напомнить о величайшей ответственности людей, творящих политику, о том, какой дорогой ценой расплачиваются народы за ошибки и просчеты в этой политике.

За любой просчет ведущего государственного деятеля народ несет неизмеримо большую расплату, нежели за ошибки обычного политика. Талант, способности, кругозор, политическое чутье, несомненно, важнейшие качества политического лидера, которые гарантируют от просчетов при формировании политики. Но субъективный фактор и роль его тесно взаимосвязаны — я не боюсь повториться — со степенью развитости в обществе правового механизма. Бездарные, склонные к харизме лидеры могли появиться в обществе, где отсутствуют демократические институты, способствующие проявлению в политике волеизъявления народа. Любая диктатура ищет внешнюю угрозу для оправдания полицейских методов управления обществом, и, вместо того чтобы использовать мировые достижения научно-технической революции, направить их на службу людям, она возлагает на народ невыносимое для него бремя конфронтации.

Последний раз я побывал в Китае на праздновании 15-й годовщины образования Китайской Народной Республики в составе советской партийно-правительственной делегации. К этому времени в Отделе ЦК КПСС я уже не работал, а возглавлял Государственный комитет по радиовещанию и телевидению СССР.

Автор (второй ряд, крайний слева) на трибуне Тяньаньмынь.

В Пекине почти ничего внешне не изменилось. Да и в советско-китайских отношениях тоже. В Китае по-прежнему у власти находился Мао Цзэдун. Октябрьский (1964 г.) Пленум ЦК КПСС избрал Первым секретарем Центрального Комитета партии Л. Брежнев. Наши надежды попытаться во время пребывания в Пекине повести переговоры с руководством КПК и КНР о возможностях поворота в советско-китайских отношениях к лучшему не дали желаемых результатов. Увозили мы с собой из Пекина разочарование и фотографии на память о встречах с Мао Цзэдуном и другими руководителями Китая. На фотографиях каждый из нас выглядит склоненным головой перед Мао. Это лишь потому, что обычно мощные светильники при подходе к «великому кормчему» сильно били в глаза и невольно надо было склонять перед ним собственную голову. Несклоненными наши головы видны лишь на фотографии с изображением делегации на трибуне на площади Тяньаньмынь, недалеко от Мао, рядом с другими китайскими руководителями (фотография эта была воспроизведена и в газете «Жэньминь жибао»). Она интересна тем, что позволяет засвидетельствовать, кого из них и какая участь постигла в ходе «культурной революции», которая уже была не за «китайской стеной», — кто ушел в мир иной, а кто вернулся к активной политической деятельности. Я рад, что среди вернувшихся был и Ху Яобан, наш старый комсомольский друг.

...Много уже прожито в этой жизни, а другой нет и быть не может. Но в сердце моем, как в детстве, да, наверное, на протяжении всей жизни, живет, несмотря ни на что, чувство дружбы к китайскому народу, вера в нашу дружбу, в счастье наших народов. Ведь оно выстрадано, оно должно прийти, и непременно.

В. ГУЗАНОВ

I

Жаркий август 1985 года.

Самолет отрывается от земли и, совершив полукруг над предместьем Москвы, берет курс на восток — в Токио. Удобно устроившись в кресле, постепенно начинаю забывать предполетную суету. В салоне шумно-весело. Пассажиры — в большинстве своем молодые японцы — участники XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов, только что закончившегося в Москве. Прекрасное настроение. Добрые улыбки на лицах, обращенные к нам, русским. Позади у японских ребят дружеские встречи, спортивные состязания и музыкальные конкурсы... У меня же несколько иное настроение, иное состояние и сердца, и души. Я думал не о том, что осталось позади, а о том, что ждет впереди. В Японии я раньше не был, хотя много знал о ней, изучал ее историю и культуру, а в Токио летел по приглашению издателя г-на Судзукава, который нашел нужным познакомить японских читателей на их родном языке с моим историческим повествованием «Одиссей с Белой Руси», о первом русском консуле в Хакодате И. А. Гошкевиче.

...История знает не мало ученых, путешественников, писателей, мореплавателей, которые еще при жизни получили все сполна: известность, награды, высокие чины. Но встречаются в истории личности, в свое время прославившиеся на поприще науки, добра и общественной пользы, судьбы которых у нас в силу разных обстоятельств оказались несправедливо забытыми, но, к нашему стыду, их знают и чтут за рубежом. К таким деятелям можно отнести Иосифа Антоновича Гошкевича. Достаточно сказать, что до недавнего времени не были точно известны даже даты его рождения и смерти. После

долгих поисков мне посчастливилось найти в фондах «Литовской православной духовной консистории» документ: «3 мая 1875 года умер помещик имения Мали, статский советник Иосиф Антонович Гошкевич в возрасте 60 лет...» Теперь можно указывать даты 1815—1875 гг. Можно уверенно писать и имя Гошкевича — Иосиф. Хотя во многих источниках и даже документах пишут Осип. Так, например, называет его И. А. Гончаров в очерках «Фрегат «Паллада». Родился Гошкевич в белорусской семье сельского священника. Учился в минской духовной семинарии, где проявил склонность к иностранным языкам и, конечно, не под страхом наказания освоил в совершенстве латынь, греческий, древнееврейский, немецкий, а польский, белорусский и русский знал как родные. В 1839 году Гошкевич окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, десять лет провел в Китае. В сборниках «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине» опубликовал ряд научных статей. Это, так сказать, первая половина жизни И. А. Гошкевича. Для объективности характеристики второй половины его жизни — жизни ученого-путешественника и дипломата — очень подходит слово ПЕРВЫЙ.

Начну с того, что русские и зарубежные коллеги Гошкевича называли его «русским пионером, исследовавшим сельскохозяйственные растения Китая». В первой российской экспедиции, отправившейся вглубь Южной Африки, Гошкевич занимался геологией, вел «наблюдения этнографического, ботанического толка». Он был одним из первых русских натуралистов, собравшим большую коллекцию флоры и фауны Индокитая, Филиппин, Кореи и Японии. Впоследствии эту коллекцию он подарил Зоологическому музею Российской Академии наук в Петер-

И. А. Гошкевич с женой
Екатериной Семеновной (Второй брак).

бурге. Именем Гошкевича назван залив в Японском море.

Ко всему сказанному можно еще добавить, что Гошкевич знал 13 иностранных языков, считался выдающимся лингвистом-синологом. Он первым в России составил «Японско-русский словарь», изданный за казенный счет в Санкт-Петербурге в 1857 году. За этот труд он был удостоен Демидовской премии. Спустя несколько лет Гошкевич написал еще один научный труд — «О корнях японского языка». О разносторонности и глубине изучения им Японии свидетельствует описание библиотеки И. А. Гошкевича.

И наконец, Гошкевич — первый российский консул в Японии (1858—1865 гг.). Резиденция в городе Хакодате на острове Хоккайдо, а впервые он попал в Японию в 1853 году. 9 августа того года к берегам Японии на фрегате «Паллада» прибыла русская дипломатическая

экспедиция, возглавляемая вице-адмиралом Е. В. Путятиным. В свите начальника экспедиции находился 38-летний чиновник Азиатского департамента МИД И. А. Гошкевич, свободно владевший китайским и корейским языками. Знал он, разумеется, и японские иероглифы, умел их написать, не хватало лишь разговорной практики, ибо Страну восходящего солнца он открывал для себя впервые, хотя многое знал о ней по китайским письменным источникам...

...Через девять часов спокойного лета наш ТУ приземлился в аэропорту Нарита в 80 км от Токио. В аэровокзале меня ожидали двое японцев — Масахиса Судзукава и Сатоси Ямамото, профессор токийского университета Мэйдзи. Оба они не совсем складно, с запинками — хотя бы потому, что в японском языке нет фонемы «л» и японцы вместо нее произносят «р» — говорили по-русски. Фамилия известного адмирала и мореплавателя Головнина в их устах звучала Горонин. Не сразу смекнешь, о ком идет речь. Как бы то ни было, знакомству нашему языковой барьер не стал помехой. Большое благо встретить с первых шагов на японской земле людей, которые с симпатией относятся к русским людям, делают все, что в их силах, для укрепления деловых и дружеских связей между нашими странами-соседями. Во время застольной беседы, когда мы ближе познакомились, профессор с гордостью произнес:

— Я был год на стажировке в московском университете. Изучал экономику, историю, литературу... Даже был пионером в известном «Артеке». Поэтому могу судить о русских людях. Вы общительны, добры, не бросаете слов на ветер и не держите камень за пазухой. Это хорошо. Между прочим, таким тонким и отзывчивым дипломатом наши прадеды знали Гошкевича.

Наш разговор, начавшийся в силу общности интересов с истории и литературы, незаметно перешел к истокам зарождения дружественных связей Японии с Россией. И подумалось мне тогда, что первым выразителем этих идей, которые сегодня связывали нас, был Иосиф Антонович Гошкевич. Эту мысль мои собеседники подхватили и поддержали. Судзукава-сан несколько разволновался, когда начал рассказывать, как он узнал о Гошкевиче, о его подвижнической деятельности в Японии в ранге консула.

И. Св. Антани, есеп. В. М. Шекелкина
 Все книги
 изданы в
 библиотеке
 И. А. Гошкевича.
 Библиотека
 И. А. Гошкевича.

1	Древняя история Японии, изд. 1799 г.	1
2	Токюгава на предвзвешенном дошу 1830. 1894 (сборное изд.)	40
3	История Японии (Нихон-Сэнги)	15
4	История Японии	1
5	История Японии (продолжение)	18
6	История Японии (продолжение)	10
7	Объяснение к Нихон-Сэнги	15
8	История трех царств-дэи. Уи. (продолж.) и Ся-току изд. 1673 г.	20
9	История управления Японии (дипломатия и управление) 1741 г.	16
10	Краткая история Японского Государства 1860 г.	13
11	Заметки на Нихон-Сэнги	1
12	История Японии (доиспекция)	5
13	История Гангюфуки. 1842—44.	13
14	Военная история 1841.	5
15	Военное искусство и вооружение (Фу-сиро-кан-дзю) 1716 г.	10
16	Исторический роман из времени Гедо-мэи	12
17	Восстание рассказ о японских полководцах 1854 г.	5
18	Рассказ о начале японской земли. 1850 г.	7
19	Разуждение о военных действиях Японии	20
20	Продолжение предвзвешенного сочинения	25
21	Продолжение книги, Фу-сиро-кан-дзю (№ 15) 1843.	10
22	Описание храмов и предвзвешенного религии Синто (с 6-й тетради по 17-ю)	12
23	История японских обычаев. 1843.	24
24	О древних стихах, употреблявшихся в японских летописях. Соч. 1799 г. изд. 1811.	3
25	Описание должностей и титулов японских	6
26	Рассказ о начале низвержения Идзумо и о жизни тамонного духа	2
27	Собрание стихотворений	2
28	Собрание новых стихов, примеры чужеземцев и предвзвешенного	1

312

29	Сборник древних и новых стихотворений	1
30	О служении духам	3
31	Описание столицы и ее округа (1 ч. 1789 г., 2 ч. 1787.	11
32	Описание Едо и ее округа (с рис.) 1831.	19
33	Описание Восточной дороги (с рис.) 1797.	6
34	Описание Ооми (с рис.) 1814.	4
35	То же.	1
36	Описание Кан-и. 1849.	5
37	Описание камней и драгоценностей	15
38	Описание Едо 1772 г.	6
39	Продолжение предвзвешенной книги	5
40	Карта Едо. 1735 г.	1
41	Дневник поездки на Сахалин. Дневнике экспедиции, посланной в 1854 г. Изд. 1857 г.	1
42	Описание Сахалина. 1860 г.	1
43	Вечерние рассказы о Едо. 1860 г.	3
44	Путешествие по Едо. 1856.	2
45	Путешествие по Едо. 1859.	1
46	Стихи Мацую, изд. 1805.	20
47	Объяснение японских слов. 1830.	32
48	Продолжение предвзвешенного сочинения	20
49	Правила стихотворения	10
50	Правила словосочетания 1828.	3
51	О японских азбуках. 1822.	2
52	Гресь жемчуга. Обряды стихов. 1792.	1
53	Полное собрание традиционных японских слов.	9
54	Японско-китайский японско-русский словарь (с рисунками)	31
55	Сравнение древних и новейших обычаев	10
56	Объяснение молитв буддийской секты Дзэн-дзю	1
57	Каталог японских книг	1
58	Правила, научающие скоро читать на японском	4
59	О древних и новых обычаях. 1811.	7
60	Записки Гедо-мэи. Перевод на японский язык. 1841 г. (рукопись)	7
61	Японско-китайский словарь	1
62	Китайско-японский словарь	1
63	Словарь с рисунками (для детей)	1
64	Адресь казенных и частных писем и объяснение и рисунками ихъ вербовки и доставки	13
65	Адресь-календарь японскихъ Гангюфуки	2

322

смелость сказать: будут и открытия. Вновь хочу вернуться в прошлое, в обстановку 60-х годов минувшего столетия.

II

Владивостока еще в помине не было, а военные суда из Кронштадта пускались в путь к берегам русского Приморья и «русской Америки», перекрывая многие тысячи миль. Фрегатам, клиперам, корветам, винтовым шхунам, находящимся в «разгоне» и без родного пристанища, всегда хотелось иметь порт приписки на пересечении восточных морских дорог. Петропавловск-Камчатский, Ситха, Николаевск-на-Амуре — доступные гавани, но слишком отдаленные от проторенных курсов в Гонконг и Сингапур, Шанхай и Нагасаки, Гонолулу и Сидней. Ближе был станционар, как в прошлом веке называли места якорных стоянок для кораблей и судов, японский порт Хакодате, открытый для иностранных судов и где находилось Российское консульство.

У русских моряков-первопроходцев не было согласия в оценке станционара Ха-

— Совершенно случайно, — признался Судзукава и улыбнулся. — Летел самолетом Аэрофлота и листал журнал Аэрофлота «Голубой лебедь». В нем был опубликован отрывок из вашей книги. Разнообразная деятельность консула Гошкевича вызвала мой интерес и побудила начать поиски материалов об этом удивительном русском человеке. Что оставил Гошкевич японцам? Я не буду касаться его заслуг в дипломатии. Меня привлекли добропорядочность русского консула, его открытость и даже обыденность. Правда, для дипломата открытость не совсем хорошо. Заменим это слово, скажем, простота и доступность.

И тут я услышал от г-на Судзукава многое, чему, признаться, мало придавал значения, работая над книгой «Одиссей с Белой Руси», многое в ней было недоговорено или упущено по неопытности. Передо мной открылись новые грани жизни и деятельности Гошкевича, о которых хотелось бы рассказать. Беру на себя

№	Наименование	Кол-во
66	Адресная книга при дворе имп. Николая	2
67	Рисунок изображения Будды и предметов, употребляемых при буддизме. Японские статуи	5
68	Лесоводство	4
69	Описание японских растений	3
70	Описание японских растений, собранных в 1872 г.	1
71	Русские слова и выражения японского языка с японскими иероглифами	1
72	Описание китайских амбарных вещей (с рис.) 1719	15
73	Китайские классические книги	32
74	Хронологические таблицы с японскими годами	4
75	Описание деревьев и трав	2
76	Японские растения	3
77	Дикорастущие травы	5
78	Земледелие	3
79	Ботаника	3
80	Сельское хозяйство	3
81	Образцы рисунков	6
82	Рисунки цветов и птиц	1
83	птиц	2
84	цветов и птиц	0
85		1
86	рыб и земноводных	1
87	рыб и раков	1
88	Учебник рисунков	4
89	Карта Японии	1
90	Карта Едо	1
91	Карта Кио	2
92	Дорожная карта Японии	1
93	Карта округа Идзу	1
94	Карта семи островов на остр. Идзу	1
95	Карта княжества Ава	1
96	Карта островов Курилы	1
97	Дорожная Япония	1
98	Рисунки, изображающие costume японских государей	1
99	Китайские рисунки на пергаменте японских вещей	74
100	Т о ж е	86

292

Книги, содержание которых не известно:

Японскія	166 томовъ
Японскія географическія карты	47 листовъ
Китайскія № 18 коллекціи перекладахъ съ китайскими записками	124 книги,
и въ обыкновенныхъ обложкахъ	25 книгъ
Маньчжурскія — № 15 коллекціи перекладахъ съ китайскими записками	95 книгъ
и въ обыкновенныхъ обложкахъ	13 книгъ

*Итого 1346 томовъ книгъ
и 47 листовъ картъ.*

312
322
292
166
121
25
95
13
1346

«Я простился со здешними японцами так, как, может быть, не прощался с моими земляками. Был ли то обман с их стороны или непритворное чувство дружбы, но, по-видимому, сожаление о разлуке с нами было непритворное. Что же лично до меня касается, то я их вполне люблю».

кодате — старинного японского городка, чем-то напоминавшего большие русские села на Волге.

«Порт Хакодате в то время представлял собой маленький чистенький городок с деревянными японскими домиками, — вспоминал мичман Андрей Де-Ливрон с корвета «Калевала». — Из каменных строений я помню два, три — дом консулов, общественную японскую баню и дом губернатора...»

А вот точка зрения консульского врача Михаила Альбрехта, прожившего в Хакодате без малого пять лет: «Сколько ни пишут о чистоте в японских городах, Хакодате принадежит, без сомнения, к одному из грязных городов...»

Вот и разберись кто прав?

На капитан-лейтенанта Петра Селиванова, командира клипера «Опричник», произвели огромное впечатление люди — жители Хакодате. В одном из рапортов в Главный морской штаб офицер доносил:

Взгляды консула Иосифа Гошкевича не расходились со взглядами Петра Селиванова. По долгу службы он ежедневно общался с японцами, озабоченный делами, связанными с нахождением наших судов в Хакодате. Временами в гавани их скапливалось много: фрегаты, корветы, клиперы, винтовые шхуны, пароходы... Всем хотелось спешно запастись углем, водой, солью, сахаром, сухарями, рыбой, солонинной, сурепным маслом... И чтобы цены не кусались, ибо судовая казна у русских была тоща. Командиры судов могли, конечно, занять у консула, но дипломаты в Хакодате не могли похвастаться щедростью царского правительства. Российское консульство в Хакодате, как свидетельствуют документы, сводило расходы к самому необходимому.

Какие же русские корабли посещали Хакодате? И что за люди были в судовых командах?

Здесь мне снова придется обратиться к воспоминаниям мичмана Андрея Деливрона, который как очевидец открывает, на мой взгляд, интересную страницу истории флота. Команду корвета «Калевала», например, укомплектовывали в Кронштадте из матросов и унтер-офицеров с фрегатов «Аврора», «Диана» и корвета «Оливуца», только что вернувшихся с Дальнего Востока. Можно себе представить, что это были за моряки. О каждом с гордостью можно было сказать: мореплаватель. Прославились и корабли, на которых они служили. Фрегат «Аврора», например, отличился при обороне Петропавловска-Камчатского в августе 1854 года; «Диана» вошла в историю как судно, пришедшее в Японию с миссией доброй воли, говоря современным языком; корвет «Оливуца» принимал участие в знаменитой амурской экспедиции капитан-лейтенанта Г. И. Невельского — впоследствии адмирала.

Команды названных судов были проверены и в ратном деле, и в трудных морских походах. Теперь же, после короткого свидания с Родиной, матросы и унтер-офицеры вторично отправлялись в «кругосветку». И тут напрашивается вопрос: «А что мы знаем конкретно о каждом моряке?» Да ничего. То же самое можно сказать о командах других военных парусников, которые пополнились за счет матросов и офицеров Черноморского флота. На упомянутой «Калевале» был самый молодой офицерский состав. Несмотря на возраст, все они являлись участниками либо Синопского сражения, либо героической обороны Севастополя.

После поражения России в Крымской войне воевавшие державы заключили в Париже мирный договор (18 марта 1856 г.). Тяжелыми были его условия для нашего государства. Россия лишалась права иметь военный флот на Черном море. Но в договоре не было статьи, запрещающей иметь эскадру на Балтике или в водах Тихого океана. Это обнадеживало флотских людей. Более того, в сановном Петербурге стали в конце концов понимать, какое значение для России имеет Восточная Сибирь и Приморье. Намеченная ранее программа строительства паровинтовых судов реализовывалась открыто. Фрегаты, корветы и клипера сходили со стапелей верфей в Кронштадте, Турку, Архангельске. Эти корабли продолжали плавать во всех морях, кроме Черного.

7 сентября 1857 года из Кронштадта на Дальний Восток вышел отряд новых и

быстроходных по тому времени судов под брейд-вымпелом капитана I ранга Д. И. Кузнецова, опытного моряка и боевого офицера-севастопольца. После него эскадрой Тихого океана командовали капитан I ранга И. Ф. Лихачев, контр-адмиралы А. А. Попов и И. А. Ендогуров.

Русские корабли приходили и уходили, а консул Иосиф Гошкевич со своим маленьким штатом встречал и провожал их. Местные власти с пониманием относились к нуждам консульства. Правда, первое время было трудно с помещением. Самому консулу Гошкевичу и врачу Альбрехту как семейным японцы освободили две комнаты в буддийском храме. Несмотря на тесноту, здесь было тепло зимой и сухо в дождливую погоду. Вскоре началось строительство дома. Строили по-русски, с размахом. Через полгода вырос особнячок с окнами на солнечную сторону, парадным входом и высокими большими окнами.

Гардемарин Константин Зеленый, служивший на корвете «Рында», вспоминал: «С рейда оно (консульство) одно только представляется как бы зданием маленького города, город же, как будто деревушка, окружает его. Госпиталь совсем уже окончен, церковь тоже».

Однажды во время верховой прогулки консул облюбовал в предместье Хакодате деревушку Камида, домики которой прижимались к речке с тем же названием. Берег пологий и зеленый, рядом лес. Место живописное и напоминало Иосифу Гошкевичу белорусское сельцо на Могилевщине, где проживали его родственники. Пришлось идти к губернатору Мурагами Авадзи-но-ками с просьбой отвести в аренду участок земли близ Камида. За чем понадобилась консулу земля? Что, других хлопот мало?

В распоряжении консула находился клипер «Джигит». Он, как и другие суда эскадры, имел большой запас парусов и снастей, различного такелажного снаряжения, шкиперского имущества. Все это загромождало палубу, портилось в сырых трюмах, проветривание и сушка наверху мало чем помогали. В Хакодате благодаря хлопотам консула на земельном участке в деревне Камида, полученном в аренду, команда «Джигита» построила два сарая под такелаж и шкиперское имущество, скотный двор и крестьянскую баню. У русских моряков появилось свое пастбище и было куда отправлять с кораблей купленную в заморских портах

живность. По приказу начальника эскадры Тихого океана в распоряжение консульства откомандировывались для работ нижние чины во главе с офицером, но чаще всего в Камида посылались матросы, выписанные из госпиталя на поправку. Оказавшись на сельском подворье, они чувствовали себя как дома, на малой отчине. В эпоху парусного флота служба была — не приведи господь — почти каторжная, и руки, истосковавшиеся по крестьянскому труду, брались за все с охотой.

Японские крестьяне, наблюдая за русскими, все больше убеждались, что одетый в матросский бушлат ратник такой же трудяга, как и они, также ходит за сохой и орудует косой. К тому же у матросов можно было многому научиться, а японцы сразу поняли, что русские за это ничего не требуют взамен. На фоне этого человеческого фактора у простых японцев появилась тяга к русскому подворью: поговорить с матросами при помощи жестов и мимики, поделиться нуждами. Приходили издалека, прослышав, что русские, кроме умения ходить за сохой, пасти скот и доить коров, мастера на все руки, им плевать дело сбить масло, изготовить сыр и другие молочные продукты, о которых японцы острова Хоккайдо не имели и малейшего представления.

В Хакодате издревле традиционным был рыбный промысел, а животноводство получило распространение несколько позже, и толчком к разведению здесь крупного рогатого скота послужило многолетнее пребывание русских моряков в деревне Камида. Это они обучили японских крестьян навыкам обращения с коровами и доению. Местные жители вплоть до середины прошлого века не употребляли в пищу молочных продуктов, а тут с легкой руки русских почувствовали вкус к ним.

В бытовых контактах между русскими и японцами не было вражды. Десятилетиями длилась взаимовыгодная торговля, крепло сотрудничество, углублялись дружеские связи. Знакомясь с документами той поры, дневниками и письмами наших моряков, я пришел к заключению, что консул Иосиф Гошкевич первый из иностранных дипломатов протянул руку дружбы японцам, хотя некоторым соотечественникам его христианское отношение к окружающим казалось слишком простецким, нарушением дипломатического этикета. Гошкевич мог запросто заговорить на улице с японским крестьянином,

ремесленником или торговцем. В беседах с хакодатским губернатором он всегда искал компромисс, и никогда в его словах и поступках не было лукавства. Ложь и чванство, считал консул, пороки, которые мешают дипломату. Ему было свойственно народное понимание уклада жизни японцев. Он не стал выяснять — хорошо это или плохо, взял, да и пригласил в здание консульства японцев. Это вроде нынешнего веяния — дня открытых дверей. В одном из писем Иосиф Гошкевич сообщал в Петербург:

«Для сближения с здешним чиновным миром мы придумали на святках разные увеселения и, кажется, достигли цели. Накануне рождества устроена была у меня для детей их елка, на которую явились не только все дети, но и почти все чиновники, и один из старших советников правления принес от губернатора небольшой подарок... Дамы наши раздавали конфеты, картинки и детские книжки и особенно поразили японцев русским национальным нарядом. Новый год также встречали у меня многие японские чиновники, и по этому случаю был маскарад, в котором участвовали офицеры клипера «Пластун», имена всех танцев записаны японцами.»

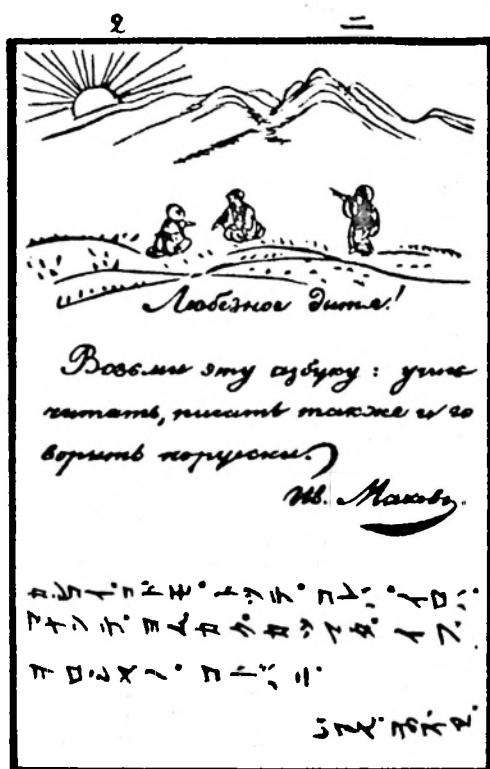
Наконец, 1 января утром, присланы были ко мне здешние кадеты, из которых уже многие учатся по-английски, а некоторые после праздников начнут брать уроки русского языка...»

Здесь я хочу прервать письмо консула, чтобы подчеркнуть — школа русского языка в Хакодате была его детищем. Консульский служащий И. Махов оформил рукописную книжечку «Русская азбука» — подарок японским детям. Несколько позднее к школе проявили интерес и взрослые японцы. Привожу выдержку из письма начальника эскадры И. Ф. Лихачева к нагасакскому губернатору от 7 февраля 1861 года:

«Г. консул Гошкевич, будучи в Нагасаки, прожил вас, чтобы вы позволили Сиге Уратору отправиться с ним в Хакодате для обучения русскому языку. Я со своей стороны думаю, что это было бы очень полезно для облегчения дружеских отношений русских с японцами...»

За Сиге Уратору потянулись и другие. Стали изучать русский язык Касуя Цукую-но-ками — чиновник при хакодатском губернаторе, — обращенный в православную веру японец Павел Савабе и будущий директор хакодатской школы Аритокки.

В архиве я нашел любопытный документ. К тому времени, когда он был датирован, школа разрослась, директором ее стал местный житель г-н Аритокки,

а одним из учителей Виссарион Сартов. Русский наставник японских детей полагал, что ребята перед началом занятий должны хорошо отдохнуть, и считал своим долгом поделиться опытом:

«Утомление учеников особенно замечено в летние дни, — писал он. — Поэтому я покорнейше прошу Вас дать ученикам каникулы неделю-две, считая с 15-го сего месяца по 1-е будущего сентября, в это время покорнейше прошу устроить поудобнее помещение русской школы.»

Существование школы русского языка в Хакодате не миф, а реальность. И не могу понять, почему это прошло мимо историков, которые до сих пор утверждают первенство токийской Школы иностранных языков, хотя она была открыта десятью годами позже.

III

У российского императорского консула Иосифа Антоновича Гошкевича одни заботы сменялись другими, а он хотел окунуться в любимое дело — сесть за письменный стол в тиши кабинета и рабо-

тать. Работать с усердием над трудами по восточной лингвистике. Легко сказать — работать. А есть ли у консула время на любимое дело? Консул — это не почетное звание, консул — должностное лицо, уполномоченный государством. Дело и обязанностей у такого лица всегда через край. Гошкевич не был поклонником известного изречения русского посла в Лондоне барона Бруннова, что «каждая просьба соотечественника разрешается отказом». Гошкевич был дипломатом делового анализа политической обстановки и никогда не лгал. У народов Восточной Азии такие качества в древних временах в цене. В Японии — в особенности. Благодаря порядочности и честности консула русских любили. Доказательств тому много.

Процитирую выдержку из письма консула Гошкевича начальнику эскадры Тихого океана:

«...Новостей замечательных у нас вовсе нет. Мир наш с губернатором не всем нравится. Английский консул сказал вице-губернатору, что они готовы, пожалуй, отдать русскому консулу все в Хакодате.»

«Отдать» — может, сильно сказано. Но лично сам Гошкевич делился всем, чем

мог. Например, обучал японцев русским народным ремеслам, в том числе шить одежду, готовить различные блюда, солить рыбу, мариновать грибы, и, наконец, давал уроки рисования самодеятельным художникам. В доме у Гошкевича был фотоаппарат «Дагерротип», с которым он не расставался с той поры, как плавал на фрегате «Паллада». Наиболее любопытные японцы ходили следом за консулом во время съёмки. Он выбрал двоих — Мацусабуро Ёкояма и Кидзу Коми — и не ошибся в своих учениках. Одаренные юноши освоили мокрый коллодный способ получения фотографических пластинок-негативов, благодаря которому экспозиция при портретной съёмке сократилась от 12 минут до 10 секунд. Я видел сохранившийся негатив, запечатлевший портрет японца. Это, можно сказать, реликт середины прошлого столетия. Его мне показал замечательный японский фотограф Ёити Кувадзима из газеты «Хоккайдо симбун», интересующийся историей фотографии. Не берусь судить за всю Японию, но на остров Хоккайдо искусство фотографии пришло из России, а если быть совсем точным, благодаря консулу Гошкевичу. Об этом можно прочитать в книге Синтаро Накамура «Японцы и русские», а также в японском журнале «Рэ-киси токухон» («Книга по истории для чтения»). И не только там. Сто тридцать лет тому назад о склонности консула Гошкевича к фотографическому искусству записал в дневнике упомянутый мной мичман Андрей Де-Ливрон: «Консул... большую часть времени проводил за фотографией».

Неспроста, очевидно, фотография стала хобби Гошкевича. В сущности, как мне кажется, это был выход творческой личности из тесноты будней, выход на простор жизни, когда человек дает себе короткую передышку, чтобы не томила душа.

Но вернемся к письму консула, в котором он рассказывал о новостях в Хакодате.

«...В прошлом месяце здесь казнили преступника... сожгли его живого. Но как скоро он умер, то огонь был потушен. Тело по просьбе здешних японских докторов позволено было вскрыть нашему доктору, чтобы показать им строение тела человеческого. Таким образом, прочитана была лекция по анатомии.

У доктора Альбрехта в настоящее время три ученика медицины постоянных, но на этой лекции было до 15...»

Проявленный интерес японскими врачами к лекции прибавил силы Михаилу Альбрехту. У него не было фельдшера, но он ни на минуту не ослаблял работы в лаборатории, сам изготовлял лекарства, занимался по ходу дела всевозможными служебными, организационными делами на судах эскадры и в госпитале при консульстве. Его пациентами были не только матросы и офицеры, но и японцы, несмотря на то что японские националисты страшали местных жителей: «Все болезни от варваров-иностранцев». Это обвинение, правда, не останавливало многих больных японцев, не имевших другой возможности получить квалифицированную помощь. Поэтому губернатор Хакодате, Мурагами Авадзи-но-ками вынужден был разрешить больным ходить на приемы к русскому врачу, но под контролем. Вот что писал по этому поводу доктор Альбрехт:

«С первым приходом больных японцев являлся ко мне японский врач, по желанию хакодатского губернатора, чтобы следить за моею амбулаторною и поликлиническою практикою, впоследствии присоединив еще двух японских врачей, которые гостят у меня ежедневно...»

Вряд ли этот контроль воспринимался Альбрехтом спокойно. И без него бы он в силу своего характера тщательно занимался с каждым больным, чтобы был виден результат лечения. Он не сомневался: все, что делается, — все это необходимо для здоровья людей. Больные уважали и любили его и не обижались, если он и кричал, и ругался. Он и себя не щадил. Вернулся в Россию больным.

Коль скоро я заговорил о докторе Михаиле Альбрехте, надо поведать и о других русских медиках. Преемником надворного советника Альбрехта стал коллежский асессор Илья Залесский, откомандированный в консульство с корвета «Калевала», на котором он служил младшим врачом. Во многом ему не было равного, хотя сам он свое врачевание не воспринимал как что-то из ряда вон выходящее.

В 1860 году на смену Залесскому прибыл врач Владимир Вестли, о котором в Хакодате сложилось мнение как о кудеснике. Весной 1862 года, еще при докторе Альбрехте, в штатном расписании консульства появилась должность фельдшера. В августе месяце ее занял присланный из Кронштадтского морского госпиталя Александр Лоцкер. Через три года на замену Лоцкера приехал старший фельдшер 27-го флотского экипажа Петр Матвеев —

дед Николая Николаевича Матвеева-Бодрого, известного в 20-х годах журналиста на Дальнем Востоке, прадед советской поэтессы Новеллы Матвеевой. Если присовокупить имена сестер милосердия: молодую жену Лоцкера Софью, дочь коллежского секретаря Чернова из Николаевска-на-Амуре, а также девицу Ольгу Алексеевну Дорофеевскую из уездного городка Тотма Вологодской губернии, — это будет тот небольшой коллектив медиков, о самоотверженной и подвижнической деятельности которого мало кто знает. Считаю справедливым назвать всех поименно, сказать доброе слово сегодня, спустя сто тридцать лет.

В своем письме консул Гошкевич упомянул, что «у доктора Альбрехта в настоящее время три ученика медицины постоянных...». Кто они? Что мы знаем о них? Почти ничего. Занимаясь поиском, я однажды обратил внимание на две фамилии японских врачей — Фукасэ и Елдридге. Не они ли состояли в приятельских отношениях с бескорыстно деятельными русскими медиками? Подтверждение своей догадке я получил в Хакодате, куда в августе 1985 года прилетел с г-ном Судзукава. Мы уже посетили Токио, Осака, Амагасаки, Сэндай, Саппоро. В аэропорту Хакодате нас встретил с обворожительной улыбкой Тиё Хадзимэ, старший научный сотрудник Хакодатского краеведческого музея. По характеру его можно отнести к тем людям, с которыми же бывает скучно. И к тому же он блестяще знал все о своем городе, его историю и знаменитых личностей, оставивших заметный след в науке и культуре острова Хоккайдо. Оставив вещи в номере, отправились осматривать старую часть города, его достопримечательности. У русской православной церкви, где всегда можно встретить туристов, Тиё-сан познакомил меня с пожилым японцем, похожим на европейца. Что мне сразу бросилось в глаза — это бело-белая голова, правильные черты лица и голубоватые глаза.

— Вот мой сюрприз, — сказал улыбающийся Тиё-сан, — это доктор Коитиро Фукасэ.

Мы поклонились друг другу, обменялись визитными карточками. В непринужденной беседе я выяснил, что доктор Фукасэ читал «Одиссея с Белой Руси» и пожелал через Тиё-сан высказать признательность за то, что я отвел несколько страниц доктору Альбрехту, о котором в роду Фукасе вспоминают как о крестном

отце. Ведь это он, доктор Альбрехт, поделился своим богатым опытом с Фукасэ-прадедом.

— В нашей семье — культ консула Гошкевича и доктора Альбрехта, — с гордостью добавил Коитиро Фукасэ. — По семейной традиции все мужчины — врачи.

Энергичный, полный сил, несмотря на то что ему перевалило за семьдесят, Фукасэ собирается написать книгу о своем прадеде — ученике русского доктора Михаила Альбрехта.

IV

В старом русском флоте, как известно, служили в основном деревенские мужики и по многу лет — четверть века. Морская служба была намного тяжелее даже бурлацкой лямки. Могла согнуть в дугу еще вчера крепкого и здорового матроса. Прочтите трогательный рассказ Константина Станюковича «Между своими» — и многое станет ясно. Мне могут возразить — это, мол, художественное произведение. Мало, мол, что мог сочинить Станюкович. Верно, бывает. Кстати сказать, Константин Станюкович был в Хакодате, многие события разворачивались на его глазах. И придумывать ему нет никакого резона. Тем более сохранились кое-какие документы, рапорты. Например, командир винтового клипера «Гайдамак» капитан-лейтенант Алексей Пещуров как-то доносил начальнику эскадры: «...Случай дисентерии на исходе прошлого месяца у матроса Яковлева окончился смертью. Мучила людей лихорадка, а так все здоровы».

Моряки умирали на чужбине от различных болезней и эпидемий, и проводили их в последний путь с соблюдением христианских обрядов. Старались хоронить по возможности не в море, а на берегу. Неизбывная горечь утраты освещалась надеждой — друзья не забудут. И крест поставят, и камень ляжет на могилу. Значит, не придет со смертью конец.

Никогда не забыть, с каким душевным трепетом поднимался я на высокую зеленую площадку холма, откуда как на ладони был виден подковообразный хакодатский залив. Живописное и сухое место выбрал для захоронения соотечественников консул Иосиф Гошкевич. При входе на кладбище установлены два добротнo оформленных щита. На одном — пояснительный текст на русском и английском языках, на другом — изображена

схема расположения часовни, склепов, надгробий.

Но прежде чем осмотреть кладбище, я переписал в блокнот текст на щите.

«КЛАДБИЩЕ ИНОСТРАНЦЕВ (кладбище русских)»

На этом кладбище находится могила врача Владимира Вестли, приехавшего в Хакодате в начале эпохи Мэйдзи, оказавшего помощь населению Хакодате.

Могила Виссариона Сартова, приехавшего в 6 году Мэйдзи (1873 г.). Он приглашен в должность учителя русского языка государственной школы в Хакодате и наемного чиновника-пионера. В январе следующего года он на дороге внезапно умер, труп его подвергнут патологическому вскрытию старшего доктора-хирурга Елдридге больницы Хакодате. И так прочих насчитывается около 45 могил.

г. Хакодате».

Здесь я должен сказать, что в пояснительном тексте на щите есть фактические ошибки. Думаю, что за давностью лет городская мэрия не имела под рукой проверенных сведений об этих русских, проживавших в Хакодате. Например, в тексте на щите неправильно указано место, где умер Сартов и год его приезда в Хакодате, но меня, смею надеяться, и читателя более заинтересовало, что японцы имели ввиду, написав: «И так прочих насчитывается около 45 могил». К «прочим», по видимому, чиновники мэрии отнесли могилы нижних чинов с кораблей эскадры Тихого океана, а также скончавшихся в Хакодате в более позднее время русских эмигрантов. Было время, когда мы отмахивались от эмигрантов, старались не замечать, клеймили в печати, а сейчас, приглядевшись к ним, поняли, сколько среди них поломанных судеб, нереализованных надежд, не все они по своей воле расстались с Родиной, у некоторых были свои личные причины, о которых мы еще мало знаем. Эмиграция — это сложное явление. И еще не осознана нашими людьми и обществом.

На русском кладбище в Хакодате нет ни «скорбной» книги, ни списка погребенных россиян. Многие надгробия пришли в ветхость, лежат в бурьяне как попало. Не сохранилось надгробия первой жены консула И. А. Гошкевича — Елизаветы Степановны, скончавшейся в 1864 году. По всему видно, что за могилами русских моряков давно нет присмотра. В Хакодате есть православный храм, есть и прихожане, есть и священник о. Николай (в миру Сабуро Цукумо). Японцы, принявшие христианство, цер-

ковная служба могли бы помочь собрать средства на восстановление надгробий, часовенки и целиком кладбища — небольшого морского воинского некрополя. Ну и мы, советские люди, не должны оставаться в стороне от этого святого дела. На хакодатской земле лежат герои Синнопского сражения и обороны Севастополя, соратники русских адмиралов Корнилова и Нахимова, Путятина и Попова, участники кругосветных плаваний, умножавшие ратную и морскую славу России. Мое настроение передалось провожатому Тиё-сану, отзывчивому и умному человеку. Он, как бы извиняясь, сказал: «У нашего муниципалитета вечно не хватает средств на облагораживание иностранных кладбищ».

Какой же выход? Можно было бы прибегнуть к помощи активистов общества Япония — СССР, общества «Память о Гошкевиче», подключить Генеральное консульство СССР в Саппоро.

V

В Хакодате у меня было множество встреч, дружеских бесед, чаепитий и даже был устроен прием обществом «Память о Гошкевиче». Мне казалось, что японские друзья меня понимали с полуслова и никогда не говорили «нет». Потом один знающий человек мне сказал, что японцы традиционно скованы этикетом. Поэтому, когда надо произнести «нет», они делают вид, что не понимают и вроде бы не слышат своего собеседника. Не знаю, так ли это? В беседе с вице-мэром Хакодате г-ном Масами Ёсида я не услышал слов «нет» или «не так», когда затронул в разговоре больной для меня вопрос о неурожайном кладбище, о невыразительной экспозиции, посвященной японо-русским отношениям, в местном музее, о моем желании исправить эту несправедливость и проявить дружественный акт: поставить в сквере музея или у бывшего здания Российского консульства бюст-памятник первому русскому консулу в Японии Иосифу Антоновичу Гошкевичу, которого до сих пор чтут хакодатцы, если судить по тем тостам, которые произносились на банкете в его память. Следя за ответом Масами Ёсида, я прикидывал и так и этак — найду ли в его лице поддержку или нет? Опять это пресловутое «нет». Пришлось обратиться к седой старине — рассказать вице-мэру о моем знакомстве с Такада Касити, потомком в седьмом ко-

лене Такадая Кахэй, которому в Хакодате воздвигнут величественный памятник как знатному земляку и гражданину, так много сделавшему для процветания и славы города Хакодате.

Читатель уже, верно, подумал, что я прочитал лекцию вице-мэру? Не совсем лекцию, а две-три странички истории русского мореплавания пришлось перелистать. В 1811 году капитан-лейтенант Головнин получил задание «обогнуть неспешно и описать подробно» Курильские острова.

Надо сказать, что отношения России и Японии к тому времени были далеки от дружественных. Дипломатическая миссия камергера Николая Резанова в 1804 году окончилась неудачей. Раздосадованные русские моряки во главе с лейтенантами Хвостовым и Давыдовым самочинно разорили японское селение. В Петербурге о том не знали, а в Японии помнили. К 1811 году на острове Кунашир уже стояла японская застава. Туда-то и пригласили командира «Дианы» Василия Головнина якобы для переговоров. Вошел он в крепость вместе с мичманом Муром, штурманом Хлебниковым и четырьмя матросами, и все стали пленниками.

Не смогла выручить своего командира «Диана», ушла на-Камчатку, а через год вернулась, кружила вокруг острова Кунашир, пытаясь узнать о судьбе товарищей. А тут повстречалось японское торговое судно, и взял его русские в отместку на abordаж. На судне находился Такадая Кахэй — крупнейший судовладелец и купец. Он сообщил, что русские пленники живы, находятся в тюрьме на острове Хоккайдо.

Такадая Кахэй был увезен на Камчатку и до следующей навигации прожил в доме лейтенанта Петра Рикорда, заменившего на «Диане» Василия Головнина. Не пленником жил — гостем, делил с хозяином и кров, и хлеб. А по весне сказал: «Если отпустите в Японию, даю слово вернуть в Россию капитана Головнина с товарищами».

Русскому человеку доверять — не привыкать. Отвезла «Диана» Такадая Кахэй на Кунашир, а через некоторое время пошла за командиром. И не куда-нибудь, а в бухту Хакодате, на остров Хоккайдо, куда до того из европейцев допускались только голландцы.

Низко поклонились друг другу при прощании Василий Головнин и Такадая Ка-

хэй, открыто посмотрели в глаза друг другу. Все бывает меж людьми. Но если есть стремление понять и довериться слову чести, значит, быть миру и счастьем людей и народов.

Василий Головнин вернулся в Петербург, через несколько лет совершил второе кругосветное плавание на шлюпе «Камчатка», стал вице-адмиралом, возглавлял морское интендантство, кораблестроительный и артиллерийский департаменты, написал замечательную книгу о своих путешествиях на шлюпах «Диана» и «Камчатка» и о своем пребывании в плену у японцев, а в 1831 году не уберется от холеры...

Такадай Кахэй, чьи авторитет и влияние стали мешать феодальным властям Японии, окончил дни свои в изгнании в 1827 году.

Я закончил рассказ и улыбнулся. Мне тоже улыбнулись и Масами Ёсида, и присутствующий на беседе член муниципального совета Мацую Кудо. За две недели общения с японцами я привык к этому. Здесь, как правило, улыбались все — и мал и стар, улыбались всюду: на улице и в ресторане, в метро и магазине, в чопорном офисе компании и на морском пляже... Со временем я стал понимать значение улыбки, ибо в ней заключено ни больше ни меньше как дружелюбие, знак внимания. Быть может, это как раз и вдохновило меня установить на общественных началах бюст-памятник консулу Гошкевичу. И японские друзья из общества «Память о Гошкевиче» тоже решили не отступать от задуманного, провожая меня в Хакодатском аэропорту, тут же предложили заключить соглашение. Ударили по рукам, как в старину делали купцы. И — улыбнулись друг другу. Теперь обратному ходу не быть, как с одной, так и с другой стороны. Я еще не знал, что в скором времени такие дружеские акты будут называться «народной дипломатией».

Возвратившись в Москву, я позвонил известному скульптору Олегу Комову, давнему приятелю. Договорились о встрече. Но обстоятельства сложились так, что мы свиделись только через год. Я рассказал о своем джентльменском договоре с японцами из Хакодате. Ваятель подумал и сказал: «Покажи-ка фото...» У меня была единственная фотография консула Гошкевича, любезно подаренная мне его дальней родственницей Екатериной Викторовной Гошкевич-Хлопотовой. Комов внимательно посмотрел на фото на-

I.A. Гошкевич 胸像除幕式

Открытие памятника первому российскому консулу И. А. Гошкевичу в гор. Хакодате. Май, 1989 года. На снимке: слева направо К. Такада, вице-мер Хакодате С. Масуда, автор скульптуры О. Комов, В. Гузанов, М. Судзукава.

чала 70-х годов прошлого столетия, коротко сказал: «Буду летить». В дальнейшем большую помощь нам оказал Российский фонд культуры, которому я и Комов бесконечно признательны. В первых числах апреля 1989 года скульптурный портрет Иосифа Антоновича Гошкевича, отлитый в бронзе, был отправлен в Японию Союзом советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, другим нашим спонсором. А 14 мая Олег Комов, директор курсов японского языка Виктор Ким и я отправились в Хакодате.

Под голубыми сводами музейного зала в Хакодате собрались представители обществ японско-советской дружбы и «Память о Гошкевиче», известные в городе люди, музейные работники, ученые, писатели, художники, корреспонденты японских газет и телекомпаний. Среди почетных гостей я увидел своих старых знакомых Такада Касити — потомка седьмого колена Такадая Кахэй, доктора Коитиро Фукаса, художника Тиканори Ямагути, переводчицу Марту Оно, археолога Тиё Хадзимэ и других. На пресс-конференции после открытия бюста-памятника мы с Комовым отвечали на многочисленные вопросы о русской культуре, о перестройке. Мы выкладывали все, как

есть. Не забыв при этом напомнить, что каждый человек живет на земле не обособленно, его личная судьба зависит от общей судьбы всего человечества. Нам нечего делить.

В полдень 17 мая мы должны были лететь в Саппоро и, несмотря на серое дождливое утро, поспешили на русское кладбище, чтобы управиться до отъезда. Что сразу бросилось в глаза моим спутникам — это запустение. За те четыре года, что я не был здесь, ничего не изменилось. Те тот же ржавый замок на калитке, вроде бы та же горка опавших сырых листьев на каменных плитах. Так и кажется, что ни одна живая душа не приходила сюда...

Мы возложили цветы к часовенке, внутренности которой кем-то уже выпотрошены. Низко поклонились могилам соотечественников — героям Синопа и Севастополя, мореплавателям-первопроходцам.

Кто-то сказал: мы живы, пока нас помнят. Как это справедливо!

Наши славные предки, веровавшие в бессмертные души, я надеюсь, думали о том же. И верили в нас, в нашу память, в нашу надежность. Разве они, наши прадеды, честно исполнившие долг перед Отечеством, не заслужили бессмертия?

Г. МЕЛИХОВ

2. Гастроли в Китае

Ф. И. Шаляпин прибыл в Харбин 7 марта 1936 г. в 10.30 вечера экспрессом «Азия» из Дайрена. Встреча артиста на вокзале его соотечественниками носила триумфальный характер. Некоторое представление о ней дает отчет, опубликованный на следующий день в газете «Заря» под шапкой на всю полосу: «Федору Ивановичу Шаляпину — ура!»...

«Ко встрече Ф. И. Шаляпина харбинцы начали готовиться еще вчера днем. По телефонам дежурного по станции и в редакциях газет беспрестанно наводились справки — приедет ли артист, точно ли с экспрессом «Азия», установлен ли особый порядок встречи, не опоздает ли поезд».

Совершенно необычный вид приняла вся Вокзальная площадь. Непрерывно подъезжали десятки автомобилей... Пешеходы густыми толпами направлялись к станции с Сунгарийского и Вокзального проспектов. Жители Пристани спускались с виадука... В 9.30 в главном вестибюле вокзала уже гудела сплошная толпа... С маршем вошел оркестр музыки, продефилировали группы со знаменами, проплыл над головами национальный русский флаг. Около десяти часов толпа сгрудилась у выходных дверей на перрон... Толпа, движимая единым страстным нетерпением скорее занять на перроне наиболее выгодные «позиции», в страшной давке стала протискиваться в узкий проход...

Слева вспыхнули и замигали огни паровоза. Внезапно зазвеневший колокол оповестил о приближении экспресса. Гигантский паровоз его прошел вдоль перрона, подтягивая за собой вагоны со спущенными на большинстве окон шторами. Отовсюду раздались крики: — Где Шаляпин?..

Артист находился в последнем вагоне. Состав, звякнув буферами, остановился. В заветный вагон поднялись М. Э. Кашук, М. А. Матковский, Ж. Годзинский, г-н Хара, начальник станции и еще несколько лиц.

Толпа перед вагонами сгрудилась, теснясь к краю перрона. Беспомощно мотались из стороны в сторону фотоаппараты...

— Господа... — раздается возглас, — Шаляпин утомлен с дороги и речей говорить не будет... Пожалуйста, освободите проход...

Еще одна-две минуты, и над головой А. Строк на площадке вагона показываются поля серой шляпы, а через секунду — лицо Ф. И. Шаляпина... Навстречу грохочущим крикам «ура» Ф. И. Шаляпин на ступеньках вагона снимает шляпу, приветливо улыбаясь и отвечая поклоном.

Едва продвигаясь в давке забурлившей вокруг него толпы, артист с улыбкой непрестанно наклоняет голову направо и налево. Оркестр гремит марш. Рев сливается в одной фразе: — Федору Ивановичу Шаляпину — ур-р-р-а-а-а...

Толпа гудит, и Ф. И. Шаляпин двигается зигзагами, подчиняясь общему потоку толпы. Этот поток едва не пронес артиста даже мимо подъезда открытых для него парадных комнат... Ф. И. Шаляпин, глубоко дыша, входит в окружении нескольких спутников в парадные комнаты. Здесь уже «нацелились» три фотографа, а группа журналистов спешит освободить для артиста дорогу. В шубе с поднятым воротником Ф. И. останавливается перед аппаратами. Ослепительная вспышка трех планшеток магния — и артист поднимает руку со шляпой, но раздаются голоса:

— Пожалуйста, еще раз...

На торопливые приветствия одного из присутствующих Ф. И. Шаляпин говорит:

Продолжение. Начало см. «ПДВ». — 1990. — № 6.

— Все было хорошо, да вот в дороге чуть захрипел...

Его пропускают к выходным дверям, в глубоком уважении стремясь оставить вокруг как можно более места. Появление Ф. И. Шаляпина на подъезде снова встречается ревом толпы:

— Ур-р-р-а-а-а Федору Ивановичу!..

Он раскланивается и спешит к дверце лимузина. С ним садится г. Хара, и машина трогается с места, проползая среди неистово машущих шапками и шляпами людей. В течение нескольких минут вокруг вокзала — водоворот толпы, в которой с яростными и непрерывными гудками во все стороны разъезжаются автомобили.

В отеле «Модерн» Шаляпин остановился в угловом номере на втором этаже, выходящем окнами на Китайскую и Корейскую улицы, ставшем с тех пор знаменитым, историческим — «шаляпинским». В его окнах счастливицы могли видеть иногда могучую фигуру отдыхающего Шаляпина, облаченную в его любимое, привезенное из Японии черное кимоно. Этот скромный гостиничный номер стал, к сожалению, тем единственным пристанищем, в котором артисту пришлось пробыть большую часть тех двух недель, которые Ф. И. провел в Харбине. Федор Иванович Шаляпин приехал в Харбин совершенно больным. Его концерты в городе были на неопределенное время отложены...

Первый заказ, который последовал из «шаляпинского» номера, был: — Стакан чая и русские пирожки!.. Затем Ф. И. лег отдыхать.

Еще 6 марта редакция газеты «Заря» командировала в Синьцзин журналиста Николая Пантелеймоновича Кобцева — для сопровождения Ф. И. Шаляпина до Харбина и беседы с ним. Текст этого интервью был помещен в «Заре» тоже 8 марта, на той же полосе, в которой рассказывалось о встрече артиста на харбинском вокзале. Он имел заголовок: «СОСОБО ТЕПЛЫМ ЧУВСТВОМ ЕДУ Я В ХАРБИН!..» Приведем эту статью с некоторыми сокращениями.

От синьцзинского перрона экспресс с юга отошел под «ура» многочисленных русских резидентов столицы. В последнем вагоне экспресса великий артист отдыхал в купе первого класса. Федор Иванович встретил нашего представителя обаятельной улыбкой и крепким рукопожатием. В купе тепло и светло. В удобном кресле у окна, в темном костюме и синей косоворотке, Ф. И. импонирует своим богатырским ростом. В ответ на приветствии от издательства «Заря» и на упоминание о том, что все русские харбинцы с горячей единодушной радостью ждут его приезда, он, улыбаясь, говорит:

— Избаловали меня дорогие соотечественники своим вниманием! Встречи устраивают такие, что могу возгордиться и много возомнить о себе... А сам по себе я человек скромный, и единственная моя слабость — очень уж люблю родного русского человека! Перед русскими харбинцами хочется мне петь особенно хорошо. А вот в пути горло стало немного хрипеть...

Однажды в Париже Рахманинов жаловался мне перед концертом: что-то у него произошло с рукой. Неловкость какая-то. А у меня вот рука почему-то не болит, — лукаво прищурившись, добавляет Федор Иванович. — Ну, ничего! Против хрипоты от дороги есть хорошее лекарство — отдых. Меньше буду говорить, отдохну и запою. С особенно теплым чувством еду в Харбин.

Давным-давно не бродил я по таким «зеленовским переулкам», чтобы вокруг раздавалась русская речь и встречались русские лица.

«Шаляпинские» брови нахмуриваются: «Вот объездил — не раз — целый свет, а желания у меня очень скромны: где-нибудь, хоть тут, в Харбине, завести маленький клочок земли, но обязательно с озерком, чтобы можно было с удочкой посидеть... Помню, еще мой друг Антон Павлович говорил: «Рыба меня любит — только некоторая чего-то боится...» Вот и меня, кажется, рыба тоже любит...»

Мысль о клочке земли, видимо, давно владеет великим артистом. От слов о своих скитаниях по странам и народам он переходит к критике этих скитаний:

«Не люблю путешествий. Носишься, носишься. Все чужое! Все временное! Люблю жить у себя дома. Тихо и спокойно. Все знакомое, все свое».

В выразительных пальцах Федора Ивановича — беспременная игра. Руки его все время говорят многое. Если бы он не говорил, если бы не увлекала его живая, образная речь, о шаляпинских руках можно было бы написать целую книгу — недаром великий артист уделяет такое огромное место искусству жеста.

Входит проводник и протягивает пачку открыток.

— Опять автографы! — улыбается Ф. И. — Не люблю я этого делать на ходу. В моих

правилах — сесть за стол утром и спокойно надписать кому надо. Так я всегда поступаю в Париже.

Просьб об автографах Федор Иванович в пути имел, конечно, массу. Его буквально осаждали на всех остановках экспресса. Приходили целыми группами... Артист терпеливо расписывался, улыбаясь и не отказывая никому. Золотое вечное перо легко скользило по открыткам, изображающим достопримечательности Южной Маньчжурии, которыми, за неимением ничего более подходящего, запаслись в поезде nipпонские пассажиры.

— Нехорошо, когда певец начинает писать книги! — говорит Федор Иванович, отвечая на вопрос о реализации обещания, данного им в книге «Маска и душа». — Не своим делом я занимаюсь, когда пишу книги. Хотя, правда, есть о чем писать! Но писал я не для литературных лавров, а больше для своих детей: старался писать только правду. Каюсь, однако: всей правды все же не написал.

Взять, например, так называемое новое искусство. Все чего-то ищут, что-то выдумывают. А в искусстве выдумывать нечего! Вот я играю всегда «по старинке» и чувствую свое искусство так, как понимаю его, без всяких хитростей и новаторств.

Нагромождать замысловатые условности стало в наше время, к сожалению, модным. И многие направляют всю свою творческую энергию как раз по этому опасному, ненужному, вредному пути!»

Разговор об искусстве мгновенно меняет настроение великого артиста. Он хмурится, в полузакрытых глазах мелькает огонек и пальцы недовольно постукивают по столу.

«Если бы я написал всю правду о современном искусстве, да и только ли об искусстве? — то много бы нажил врагов! И я, и те, кто мне дорог... Вот почему я воздерживаюсь пока писать всю правду. А впрочем, когда вернусь в Париж, да подумаю, быть может, и напишу! Напишу порезче, чем писал до сих пор в своей книге».

Великий певец крепко любит свой парижский дом. Это чувствуется даже в тоне его голоса. Когда заходит речь на эту тему, его настроение сразу меняется. Он весело улыбается.

— Говорят, у вас в Харбине очень холодно. Люблю зиму! Давно не видел настоящей крепкой зимы. Хорошо в трескучий мороз побродить в теплой дохе, в валенках или сапогах».

— А обеспечены ли Вы в этом отношении на время в нашем городе, Федор Иванович?

— О, у меня отличная оленья доха!

Снова проводник. С поклоном протягивает поднос с бумагой.

— Что, счет? — спрашивает Ф. И. Шалапин. Нет. Опять автографы. И Федор Иванович снова берется за перо...

В заключение затянувшейся беседы великий харбинский гость попросил:

— Передайте через «Зарю» мой сердечный привет всем харбинцам, которые сильно растрогали меня своим вниманием и таким единодушным желанием послушать мои песни. Давно уже не был в городе, где так много соотечественников! И мне будет особенно приятно петь для них. По-русски и для русских...» Н. Кобцев.

В этом же номере газеты, выходящей по воскресеньям на 18 полосах, были еще две полосы других материалов, посвященных Ф. И. Шалапину. Обе эти полосы имели общую шапку: «Величайшему артисту и нашей русской гордости — Ф. И. Шалапину — горячий привет!» На них были помещены статьи местного харбинского журналиста Гр. Сатовского-Ржевского «Глаголом жги сердца людей», маститого В. В. Стасова «Радость безмерная», написанная в то время, когда Ф. И. Шалапину было 25 лет, и большой фельетон В. Дорошевича «Шалапин в театре «Скала» — о триумфальном выступлении Ф. И. в Милане в опере «Мефистофель» Арриго Бойто.

В статье Сатовского-Ржевского, в частности, говорилось:

«...до появления на русской оперной сцене Шалапина музыкальный Петербург и понятия не имел, какое место в опере принадлежит игре. Шалапинский «Сусанин», его «Мефистофель» положительно снислись многим любителям театра — а ведь, известно, звуки нам не снятся.

Затем появился созданный Шалапиным тип «Бориса Годунова» и обогатил русский язык обозначением понятия «оперы» — «музыкальная драма». В подобном сочетании слов существительному «драма» принадлежит по меньшей мере равное значение с прилагательным «музыкальная». И действительно, после Шалапина любой наиболее голосистый певец, лишенный драматических способностей, останется навсегда только «полуартистом».

Живой граммафонной пластинкой. Но не художником звука. После Шаляпина окончательно умолкли в музыкальной литературе и споры о том, какая из сторон оперы — музыкальная или драматическая — занимает первое место. Поняли люди, что, поскольку это искусство создается из нескольких сторон все они равноправны, почему для создания современной оперы нельзя пренебрегать не только игрой артистов, но и их гримом, костюмом, декорациями.

Шаляпин не только понял все это, но и осуществил. Вот почему Ф. И. Шаляпин должен быть назван основоположником новой эры в оперном искусстве всего мира.

И нам, русским людям Зарубежья, он дорог тем, что является живым и цельным образом нашего великого прошлого — тем, что несет он с собой напоминание о бескрайней русской шире и безмерной духовной глубине. Стоит только вспомнить, с каким расцветом русской художественной литературы совпала заря театрально-музыкального поприща Шаляпина.

Леонид Андреев, Арцыбашев, Куприн, Чехов — и головой всех их выше — Шаляпин, со своим характерным лицом могучего волгара.

Такая фотографическая группа украшала в былые времена рабочий стол не одного русского интеллигента, начиная студентом и кончая профессором-академиком. Этот снимок следовало бы иметь каждому русскому эмигранту, чтобы укреплять в нем веру в грядущее воскресение Родины. И не той же ли великой задаче служит и странствование по всему миру Божию Федора Ивановича Шаляпина — знаменосца могучей духовной рати наших соотечественников, сделавшей так много для русской культуры, для своего народа?

Не чайние ли этого чуда воскресения России роднит нас с Федором Ивановичем Шаляпиным — «плотью от плоти и костью от кости» великого русского народа, этого русского крестьянина, взысканного от Провидения несравненным даром «глаголом жець сердца людей?»

Помимо этого, в том же номере газеты были помещены приветствия Ф. И. Шаляпину от Российского Земляческого Единения (землячества: Казанское, Московское, Петроградское, Уфимское, Екатеринбургское, Симбирское и Самарское) («Заря», 8 марта 1936 г.), от Бюро по делам российских эмигрантов и другие материалы, связанные с гастрольями артиста в Харбине.

Не все сразу обратили внимание на слова артиста о появившейся у него в горле хрипоте. Но можно ли было недооценить значение такой жалобы для певца! У Шаляпина начинался трахеит...

На 8 марта был назначен концерт в честь 15-летнего юбилея работы в Харбине популярной в городе школы пения М. В. Осиповой-Закржевской — питомицы Иркутской консерватории, продолжившей свое музыкальное образование в Италии под руководством профессора Борджи. Ф. И., будучи больным, послал артистам свой привет и сожаление, что нездоровье не позволяет ему лично познакомиться с их успехами. Приветствие артиста было передано представителями школы с эстрады и встречено продолжительными аплодисментами («Заря», 11 марта).

И вот замелькали газетные заголовки: «Концерты Шаляпина переносятся на несколько дней», «Шаляпин быстро поправляется», «Шаляпин выздоравливает» и т. п. — создававшие, к сожалению, как мы увидим ниже, лишь неправильное представление о состоянии здоровья артиста. В какой-то из этих дней Ф. И. Шаляпин с позором изгнал из своего номера явившуюся к нему «делегацию» российской фашистской партии, просившей артиста дать благотворительный концерт в пользу этой партии. Эта история имела, однако, свое шанхайское продолжение, о чем ниже.

Здоровье артиста, его самочувствие, времяпрепровождение, его спутники — все это было все эти дни в центре внимания всей харбинской общности. Харбинцы с жадностью ловили все новости о состоянии здоровья Ф. И. Шаляпина. Артист не покидал занимаемых им комнат в гостинице «Модерн», никого не принимал. Единственным исключением явился Михаил Александрович Найбург. 9 марта, приглашенный Шаляпиным, он навестил артиста в «Модерне». Это был тот самый Миша Найбург, проживавший после революции в Харбине и хорошо знакомый всем харбинским театралам; о дружбе с ним в дни юности и о голодных скитаниях по оперным хорам Шаляпин вспоминал в своей книге «Маска и душа». Встреча старых друзей носила исключительно теплый характер, — писала «Заря». Растроганный и повеселевший артист полностью погрузился в незабываемые воспоминания. Десятки эпизодов далекого прошлого ярко вспыхивали в красочной речи Ф. И. Шаляпина.

«Свидание закончилось получением Найбургом шляпинского портрета, сопровождаемого длинной и сердечной надписью артиста о днях совместного блуждания как самом счастливым времени... («Заря», 10 марта). На другой день Шляпин обедал с приглашенным им. М. А. Найбургом, много читал и занимал свой досуг раскладыванием пасьянса и игрой в «билотт», которую репортер определил, как «офранцузенную игру в «66». Дирекция Шляпина, получившая ряд просьб и приглашений, просила довести до всеобщего сведения, что, несмотря на искреннее расположение Ф. И. ко всем своим поклонникам, он решительно не в состоянии будет удовлетворить подобные просьбы. Вся обстановка турне, не говоря уже о концертах, требует от Ф. И. Шляпина большой энергии и бодрости, почему он вынужден беречь свои силы. Никуда в частные дома артист ездить не собирается (! — Г. М.) и ограничивает личные посещения делами, исключительно связанными с концертами.

Только теперь, 11 марта, в результате переговоров с дирекцией кинотеатра «Америкэн» появилась возможность установить следующие точные даты выступлений Шляпина в Харбине: в понедельник 16, в четверг 19 и в субботу 21 марта» («Заря», 11 марта).

Ряд статей харбинской прессы в эти дни был посвящен аккомпаниатору Шляпина — композитору и пианисту Г. Ф. Годзинскому: «Композитор в 22 года» («Заря», 11 марта), «Спутник Шляпина — Г. Годзинский» («Заря», 16 марта), о различных случаях в жизни Г. Ф. Годзинского (там же) и другие. Еще раз говорилось о том, что в начале концертов Шляпина будут иметь место сольные выступления Годзинского («Заря», 15 марта).

«Первая прогулка Ф. И. Шляпина в Харбине», — прочитали, наконец, харбинцы 12 марта. Предоставляем слово свидетельству очевидца.

«Было около трех часов дня, когда импозантная фигура Ф. И. в шубе с полуприподнятым воротником, в шляпе и с прикрытой кашне нижней частью лица появилась в холле отеля. Быстро пройдя холл, Шляпин вышел на Китайскую улицу и направился в сторону Сунгари. От магазина «Кантилена» он повернул обратно, прошел до Страховой и свернул к театру «Америкэн». Осмотрев здание театра снаружи, Ф. И. вернулся обратно в «Модерн», где уже разыгралось волнение по поводу его внезапного исчезновения. Видевшие Шляпина на улице передавали, что он спокойно шел, осматривая вывески, и интересовался витринами некоторых магазинов. Шляпин произвел ряд закупок и сделал заказы в популярном магазине Александра Михайловича Корелина на Китайской № 103, который был рекомендован ему еще в Париже.

Город быстро облетела весть об этой «первой прогулке» Шляпина в Харбине. Вместе с тем есть все основания утверждать, что этот выход на свежий харбинский воздух был несколько преждевременным. Артист по-прежнему был нездоров.

И вот 14 марта представителям прессы была дана аудиенция, о которой харбинцы узнали на следующий день из обширного репортажа «Час у Федора Ивановича Шляпина» («Заря», 15 марта). В соответствии с традициями русской зарубежной прессы тридцатых годов, статья была снабжена следующими подзаголовками: Радужный хозяин. — Великий артист о Харбине. — Дорога и шляпинская шутка. — Родной дом в Ярославской губернии. — «В Сов. Союз не вернусь...» — Русское искусство «здесь» и «там». — Шляпин и извозчик. — Камешек в «наш огород». — Копенгагенский эпизод. — Для артиста вся публика одинакова! — Шляпин о «встречах»...

Приведем содержание этого любопытного шляпинского интервью.

«Представители русской прессы в Харбине, с нетерпением ожидавшие, пока Федор Иванович Шляпин оправится от полученной в пути простуды, вчера в шесть часов вечера были приглашены артистом в его комнаты в «Модерне» для беседы. Час в обществе гениального артиста, несомненно, составил драгоценнейшее воспоминание в жизни каждого журналиста, имевшего вчера счастье видеть и слышать Федора Ивановича в интимной комнатной обстановке...

ПЕРВЫЕ МИНУТЫ. С глубоким волнением мы вошли в комнату в сопровождении секретаря артиста М. Э. Кашука и импресарио А. Строка, где нам навстречу, сразу заслонив все окружающее, сделал несколько шагов Федор Иванович.

Гигантская фигура, кажущаяся еще выше и больше в роскошном черном кимоно, и эта изумительная, единственная в памяти хоть раз видевшего Шляпина голова — с характерно взметенными над высоким лбом светлыми волосами... Первое впечатление так сильно, что едва слышишь любезное приветствие:

— Пожалуйста, пожалуйста, господа!.. Очень рад...

Посредине комнаты стоял накрытый для чая стол, вправо, на другом столе — самовар.

— Поговорим,— продолжал артист.— Вот только не знаю, уж как вас угощать... Водки мне нельзя, так попьем чайку... Вот Катеринушка, хозяйюшка у меня дорогая нашлась, попотчует нас,— говорит он о своей гостье Е. И. Корнаковой-Бринер.

Здороваемся с супругами Е. И. и Б. Ю. Бринер, рассаживаемся у стола. Сам Федор Иванович, занимая стул у раскрытого пианино, шутит о недавней болезни:

— Напугался было, думал — придется долбить челюсть или прокалывать. Да, слава Богу, ошибся. Так, от сильного насморка что-то болело. А то уж хотел поискать площадку побольше, чтобы выйти да сказать — «извините, мол, петь не могу»...

ХАРБИН ХОРОШИЙ ГОРОД, НО... — Понравился ли мне Харбин? Что ж, Харбин ваш хороший город, только грязновато немного, ну, да со временем вычистят. Впрочем, и время сейчас такое — весна. Это и в нашем городе — я так Париж называю — тоже весной и осенью бывает...

Доезжал я здесь до Сунгари, в Новом Городе побывал, усадьбу генерала Хорвата показывали — такой старый помещичий стиль.

Железнодорожные учреждения видел, снаружи, конечно. Пожалел,— усмехаясь, добавляет Ф. И.,— что купил такую богатую дорогу не я...

«**В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ НЕ ПОЕДУ...**» Федора Ивановича спрашивают об его материальных потерях в России от большевиков.— Потерял я там все,— отвечает артист.— Был ли очень богатым? Как сказать: конечно, нам до Рокфеллеров или Фордов не достать... Наши «разбойничьи актерские аппетиты» не так огромны. Но все же я имел достаточно денег и имущества.

Ярославское имение? Помещиком я, собственно, никогда не был, а была у меня дача, с той лишь разницей, что вместо пяти десятин имел я триста.

Кроме того, дом мой... Строили его все-таки покойный художник Серов, Коровин и я. Лично все планировали, мечтали, как, что и где будет... Строил-то, конечно, плотник с сыновьями, славный такой... Архитектором был у нас Мазурин, Анчуткой мы его звали...

На даче мне жить много не приходилось. Приезжали ко мне туда антрепренеры, звали на Волгу, на Каспий, в другие места. Ну и ехал вместо того, чтобы дома сидеть и рыбу ловить. Публика думала, что это — из жадности, а я, признаться, полагал, что доставляю удовольствие... В этом у нас всегда с публикой была несогласованность, по рассеянности или по наивности, что ли — я плохо в этом разбираюсь...

Друзей в России у меня теперь почти не осталось, а кто и есть — связи нет, писать боятся, вероятно».

На общее внимание к особым сухарям, которые поставили рядом со стаканом чая Федора Ивановича, он поясняет:

— Это особые сухари, хлеба я не ем. Я ведь диабетик. Но прошу не спутать, это не то же, что алкоголик...— опять с улыбкой отвечает он.

— Хочется ли в родные края?. Естественно, хочется, как же!.. Вот и здесь меня волнует, когда слышу кругом русскую речь, вижу русские вывески... Да ехать-то туда нашему брату нельзя — невзирая на всю мою отрешенность от политики. Я, во всяком случае, уже столько лет живу за границей, что обжился здесь...

НАШИ «скоропостижные ярлыки». Продолжая о «политических окрасках», Ф. И. говорит:

— У нас, в России, все это вообще очень просто решается. Если, скажем, видят, что я на кафе на «Рю де ля Пэ» с генералом сижу, говорят: «Шаляпин — монархист». А когда меня видят с ленточкой Почетного Легиона — красная она — так говорят: «Шаляпин — красный». Достаточно увидеть со мной какого-нибудь подозрительного человека, смахивающего на большевика, вот я и большевик, а. может быть, и в ГПУ служу. А я жил всю мою жизнь как русский патриот! Ведь мог бы и тридцать и сорок лет назад в Париже жить, а жил на Новинском бульваре в Москве... Нет, теперь уж раз уехал — буду жить за границей. В Париже никто не интересуется соседом, часто даже не знают, кто живет этажом выше или ниже.

ИСКУССТВО РАЗВИВАЕТСЯ СВОИМ ПОРЯДКОМ. Спросили Федора Ивановича об его взгляде на современное искусство.

— Каково оно в России теперь — не знаю, а здесь — вижу, что стараются продолжать делать то, что не успели сделать раньше, и подвигаются вперед. Говорят, что «там» есть что-то новое, но я ничего об этом не знаю.

— Встречаетесь ли вы с друзьями в Париже?

— Ни с кем я сейчас особенно не дружу, — отвечает артист, — так, встречаюсь. Некогда мне — работы много.

Тут же Федор Иванович, иллюстрируя отношение многих к вокальному искусству, рассказывает забавный случай:

— Как-то еду я на извозчике, а тот интересуется, что я делаю. Отвечаю — пою. А он помолчал и говорит: «Я не то тебя спрашиваю, а скажи, что ты работаешь?»..»

А как объяснишь, что пенне мое — это огромная работа.

ПРО «НАШЕГО БРАТА». Разговор о недавнем нездоровье артиста напоминает Федору Ивановичу давнишний случай в Милане:

— Помню, в английских газетах было напечатано, что Шаляпина из «Скала» чуть не на носилках вынесли, так был плох. А я, в действительности, только перенес спектакль на несколько дней.

В другой раз одна газета писала, что не беспокойтесь, мол, Шаляпин свою болезнь перенесет. Богатырский организм все поборет, но, «как нам сказал сам артист, здоровье вернется, а голос — пропадет»..»

ЕЩЕ РАЗ О КОПЕНГАГЕНЕ. Вспомнили журналисты и об эпизоде с Федором Ивановичем в Копенгагене, поинтересовались, «что вышло».

— Да ничего не вышло, — поясняет Шаляпин. — В театре теперь развелось очень много страшно умных и необыкновенно талантливых режиссеров. Переделывают все на свой лад. Скажем, Гоголь для них не Гоголь. У него, например, в «Ревизоре» городничий начинает с фразы: «Я пригласил вас, господа, чтобы сообщить пренеприятное известие — к нам едет ревизор». А у новых режиссеров городничий появляется в ночной рубашке, растрепанный и кричит: «Танька, горшок», а потом уж начинает действие. Гоголь, видите ли, сам до этого не додумался.

Ехал в Копенгаген петь в «Фаусте» Гуно — опера мне знакомая, учил я ее лет сорок пять, пел в ней и по-итальянски, и по-французски. Я допускаю новые мнения, но все же «Фауст» в моем представлении — это «Фауст». Приезжаю в Копенгаген и вижу что-то совсем другое. Не в музыке, конечно. Музыка осталась та же, так как в этой области режиссер-болван ничего не понимает. Но вся обстановка!.. Декорации я так же всякие понимаю, но нужно же соблюсти основное правило — чтобы артист мог бы откуда-нибудь на сцену войти и выйти. А здесь — кругом стены. И вся опера — в этом роде! Может быть, можно было бы и переделать эту чепуху, но для этого нужно время, а его не было. Ну, вот я и сказал — театр у вас замечательный, но играйте в нем сами..»

ВСЯКАЯ ПУБЛИКА ВОЛНУЕТ АРТИСТА. Любопытствовало, какая аудитория стала ближе всего Федору Ивановичу после того, как он побывал в странах всего мира.

— Публика, — говорит он, — для меня безразлична по своему составу. Я одинаково волнуешь перед каждой публикой. Конечно, есть разница в реагировании тех или иных слушателей. Скажем, испанцы, итальянцы как слушатели более экспансивны. Другие, напротив, спокойны. В этом случае слушатели, пожалуй, более внимательны... Вот отличное впечатление вынес я от концертов в Ниппон. Приняли меня там очень хорошо и, насколько мне пришлось видеть, глубоко заглядывая я не имел возможности, ниппонцы народ очень симпатичный, радушный, доброжелательный, и вся страна замечательная по красоте и природы, и быта. Вот это кино там мне сделали, на заказ, конечно, сам и цветок рисовал, — заканчивает Федор Иванович, указывая на золотое шитье на левом плече.

Ф. И. ШАЛЯПИН — ЛИНГВИСТ. С иностранной публики журналисты перешли на знание Федором Ивановичем языков, на которых ему приходится петь.

— Лучше всего, — говорит он, — из иностранных языков я знаю итальянский, пою на нем уж очень давно. Затем идет у меня французский, а уж дальше — английский язык. Учился? Нет, я специально языками не занимался. Так, по пути жизни. Начинать с разговора с боем, горничной — просишь принести или дать что-нибудь. Вот немецкий знаю плохо...» («Заря», 15 марта).

На следующий день — 16 марта — поступило долгожданное подтверждение: «Сегодня первый концерт Ф. И. Шаляпина».

Этот свой первый концерт в Харбине 16 марта Ф. И. дал, не оправившись вполне от своей болезни. О своих впечатлениях от концерта, об обстоятельствах, ему сопутствовавших, рассказал в своем репортаже М. Шмидт. Он говорит и о репертуаре этого первого

концерта. Полезно привести поэтому, на наш взгляд, всю рецензию целиком.

«Величайшее счастье видеть и слышать Ф. И. Шаляпина и не меньшая честь писать о нем после концерта — пытаться хоть бегло разобраться в волшебном искусстве этого гениального артиста...

Шаляпин не вполне вчера оправился еще от недавней простуды — это было ясно для всех. Он сам чувствовал это в первом отделении, заявив за кулисами близким: — Не могу как следует петь! Бронхит не прошел... Отменить бы концерт прямо сейчас, но не считаю возможным дольше испытывать терпение публики...

В антракте между первым и вторым отделениями великий артист сказал представителю издательства «Заря»:

— Температура у меня 37,8... Голос после перенесенной простуды уже вернулся, но трахеит все еще не дает мне полного глубокого дыхания: сразу охватывают приступы кашля... Можно ли было отменить концерт? Я взвешивал это чуть не до 7 часов вечера и невзирая на все решил выступить перед дорогой и родной для меня аудиторией Харбина — пусть мои дорогие соотечественники примут меня как они найдут нужным...

И артист не ошибся в решении. Публика сердечно и горячо приняла, несмотря на покашливание артиста, доставившее неприятность только ему...

Что и как пел Шаляпин? Давно уже не осталось ни у старых, ни у новых журналистов никаких слов восхищения. Одно можно сказать:

— Артист пел «по-шаляпински». А что это значит — все знают. Не было и нет на протяжении долгой жизни Ф. И. — ему равных в мире.

Возможно ли говорить в приложении к голосу певца о «годах прожитых», когда необыкновенный его музыкальный инструмент, чародейное искусство артиста — неразрывны в потрясающем впечатлении. Шаляпин не только голос. Шаляпин — это голос, жест, интонация, освещенные Божьим светом и таким пламенем духа, что нельзя сказать ни одного слова о чем-нибудь отдельно. Таким Федора Ивановича видел, слышал и любил весь мир почти полвека. Таким он остался и сейчас. Таким был вчера. Все, что пел Шаляпин, — это не просто запомнилось, а — опалило сердце огнем.

«Ермак Тимофеевич», музыка Ипполитова — так называлась первая, услышанная вчера харбинцами песня. При первом же звуке шаляпинского голоса, заставившего задрожать каждого, слышавшего артиста раньше, тысячи глаз в зале увидели древнюю, под тенью кедра, могилу... Жутко стало, когда раздался загробный голос самого Ермака: — «Я сибирский... казак...».

А когда по окончании стихли аплодисменты, перед залом встал хищный Кончак из «Князя Игоря», музыка Бородина.

И так сильна была передача, так скульптурна мимика, что на время этой арии уплыл куда-то из глаз такой знакомый по миллионам портретов Шаляпин во фраке, с «шаляпинским», широко раскрытым впереди воротником. Щурились хитрые глаза и словно были видны вокруг лица артиста космы черных волос, змеящиеся, сбегающие полукругом вниз усы...

Немыслимо в торопливом ночном отчете о концерте останавливаться на каждом произведении, исполненном Шаляпиным. Как и всегда его искусство — даже в мимолетно блеснувшем драгоценном камне — гигантская тема. Сделаем лишь перечень спетых в первом отделении артистом вещей: «Ночной смотр», музыка Глинки, затем — скандинавская песня «Последнее путешествие», музыка Альнеса, русская народная песня «Калина-малина», «Титулярный советник» Даргомыжского, «Как король шел на войну»...

Впечатление у переполненного и затаившего дыхание зала нарастало. Волнение явно овладевало всеми, когда Шаляпин получил кратковременный отдых.

Во втором отделении Ф. И. начал с романса Сахновского «Смерть идет за мной». Как страшна, как гнетущая выразительна эта мрачная песня в исполнении Шаляпина. — «Торопись!.. Торопись!» От этого последнего призыва становилось холодно...

И каким волнующим сладостным очарованием прозвучала после этого «Персидская песня» Антона Рубинштейна! Кто, кроме Шаляпина, может так передать это восточное любовное томление — там где небо в душную, поющую ночь сверкает бриллиантовым шатром огромных звезд...

«Песня каторжан» Каратыгина встревожила слушателей таким ярким, грустным и бесценным воспоминанием о печальной русской песне: «Ночка темная...» Только один в мире Федор Иванович может петь так о «темной русской ночи»!

С самого начала второго отделения артист уже вышел другим. Десятиминутный отдых.

Певец «распелся». И от едва заметных ранее признаков кашля — не осталось и следа. «Эй, ухнем» было спето с такой красотой и силой, что слушатели были ошеломлены. В зале поднялась буря, успокоившаяся только тогда, когда артист снова сделал знак аккомпаниатору.

«Блоха»... Гром аплодисментов встретил этот анонс. При затаенной тишине полилось: — «Жил-был король — когда-то...»

Это сатирическое произведение и родилось, и умрет с Шляпиным. Невозможно не только представить себе мощь, яд и силу «Блохи» в чем-нибудь другом исполнении!.. Короткая песня. Но тысячи нюансов, вносимых в нее Федором Ивановичем, — неподражаемы ни при каком другом таланте. Затем харбинцы услышали «Вдоль по Питерской».

Огонь, захватская удаль. Русская песня пронеслась над залом, всколыхнув «нутро» каждого... Две тысячи слушателей слились в общем восторге и волнении. Все кричали, смеялись, аплодировали...

Временами шум общий шум прорезал выкрик того или иного любителя какого-нибудь произведения из репертуара Шляпина. Но когда, по знаку артиста, настала тишина, Ф. И. заметил:

— Если я буду исполнять желание каждого — придется петь до завтра...

Шляпин спел затем романс «Мы гордо расстались»... В удивительной тишине зал переживал вместе с преобразившимся Федором Ивановичем: «О, если б мог тебя снова увидеть...»

Занавес. Конец концерта.

Но разве могла примириться с этим потрясением аудитория? Овации и бешеный восторг продолжались двадцать минут. Шляпин шесть раз выходил на эстраду и, в конце концов, спел на прощание трогательный романс Малашкина «О, если бы мог я выразить в звуках».

Люди, взметенные до глубины сердец, с полчаса толкались еще в зале, возле вешалок. Каждый всей душой чувствовал, что пережил неповторимые часы...

* * *

Нельзя не отметить необычайного волнения публики при каждом появлении Федора Ивановича на сцене, при каждом его слове, когда он объявлял номера программы. Слушатели не сводили глаз с благороднейшего лица артиста, ловили каждый жест.

Шляпин держался на сцене с обаятельнейшей простотой, добродушно и широко улыбался после каждой песни и с каждой минутой вырастал все выше и выше... К разгару концерта все уже позабыли о вступительном слове Федора Ивановича перед началом концерта, где он, сердечно приветствуя соотечественников, выразил сожаление, что выступает еще не совсем оправившимся от кашля. Впечатление от этого заявления, выслушанного со сжатым сердцем, рассеялось к концу концерта без следа.

Г. Ф. Годзинский, исполнявший в первом отделении Органную фугу Баха, в транскрипции Экмана, и романс Сибелиуса, а во втором — Финский национальный марш и «Испанское каприччио» Вальверде, в транскрипции Мануэля де Фала, показал себя талантливым музыкантом. Особенно большое впечатление произвела последняя вещь, сыгранная с блестящей техникой и художественной интерпретацией.

Самое же главное — в лице Г. Ф. Годзинского Шляпин имеет отличного аккомпаниатора, ни в одном штрихе не мешающего гениальному певцу в его грандиозном творчестве»... («Заря», 17 марта).

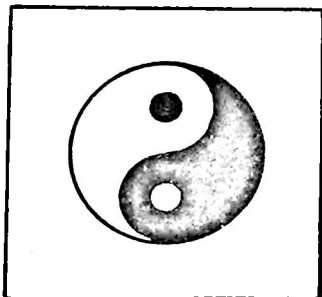
Газета писала также, что первый триумфальный концерт потребовал от артиста большого напряжения сил. Ему назначен отдых до второго концерта. Как сообщили редакции, перед первым концертом артист сильно волновался, что было вызвано его недомоганием, предстоящей встречей с родной аудиторией и сложной обстановкой подготовки его харбинских концертов («Заря», 18 марта).

На другой день газеты сообщили: «Сегодня — второй концерт Федора Ивановича Шляпина». «С утра стало известно, что тщательное соблюдение назначенного режима позволило Шляпину почувствовать себя вполне хорошо. Артист сказал: — Чувствую, что голос вполне очистился, и надеюсь, что на втором концерте он будет звучать совершенно чисто». Однако, в действительности, это было, опять же, не совсем так.

Окончание следует

Дао любви
или
радость гармонии инь и ян

ЧЖАН ЖОЛАНЬ

Насколько огромен интерес читателя к подобным темам можно судить по тысячам писем, которые пачками поступают сегодня на телевидение в редакцию, готовящую передачу «О сокровенном или запретном» в такой же рубрике «Институт человека». И не только по этим письмам можно судить о популярности данной темы. Почти все свободные рынки Москвы и многих других, особенно курортных, городов завалены эротическими брошюрами, часто сомнительными не только в достоверности предлагаемого материала, но и в оригинальности и истинной принадлежности к указанным авторам.

Предлагаемые нами главы из очень популярной на Западе книги «Дао любви» сделаны опытным переводчиком-синологом и отредактированы в нашем журнале в строгом соответствии с текстом вышедшего в Лондоне издания Jolan Chang. The Tao of Love and Sex. The Ancient Chinese Way to Ecstasy (из-во Wildwood House London). В научной достоверности данной работы можно не сомневаться.

Думается, что предлагаемый материал вызовет интерес не только специалистов: врачей, сексологов, педагогов, психологов, но и широкого читателя. За последние десятилетия нас немало воспитывали в духе общественных ценностей, забывая о человеческих. А именно они, здоровые человеческие отношения, являются основой всех остальных.

Ждем Ваших писем, дорогой читатель, с отзывами, пожеланиями, предложениями тем, которые мы могли бы осветить в новой, предлагаемой рубрике.

Долголетие и сексуальное (ответное) чувство, продление половой жизни и искусство любодейания как основной терапии в даоском медицинском каноне, являясь жгучей актуальностью для нас на Западе, рассматриваются (обсуждаются) в этом первом подробном исследовании любовного искусства даоских медицинских школ.

В эпоху неправильного отношения к сексуальным проблемам, где молодой неумелый и барахтающийся среди новых свобод ищет красоту, а старик умирает из-за отсутствия сексуальной любви, эти проблемы являются животрепещущими.

Господин Чжан Жолань принес нам бесценную мудрость древних времен.

В XIII—XIV вв. монголы, правившие в Китае 88 лет, совершенно запретили всю даосскую литературу, кроме «Дао дэ цзин» и это исследование является первой попыткой собрать в единое целое отдельные отрывки, чтобы составить ясную картину даоских учителей о роли сексуальной любви как терапевтического способа для всех лечений, изложенных в древней медицине.

Устанавливая связь любви с космической силой, древние даосы не проводили разграничения между любовью священной и любовью светской, как мы сделали на Западе.

Лоуренс Даррелл

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очень немногие западные ученые посвятили себя изучению традиционной китайской сексологии. Эта тема, особенно китайская культура с ее способностью объединять рациональное и романтическое, привлекает внимание сегодня многих.

Кроме замечательного Анри Масперо, среди ученых этого направления был Роберт ван Гулик (время от времени цитируемый в данной книге), с которым я впервые встретился в 1942 году во время войны. Он прибыл в Чунцин в качестве поверенного в делах Нидерландов, а я был назначен советником по науке при Британском посольстве. Позднее, если память мне не изменяет, я выступил на его свадьбе с мисс Шуй Сыфан, которая состоялась в нашей миссии по научному сотрудничеству. Еще позднее, после войны, когда я увлекся даосизмом, особенно его поисками продления жизни и бессмертия, я с ним вел длительную переписку, в ходе которой пытался поделиться с ним мыслями о том, что в сексуальных методах, трактуемых адептами даосизма, отсутствуют извращения и патология. Он был такого же мнения, основанного на глубоком знании литературы. Он считал, что китайская сексуальная жизнь веками была удивительно здоровой, свободной от всяческих извращений — садизма и мазохизма¹, например, — обладала замечательными возможностями вариаций удовольствия и взаимного удовлетворения. Настоящая книга всецело следует этим традициям.

Моя собственная книга, основанная на величайшем китайском сборнике эротической литературы «Шуан мэй цзин ань цун шу», под редакцией Е. Дэхуэй, была полностью раскуплена в 1952 году, о чем я с удовольствием узнал от женщины-продавца в Пекине на ул. Люличан. Я снова приступил к изучению этой темы, так как интересующий меня «важный нэйдан»² или часть «внутреннего эликсира» тесно связан с сексуальной практикой, познание которой способно продлить земную жизнь и привести по возможности к материальному бессмертию³.

В 1972 г. появилось новое светило, наш друг из Стокгольма Чжан Чжулань (Чжан Жолань), чью книгу по китайской и всеобщей сексологии я рекомендовал читателю. С соответствующим знанием и собственным опытом он нашел слова, объясняющие мужчинам и женщинам современного мира, как мудрость китайской культуры проявилась в сердечных чувствах, любви и сексе. И хотя он посвятил большую часть книги методическим проблемам, она направлена против всеобщей мудрости, пугающей Запад. Основанием книги служит убеждение китайцев в том, что нет различия между священной и светской любовью. Написанное здесь необходимо знать всем и каждому.

Предисловие и послесловие
Джозефе Нидэма

¹ Мазохизм — извращение, при котором один из партнеров подвергается мучениям или унижениям со стороны другого.

Мазохизм назван по имени австрийского писателя Л. Захер-Мазоха (1836—1895), изображавшего это извращение в своих романах. Мазохизм объясняется половой пресыщенностью и т. д.— *Прим. пер.*

² Нэйдан в переводе с китайского языка означает «эликсир». — *Прим. пер.*

³ Это мнение было высказано Нидэмом еще до сотрудничества с доктором Лу Гуйцзянем в книге: *Science and Civilisation.*— Vol. 5 // Cambridge University Press.

ВВЕДЕНИЕ

«Они хотят любить друг друга,
но не знают, как»

Шандор Ференци¹

В своей популярной книге «Страх полета» феминистка Эрика Йонг размышляет: «...Однако большая проблема в том, как совместить наш феминизм с непремной жадой мужского тела. Это нелегко. Чем старше мужчины становятся, тем очевиднее, как страшатся они женщин, иногда тайно, иногда явно. Что может быть более мучительно, чем «пробужденная», приподнятая женщина рядом с опущенной плотью? Все величайшие исторические события тускнеют при сравнении этих двух квинтэссенций: вечная женщина и вечно мягкая плоть». Она продолжает: «это — основная несправедливость, которая никогда не может быть разрешена». Я не мог согласиться со словами «все величайшие исторические события тускнеют при этом сравнении» и пожалел автора этих слов, так как она слишком быстро отбросила надежду, утверждая что это — «несправедливость, которая никогда не может быть разрешена». Древние даосы нашли путь тысячи лет тому назад. Теперь фактически во всем мире пользуются этим многие даосы и некоторые удачливые не даосы. К сожалению, это знание еще широко не распространилось. Данная книга должна помочь выполнить это.

В предисловии я хотел бы затронуть еще два важных вопроса. Однажды зимним утром на своей прекрасной южной вилле во Франции известный писатель Доуренс Даррелл попросил меня рассказать, как я стал даосом и что побудило меня написать эту книгу.

Мать не просто дает жизнь ребенку. Она оказывает огромное влияние на его формирование, закладывая в нем все доброе и злое в будущем, радостное или горестное.

В этом отношении мне очень повезло. Моя мать была весьма разумной, жизнелюбивой и понимающей женщиной и самым естественным даосом из всех, кого мне пришлось встречать, хотя я не понимал этого в течение многих лет.

Под «естественным» я имею в виду то, что без специальных занятий и даже без причисления себя к даосам, она создала атмосферу и окружение истинного даосизма. В этой атмосфере я тоже стал естественным даосом, хотя осознал этот факт значительно позже.

Даос обычно имеет безграничную любовь ко вселенной и ко всему живущему в ней. Всякая форма загрязнения и разрушения враждебна даосу и должна быть предотвращена. На этом фоне понятно, почему я стал искать пути устранения насилия и разрушения, которые так широко распространились в наше время, а также причины, по которым многие, особенно имевшие большой успех люди, кончали с собой... И почему тысячи здоровых мужчин и женщин (даже детей), медленно разрушают себя курением, наркотиками, алкоголем, к тому же еще неправильным питанием и нездоровыми привычками. Почему также попадают люди, которые так ненавидят друг друга и даже хотят уничтожить всех и вся. Наконец, почему история человечества является историей бесконечных войн? Ради славы победителя или бездонной алчности? Или ради власти?²

Став подростком, я интересовался и искал ответы на эти вопросы, путешествуя по разным странам и встречаясь с людьми разных национальностей. Изучая известных философов и знакомясь с религиями мира, я пришел к выводу, что корни зла скрыты в неудачных попытках мужчин и женщин постичь основы гармонии *инь* и *ян*. Оказалось, что в даосизме заложен ответ на тысячи вопросов, одновременно и легкий, и приятный.

Легкий — потому что это не формальность, не догма, не церковь. Главное, что от нас требуется — это снять напряжение и быть естественным. Почему он приятный? Потому что ни от кого не требуется отречения от земных или небесных радостей, не требуется отказа от желаний, таких как стремление к красоте формы, звука, обоняния, вкуса, осязания, от земной любви (как это делает почти все школы буддизма). Наоборот, даосизм учит развивать вкус, вести здоровый образ жизни и более полно наслаждаться земными и небесными радостями. Для даоса нет границ между земными и небесными радостями: они едины, особенно в экстазе, ибо в наслаждении от естественного

или от искусства даос находится в контакте со вселенной (это его термин для обозначения высшего бога).

Мне кажется, что даосизм вообще не решает ни одну из мировых проблем без истинного умения любить, считая, что любое разрушение и саморазрушение, всякая ненависть или горе, всякая алчность или жажда собственности идут от искажения любви и взаимоотношений мужчины и женщины. Источники же и плодородие любви и секса неисчерпаемы, как сама вселенная. Эта моя оригинальная идея — только попытка оживить то, что древние даосы знали тысячи лет: без гармонии *инь* и *ян*, источника любви и наслаждения, для нас не остается ничего, кроме смерти и разрушения.

Чжан Жолань
Стокгольм, 1976

¹ Цитируется из книги: Karl Menninger. Man Against Himself. Harcourt Brace and World.— New York.— P. 381.

² Основоположителем даосизма по китайской традиции считается полупоупендарный Лао-цзы, живший в VI в. до н. э. Имя Лао-цзы овеяно множеством преданий и легенд. С его слов был записан, как сообщает предание, текст книги, получившей название «Дао дэ цзин» и являющейся классическим памятником древнего философского даосизма. Но даосское учение существовало и до появления «Дао дэ цзин», который бесспорно является продуктом длительного развития философской мысли.

Автор книги «Дао любви и секс», как «естественный» даос и последователь даосизма в поисках «пути устранения насилия и разрушения, которое так широко распространилось в наше время», как бы обращается за ответом на этот вопрос к двум последним главам «Дао дэ цзин»:

Глава 80. «Пусть государство будет маленьким, а население — редким. Если (в государстве) имеются различные орудия, не надо их использовать. Пусть люди до конца своей жизни не уходят далеко (от своих мест). Если (в государстве) имеются лодки и колесницы, не надо их употреблять. Даже если имеются воины, не надо их выставлять. Пусть народ снова начинает плести узелки и употреблять их вместо письма. Пусть его пища будет вкусной, одяние красивым, жилище удобным, а жизнь радостной. Пусть соседние государства смотрят друг на друга, слушают пение петухов и лай собак, а люди до самой старости и смерти не посещают друг друга (как враги)».

Глава 81. «Верные слова не изящны. Красивые слова не заслуживают доверия. Добрый не красноречив. Красноречивый не может быть добрым. Знающий не доказывает, доказывающий не знает. Совершенномудрый ничего не накапливает. Он все делает для людей и все отдает другим. Небесное дао приносит всем существам пользу и им не вредит. Дао совершенномудрого — это деяние без борьбы».

(Примечание переводчика к переводу «Дао дэ цзин» Ян Хиншуна. Древнекитайская философия. Москва: Мысль, 1972. Т. 1. С. 138)

Глава I ДАО ЛЮБВИ

«Управляя людьми и служа небу, лучше всего соблюдать воздержание. Воздержание должно стать главной заботой. Оно называется совершенствованием дэ. Совершенствование дэ — всепобеждающе. Всепобеждающее обладает неисчерпаемой силой»¹.

Две тысячи лет тому назад, если не намного раньше, китайские исцелители-даосы создали откровенные, подробные книги о любви и сексе. Они не были похотливы или застенчивы, ибо относились к близости мужчины и женщины как к необходимости их физического и умственного здоровья и благополучия. Придерживаясь этой философии, они обращали большое внимание на искусство секса, все делая для будущей любовной смелости человека. В литературе и искусстве иллюстрировались сексуальные методы. Муж, умеющий наслаждаться и приносить наслаждение часто и продолжительно, ценился гораздо больше, чем просто молодой и привлекательный. Врачи-даосы рассматривали телесную близость полов как естественную необходимость — не только как наслаждение, но и как пользу и продолжение жизни. Чтобы сделать человека искусным в любви, использовалась разнообразная методика, эротические иллюстрации, картины. В своей книге «Эротическое искусство» Филлис и Эберхард Кронхаузен цитируют поэму Чжан Хэна, созданную примерно в I веке н. э., где рассказывается, как невеста использует эротическую книгу в первую брачную ночь:

Закроем дверь на золотой замок,
И зажжем лампу, чтоб наполнить комнату ярким светом,
Я сброшу одежды, удалю свои румяна и пудру
И раскатаю свиток — картину рядом с подушкой.
Откровенная дева² будет моей советчицей...
Так Тянь Лао учила Желтого Императора.
Нет радости, равной наслаждениям первой ночи,
Они не забудутся, как бы мы ни постарели³.

Далее Кронхаузен описывают, как эротическое искусство использовалось в древнем Китае.

В одном из лучших эротических романов эпохи династии Мин «Юпутань»⁴ описываются амурные приключения ученика Ван Яншэна, который женился на высокообразованной и красивой девушке Юйсян (Нефритовый Аромат). Но она оказалась не в меру стыдливой и не боялась только полной темноты. К еще большему ужасу жених заметил, что Нефритовый Аромат не получает никакого наслаждения от его ласк.

Молодой супруг решает купить дорогостоящий альбом эротических картин. Нефритовый Аромат, как и следовало ожидать, вначале отказалась даже взглянуть на это приобретение. Однако при мягкой и умной настойчивости мужа она постепенно превратилась в сердечную, чувственную и отзывчивую женщину, соответствующую своему имени⁵.

Современный секс Запада, или так называемая «порнография», не имеет ничего общего с дао любви древнего Китая. Об особом подходе древних китайцев к любви и сексу писал также известный ученый и дипломат Р. Х. ван Гулик в книге «Сексуальная жизнь в древнем Китае»: «Вероятно, именно это душевное отношение (считающее половой акт частью закона природы... он никогда не ассоциировался с чувством греха или нарушения морали) вместе с почти полным отсутствием наказаний привело к тому, что сексуальная жизнь древнего Китая была в целом здоровой, абсолютно свободной от патологических ненормальностей и нарушений, обнаруженных в других великих древних культурах»⁶.

Не только отношение древнего Китая к сексу, но и тонкости понятия любодения древних даосов удивили и заинтересовали ван Гулика. Само понятие «дао любви» не было точно и подробно изложено для западного читателя. Дао любви долго отвергали на Западе так же, как, скажем, акупунктуру, признанную сегодня сильнейшим болеутоляющим средством, которое врачи Запада пытаются понять и постичь его тайны. Дао любви также должно открыть Западу свои секреты. Вот как пишет ван Гулик об этом: «Теории дао любви в течение веков формулировали основной принцип интимной жизни китайцев, поэтому любопытно отметить, что в течение более чем двух тысяч лет дао любви широко применялось в Китае

без какого-либо вреда для наследственности или общего состояния здоровья нации»⁷.

Ван Гулик, очевидно, старается быть беспристрастным. Ему пришлось согласиться, что китайцы были и есть сильной и долгоживущей нацией благодаря своему кажущемуся революционным, сексуальному уменью.

С каждым новым открытием западных сексологов и ученых правила дао любви становятся более доступными и приемлемыми. Основные секреты дао — контроль за эякуляцией, значение удовлетворения женщины и понимание того, что мужской оргазм и эякуляция не одно и то же — стали знанием и важнейшим приобретением освобожденной женщины.

В то время как теории Кинси, Мастерса, Джонсона и других были признаны на Западе, древние понятия о любви и сексе, бытовавшие издавна в Китае, появились сейчас также и в Европе. То, что современная наука стала подтверждать сейчас, учителя дао любви говорили тысячелетия назад: «Я хотел бы обратить здесь внимание на то, — пишет ван Гулик, — что описание «пяти признаков», найденное в «Исиньфан» (медицинская книга X века, содержащая выдержки из нескольких сотен других периода династии Тан и ранее), полностью согласуется с данными книги Кинси «Сексуальное поведение женщины». Это говорит в пользу сексологов древнего Китая»⁸.

«Пять признаков» женского удовлетворения, упомянутые ван Гуликом, появились на 2 тысячелетия раньше в диалоге между императором Хуанди и главной советницей Су Нью:⁹

Император Хуанди: «Как мужчина наблюдает удовлетворение женщины?»

Су Нью: «Существуют пять признаков, пять желаний и десять указаний. Мужчина должен наблюдать эти признаки и реагировать соответственно».

Хотя язык древних китайских руководств по дао любви более красочен и поэтичен, чем любое современное медицинское пособие на исследуемую тему, это вовсе не означает, что забытые авторы несерьезно относились к вопросам любви и секса. С далекой древности китайцы знали, что хорошее здоровье, любовь и секс — важная сторона медицины, где польза не умаляет удовольствия. Наоборот, сущность дао любви состоит в том, что любовь и секс только тогда полезны, когда приводят к гармонии, к полному взаимному удовольствию.

ЧТО ТАКОЕ ДАО?

«Большое дерево вырастает из маленького, девятиэтажная башня начинается с горстки земли, путешествие в тысячу ли — с первого шага»¹⁰

Чтобы понять древний даоский путь любви, мы должны сначала иметь какое-то представление о дао — том фонтане, из которого истекает дао любви, философия, которая верно служила китайцам и усиливала их природную выносливость (в сочетании с правилами благоразумия и точным выбором времени). В старину говорили, что «если конфуцианство — верхняя одежда китайца, то даосизм — его душа». Своей долговечностью китайская цивилизация явно обязана своим поучениям, в поэтической форме проповедовавшим терпение и гармонию:

«Кто наполняет сосуд слишком, тот рискует перелить через край.

Кто оттачивает лезвие слишком, тот не может долго сохранить его остроту»¹¹.

Дао само по себе является природной мудростью, рожденной тысячелетия назад. Никто не знает точно когда, однако в VI в. до н. э. Лао цзы собрал ее основные правила в книгу, которую назвал «Дао дэ цзин». Она состоит из немногим более, чем 50 тыс. слов, что делает ее, видимо, самой небольшой из важнейших книг мира. Она переведена на многие языки — только на английском вышло более 30 изданий. Каждый переводчик понимал и интерпретировал слова Лао цзы по-своему, однако в основе даоской философии лежит вера в то, что энергия и количество движений являются источником всей жизни. В универсальной системе вещей мы, люди, являемся крошечными, незначительными и легко уязвимыми созданиями. Если мы находимся не в гармонии с этими источниками — бесконечной силой природы, — мы не можем надеяться на долгую жизнь. Таков важнейший принцип «Дао дэ

цзин», где дао являет собой бесконечную силу природы.

Философия дао — это терпение. Для следования дао необходимо подлинное расслабление, чтобы стать естественным и иметь возможность присоединиться к этой бесконечной силе. Дао любви развилось из естественной философии предусмотрительности, сохранения энергии и гибкости при свободе движения.

Интерес к даосизму проявился на Западе сравнительно недавно. В 1929 г. психолог К. Юнг написал введение к книге по даосизму, а в собрание своих работ включил эссе о дао. Он пишет: «Так как предметы внутреннего мира влияют на нас более сильно из-за их неосознанности, необходимо каждому, кто пытается развить внутреннюю культуру... постараться понять, что скрывается за этими воздействиями. Таким образом, приспособляясь, он защищается от невидимого. Никакое приспособление невозможно без уступок обоим мирам.

Из рассмотрения требований внутреннего и внешнего миров, точнее, из конфликтов между ними, следует возможное и необходимое. К сожалению, наш западный ум, не располагая всей культурой в этом отношении, не выработал не только понятия, но даже названия «единства противоположностей посредством среднего пути», то есть важнейшей концепции внутреннего опыта, которую можно с известной осторожностью сопоставить с китайским понятием дао»¹².

Юнг рассматривает далее свои психоаналитические приемы с позиций соответствия китайским. И даосы, и Юнг искали путь к гармонии жизни, которая является основой дао любви.

СХОДСТВО МЕЖДУ ДРЕВНИМИ И СОВРЕМЕННЫМИ ИССЛЕДОВАНИЯМИ СЕКСА

Как я уже отмечал, древние китайские ученые и врачи изучали и обсуждали вопросы секса и сексуальных действий почти так же, как это делают теперь Мастерс, Джонсон и Кинси. Многие заключения древних китайцев вновь подтверждены современной наукой. К примеру, Мастерс и Джонсон первыми из современных исследователей секса одобрили повторяющиеся перерывы в интимной близости полов для продления полового сношения, представления женщине возможности полного удовлетворения, а мужчине — постепенного приобретения способности к контролю за эякуляцией. Это почти полностью согласуется с древнекитайскими текстами о дао любви, которые учат такому же способу управления эякуляцией...

Те же Мастерс и Джонсон первыми из западных ученых предложили неограниченное сдерживание эякуляции мужчины¹³.

Их непредубежденное размышление отличается от дао любви только по степени. Дао постоянно призывает всех мужчин развивать контроль за эякуляцией и считает это полезным для обоих полов.

Возможно самым сенсационным заключением Мастерса и Джонсона было то, что мужчине во время интимной близости не рекомендуется эякулировать каждый раз. Это правило в особенности важно соблюдать при достижении мужчиной пятидесяти лет. Мастерс считает этот раздел наиболее важным во второй книге «Половое неравенство людей». Он говорит, что если пожилой мужчина примет этот совет во внимание, «он станет потенциально очень эффективным партнером»¹⁴.

Дао любви полностью соответствует этим утверждениям. Врач VII в. Ли Дунсюань, глава медицинской школы в Чаньани, столице империи, пишет в своей книге «Тун Сяньцзу»: «Мужчина должен развивать способность к сдерживанию эякуляции до полного удовлетворения партнерши... Мужчина должен выяснить для себя и управлять своей собственной частотой эякуляции, чтобы сделать ее идеальной»¹⁵.

ПЕРЕСМОТРЕННАЯ ЭЯКУЛЯЦИЯ

Еще в VII в. врач Сунь Сямю понизил возрастной предел с пятидесяти до сорока лет. После этого возраста, говорил он, мужчина должен очень внимательно, без принуждения, относиться к эякуляции. Почти все древние тексты о дао любви предостерегали от принуж-

не и женщине неограниченные возможности нежности в касании друг друга. Не имеет смысла советовать для этого акт, который большинство мужчин находят затруднительным, — нежно прикасаться к женщине, когда она близко или в часы досуга. Почти всякий мужчина поймет, что если он устал, он обычно предпочитает, чтобы женщина не прикасалась к нему (если он еще не изучил дао, конечно) по двум причинам: он опасается, что не сможет удовлетворить ее или просто хочет лечь спать без всяких осложнений. Но если мужчина умеет управлять собой, он не имеет подобных опасений, и, даже собираясь спать, он может наслаждаться прикосновением и ласками перед сном. Он может даже немного заняться любоддеянием (дао учит любоддеянию без напряжения). Также каждая опытная женщина в глубине души постоянно жаждет нежного прикосновения своего мужчины. Не будет преувеличением также сказать, что неудовлетворенность этого желания приводит часть женщин к лесбиянству¹⁸ или на особое внимание женщин к любимым домашним животным, которые обычно очень тепло и быстро реагируют на прикосновение. Конечно, это не всегда справедливо. По своей природе потребность мужчины в нежном прикосновении не менее велика. Проблема заключается в том, что подавляющее большинство мужчин не знает и не имеет возможности узнать, как вести себя в такой ситуации. Интересный пример к объяснению этого дает Люто, упоминаемый в этой книге.

Когда мужчина познает дао, он сможет значительно больше наслаждаться нежным прикосновением, так как между нежным прикосновением и любоддеянием проходит очень узкая граница. Но человек не в силах понять этого полностью, пока не познал дао. Адепты дао любви могут не только больше наслаждаться, но и получают больше пользы от любви. Дальше сбьясним и это.

НЭЙДАН (ВНУТРЕННИЙ ЭЛИКСИР) И ВАЙДАН (ВНЕШНИЙ ЭЛИКСИР)

Зная, как уменьшить напряжение, находясь в мире в любой момент, даос обычно постоянно наслаждается жизнью. В результате он имеет более активную, долгую и здоровую жизнь. Неудивительно, что все великие китайские врачи древности знали дао. По этой причине даосы существовали тысячелетия и ничуть не странно, что существует множество различных подходов к проблеме долголетия. В ее основе лежат две школы — школа, которая во многом полагается на внешний эликсир, и школа внутреннего эликсира. Мы говорим «во многом», потому что граница между ними ясно не определена. Даосы «внешнего эликсира» были алхимиками, находившимися в поиске очищающих лекарств, которые могли бы привести к бессмертию. Странники «внутреннего эликсира» были более реалистичными и более предусмотрительными: они считали, что искать внутри себя более надежно и достаточно для проматания жизни. Известный врач Сунь Сымяо, проживший более века (с 581 г по 682 г. н. э.), был строгим приверженцем внутреннего эликсира, отвергавшим любые медикаменты, даже если не помогали естественные средства.

Внутренний эликсир большей частью можно отнести к разуму. Странник внутреннего эликсира старается достичь как можно более совершенной координации тела и души и достигает этого посредством системы упражнений.

Вторым важным условием внутреннего эликсира является сохранение или сбережение многих вещей, что научно мыслящие люди могут осмеять, но лично я этого не сделаю. Очень часто многое, кажущееся на первый взгляд смешным, при познании становится важным. Позднее мы обсудим эти вопросы. Мы не будем здесь слишком долго задерживаться на предмете внутреннего и внешнего эликсиров (позднее мы снова их коснемся), но если вы хотите более глубоко разобраться в этом, вы можете найти необходимые размышления в книгах Л. Моренхауза «Всеобщее соответствие» и Джозефа Нидэма «Химия и химическая технология» (том V, серия «Наука и цивилизация в Китае», часть 5 «Внешние и внутренние макробиогены; эликсир и энхйнома»).

¹ «Дао дэ цзин». Глава 59.

В главе 51 «Дао дэ цзин» дается толкование значения дао и дэ: ...Дао рождает (вещи), дэ вскармливает, выращивает, воспитывает, совершенствует, делает зрелыми, ухаживает за ними, под-

держивает их. Создавать и не присваивать, творить и не хвалиться; будучи старшим, не повелевать — вот что называется глубочайшим дэ.— *Прим. перев.* См. там же. С. 129—130.

² Под советницей подразумевается Су Нюй, служившая при дворе императора Хуанди. Иногда ее называют Чистой девой или Откровенной девой. Общеизвестно мифологическое происхождение образа самого императора Хуанди.

³ Цитируется по книге: Phyllis and Eberhard Kronhausen. *Erotik Art.*— P. 24.

⁴ Ли Юй. Юпутань (династия Мин 1368—1644)

⁵ Цитируется по книге: Phyllis and Eberhard Kronhausen. *Erotic Art.*— P. 241, 242.

⁶ R. H. van Gulik. *Sexual Life in Ancient China.*— P. 51.

⁷ *Ibid.*— P. 47.

⁸ *Ibid.*— P. 156.

⁹ Как гласит предание, император Хуанди, или Желтый император, является родоначальником китайской нации. В честь его на вершине горы Цяошань, в километре к северу от уездного города Хуанли провинции Шэньси, был построен мавзолей высотой 3,6 м и в окружности 18 м. Перед мавзолеем стоит стела с надписью: «Оседлавший дракона на горе Цяошань». Именно отсюда, по преданию, император Хуанди вознесся на драконе на небо. Перед стелой возвышается беседка, а перед ней другая стела с надписью: «Мавзолей Хуанди».

На восточном склоне Цяошаня находится храм Хуанди, в котором сохранилось более 50 стел, относящихся к периоду Северная Сун (960—1127) и к более поздним временам. На стелах вырезаны эпитафии на ханском языке, а также на языках маньчжуров, монголов и других народов. Вокруг храма растут кипарисы, самый большой из них достигает почти 20 м высоты и 10 м в обхват. Этот могучий кипарис с пышной кроной и прямым стволом, по преданию, был посажен самим императором Хуанди.

Дошедшие до нас древние исторические записи повествуют, что фамилия Желтого императора — Гунсунь, первое имя — Сяньюань, а второе — Юсюн. Желтым императором — «Хуанди» его стали называть потомки. Иероглиф «хуан» — желтый — означал цвет земли и символизировал земледелие. Легендарный Хуанди, считают, родился в Шоуцзю провинции Шаньдун, скончался в горах Цзиншань провинции Хэнань, когда ему исполнилось 110 лет, и был похоронен в горах Цяошань провинции Шэньси.

К Хуанди присоединились многие покинувшие свои племена роды, среди них были цянью, ияне, жуны, ди, мяо и другие. Они осели в бассейне Хуанхэ, вокруг горы Хуашань, на берегах реки Сяшуй. По имени этой горы и реки они все вместе и стали называться хуася (китайцы).

Как говорят в Китае «Все китайцы — потомки Хуанди». Текст диалогов Хуанди и его советников, отмечает автор книги «Дао любви и секс», относится к эпохе Хань (206 г. до н. э. — 219 г. н. э.).— *Прим. перев.*

¹⁰ Дао дэ цзин. Глава 64.

¹¹ Дао дэ цзин. Глава 9.

¹² C. G. Jung, *Collected Works.*— Vol. 3.— P. 203.

¹³ Masters and Johnson. *Human Sexual Response.*— P. 185.

¹⁴ Masters and Johnson. *Human Sexual Inadequacy.*— Chapter 12.

¹⁵ Ли Дунсюань. Тун Сяньцзю, гл. 12.

¹⁶ См. подробности в разделе: «Резюме. Некоторый личный опыт».

¹⁷ Сунь Сямю имеет в виду легкомысленное расточение своего семени некоторыми людьми.

¹⁸ Сам термин лесбиянство или лесбийская любовь (извращенное половое влечение между женщинами) обязан своим происхождением названию острова Лесбос в Греции.

Глава II

ПОНИМАНИЕ ДАО ЛЮБВИ

«Ни медицина, ни пища, ни духовное спасение не могут продлить жизнь человека, если он не познал и не применял дао любви»

Пэн Цзу

ТРИ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЯ О ДАО

Три основных момента отличают дао любви от других сексуальных исследований. Их необходимо понять в совершенстве прежде, чем их можно будет применять (более полное обсуждение этих понятий следует на страницах —).

Первый: мужчина должен найти правильный порядок эякуляции в соответствии со своим возрастом и физическим состоянием здоровья. Это должно усилить мужчину так, чтобы он смог пойти навстречу желаниям его партнерши...

Второй: он влечет революционные изменения во взглядах Запада на секс. Древние китайцы считали, что эякуляция, особенно неконтролируемая эякуляция, — не самый экстатический момент для мужчин. Осознав это, мужчина способен открыть многие другие, более приятные радости в сексе. Это также упрощает для него контроль за растратой семени. Мы уже говорили об этом в диалоге Цай Нью и Пэн Цзу в «Пересмотренной эякуляции».

Третий: важность удовлетворения женщины. Эта тема уже широко распространилась на Западе в работах Кинси и последовавших за ним других западных исследователей секса. Этим моментам придано еще большее значение в различных движениях женщин. Важность этих выводов вряд ли может подвергаться сомнению.

Эти три момента составляют основу и древней китайской философии любви, которая помогла мужчинам и женщинам подойти к любодеянию в соответствии с их желаниями. Даосы придерживались того мнения, что сексуальная гармония приводит нас в единение с бесконечной силой природы, которая, по их мнению, тоже имеет сексуальные черты. Ведь земля — это женщина (*Инь*), а небо — мужчина (*Ян*). Взаимодействие и притяжение между ними составляет мир в целом. Только в развитии союз мужчины и женщины тоже создает единство. А все вместе рождает всемирную гармонию.

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ

С самого начала женщины играли важную роль в философии дао любви. Они были известны оттуда как учителя и советницы императора. Роль женщины никогда не снижалась в китайской философии до второстепенного уровня, ее важность широко иллюстрировалась в текстах по дао любви, дошедших до нас чаще в виде диалогов (например, императора Хуанди и его советницы Су Нью). По приведенным выше диалогам мы можем судить, что их язык очарователен и откровенен. Дальше мы будем обращаться к восточной лексике, называя мужскую плоть «нефритовым стволом» (юйхэн), а женскую — «нефритовыми воротами» (юймэнь). Интересно заметить в связи с этим, что древние китайцы никогда не использовали термины в уничижительном смысле, как это делают сегодня люди улицы. Их открытое и свободное отношение к сексу делало невозможным для всех думать о сексуальных терминах как о «грязных словах».

ВАЖНОСТЬ ЛЮБОДЕЯНИЯ

Император Хуанди: «Я устал и ощущаю дисгармонию. Я в печали и полон страха. Что мне делать с этим?»

Су Нью: «...Женщина сильнее в сексе и в строении тела, чем мужчина, как вода сильнее огня. Те, кто знает дао любви, подобны хорошим поварам, знающим как смешивать пять ароматов в одно вкусное блюдо. Те, кто знает дао любви в гармонии инь и ян способны смешивать пять радостей в небесное удовольствие; те, кто не знает дао любви, умрут преждевременно, не получив действительного наслаждения от любви. Не это ли надлежит исследовать вашему величеству?»

У Хуанди было четыре советницы-женщины и только один мужчина Сюань Нью.

Хуанди: «Су Нью учила меня, как достичь гармонии инь и ян. Теперь я хочу услышать, что ты скажешь об этом, чтобы подтвердить то, что я узнал».

Сюань Нью: «В нашей вселенной все живое создано гармонией инь и ян. Когда ян имеет гармонию с инь, то все его проблемы будут решены, а если инь имеет гармонию с ян, все препятствия на ее пути исчезнут. Одна инь и один ян должны постоянно помогать друг другу. И тогда мужчина ощутит твердость и силу, а женщина будет готова принять ее в себя. Тогда двое пребудут в единении, их секреты будут питать это целое»...

НЕПРАВИЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДАО

...В течение многих лет дао любви не совсем правильно понимали на Западе. Оно было неверно представлено многими западными писателями; все они давали ему имена, которые в действительности никогда ему не соответствовали. Список некоторых из наиболее употребительных включает следующие:

а) Койтус резерватус. Термин впервые был создан на Западе несколько сот лет назад. Он вводит в заблуждение, ибо сосредоточивает внимание слишком узко на одном только аспекте дао любви. Например, он, помимо всего прочего, не принимает во внимание совет дао любви о регулировании интервалов спускация в зависимости от возраста мужчины, его силы и физического состояния.

б) Мужское воздержание. Термин родился в Обществе Онейда, экспериментальном коллективе американского штата Вермонт в середине XIX в. Он стал более известным после упоминания в создавшей целую эпоху книге Хэвлока Эллиса «Исследование в области психологии секса». Как следует из названия, мужское воздержание представляет собой способ любви, требующий полного отказа от семяизвержения, кроме тех случаев, когда желательно зачатие. Дао любви не советует полного отказа от семяизвержения, кроме очень старых или очень больных людей.

в) Карецца. Очень пассивная форма любодаяния, которая ошибочно была отождествлена с древнекитайским способом любви, особенно во влиятельной книге 1920-х годов «Идеальный брак». Ее автор, Т. Х. ван де Вельде, критиковал данные методы, изложенные ранее в этом веке Марией Стоупс в книге «Любовь в браке». Фактически карецца имеет очень мало сходства с дао любви, кроме того места, где последнее относится к очень слабым или очень старым людям и предлагает им принять более пассивный метод, чтобы они могли по-прежнему что-то получать от общения инь и ян. Но дао определенно не советует молодым или здоровым и крепким людям быть пассивными. Карецца, судя по публикации Марии Стоупс, гораздо больше походит на мужское воздержание, чем на дао любви. Она включает поглаживание, а затем очень спокойное и пассивное сношение без семяизвержения.

г) Мистицизм койтус резерватус. Термин введен ныне покойным голландским дипломатом Р. Х. ван Гуликом в его замечательной и подробной книге на английском языке (с некоторыми вставками на латыни) под названием «Сексуальная жизнь в древнем Китае», упоминавшаяся ранее. Вероятно, это единственная загадочная книга, в которой дао любви обсуждается сколько-нибудь подробно. К сожалению, ван Гулик не вполне разобрался в этом вопросе. Он искренне признает это в предисловии к своей книге и именно поэтому использует термин «мистицизм койтус резерватус». Он поясняет далее, что так как не разобрался в этом вопросе до конца, он просто является компилятором и чувствует своим долгом изложить собранную им редкую и ценную информацию.

д) Тантрические искусства или тантризм. Тантризм тоже часто ошибочно принимают за дао любви, хотя оно значительно повлияло на тантризм, а возможно, даже его начала исходят от дао любви, его различные школы развились в нечто совершенно иное. Буддистская Вайраническая школа упоминает Китай как источник доктрины, которая называется «Китайская дисциплина». Индийский способ любви свержхриуален и более тесно связан с

религией, тогда как китайское дао любви остается важной ветвью китайской медицины.

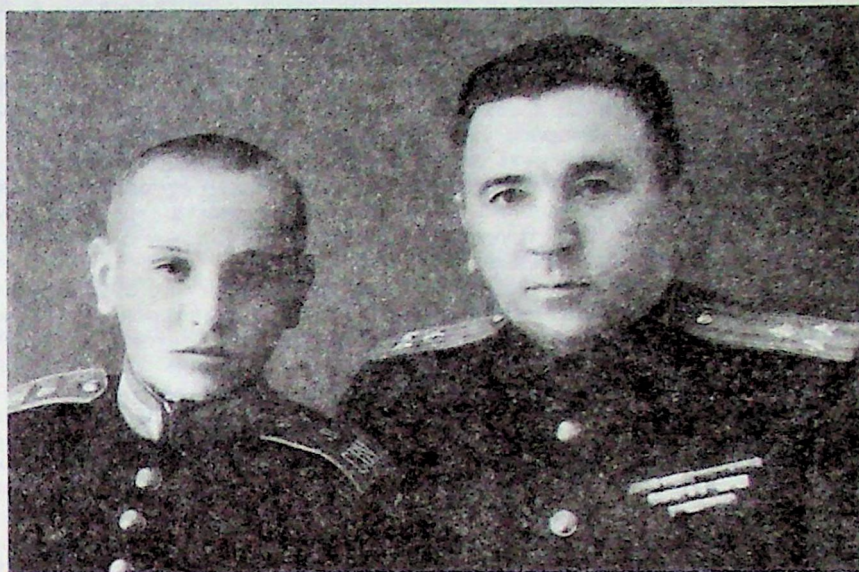
е) Имсак или исмак. Оно мало известно. По-видимому, оно имеет некоторое сходство с дао любви. «Ананга Ранга» в переводе сэра Ричарда Бартона говорит: «Такой способ называется в арабской медицине имсак, что означает «удержание» или «сохранение». Помимо этого краткого описания мы можем сказать об имсак немного, ибо о нем не было написано еще ни в одной книге. По словам биографа Али Хана Леонарда Слейтера, Али Хан применял тайный метод имсак. Слейтер пишет, что этот метод родился много столетий назад на Востоке (арабы с VIII в. оккупировали часть Индии и могли воспринять приемы тантризма. Также вполне возможно, что они научились прямо у китайцев, в тот же период времени). Применяя имсак, Али Хан был способен контролировать себя, он не терял семя более двух раз в неделю, независимо от того, как часто занимался любодееанием.

Очевидно, все эти методы либо производные, либо сходные с дао любви, но они — не одно и то же. В прошлом западные обычаи и западные предубеждения препятствовали полному пониманию дао любви. Понятия даосов казались слишком необычными, чтобы быть принятыми. Однако в течение последних двадцати лет отношение к любви и сексу на Западе значительно изменилось.

В наши дни мы можем с легкостью принять вывод Фрейда о тесной связи душевного здоровья с удовлетворительной половой жизнью — нет ни одного невроза без сексуального конфликта¹ — идея, впервые провозглашенная учителями дао любви тысячи лет назад. Именно благодаря такому благоприятному климату пришло время для полного разъяснения древней даосской философии любви.

¹ Paul A. Robinson. The Freudian Left. — P. 14.

Ю. ВЛАСОВ

Отец и сын. 1948.

Осведомленность и опора на преданных людей существенно помогли выжить. Раз-другой сыграла роль и обыкновенная случайность, везение. Погибель, уже неминуемая, обошла, сверкнула, опалила — и истаяла в небытии. Отец помянул об этом вскользь, но с удивлением и какой-то посторонней отвлеченностью, будто и не о нем речь. Вот тут, за поворотом, успел наклониться... Все это изображалось в лицах и очень живо.

Берия свел счеты сразу, за все, так сказать, заинтересованные спецслужбы. Владимирову предложили не просто должность, а лестно солидную, почти у вершины пирамиды власти этого ведомства. Владимиров обращается к высшему руководству, в том числе и к начальнику Генерального штаба, с просьбой помочь ему в устройстве на любую другую работу, но только не в ведомство на Лубянке. На таком уровне Берия практически не встречался с отказами ни в чем, а тут отказ — и самый решительный, почти пощечина. Ведь Берии, конечно, стало известно, что в рапорте на имя начальника Генерального штаба Владимиров пишет о согласии служить на любой должности, пусть даже с понижением, но только в кадрах Советской Армии.

Памятуя о «казусе» с Орловым и отношении Сталина к бывшим работникам яньваньской группы, Берия отказывается от лобовых действий. В решении вопросов по Китаю Сталин постоянно обращался к документации Владимирова и его товарищей по Яньани. Тут все не просто, да и «забот» у Берии достаёт. Это ведь годы нового растяжения сил перед очередной кровавой схваткой за власть над страной.

Он уже не командует Министерством государственной безопасности, хотя и курирует его, а заодно и Министерство внутренних дел. А тут Владимир, Яньань — это такие мелочи...

И все же...

Поздней осенью 1951 г. Берия приглашает Владимирова к себе. Он любезно поднимается навстречу, садится рядом на диване, журит за отказы служить у него и сообщает, что располагает ценными препаратами по лечению рака, среди них «новейшая противораковая вакцина». Накануне Владимир проходил медицинское обследование, обязательное при длительных выездах за границу. У него застарелый недуг с голодного лета 1921 г. — нулевая кислотность. Тут же, в соседней комнате, человек в белом халате расторопно делает Владимиру «противораковую инъекцию».

Что-то в ведении дел по Китаю толкало Берию на устранение Владимира, не только личная неприязнь. Скорее всего, желание свободы обращения с документами, независимость от мнения Владимира (подумаешь, какой-то полковник, тут маршалов и членов Политбюро превращал в прах), к тому времени выросшего в бесспорный авторитет, мнением которого уже невозможно было пренебречь.

Отец вернулся домой чуть ли не мертвый. На нем, по рассказам матери, буквально лица не было. Слег на неделю с высокой температурой и выраженной опухолью на месте инъекции. Постепенно до сознания отца дошла страшная мысль: нет противораковых вакцин, не существует в природе (рассказ мамы о тех днях хранится у меня в записи на магнитной пленке).

Вскоре после Нового, 1952 г. у отца, уже в Рангуне, открывается кровохарканье. В апреле мама привозит его из Бирмы с горловыми кровотечениями. Мы с братом встречаем их на Киевском вокзале. Я приехал из Саратова, где мне остались только выпускные экзамены. Отец первый выходит на перрон. Его лицо освещает радость, оно разглаженно-счастливо. Он смотрит на нас и не знает, кого обнять первым.

Мы оба выросли и теперь заметно выше его. Отец выдергивает из карманов легкого габардинового пальто подарки и сует нам. И уже мама обнимает нас. Ласково-нежно звучит речь отца. Мы идем по перрону, публики почти нет. Отец ни словом не упоминает о болезни. Он часто смеется. Я таким и запомнил его — струящимся счастьем... Через день отец с матерью получают гостевые первомайские билеты на трибуну — вплотную к Мавзолею. Отец после рассказывает о Сталине: прошел совсем рядом, седой, с рыжиной, но без следов одряхления, быстро поднялся на Мавзолей, жесты спокойные...

10 сентября 1953 года после непрекращающихся мучений отец умирает.

Известный хирург Бакулев, делавший ему операцию, поразился, узнав от отца о противораковой вакцине. Берия уже арестован и находится под следствием (заключенный в одно из помещений штаба Московского военного округа). Охраной Берии ведал Павел Федорович Батицкий* — друг отца по Шанхаю. Батицкий, в ту пору генерал, организовывал воздушную защиту Шанхая и других городов Китая от налетов гоминьдановских «летающих крепостей» с Тайваня, командовал советскими истребительными соединениями. По роду деятельности он подчинялся тогда отцу. Кстати, будущий маршал был тем из генералов, который срезал пуговицы с брюк Берии при аресте в Кремле. Батицкий говорил мне (это было на утиной охоте под Бежецком, в Максатихе), что Хрушев и Булганин выбрали его для данной роли из-за физической крепости: Батицкий был ростом около 180 см и весил под 140 кг. Я спросил:

— И каков оказался Берия, сильный?

Павел Федорович сморщился и проревел (голос у него был чрезвычайно низкий: ни до, ни после я не встречал людей с таким голосом):

— Да мозгляк, шибздик! Я вытащил у него пистолет, а он уже белый от страха. А рыхлый! Я с этим выродком спал все месяцы... до расстрела. Я спал в передней, а он в тупиковом помещении за мной, там содержался. У меня был приказ Политбюро: пристрелить его при появлении любых лиц без соответствующих полномочий и вообще при любой подозрительной обстановке. В двери — окошко. Я сбоку подходил при каждом вызове. А ночью двигал кровать и спал поперек прохода, у крова-

* Вместе с Батицким охраной ведал еще один высокопоставленный военный.

ти — автомат, под подушкой — пистолет. А Берия... тот, конечно, на запоре, в своей крысиной норке. Ни слова там — все месяцы молчал, ходил, много ходил...

Это впечатляло: генерал-полковник денно и нощно на вахте, многие месяцы, весь в напряженном внимании, вслушивании, придирчивой проверке документов даже у сто раз знакомых лиц. Предосторожности вполне понятные. Желающих поспособствовать в освобождении Берии по стране таилось предостаточно. Многих кровь привадила к власти. Немало о ней, крови, и власти через кровь, мечтают и поныне.

Когда Павел Федорович рассказал о кабинете Берии, я спросил по простоте душевной: а сейфы — что, там были планы захвата власти?

Павел Федорович ухмыльнулся, повел на меня зарослями густых бровей, поскреб руку под курткой и забасил на тон ниже любого баса из слышанных мной:

— Бумаг практически не было, бумаги дома держал. А в служебных сейфах... белье. И не поверите.

— Какое белье, что вы? — переспросил я.

— Много комплектов дамского белья и порнография. Один сейф так доверху заполнен, ничего другого не было: чулки, лифчики, сорочки. Тряпками рассчитывался с женщинами, их правдой и неправдой доставляли ему, даже четырнадцатилетних...

Я спросил, известно ли, как вел себя Берия в день похорон Сталина, после своей речи.

— На заседании трибунала одна из дам показала, что в тот день ждала Берию с подружкой у него в апартаментах. Берия вернулся с похорон очень самоуверенный, оживленный. К ночи крепко закунул, немного выпил, увел женщин в спальню, где они разделись. Обнимая их, сказал: «Сталин умер, но дело его живет».

— Берия отпирался, увиливал от обвинений?

— А что увилывать? Свидетели выступали, документы предъявлялись. Он выслушивал, иногда читал, а после говорил уныло: «Било» (то есть: было). Понимаешь, он из патологических трусов.

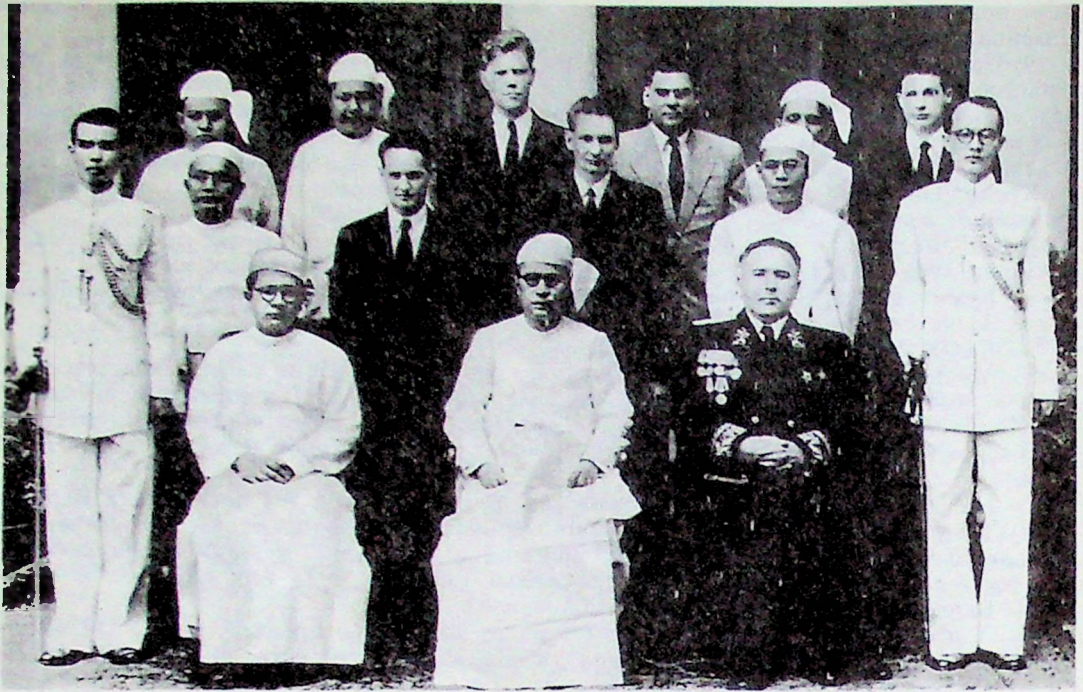
— А кто его расстрелял, где?

— После оглашения приговора я поднялся и спросил у маршала Конева (он был председателем трибунала) разрешения привести приговор в исполнение. Мне дали это разрешение. Там же, в зале, я взял у одного из караульных автомат и повел этого выродка под охраной в подвал. Веду — и глазам не верю: испражняется на ходу. По ногам — испражнения, вперемешку с мочой. Обделался «герой». Да ему тысячи смертей — и мало бы! Надо отпустить его шагов на пять и... А он уперся, почувствовал, вот сейчас будут стрелять. Тогда я ему во весь голос: «Марш вперед!» Он засеменил. Я и диск в него, до последнего патрона! Выродок!..

После ареста Берии, Абакумова, Кобулова, Деканозова и еще целой группы подобной нечисти в бывшей «спархнии» Берии царила сумятица. Это позволило Бакулеву дознаться, что за человек делал уколы Владимирову. Им оказался полковник медицинской службы, почти тотчас расстрелянный как «враг народа» после отъезда Владимирова в Бирму. Большого узнать Бакулеву не удалось, да он и не особенно стремился. Изоляция Берии и части его «команд» — это одно, а закоренелый страх, даже не страх, а какое-то онемение перед этим ведомством — пожирателем людей — другое. Это какой-то синдром, что выше разума и воли.

Да, и еще воспоминание... Когда отец умирал, его навещала жена Мао Цзэдуна — Цзян Цин, будущая глава погромной «четверки», заправлявшей «культурной революцией» в Китае до и непосредственно после кончины Председателя. Цзян Цин бывала в Советском Союзе четыре раза — и все подолгу, для лечения. Впервые она приехала в Москву весной 1949 года, в год семидесятилетия Сталина. Ей удалили гланды, после операции Цзян Цин отдыхала в Ялте. Она будет вспоминать о роскошных покоях, где ее размещали, о приеме у Сталина. В 1952—1953 гг. она безвыездно в Советском Союзе: лечится, отдыхает в Москве, Ялте. Халат ей шит по личному указанию Сталина. По его впечатлению, обычный, что носят в больницах, слишком тяжел ей. Этот, сталинский халат зеленого цвета и очень тонок. Под Москвой, в Барвихе, она узнает о болезни и смерти Сталина, наблюдает потрясение советских людей, «особенно бюрократии». Последние два визита, тоже для лечения, приходится на 1955—1957 гг. Ее подвергают противораковой лучевой терапии. И видимо, успешно, она жива и по сию пору.

Мама неотлучно дежурила у постели отца. В дни наездов Цзян Цин появлялся молчаливый мужчина с дорогой коробкой конфет и букетом цветов — и вручал это маме.

Бирма, 1952 г. Отец после вручения верительных грамот с Президентом Бирманского Союза Ба У и премьер-министром У Ну

— Вручите товарищу Цзян Цин, — неизменно наставлял он.

И мама вручала эти якобы семейные дары «товарищу Цзян Цин».

Цзян Цин лично удостоверилась в том, что Владимиров действительно уходит из жизни. Для Мао Цзедуну Владимиров — нежелательный свидетель, из самых осведомленных в подноготной политической борьбы в КПК. Председатель не забывал об этом. Отнюдь не случайно один из официальных тостов на торжественном банкете 1 октября 1949 г. в честь провозглашения Китайской Народной Республики обращен к Владимирову как соратнику и другу по борьбе за победу революции.

Почетный тост обернулся для Владимирова неприятностями. Мао Цзедун произнес его вскоре после основных, обязательно-официальных, не провозгласив еще тоста за руководителя советской партийно-правительственной делегации Молотова. Такое внимание, вроде бы самое дружеское, поставило Владимирова в неловкое положение, чреватое всякими последствиями. Молотов был предельно раздражен и дал понять это Владимирову, а ведь в ту пору он был вторым человеком после Сталина...

Глубокой ночью после банкета Мао Цзедун уводит Владимирова в дальнюю дворцовую комнату и в присутствии Чжоу Эньлая вручает подарок: часы богдыхана, не марионеточного, из Маньчжоу-Го, Пу И, а Гуансюя — последнего взрослого отпрыска императорской династии Цин, с именем которого связаны проекты обновления Китая реформатора Кан Ювэя. 21 сентября 1898 года Гуанской был схвачен при выходе из тронной залы и заточен. На троне — его тетка, развратная Цыси. Они умрут почти в один день, Гуанской — 14 ноября 1908 года, Цыси — 15 ноября. Безусловно, это — убийства. В день своей смерти Цыси, еще совершенно здоровая и бодрая, успевает возвести на престол двухлетнего Пу И, внука своего давнего любовника Юн Лу.

Свидетели невероятных событий эти карманные часы. Рассказ о них — уже целая книга судеб: и страны, и людей, причастных к этим событиям. В самом деле, их держал

* Часы переданы в Оружейную палату в 1966 г.

в руках Гуансюй, они отсчитали ему последний миг жизни, видела их, а возможно, и прикасалась к ним и Цыси, видел великий Кан Ювэй, видели знатнейшие из знатнейших феодалов страны, держал в руках, любясь, Мао Цзэдун. И вот они в руках отца...*

Вручая часы, Мао Цзэдун сказал:

— Никто столько не сделал для понимания наших целей и задач, никто столько не помог нам. Это и награда, и память вам, товарищ Сун Пин.

И объяснил Сун Пину «генеалогию» подарка. Сун Пин — под этим именем Владимира знали в Китае. До сих пор у меня хранится личная печать отца с иероглифами «Сун Пин», и тушь до сих пор не высохла. С 1945 г. она сохраняет силу, и я изредка штемпелю ею особо дорогие из книг. Этой красной туши скоро полвека.

И награда, и память... Я порой вспоминаю эти слова перед надгробием отца на Новодевичьем кладбище.

В конце ноября 1973 г. из печати вышел «Особый район Китая». Книга вызвала чрезвычайный интерес у читателей, и не только в Советском Союзе. Она была издана в США, Италии, Японии, Венгрии, Болгарии и еще ряде стран. Я стал получать много писем, среди них оказалось письмо из Одессы, написанное 23 января 1975 г. бывшим сотрудником советского посольства в Бирме Аникиным. Константин Михайлович сообщал, что служил в Рангуне под началом Владимира, что «Особый район Китая» очень нравится ему и он пользуется книгой в лекторской работе. «Изложению материала мне помогает и такое обстоятельство, как близкое общение с Риммаром Николаем Николаевичем — радистом Петра Парфеновича. — писал Константин Михайлович. — Волею судеб с Риммаром мы более двенадцати лет служили на Дальнем Востоке и находились в тесной дружбе вплоть до моего отъезда — перевода в Одессу в 1964 г. (посылаю Вам наше совместное фото). Он, бывало, рассказывал мне, как нередко ночами напролет передавал в Москву горы подготовленной Петром Парфеновичем информации, рассказывал о встречах с Мао, Цзян Цин, Ван Мином, Чжу Дэ и другими. Сейчас Николай Николаевич, как и я, полковник запаса, живет в Воронеже. Мы поддерживаем письменную связь. С выходом книги, — сообщил Риммар мне, — им заинтересовалась местная воронежская пишущая братия. Я рекомендовал списаться с Вами, но у него, как и у меня, не было Вашего адреса».

Новость поразила! Работа над «Особым районом Китая», я встречался с Южиным и Долматовым. Они составляли так называемую первую часть группы — старожилов, которая отбыла на Родину, в Советский Союз, на исходе октября 1943 г. Именно воспоминания Южина и Долматова дали материал, которому нет цены, — показания очевидцев, дыхание времени. Южин помог наладить отношения с другими востоковедами, имеющими касательство к Китаю тех лет или деятельности советской группы в Особом районе. Но все, что могли сообщить эти люди об Особом районе, обрывалось на октябре 1943 г., никто, кроме Владимира, Орлова и Риммара, не находился там в 1943—1945 гг., а ведь именно тогда в Яньани развернулись самые важные события, которые на десятилетия определили судьбу великого народа: VII съезд КПК утверждает маонизм политико-философским догматом КПК; настойчивые контакты руководства КПК с американцами — «союзническая миссия наблюдателей» во главе с помощником военного атташе США в Чунцине полковником Барретом; разгром Германии и смещение центра мировой политики на Дальний Восток; разгром Японии, крушение власти японских захватчиков в Китае; шаткое перемирие между КПК и Гоминьданом накануне решающей схватки за власть в стране.

Для работы над книгой так не хватало свидетельства очевидцев! Но Владимир и Орлов давно уже покоились в земле. Все, с кем приходилось соприкасаться в работе, или ничего не знали о Риммаре, или утверждали, что он тоже погиб, — и вдруг письмо Аникина. Я написал в Одессу, и почти тотчас последовал ответ, а с ним — адрес Риммара. Я онемел от волнения и восторга, вглядываясь в цифры и буквы адреса. Тогда же, 2 февраля, я отправил письмо в Воронеж. Ответ долго не приходил, очень долго.

Письмом от 25 апреля Риммар наконец откликнулся: «Первое знакомство с Вашим отцом состоялось в Генштабе в апреле 1942 г. Тогда он, пожимая мне руку и пытливо вглядываясь в меня, сказал: «Петр Власов». Затем добавил — «Владимиров». Мы находились некоторое время полностью изолированными от внешнего мира, оставаясь, однако, в Москве. Орлов присоединился к нам днем позже. Жили мы дружно и хорошо.

Затем поездом добрались до Алма-Аты. Ехали порознь, в разных вагонах. Дальнейшее все Вам известно. Вспомнил я этот момент лишь для того, чтобы еще раз выразить Вам глубокое уважение к Вашему отцу и, прямо скажу, преклонение перед его стойкостью и мужеством. Он был болен. Серьезно болен. Однако за все годы совместной работы я ни разу не слышал от него ни слова жалобы, ни стонов. Он стойчески продолжал исполнять свой долг, и — оплавленная свеча — синяки под глазами и отечность конечностей, и работа, работа, работа... Бывало и так: мы с Орловым переносили Вашего папу из-за стола, за которым он работал, на диван, когда он находился на грани потери сознания. В таких случаях Орлов дежурил около Вашего отца, готовил лекарства и постепенно приводил его в норму. Если кризис затягивался на два-три и более дня, то уже на второй день болезни являлся с визитом Мао Цзэдун, а за ним и вся верхушка и их жены. Приходили тихие и смиренные, говорили шепотом, задерживались на несколько минут и непременно оставляли какую-нибудь передачу. Чаще всего это были фрукты и сладости, вроде картофеля, запеченного в сахаре. Даже Кан Шэн и тот не отставал от других, но держался он всегда вызывающе и, как бы это точнее сказать, скандально, что ли. Делали ему замечания все, а Чжу Дэ (наш вернейший друг и товарищ) просто выставлял Кан Шэна за дверь... Вы вправе гордиться своим отцом».

В ответ я отправляю Николаю Николаевичу приглашение приехать в Москву и быть гостем нашей семьи: «Уважаемый Николай Николаевич, Ваше письмо доставило глубокую радость. Бесценны не только Ваши добрые слова, но и воспоминания. Многое есть что сказать, многое есть что спросить, но письму это доверить нельзя, да и не выйдет тепло и задушевно, как при встрече. А встретиться надо бы. И не потому, что я что-то рассчитываю напечатать — это практически исключено. Несмотря на обострение отношений с Китаем, эту книгу («Особый район Китая». — Ю. В.) мне едва удалось пробить. Недругов у нее там, наверху, где решаются судьбы, гораздо больше, чем друзей. Били и травили меня за определенные выводы безжалостно. И прошел я с этой книгой по всем ступеням власти, до самых верхних. Политическая обстановка очень сложная. Но об этом не в письме. Тут из-за книги была свалка смертоубийственной. Слишком многих она задела, и задела не по-шуточному. Слишком многие мечтают о старых временах. Слишком многие не видят сущностной разницы в социально-общественных структурах и считают преступным появление подобных книг. У всех разное понимание Родины и своего долга. А все эти люди с огромными должностями и влиянием... Я практически в полной изоляции после напечатания этой книги. Уж очень многие мне ее не прощают и сводят счеты... Книгу хвалят сквозь зубы и по возможности ограничивают ее популяризацию. Запрещены всякие дополнительные ее допечатки... Однако встретиться и восстановить подробности мы обязаны. Нет людей, более знающих Мао — этого гения зла, чем отец, Вы и Терebin, но только Вы в состоянии это сделать. Без преувеличения — это Ваш долг. По смерти Мао домьслам, и злым домьслам, не будет конца. А эти домьслы в душе у многих наших «великих» политиканов. Факты надобны, факты! Напишите, как лучше всего свидетелю. Если нужно, я выберу время и подъеду. Простите за деловитую напористость письма, но она продиктована самыми добрыми чувствами».

Николай Николаевич ответил, что связан болезнью жены и рад был бы в свою очередь принять нас у себя, в Воронеже. К тому времени у меня возникло стойкое желание дополнить материалы «Особого района Китая» рассказом Риммара. Кроме него, не осталось в живых ни одного очевидца. Яньань в 1943—1945 гг. навещали и другие официальные советские представители, пусть на неделю или несколько дней. Но, увы, уже никого в живых не осталось — ни одной души. Поэтому показания Риммара о том времени обретали бесспорную историческую ценность. Вместе с «Особым районом Китая» они являются документом времени. Надо было спешить.

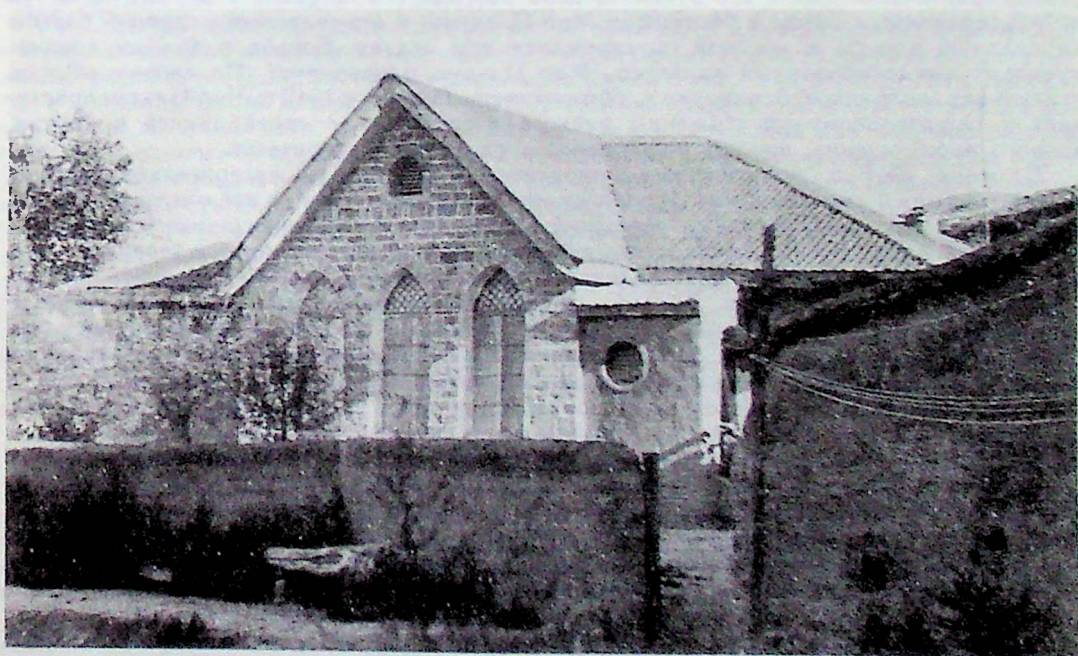
17 июня 1976 г. я со своей семьей приехал в Воронеж. Меня мучило нетерпение: каков же Николай Николаевич? И вот передо мной крепкий, среднего роста человек с окладистой бородой: сильные движения, уверенный голос, прямая осанка. Ему нельзя было дать его шестидесяти трех, не будь седины в бороде. В Москву я увез несколько магнитных пленок с записями бесед. Владение материалом помогло. Николай Николаевич кое-что уже успел забыть, и напоминания о тех или иных фактах, людях как бы сшивали прошлое. Мы условились, что я буду писать, Риммар — отвечать. Я отправлял

одно письмо за другим — десятки, сотни вопросов. Николай Николаевич терпеливо и подробно отвечал (таких писем в моем архиве оказалось свыше четырех десятков). Объем материала подтолкнул меня к написанию книги. Я поделился замыслом с Риммаром. Он согласился. Итак, я становился автором новой увлекательной для меня работы. Решил писать от первого лица. Эта манера очень близка мне. Я отношу ее к самой выигрышной как в художественном, так и психологическом планах. Правда, по сравнению с письмом в третьем лице, это гораздо более сложная работа, но я уже втянулся в такое литературное изложение. Все свои работы исполнил и исполняю именно в этой манере. Решил весь накопленный материал (а у меня кое-что оставалось и от архивов «Особого района Китая») изложить в форме рассказа Николая Николаевича, реконструировав воспоминания.

На следующий год в моем доме встретились Риммар и Долматов. Расстались они в Яньани тридцать три года назад и теперь впервые после Яньани пожимали друг другу руки. Их воспоминания, хотя порой сбивчивые, скачущие, дали немалый дополнительный материал. Николаю Николаевичу приходилось проявлять великое терпение и выносливость, отвечая на десятки и десятки вопросов. По крохам воссоздавалось яньаньское прошлое. В конце концов получился подробный и, на мой взгляд, ценный документ. Некоторым недостатком его являлось отсутствие достаточного политического материала, что можно объяснить особым положением Риммара в Яньани. Это становится понятным при чтении книги. Зато круг лиц, с которыми Риммар имел возможность встречаться, чрезвычайно интересен: Мао Цзэдун, Цзян Цин, Бо Гу, Чжу Дэ, Чжоу Эньлай, Кан Шэн, Лю Шаоци, Линь Бяо, Пэн Дэхуай, Е Цзяньнин и др. Восстанавливать события тридцатилетней давности Николаю Николаевичу оказалось непросто: записи были исключены даже после возвращения на Родину.

Работу над книгой тормозила болезнь: именно в те годы я, что называется, «посыпался», и «посыпался» тотально. С трудом, но довел работу над «Яньаньским узлом» до конца. Рукопись незамедлительно последовала в Воронеж на отзыв, летом 1979 года оказалась в редакции журнала «Вопросы истории» и... канула в архиве.

С контрреволюционного переворота Чан Кайши 1927 г., разрыва соглашения Гоминьдана с КПК в Китае постепенно нарождаются советские районы, где действуют

Дом советских военных корреспондентов в Яньани (1944).

народные органы власти под защитой вооруженных сил КПК. Ко времени Великого похода китайской Красной армии (1934) насчитывалось примерно шесть крупных устойчивых советских и партизанских баз. В Восточной Цзянси и Западной Фуцзяни размещался Центральный советский район с «красной столицей» в Жуйцзине. Здесь в 1931 г. возникло Временное революционное правительство во главе с Мао Цзэдуном и Революционный военный совет под началом Чжу Дэ.

Изолированность районов делает их уязвимыми перед карательными походами войск Чан Кайши. Это вело к неоправданно тяжелым потерям в людях и средствах, затрудняло руководство борьбой. Яньань, маленький городок в Северной Шэньси, становится центром нового района (недолго таким центром считалась Баоань), куда сходятся измученные, поредевшие колонны Красной армии из различных провинций. После начала войны с японцами и образования единого антияпонского фронта советский район с центром в Яньани преобразуется в Особый район Шэньси — Ганьсу — Нинся, позже — Пограничный, но в обиходе закрепилось название Особый район. Здесь вокруг Мао Цзэдуна собираются преданные ему работники. Правда, не все из них разделяют его взгляды на революцию.

Итак, в Яньани центральные учреждения партии впервые оказываются вместе, члены ЦК, Политбюро и других органов КПК, которые прежде и по отдельности действовали обычно не в полном составе. В ноябре 1937 г. в Яньань с установками Коминтерна прибывает член Политбюро ЦК КПК, представитель КПК в Коминтерне Ван Мин. Мао Цзэдуну такие люди органически враждебны. Они связывают его волю, ограничивают власть, олигетворяя все «некитайское». Это характерно для мелкобуржуазной природы «марксизма» Мао Цзэдуна — оценка идей, событий, людей, прежде всего с националистических позиций. Взгляды Мао Цзэдуна на текущий момент, революцию и вообще философию марксизма вступают в противоречие с их взглядами, в основе которых марксистские оценки и отработанные Коминтерном установки. Таким образом, объединение для Мао Цзэдуна невольно предпологает и подавление; назревает необходимость решения самого главного вопроса — завоевания безграничной власти над партией, с обязательностью «китайской сущности» этой власти, чуждой подлинному марксизму. Быть или не быть подобной власти — вот ключ к пониманию поведения Мао Цзэдуна в те годы, ибо власть над армией после совещания в Цзуньши (1935) фактически уже в его руках. Борьба разгорается не сразу и вообще является не изолированным актом в биографии Мао Цзэдуна, а продолжением главной борьбы за главную власть, к которой он стремился всю жизнь. Борьба в Яньани поначалу носит замаскированный характер. Мао Цзэдун маневрирует. По своему обычаю сталкивает соперников, блокируется, обманывает... Однако с 1942 г. Мао Цзэдун приступает к решительному уничтожению всякого несогласия со своей линией в партии, всякого иного мнения, вообще подавлению всех прочих авторитетов.

С осени 1941 г. политических оппонентов Мао Цзэдун презрительно именует «догматиками» и «москвичами». Научному марксизму Мао Цзэдун все откровенней противопоставляет свой «марксизм реальности». Определить периодизацию этой борьбы сложно (да и нет особой надобности), — борьба, итогом которой явится утверждение в основе идейной платформы КПК маоизма. Но сначала следовало опорочить Коминтерн и подорвать авторитет ВКП(б). Только после этого становилось возможным замещение идеологии марксизма маоизмом и устранение коммунистов-интернационалистов с руководящих постов в партии. Атаки на интернационалистов не прекращались ни на один день. Объективно способствующий Мао Цзэдуну силой являлся аграрный характер китайской революции, во взглядах Мао Цзэдуна находит концентрированное выражение крестьянская идеология тех лет.

С 1931 г. Япония оккупирует Маньчжурию, в 1937 г. развязывает войну против Китая, поработав все новые и новые провинции. Под напором патриотических сил и по инициативе КПК между КПК и Гоминьданом было заключено соглашение о прекращении междоусобной вооруженной борьбы, создан единый анти-японский фронт. Коминтерн считает соглашение между КПК и Гоминьданом важнейшим условием деятельности КПК в условиях японской агрессии. Фашизм в мире может быть остановлен лишь единением всех прогрессивных и патриотических сил.

Соглашение в определенной мере противоречит планам Мао Цзэдуна, который видит в войне с Японией всего лишь шанс для захвата власти в стране. По его расчетам,

гоминьдановская система обескровится в сопротивлении Японии. Поэтому КПК и ее вооруженные силы должны весьма ограниченно принимать участие в боевых действиях. Это позволит не только сохранить силы, но и умножить территорию за счет Центрального правительства в Чунцине. Так формируется политика саботажа единого антияпонского фронта.

Эта политика вступает в противоречие с установкой Коминтерна о необходимости союза КПК и ГМД, ибо союз призван наиболее полно служить целям защиты китайского народа от агрессора, служить интересам всего человечества, борющегося против фашизма, содействовать устранению угрозы войны на два фронта для Советского Союза. Да и невозможно сопротивление японской агрессии без армий Центрального правительства. Большая часть территории Китая находится под контролем Центрального правительства. Именно ему оказывают существенную военную и экономическую помощь США и Советский Союз.

Эти доводы интересуют Мао Цзэдуна лишь в связи с его борьбой за личную власть над партией, а потом, как генеральная цель, — над страной. Поэтому он воспринимает решения Коминтерна как враждебные. Мао Цзэдун по-своему учел неудачи СССР в первые четырнадцать месяцев войны. Для него почти очевидно, что СССР проиграл войну. Раз так, Председатель не считает нужным особенно маскировать свои действия. Борьба против интернационалистов, «москвичей», «догматиков» обращается в жестокую политическую кампанию по упорядочению стиля — «чжэнфын».

Сначала и наиболее откровенно «чжэнфынная» борьба завязывается в верхушке партии, главным образом в Политбюро. Первые из столкновений относятся к ноябрю-декабрю 1941 г. Однако своими выступлениями 2—5 мая 1942 г. Мао Цзэдун начинает обработку и всей кадровой части партии, сосредоточенной в Яньани. Членами Политбюро и секретарями ЦК КПК в ту пору являлись Мао Цзэдун, Кан Шэн, Ван Цзясян, Чэнь Юнь, Чжу Дэ, Ван Мин, Бо Гу, Жэнь Биши, Чжоу Эньлай, Лю Шаоци и др. Первый удар Мао Цзэдун наносит по Ло Фу, Ван Цзясяну, Ван Мину, Бо Гу и Чжоу Эньлаю, хотя какая-то доля критики достается и другим. В результате грубого нажима и шельмования выступают с покаянными речами Ло Фу, Ван Мин, Ван Цзясян, Бо Гу, Дэн Фа. Среди безусловных единомышленников Мао Цзэдуна — Кан Шэн, Жэнь Биши и какое-то время спустя — Лю Шаоци. На относительно нейтральной позиции — Чжу Дэ.

Мао Цзэдун подвергает активной ревизии историю КПК и революционного движения в Китае начиная с Синхайской революции. Он оборачивает в свою пользу как неудачи революционной борьбы партии (не все директивы Коминтерна были свободны от ошибок), так и сражений против Японии. Может быть, в критике Коминтерна и присутствовала доля истины, но лишь доля, и уж никак она не давала оснований для подрыва смысла и значения единого антияпонского фронта, объединенной борьбы против фашизма, братской дружбы народов Китая и Советского Союза, тем более для враждебности, переходящей в ненависть ко всему советскому. А Председатель исподтишка навязывает мысль: Коминтерн и «догматизм» в партии, который якобы насаждала Москва, — вот единственные виновники неудач. По логике Мао Цзэдуна, Коминтерн и Москва страдают абсолютным непониманием китайской действительности; вкупе с Коминтерном Москва воспитывает «догматиков», не способных к творческому приложению марксизма, и тем самым засоряет кадры: без «очищения» путь вперед закрыт. Стойкость в убеждениях проявляет Ван Мин, но в конце концов и он уступает. Этот отход от позиций наиболее впечатляюще находит выражение в покаянном письме Ван Мина делегатам VII съезда КПК.

В этой чистке партии Мао Цзэдун с особым искусством использует прецедент процессов 1936—1938 гг. в Советском Союзе. Они позволяют маскировать действия и безвинно карать за несогласие. Он навешивает на политических противников ярлыки «меньшевик», «троцкист», «бухаринец», «враг народа», «вредитель», «иностранный агент». В этом пыточно-кровавом деле незаменимым помощником оказывается начальник тайных служб Особого района Кан Шэн — бывший ответственный работник ИККИ в Москве (1936—1937), это, можно сказать, китайское издание Берии.

Некоторая туманность формулировок кампании, порой лозунговая отвлеченность, непоследовательность в действиях и отчасти незаконченность таких действий определялись материальной и политической зависимостью КПК от Коминтерна и Советского Союза. Вне всяких сомнений, без политической поддержки Советского Союза

правительство Чан Кайши разгромило бы Особый район в обстановке тех лет, были такие планы. Это подтверждается многими фактами, и в частности, поведением Мао Цзэдуна в опасном конфликте между КПК и Гоминьданом весной 1943 г., кстати спровоцированном самим Председателем и ловко использованном для последующего разжигания чисток. Военные приготовления чанкайшистов вызвали тогда великий страх у Председателя. Он требует от Советского правительства немедленного вмешательства для защиты Особого района — и это в тот момент, когда Советский Союз напрягает все силы для разгрома немецких фашистов, а «чжэнфын» поносит, грязнит Коминтерн и сам Советский Союз. Решительный протест Советского правительства предотвращает вторжение гоминьдановских войск.

Устройство подобных провокаций за спиной Советского Союза — один из отработанных приемов Мао Цзэдуна. В ходе «чжэнфына» была подвергнута изощренному поношению книга Ван Мина «Две линии» («Борьба за дальнейшую большевизацию Коммунистической партии Китая»). Книга, следуя указаниям Коминтерна, доказывала неизбежность и оправданность союза КПК с Гоминьданом. Оттолкнуть от Коминтерна к своему «национальному», растравить это «национальное» и тем самым ослабить интернационализм — этому в «чжэнфыне» придавалось первостепенное значение. Недаром кадровый состав партии по указанию ЦК КПК обращается к зубрежке исторических романов «Хунлоумын», «Саньго чжи» и «Шуйху чжуань» — и это в самые напряженные месяцы второй мировой войны. В это даже трудно поверить.

Успех «чжэнфына» убедил Мао Цзэдуна в надежности этого приема. И он неоднократно использует его. По существу «культурная революция» — тот же «чжэнфын», через два десятилетия спущенный на весь Китай. Мао Цзэдун похвалялся своей демократичностью, но то была «демократия» тотального ошельмовывания и подлогов. Массы, якобы поднятые к решению насущных вопросов, питались набором отработанных лозунгов и доводов. Не они решали, их подводили к нужному решению. По этой части Мао Цзэдун был грандиозный мастер. Он чувствовал, как и когда следует обращаться к инстинктам масс, а он обращался именно к инстинктам.

Уже в Яньани маоизм был далеко не однороден. В нем пусть смутно, но просматривались расщепления, зарождались различные течения. Это предполагало неизбежные схватки за власть в будущем. Такова была Яньань в годы японского нашествия. Отсюда и понятна одна из самых характерных особенностей Мао Цзэдуна: стремление к нарушению политического равновесия в партии и позднее — в стране. Именно это не позволяет формироваться устойчивой оппозиции лично ему как вождю, «знамени китайской революции». Нарушение равновесия — это прежде всего раздувание политических страстей, лишение соперников возможности высказаться, репрессии или физическая расправа. Но всегда и во всем — прежде всего раскачивание и раскачивание народного возмущения, доведение до взрыва, слепой ярости. Тут Мао Цзэдун выступает великим дирижером народного бунта, шквала недовольства и возмущений, всей громады ярости вздыбленного народа. Именно эти свойства Мао Цзэдуна впервые проявляются в Яньани и проходят обкатку в годы «чжэнфына». И неизменно нерв таких кампаний — поначалу скрытый, замаскированный, отвлеченными лозунгами, а впоследствии разнузданно-откровенный — это антисоветизм.

Из Яньани маоизм шагнул в Китай...

Но тогда, при всей антисоветской сущности, «чжэнфынная» кампания не могла сломить дружеское отношение людей к СССР. С одной стороны, яростная обработка кадрового костяка в антисоветском и антикоминтерновском духе, с другой — симпатии к нашей стране, укоренившиеся в сознании народа, матерьяльная и политическая помощь Советского Союза. Все это вело к весьма противоречивой практике отношений. Простые люди радовались советским работникам в Яньани, ибо видели, что в своей борьбе они не одиноки. Да и не только простые. Многие кадровые и партийные работники самого различного ранга не скрывали уважения к СССР и большевизму. Особенно крепким это уважение было среди военных. Определенное значение имела неизменно дружеская позиция главнокомандующего войск КПК и одного из создателей китайской Красной армии — Чжу Дэ. Его линии придерживались и крупные военачальники Пэн Дэхуай, Хэ Лун, Е Цзяньин. Словом, в наличии был весь комплекс отношений к Советскому Союзу: от враждебных, разжигаемых руководством КПК, до откровенно товарищеских.

Вступление США во вторую мировую войну рождает у Мао Цзэдуна надежду на вытеснение Чан Кайши из их партнеров или, во всяком случае, на равное партнерство. Жизненно важная потребность Китая в едином антияпонском фронте не имеет такого значения для Председателя, хотя в 1944 г. Китай терпит подлинную военную катастрофу и японцы оккупируют даже глубинные провинции. Взаимное надувание контактов относится к 1943 г. Со второй половины 1944 г. в Яньани обосновывается представительная «союзническая миссия наблюдателей». Для Мао Цзэдуна наступает пора сложной и рискованной игры. За спиной Советского Союза он предлагает свои условия партнерства. Эти условия во многом не вяжутся с характером отношений, которые установились между Яньанью и Москвой. Более того, по ряду пунктов они предполагают устранение Советского Союза от той роли в решении дальневосточной проблемы, на которую он имеет право по своему положению великой тихоокеанской державы. Мао Цзэдун предлагает исходить из следующих посылок: роль Советского Союза не должна быть значительной при решении дальневосточных проблем (как и вообще мировых); Советский Союз не может играть роль великой тихоокеанской державы, ибо обескровлен войной; противовесом Советскому Союзу могут быть только США; будущие интересы должны связывать Китай и США более естественно, чем Китай и Советский Союз, отсюда набор самых смелых обязательств перед США.

Сложно и трудно складывались переговоры между Яньанью и Вашингтоном. Не вина Мао Цзэдуна, что Вашингтон предпочел режим Чан Кайши. Об этих событиях и других подробно рассказывает книга «Особый район Китая».

На всех стадиях переговоров одним из основных пунктов, за который боролась Яньань, была поставка вооружения для армий КПК. Оружие обеспечивало Мао Цзэдуну захват власти в стране. Можно с полным основанием утверждать, что в этих первых официальных контактах с американцами Мао Цзэдун впервые столь глубоко раскрыл свое политическое нутро.

Вашингтон отказался пойти на сближение с Яньанью, что и предопределило характер отношений между Яньанью (потом Пекином) и Вашингтоном на десятилетия вперед. Этот яньаньский узел в отношениях между Китаем и США был развязан лишь в семидесятые годы. И в его окончательном «распутывании» сыграли ключевую роль и Мао Цзэдун, и верная опора Председателя Чжоу Эньлай. Сходя в могилу, каждый из них выполнил это едва ли не основное дело своей жизни, за которым четко просматривается желание решать важнейшие политические вопросы противопоставлением Советского Союза США, нейтрализацией Советского Союза с помощью США, а зародилась эта идея в умах руководителей КПК еще в первую половину сороковых годов, о чем свидетельствуют документы «союзнической миссии наблюдателей», а также Владимирова и других советских представителей в Яньани.

Таким образом, группа ТАСС, возглавляемая Владимировым, оказалась в Особом районе на переломе борьбы Мао Цзэдуна за власть в партии.

Кстати, саботаж военных усилий Советского Союза — это не только отказ в военной поддержке расширением партизанской борьбы в тылах Квантунской армии, но и постоянное тяготение к конфликту с Гоминьданом, что вызывало напряженность между Москвой и Чунцином. В этом, помимо прочего, проглядывало и стремление Мао Цзэдуна расширить конфликт, втавив в него и Советский Союз, то есть попытка решить свои дела за счет Советского Союза. В условиях борьбы не на жизнь, а на смерть между гитлеровской Германией и Советским Союзом подобная тактика была сродни предательству. Но это опять-таки один из главных приемов Мао Цзэдуна: решать «китайские проблемы» чужими руками.

Борьба против Коминтерна, тактика саботажа единого антияпонского фронта и военных усилий Советского Союза против гитлеровской Германии, подавление коммунистов-интернационалистов, попытка войги в соглашение с США с расчетом блокирования роли Советского Союза на Дальнем Востоке — в череде этих фактов и следует воспринимать мемуарный материал радиста яньаньской группы ТАСС Николая Николаевича Риммара.

26 августа 1979 г.

«Бледнолицый брат мой в синологии...»

М. БАНЬКОВСКАЯ

Л. З. Эйдлин

В январе 1990 года известному китаисту Льву Залмановичу Эйдлину исполнилось бы 80 лет. Думается, ничто не рисует человека так глубоко, как участие его в чьей-то судьбе. В нашей публикации рассказывается о той роли, которую начиная с 1938 г. играл Л. З. Эйдлин в жизни своего учителя академика Василия Михайловича Алексеева.

«Бледнолицый брат мой в синологии...» — так с шутливой сердечностью назвал Льва Залмановича Эйдлина его учитель академик Василий Михайлович Алексеев в письме к нему, а на даримых оттисках статей не раз писал: «Ученику, коллеге и другу».

Многие ученики Алексеева становились в короткий срок, чуть ли не сразу, его коллегами и друзьями, но никому, пожалуй, не выпало доказать ему свою преданность столь действенно и постоянно: нельзя и представить себе, как смог бы прожить Василий Михайлович свои последние нелегкие годы без постоянной умной и дружеской поддержки Льва Залмановича. В чувстве его к Алексееву было не только уважение, но и любовь: Алексеев нравился ему и как ученый, и как человек, хотя в то время, на которое пришлось их знакомство, любить Алексеева было не модно — Лев Залманович шел против течения, против исторической обстановки. Однако и независимо от этого любить Василия Михайловича бывало порой нелегко — он не принадлежал к

Баньковская Марианна Васильевна — дочь академика В. М. Алексеева, автор многих статей о нем, публикатор его научного наследования.

тем счастливым натурам, таким, например, как И. Ю. Крачковский, к которым все, за исключением заядлых негодяев, во все времена относились хорошо. Алексеева могли любить и любили люди прежде всего преданные науке так же, как он — по-алексеевски, люди, обязательно обладающие независимостью ума и вкусом к оригинальности, которых не отпугивала его склонность к постоянным парадоксам, им самим не раз отмеченная способность «делать не то, что людьми ожидается». Своим острым зрением Эйдлин видел в этой манере не «оригинала до уродства» (автохарактеристика Алексеева), а лишь знак незаурядности. Так и в переводах Алексеева, наталкиваясь на порой озадачивающие своей неожиданностью, кажущиеся неуместными обороты, он воспринимал их, по его определению, как талантливую неряшливость и чаще одобрял, чем протестовал.

В 1938 г. преподаватель и аспирант Московского института востоковедения Л. З. Эйдлин стал приезжать в Ленинград к руководителю аспирантуры В. М. Алексееву, «прославленному» статьей «Лжеученый в звании советского академика». Хотя нам немало уже известно о том времени, всякое прикосновение к его документам вызывает оторопь. Пример — из множества — «Резолюция Китайской кафедры ЛВИ. 9.VI.1938»: «Академик Алексеев не является подлинным представителем советской науки и своей лженаучной деятельностью позорит высокое звание советского академика. Дальнейшее отстаивание им своих реакционных взглядов и продолжение лженаучной деятельности неизбежно поставит его вне рядов советских ученых. Собрание требует от президиума АН СССР произвести тщательное изучение деятельности академика Алексеева в свете указаний Партии и товарища Сталина и сделать необходимые выводы». В тягостном предчувствии «выводов» Алексеев писал президенту Академии наук В. Л. Комарову: «Кривая моей жизни становится, по-видимому, отвесною прямою, влекущею меня в бездну».

Алексеева ругали-громили за все, от деятельности на руку японскому империализму до слишком частого упоминания имени Конфуция и слишком редко — Иакинфа Бичурина. Непрерывные со всех сторон нападки и нарекания, под аккомпанемент которых он должен был жить и работать, Алексеев суммировал как «хор лая». Понятна поэтому настороженность, когда в разгар этого «хора» появился новый аспирант из Москвы. Надписи на оттисках статей, подаренных Алексеевым, передают постепенность их сближения. Первые, 38 года: «Уважаемому тов. Л. З. Эйдлину», но уже в 39: «Дорогому Льву Залмановичу Эйдлину на память о наших беседах в общем переводческом фронте».

В резолюции одного из «посвященных» Алексееву собраний в ИВ ученый секретарь Хасан Муратов требовал включить запрет на занятия чем-либо, кроме словаря и грамматики. В университете был снят курс о китайской культуре, так как «она не может быть особым предметом преподавания». Общая — всех собраний, заседаний, активов — резолюция: Алексеев должен отказаться от своего багажа. У него не было другого выхода, как заявить: «...Я изъял уже свою рукопись о сущности так называемых китайских «церемоний» (по Су Сюню) и все вообще, над чем я эти годы работал, сложу в свой архив». Однако на оттиске статьи «Утопический монизм и «китайские церемонии» в трактатах Су Сюня», все-таки вышедшей в 1945 г. и тут же подаренной Эйдлину, надпись: «Дорогому Льву Залмановичу Эйдлину, ученику, коллеге, другу, первому одобрявшему эту статью еще в 1938 году, на добрую память о столь многих наших беседах, касающихся «церемоний», на которые китаистам пора обратить внимание, большое и окончательное». Стало быть, уже в 1938 г. Алексеев мог говорить со своим новым аспирантом о том самом для него существенном, от чего его пытались оторвать, выкручивая руки.

«Общий переводческий фронт», в котором с первых же лет знакомства Алексеев числил своего ученика, показал свою действенность в годы войны, несмотря на разобщенность: Алексеев в конце 1941 г. оказался в Северном Казахстане — в Боровом, куда эвакуировались сотрудники Академии, Эйдлин, преподававший в МИВ и ВНИИЯ, находился в Фергане, в Ставрополе, затем в Москве. Хоть изредка им и удавалось свидеться (Алексеев приезжал в Москву на сессии АН, Эйдлин пару раз появлялся в Боровом), но главной была корреспонденция, которая продолжилась и после возвращения Алексеева в Ленинград.

Алексеев — Эйдлину. 4.1.1944. Боровое. Позвольте напомнить Вам о корреспонден-

ции и пригласить Вас вести ее со мной неукоснительно, а не спорадически. Правда, Вы — в центре событий, а я — и минь, (варвар.—М. Б.) человек, далекий от них, и, т. о., Вы будете лицом одожджающим. М. б., именно в силу этого Вы найдете в своей добродетели ресурсы для меня.

У Алексеева ресурсов было больше — в Боровом он был свободен в своем регламенте (не «ходил на работу», а работал). Кроме того, он всегда был легок на перо, и в переписке с Эйдлиным «листаж» отправленных им писем превышает «листаж» полученных. Алексейев время от времени ворчал на своего корреспондента за его кунктаторство — «систему отвечать одним письмом на десяток». Много писем, конечно, пропало по условиям времени.

Алексеев — Эйдлину. 8.VIII.1944. Боровое. Вы пишете фразу: «Вы мне не отвечаете» — и разрешаете ее правильно: «не дошло», ибо со мною, особенно в отношении Вас, не-ответов не может быть...

Время, в которое писались письма, заявляет о себе постоянно: следуют все новые имена коллег и знакомых, умерших в Ленинграде, погибших на фронте, Лев Залманович постоянно спрашивает о Мише — сыне Алексеева, находившемся на Кавказском фронте. Вести от него оборвались весной 1943 г. — навсегда.

Кроме постоянной тревоги и тягот, была и постоянная занятость. Алексеев использовал свое «свободное расписание» для работы с самого утра и до ночи (в 11 вечера отключался свет) и за два с половиной года перевел в общей сложности 865 произведений китайской классической поэзии и прозы. Расписание Эйдлина было далеко не свободным. Несмотря на это, письма удивляют своей непохожестью на ставший для нас привычным информационный жмых: в них слышна неспешная, деловая и сердечная беседа двух очень разных и созвучных голосов, каждый со своей интонацией.

Письма говорят о постоянном и разнообразном содействии, которое оказывал Эйдлин живущему на отшибе Алексееву и которое выходило за рамки научных и служебных дел. Разного рода житейская помощь ценна всегда, а в тех условиях была неоценима, и на протяжении всей переписки Алексеев постоянно благодарит Льва Залмановича за хлопоты: «Все это дело Ваших любезных рук, всегда полных любезной инициативы». Лев Залманович умел быть внимательным, а поводы для инициативы находились постоянно. Так, благодаря Эйдлину Алексеев с осени 1942 стал профессором-консультантом и членом ученого совета ВИИЯ. Он с радостью согласился на это, так как томился ощущением своей оторванности от общей напряженной жизни, хотя переводы, над которыми он работал, и входили в академический план.

Главное содержание писем: общие проблемы на общем поприще — создании «историко-критических и переводчески доказательных монографий» для построения будущей новой «Истории китайской литературы». Этому и должны были служить переводимые Алексеевым китайские антологии. Эйдлин в свою очередь, после перевода четверостиший Бо Цзюйи, защищенных как кандидатская диссертация весной 1942 г., приступил к сбору материала и переводу Мэн Хаожаня. Поздравляя Льва Залмановича с защитой, Алексеев писал: «Чрезвычайно радуюсь Вашему успеху. Итак, волею судеб и наших с Вами хотений мы стали конкурентами».

Об отношениях между «конкурентами» говорят письма, из которых узнаем, что Эйдлин еще в годы аспирантуры получил от Алексеева вместе с темой своей диссертации и четырехтомник Бо Цзюйи из его библиотеки в каком-то, видимо, особо хорошем издании. Дождавшись надежной оказии — академического вагона, курсировавшего время от времени между Москвой и Боровым, он вернул книги в посылке с бумагой, от отсутствия которой остро страдал занятый переводами Алексеев.

Алексеев — Эйдлину. 8.VI.1944. Боровое. Получил книги и роскошную бумагу... Поглядел я на Бо Цзюйи, с такою трогательностью обернутого, и усрамился до последних корней волос [есть еще цзы гэр (качество, достоинство.— М. Б.)]: как это я посмел эти великолепные тома не подарить достойнейшему их ценителю? Как? Как? И в смущении, наконец, стыдливым, сейчас же с любезнейшим инспектором Упр. делами АН отсылаю Вам в подарок в виде, так сказать, именная пирога эти нужные Вам больше, чем мне книги. Да послужат они Вам вдохновением и украшением! Жалею, что в этой серии Мэн Хаожаня нет...

Эйдлин — Алексееву. 27.VII.1944. Москва. Еще и еще раз тысяча благодарностей за Бо Цзюйи, и даже не столько за книги, которые сами по себе дороги для меня, сколько за Ваше отношение ко мне и моей работе — Вы дарите мне вещь дорогую

и близкую для Вас... Спасибо за надпись, которой я весьма горд и которую еще не так оправдываю, как постараюсь оправдать.

Эта несколько старомодная на наш отвыкший от подобных тонкостей слух интеллигентская, возведенная в принцип обязательность заслуживает быть отмеченной еще и потому, что ни Алексеев, ни Эйдлин не получили в своих семьях интеллигентского заклада, но сумели вобрать интеллигентность из самой российской, еще сравнительно недавно столь богатой ею атмосферы.

Называя в письмах Льва Залмановича конкурентом, Алексеев говорит о «благодетельной конкуренции», разумея прежде всего обоюдные и открытые критические оценки. Докладывая Алексеева о своей работе над Мэи Хаожанем, Эйдлин мог быть уверен в его прямой реплике. И в том же был уверен Алексеев — в его письмах то и дело: «Я очень благодарен Вам за внимание к моим переводам и критику их»... «Взвыл от Сюэ фу («Ода о снеге» Се Хойляня.— М. Б.), но перевел — как хотелось бы Вам почитать и найти, если не одобрение, то сочувствие и критику». Критические замечания Эйдлина были Алексееву просто необходимы: «Не откажите подробно сообщить мне о тех нота бене, которые Вы мне поставили...» Чаше всего, «нота бене» Льва Залмановича принимались, но если и не принимались, а Алексеев оставался при своем, то и тогда они, по выражению Алексеева, динамизировали интеллект — это было ценней всего.

Можно удивляться тому, что уверенному в своем пути и своих силах Алексееву так нужна была поддержка — не столь одобрение, как сопричастность: «Ваше письмо с отзывом вселило в меня большую бодрость (впрочем, без самомнения)... Теперь моя стезя более уверенна...». «Очень рад, что Вы благословляете меня на дальнейшее сражение с диковинками Вэнь Сюаня... Перевожу, храбро врезаюсь в любые джунгли...»

В письме от 16 апреля 1944 г. Алексеев, перечислив названия девяти своих работ, посланных из Борового в Москву и намертво застрявших в портфеле «Известий АН», не мог сдерживать крик давно наболевшей души: «Как видите, не мало, но как это ничтожно по сравнению с тем, что я мог бы быстро-быстро дать, если бы мною так не швырялись и не вредили бы моему (eo ipso — нашему общему) делу так сознательно и так оскорбительно!» В ответ на это письмо Лев Залманович предложил проесть на заседании Московской группы при ИВ, организованной и возглавляемой И. Ю. Крачковским, статью Алексеева, стоявшую первой в его списке «Мои работы над материалами по истории китайской литературы». И не только прочел (чтение заняло около часа), но и смог ответить на те вопросы, «на которые отвечать считал себя вправе» — этим правом было глубокое понимание того, чем и как занимается Алексеев. По этому праву Эйдлин все больше становился не только пропагандистом работ Алексеева, но и, что было всего труднее, организатором их печатной судьбы. Все статьи Алексеева, вышедшие в конце 40-х годов, обязаны мастерской, по оценке Алексеева, опеке Льва Залмановича. Число их невелико, особенно по сравнению с той массой статей — «полуфабрикатов», которые могли быть доведены до печатной кондиции по первому сигналу, но за отсутствием такового остались в набросках, однако выходу каждой Алексеев радовался безмерно и тут же писал Эйдлину благодарность от своего имени и «имени сей статьи».

Можно представить себе, как нелегко бывало «пробивать» алексеевские работы не только из-за общих и вечных трудностей с печатью, но и ввиду их «индивидуальных особенностей»: редакторы, боящиеся всякого отклонения от привычного стандарта, сразу же делали стойку на разные обороты и словечки, не говоря уже об «идеологических моментах» — прямота Алексеева, не способного к маневренности в духе времени, качество само по себе прекрасное, создавала порой дополнительные трудности. Однако Лев Залманович заслужил такое доверие Алексеева, что ему была предоставлена *carte blanche*: «Прошу Вас просто вычеркивать однозное... Неужели нельзя и без меня подвыкинуть?...», «Очень хотел бы, чтобы Вы, с Вашим беспримерным мастерством нашли формулы, приемлемые для редакции». Все же, когда ради «приемлемости» приходилось срезать то, чем автор надеялся расцветить статью, но от чего шарахался редактор, Алексеев, конечно, огорчался такому «окорнанию», и Лев Залманович оказывался в трудном положении, из которого всякий раз находил выход, благодаря уму, вкусу, а также тому терпению, которое есть лучшее доказательство любви.

Первая из вышедших при соучастии Эйдлина статей — «Римлянин Гораций и китаец

Лу Цзи о поэтическом мастерстве». Один из приездов Льва Залмановича в Боровое видимо, пришелся на время работы Алексеева над переводом «Вэнь фу» — «Оды изящному слову». В письмах вослед Эйдлину говорится: «Вы ободрили меня на новое и новое совершенствование перевода «Вэнь фу», который я выправил суровейшим образом, возведя точность в культ». «Над 4-ой и 5-ой редакциями «Вэнь фу» я сидел больше, чем на самом переводе, извивался под Дамокловым мечом точности, о которой мы с Вами договорились». Участие Льва Залмановича в судьбе «Горация и Лу Цзи» прошло все этапы, начиная с чтения только что вышедшего из-под пера перевода и кончая правой корректуры. 21 августа 1944 г. Эйдлин писал Алексееву без тени какого-либо недовольства: «Вчера правил гранки «Горация». Заранее прошу прощения, но, поскольку Вы за отдаленностью сделать это не в состоянии, все же самое безопасное, чтобы это делал я: все строго сверяю с Вашей рукописью».

Кроме общего и главного для обоих переводческого и исследовательского дела, у Алексеева и Эйдлина были и другие общие пути, тоже не легкие и не торные. Вернувшись в 1944 г. в Ленинград, Алексеев оказался «и руководителем, и исполнителем» кафедры ЛГУ, из-за отсутствия в ее составе многих «умерших и других (5!), тех, кто нашей кафедре создали бы очень крупную силу и научность», — писал Алексеев Эйдлину, зная, что тот легко проставит имена и умерших (среди них особо любимые обоими Флуг и Разумовский) и «других» — репрессированных, среди которых такие силы как Шуцкий, Васильев, Штукин.

Положение было трудным, и Алексеев первым делом добился приглашения Эйдлина в штат кафедры ЛГУ. В 1945—1947 гг. Лев Залманович дважды прочитал курс истории китайской литературы, приезжая из Москвы, что было весьма затруднительно. Но Алексеев вызвал: «Мне очень тяжело быть здесь одному, я изнемогаю...», «Когда же Вы приедете профессорствовать и отбывать свои 375 часов: не мало ведь!», «Ваше отсутствие сильно вредит программе, которую невозможно выдержать...», «Ввиду явного успеха Ваших лекций в нашей аудитории, очень прошу Вас ускорить Ваше прибытие...»

Изнемогая под «профессорской колымагой», неутомимый Алексеев тем не менее организовал еще цикл из 12 научных докладов и включил в него доклад Эйдлина о вопросах китайской поэтологии. «Если удастся поставить все 12 докладов, это будет для наших условий целое событие».

Лекции — лекциями, доклады — докладами, но главным было для Алексеева писание статей — а до этого руки не доходили: «Мое боровское достояние летит ко всем чертям. Кому это на пользу?!» Достояние — 650 машинописных страниц переводов, картотека к ним и заготовки статей, основанных на переводах. «Черт знает что! Умереть вот так со своею полною торбой — тысячелинный скаун Цзи обречен на водовозную страду!» — стонал Алексеев в 1944 г., изнывая от университетской страды, а впереди была много большая — работа над Китайско-русским словарем.

Китайско-русский словарь — его теория и практика — занимает большое место во всей научной деятельности Алексеева, но самым напряженным оказался последний, послевоенный период работы над ним, отраженный в переписке с живой точностью документальной киноленты. «Лента» длинная, здесь будет сказано лишь о некоторых ее моментах.

Положение со словарем к 1945 г. было трудным — трудна и трагична была вся предыстория: коллектив, который работал под руководством Алексеева начиная с 30 года, был обескровлен сначала репрессиями, потом войной и блокадой. К тому же, как имел Алексеев смелость писать в 1938 г. А. М. Десборину, протестуя против обвинения в нарочитом затягивании работы, — рукопись первого тома была «разрушена действиями «антрепренеров» — людей, поставленных во главе предприятия, но ничего в этом деле не понимавших». Вернувшись теперь к работе над словарем, Алексеев все время наткался на «разрушения» тех, предвоенных лет. Были и новые осложнения: задерживалась демобилизация нужных сотрудников, были запрещены совместительства, а работы со стороны оплачивались крайне плохо, были большие трудности с полиграфической базой и др. понятные по условиям послевоенного времени и не понятные по своей бюрократической абсурдности помехи и препоны. «Словарь надо делать во что бы то ни стало и какие бы палки в колеса нам не совали разные финчасти», — такое в письмах встречается не раз.

В 1948 г., снова защищаясь от нападков на положение со словарем, содержавшихся на этот раз в докладе В. В. Струве, посвященном итогам сессии ВАСХНИЛ и их значению для востоковедения, Алексеев имел основания заявить: «Китайско-русский словарь работал без кадров». Понятно, как должен был ратовать Алексеев за самое действенное участие в работе Эйдлина: «Я взял на себя смелость предложить Вам от имени ИВ приезжать регулярно раз в два месяца на совещания по Словарю. Иначе мне одному не справиться». Вызывал и чаще, если не мог приехать в Москву сам. В Москве и Ленинграде много раз устраивались заседания Словаря втроем: главный редактор Алексеев, заместитель И. М. Ошанин и неизменно Эйдлин.

Проводимая Алексеевым с 1930 г. идея большого словаря отражала комплексность его подхода к изучению Китая — с ударением на филологию. Это не соответствовало установкам времени и вкусам многих сотрудников, ставящих ударение на понимаемую в политэкономическом аспекте современность. Отстаивая комплексную полноту словаря, Алексеев стремился к его коренной регенерации: из среднесправочного словарь должен был стать синологическим, вобрав в себя «наилучше отобранные, исследованные и переведенные термины». Для этого китаисты разных специальностей — лингвисты, литературоведы, историки, экономисты, библиографы, философы, искусствоведы и др. — должны были регулярно представлять по две тысячи карточек в год из своих оригинальных исследовательских картотек.

На листке с личным угловым штампом заведующего Китайским кабинетом Алексеев 14 декабря 1945 г. официально уведомлял докторанта ИВ АН СССР Л. З. Эйдлина: «Китайский кабинет ожидает от Вас поступлений картотеки на тему: «Образы Мэн Хаожаня и термины его поэтологии». Еще в 1944 г. Алексеев писал из Борового: «Я мечтаю, что Вы создадите словарь Мэн Хаожаня и (китайских) статей о нем, что, в соединении с моими словарями (Сыкун Ту — вся книга о поэте!) создало бы базу для изучения китайских поэтов немалую!». Теперь эта мечта должна была реализоваться в словаре: «Я вписываю в словарь из своей картотеки, радуясь принести этим способом на каждом шагу пользу — чему приглашаю следовать и Вас. Не забудьте писать и писать по ведомству Мэн — ИВАН». В 1945 г. в заметке для «Ленинградской правды» (напечатана не была) Алексеев в числе картотек, вводимых в словарь как его конститuenty, назвал и картотеку профессора Эйдлина, наполненную образцами его переводов сочинений знаменитого поэта Мэн Хаожаня.

В напечатанном в 1948 г. «Пробном макете словаря» Алексеев писал: «Мы понимаем современный словарь китайского современного языка как словарь китайской научной и культурной современности, а не только как словарь современного быта и обихода; мы всячески остерегаемся превратить словарь в обывательский». Поэтому в оценках, которые Алексеев давал поступающим в словарь карточкам, самые высшие звучали, например, так: драгоценные наблюдения, тонкие определения, изобретательные переводы, точные, пряные и жизненные характеристики. И, наоборот, самыми ругательными были определения: серая, убогая, приторная — кустарная синонимика. Редактируя сотни и тысячи словарных карточек, Алексеев часто жаловался Эйдлину на их «поставщиков»: кому как не Льву Залмановичу, с которым они чаще всего, если не всегда сходились «в оценках китаистской братии», мог он излить свои сетования: «мои мадамы и сеньоры норовят все перевернуть и превратить в серую обывательщину, а не дать историческое и всякое другое объяснение». Этой тенденции Алексеев противостоял до последнего, и главным союзником его был, несомненно, Эйдлин. Осенью 1950 г., уже окончательно больной Алексеев писал ему, зная, что встретит одобрение: «В большой словарь выписываю ревностно терминологию китайского актера и грима. Поставленные на свои места мои карточки внесут много колорита и понимания...» Кто, как не Лев Залманович, мог понять такое, как теперь говорят, личностное отношение к словарному делу: «Вчера на даче наслаждался запахом цветущих трав и понял, почему фан, по словарям значащий «душистый», сянъшэнами упорно приурочивается к мэй, (прекрасное. — М. Б.) как-то минуя запах: ясно, что запах и есть прекрасное, и незачем об этом говорить».

«Ваши карточки неизменно полезны и хороши» — говорится в письмах к Эйдлину не раз. Несомненно, литературность Льва Залмановича служила именно тому, о чем прежде всего ратовал, чего добивался Алексеев.

Общая ударная характеристика, данная Алексеевым участию Льва Залмановича в словарном деле, звучала так: «Вы — нерв и субстанция наша!».

Кроме собственно словарных работ — массивированного писания карточек (тысяча в месяц), тонально-ударной разметки и корректуры «чужих» карточек — на долю Эйдлина приходилось немало и организационных дел и хлопот. В письмах он сообщает о заторах в переговорах с ОГИЗом, из-за которых пришлось дойти до ЦК. Все обошлось, но сил и времени ушло немало. «Теперь на нашем пути не стоит отсутствие полиграфической базы. — рапортует он Алексееву. — Я отнес в ОГИЗ три папки, глав. ред. ими буквально очарована. Все будет хорошо». Своим постоянным «все будет хорошо» Лев Залманович, думается, старался не только поддерживать настроение, но и предотвратить опасные столкновения «взрывчатого» Алексеева с разного рода руководителями, директивы которых столь часто мешали движению. Льву Залмановичу постоянно приходилось быть «амортизатором», что тоже было непросто.

По переписке видно, как все с большим ускорением раскручивалось колесо работы (видны и палки, из него торчавшие). «Очень, очень доволен Вашей оценкой словаря. — пишет Алексеев весной 1948 г. — С нетерпением жду Вашего приезда и докладов о Словаре». О характере и темпе работы говорят такие, например, сообщаемые между всем прочим детали: «...денно и ночью занят карточками. Сдал 1000 за июль» (Эйдлин), «Сию над папками с остервенением. Ододел 143 стр. за полтора дня — работа перла» (Алексеев). К письму Эйдлина от 4 июля 1948 г. приложен отчет о работе за первое полугодие: 1. Закончен распиской словарь Чжао Юаньжэня. 2. Проведена сверка китайско-русского академического словаря со словарями Палладия и «Цзанга» (всего 18 папок М, Н, О, П, С). 3. Проводится выборочный перевод сочетаний из китайско-китайского словаря «Цыхай», не включенных в китайско-русский академический словарь. По плану сделано 16 тыс. карточек. 4. Вне плана готовится исследование о творчестве Тао Юаньмина.

Вне плана Эйдлина — Тао Юаньмин, вне плана Алексеева — не единицы, а сотни (200-300 по его подсчету) монографий, для которых материал был собран и о реализации которых он так страстно мечтал, создавая с отчаянием, что тому не быть, и словарь сыграет тут роль роковую. На карточках дневника (в последние годы Алексеев вел дневник-картотеку) повторяется словосочетание «террор словаря», от года к году крещендо. «Устал от бестолочи и от редактуры — починки чужих идиотств» — жаловался теперь Алексеев. Когда в Боровом «врезался в любые джунгли» головолomных текстов, на усталость не пожаловался ни разу.

Пока Алексеев и Эйдлин, переводчики-исследователи — «тысячелийные скакуны» (от кит. меры длины «ли» равной 0,5 км. — М. Б.), — занимались словарной работой, отодвинув с болью свои заветные, внеплановые темы, время не ждало: подоспел очередной сезон охоты на ведьм-космополитов — 1949 год. Хорошо, что Алексеев не мог предвидеть его в 38-ом, когда писал: «Я никому не пожелал бы пережить того, что я пережил, — и больше не переживу!» В апреле 1949 г. он занес в дневник: «Настроение, как в 38-ом. Невозможное состояние тревоги...»

6 апреля на расширенном заседании ученого совета Тихоокеанского института его ученый секретарь Б. К. Рубцов хвалил себя за то, что благодаря его бдительности изъята из печати уже прошедшая корректуру статья «Советская синология» (см. ее теперь в сборнике «Наука о Востоке»), в которой Алексеев говорит о советском китаеведении, не связывая его рождение с громом пушек «Авроры». В зале никто, небось, даже не хихикнул, но зато стенографистка заносила в скобках «смех, аплодисменты», когда Рубцов выдавал цитаты из статей Алексеева, доказывающие, что «академик сам не понимает, что пишет», — читал простые и ясные фразы, передергивая их тоном и паясничая. Следом за ученым секретарем многие выступления старались превзойти друг друга в погромном накале. Им вторил в Ленинграде новый «хор лая», новый только по времени, так как выступали в основном все те же и говорили все то же, что и в 38-ом, должен был выступить Эйдлин, выступить так, чтобы спасти положение, сохранить Алексеева, а не свое имя — открыто протестующий голос мог только окончательно все погубить. Выступлению Эйдлина помог секретарь парткома Кочерянец, понимавший что к чему.

Лев Залманович сосредоточил критику на эстетологическом направлении в работах Алексеева, особенно на вышедшей в 1947 г. статье «Артист-каллиграф и поэт о тай-

нах в искусстве письма», на дарственном оттиске которой Алексеев с чувством писал: «Дорогому другу и коллеге Льву Залмановичу Эйдлину от автора-переводчика, имевшего большое удовольствие беседовать с ним о сих сложных и нас обоих восхищающих вещах, которые, как и полагается всем «бесчисленным вещам», в беседах наших «обретали каждая свое место». В. Алексеев». (Взятое в кавычки — перевод иероглифов в оригинале.) Теперь Лев Залманович должен был принести в жертву эти «бесчисленные вещи», необъяснимые для людей, собравшихся на заседание корриду. Но, осудив направление работ, подобных «Каллиграфу», Лев Залманович сумел назвать Алексеева «ученым, утвердившим приоритет русской науки в изучении китайской литературы и являющимся самым крупным синологом современности», сказать о прогрессивных исследованиях социальной роли Ляо Чжэя и даже вернуть цитату из Алексеева о том, что советские китайцы изучают Китай, как того требует марксистское мировоззрение... Нам уже трудно понять, чего стоили в то время подобные выступления, какого дипломатического мастерства и душевного мужества они требовали. Лев Залманович одержал победу: меч — вопрос об исключении Алексеева из Академии — откачнулся. Многие в зале, предвкушавшие окончательное аутодафе, были разочарованы.

Алексеева на заседании не было — после приступа стенокардии он ехать в Москву не решился. Дома, в ожидании вестей, он писал Эйдлину: «Не откажите заказать мне стенограммы этих 3-х (4-х? 5-ти? 6-ти? etc!) дней словопрений, в которые москвичи за моей спиной меня честят...» Дальше — обычные вопросы: о тонах в словарных карточках, о вызове в ИВ по словарным делам, о рецензиях Эйдлина на новую литературу о Китае. В конце письма: «Жду к часу ночи, чтобы спросить Вас о третьем туре и резолюции». Наложённая резолюция оказалась «мягкой» — «буржуазная позиция». Этот спасительный при всей своей горькой абсурдности исход был делом рук Льва Залмановича. И все же дипломатические нападки на «Каллиграфа» Алексеев воспринял по его выражению как «пилюли», несмотря на благодарность за «акции в мою пользу» (не мог отвыкнуть от привычки принимать слова только в их прямом смысле). Приехав тогда же в Ленинград, Лев Залманович должен был дать объяснения по поводу своего выступления, а главное — готовить Алексеева к предстоящим еще «словопрениям».

В свою дневниковую карточечку, в которой карточки были разделены на месяцы, а не годы, и на одной оказывались записи разных лет, Алексеев заносил: «Апрель 49. Эйдлин и Норберт (зять Алексеева) продиктовали мне (я лишь видоизменил) выступление, и я... «имел успех»...» На соседней карточке: «Эйдлин и Норберт берут меня в оборот — марксистский. С удовольствием прочту рекомендуемые ими статьи Ленина и Сталина, чтобы прозреть». Через год, однако, приписал: «Благие порывы!.. Я, к сожалению, не марксист. В моих проблемах трудно (для меня, по-моему) с уверенностью решать их по-марксистски». Еще одна карточка апреля 1949 г.: «Если накаленная против меня атмосфера в Москве, как пишет Эйдлин, — величина постоянная, то где же выход? И теперь моя очередь спросить: чем мне заниматься? Особенно, если на историю литературы накинута цензура по выбору авторов?» В 1950 г. добавил: «Ничего не пишу: боюсь. И так провел весь год».

«Меня тошнит от творящихся со мною бед...» Но жизнь продолжалась, и продолжалась работа, словарь наседал и седал последние силы: «Я все лето убил на 2000 стр., работая каждый день, вместо отдыха... Последние дни «отдыха», а дальше — тьма. Ни докладов, ни писаний — за этим теперь все следят, сделав меня зайцем на охоте», — писал Эйдлину осенью 1949 г. Затрудняло положение и то обстоятельство, что целый ряд сотрудников, и Эйдлин в их числе, были мобилизованы на срочный перевод сочинений Мао Цзэдуна.

Алексеев — Эйдлину. 11.VIII.1949. На последнем заседании в ИВ (экстренном) 9 августа, на которое академиков согнали с их летней лежки, меня (устаами Горбачевой, давшей о нашей работе гнусные сведения) ругали за то, что я, когда Вы, Ошанин, Кочетова, Смыкалов вышли из строя, работая над Мао Цзэдуном, счел это (как смел?) за объективную причину и не заместил вас 4-х лично. Работа наша, без всякого совещания (и «согласования») со мной, была квалифицирована как намеренно замедленная... Если еще не назвал (Боровков, конечно) нас врагами народа, то и за то спасибо... Что творится в ИВ? В ИВ, откуда выведены (из уч. совета)

Штейн, Винников и др. и (в острастку мне) введены: Горбачева, Ефимов, а в острастку вообще — люди, не имеющие к востоковедению отношения, некие Окладников (очевидно, для оклада, доклада и копания в наших сердцах), Потапов (с «общими» задачами). На заседание оба эти окладника не явились, конечно: до них не докопаешься!

В письме через месяц Алексеев выделил разрядкой: «В. М. Штейн отсутствует». Шла волна репрессий, заявлявшая о себе не только все новыми исчезновениями, но и постоянными, вошедшими в порядок дня окриками. «Как я беспомощен против первого капрала, взявшего палку в руку!» — писал Алексеев, зная, что Эйдлину понятно это чувство унижительного бессилия: «капралы» были общими.

Алексеев — Эйдлину. 13.X.1949. ...Хочется еще раз просить Вас выступить с докладом (это Вы прекрасно умеете делать!) о современной литературе Китая. Инше Алла, ибо пути Боровкова где-то в темном бору: как странно так зависеть на старости лет от человека, который давит на волю, направленную не к эгоистическим исканиям, а к государственному благу!.. И мне же страдать от неувязки и быть готовым к репримандам и нареканиям, как мальчишке! От меня не зависит ничего, но спрашивается все... Прямо руки от работы отваливаются, ибо руки работают, а ДИРИВ дает по рукам.

Все это нагнетало в Алексееве тяжелую усталость, усугублявшуюся нарастающей болезнью (стрессы, несомненно, дали толчок ее развитию). К концу апреля 1949 г. относится запись в дневнике, сделанная на даче: «Весна тусклая. Однако сегодня был чудесный день. С Эйдлиным сидели на солнце в саду, гуляли. Настроение, однако, скверное — глухая тоска, предчувствие (сделавшееся перманентным) лиха и зла...» Но на соседней карточке: «Эйдлин отзывается с неумеренной похвалой о моем докладе в ИВ о кит. демократической письменности. Будет ли это началом выплывания из постоянных угроз?» Своей «неумеренной похвалой» — откликом

Академик В. М. Алексеев со своими учениками — профессором Л. З. Эйдлиным и профессором И. М. Ошаниным.

знатока — Лев Залманович немало способствовал удивительной живучести и отходчивости Алексева. Странно видеть в письмах осени 1949 г., например, такое: «Я тут сочиняю разные проекты кит. выставки, которую Ефимов, Горбачева и Ко хотят наводнить бледными снимками бледных фотографий из газет, что очень неказисто и скудно». Или: «Прочитай в «Лит. газете» о подарках кит. народа тов. Сталину, возжелал на них посмотреть. Не дадите ли мне какую-нибудь справку, где и когда их можно обозреть?» В январе 50-го: «Неприменно посмотрите «Красный мак»: я об этой постановке буду делать в кабинете доклад». И совсем удивительно письмо от 11 октября 1950 г., написанное уже сданным почерком, в котором за очередными словарными делами следует: «Благодарю за Каталог кит. выставки — разлакомился очень: хочу поехать и посмотреть...» В конце октября 1950 г. Алексева последний раз был в Москве. Из письма жене, Н. М. Алексевой: «...был в Словаре, где Ошанин развел путаницу, за которую нам попадет и за которую мы с Эйдлиным на него напали... Тормошня, болезненное отсиживание заседаний, враги, сидящие повсюду, и... идеальное ухаживание за мной Эйдлина и Ошанина».

1950 г. был последним годом жизни Алексева, следующий был уже умиранием. 12 мая 1951 г. его не стало.

В 1983 г. был издан наконец «Большой китайско-русский словарь». В предисловии сказано мимоходом о рукописи «Китайско-русского словаря», составленного коллективом китайцев под руководством академика В. М. Алексева. Эта рукопись стала одним из источников для составления БКРС. Лавина труда, заключенная в ста, а то и более, картотеках с шифром «Алексеевский словарь», ушла, как в песок. Среди многих потерянных имен — имя Л. З. Эйдлина, лишь случайно «проскочившее» в предисловии: в числе использованных для расписки текстов назван Тао Юаньмин в переводе Л. З. Эйдлина. Вот и все.

Конечно, работа над словарем была коллективной, и об этом писал Алексей как о важном факторе — фильтре специалистов, сквозь который проходил словарь, обретая полноту. Обидно, что коллективность помешала всем воздать должное. Невольно просится сопоставление: в изданном недавно в КНР превосходном альбоме «Vistas of China» на последней большой формате меловой странице перечислены полностью имена 193 фотографов.

Научной судьбе В. М. Алексева суждено было и после его смерти длиться и развиваться. Л. З. Эйдлин продолжал участвовать в этой судьбе прежде всего своей причастностью к изданию трудов Алексева. В рождении первой посмертной книги «В старом Китае», вышедшей в 1958 г., Лев Залманович играл главным образом роль организационную: как и при жизни Алексева, его работы принимались издательствами с большой осторожностью, их надо было по-прежнему «пробивать». Получив и прочитав (в один вечер, так как был мастером скоростного чтения) новорожденную книгу, Лев Залманович писал вдове и дочери Алексева, дружеские отношения с которыми продолжались и углублялись год от году: «Читал с гордостью за нашу науку, с благодарностью судьбе за то, что столько лет был я близок к этому удивительному и огромному по таланту, знаниям и личному своему благородству человеку».

Издание, вышедшее следом в 58-ом и повторенное в 59-ом годах, «Китайская классическая проза» — единственный до сих пор сборник из переведенных Алексевым в годы войны китайских антологий — полностью заслуга Эйдлина, составителя, редактора и автора прекрасного предисловия. Образцом бережного отношения к каждому слову алексеевского перевода явились также три сборника новелл Пу Сунлина, подготовленные Эйдлиным к печати (1970, 1973, 1983). Сборники избранных трудов В. М. Алексева — «Китайская народная картина» (1966), «Китайская литература» (1978), «Наука о Востоке» (1982) — вышли при участии Эйдлина и в сопровождении его статей — предисловий и послесловий, ставших неотъемлемыми от самих книг. Лев Залманович хранил отклик незнакомого читателя из города Кирова: «Ваша статья об Алексеве в «Науке о Востоке» напоминает сжатую пружину — так много в ней недосказанного и сильного». Внутренняя пружина в прекрасной гармоничной форме — такое бывает лишь при встрече таланта с любовью.

«Чему учиться у Алексева?» — так озаглавил Эйдлин свою статью в посвященном 100-летию Алексева сборнике (Традиционная культура Китая. — М., 1983), которая оказалась последним его поклоном учителю. Ответ на поставленный вопрос: учиться

нравственности как первооснове науки. Ответ предстает в виде мастерского, красиво и теплого рассказа о разных сторонах ученой личности.

Во всех статьях Эйдлина об Алексееве проходит мысль о создании будущей истории китайской литературы — главной и общей задаче их жизни, которой предназначались все переводы и исследования. Эйдлин, переживший Алексеева почти на 35 лет, все годы служил этой общей цели, оставаясь непреклонно на той принципиальной и методологической позиции, которую с предельной простотой и очевидностью высказал как-то Алексеев в одном из писем к нему: «Я, очевидно, теряю ощущение действительности или, наоборот, действительность потеряла со мною связь. Должен ли китаист держаться китайского текста? По-моему, это его долг, но Конрад, Думан, Драгунов и др. думают, что, например, историк не обязан считаться с китайским текстом, особенно его переводить. Пересказал — и будя!» Чтобы «держаться китайского текста», нужен упорный и кропотливый труд, но он необходим и должен, как считали Алексеев и Эйдлин, предшествовать обобщениям. Такая установка, конечно, отнюдь не означала запрет на любые обобщения-гипотезы, выдвигаемые и предполагаемые, но ни в коем случае не навязываемые. Свою статью «Идеи и факты. Несколько вопросов по поводу идеи китайского Возрождения» (Иностранная литература.— 1970.— № 8.— С. 214-228) Эйдлин закончил словами Алексеева — его требованием и надеждой на то, что в любых синологических работах «...установленные истины не будут смешаны с личными воззрениями, предположениями, теориями».

Предназначая свои переводы-исследования для будущей истории китайской литературы, Алексеев и Эйдлин никогда не упускали из виду более близких и не менее важный прицел: ознакомление нашего общества с Китаем, не позволяя себе мириться с тем давно сложившимся и до сих пор не изжитым положением, при котором «Китай нас так или иначе знает и понимает, а мы его не знаем и не понимаем». Постоянно напоминая об этом опасном положении, Алексеев бил тревогу не напрасно — в этом убеждаешься, встречая в переводах современной китайской литературы, рассказах и повестях, упоминания не только Пушкина, Чехова, Толстого, но и куда как более скромных русских имен. Кроме отрадного удивления чувствуешь и ту самую тревогу: часто ли доводятся встретить у наших писателей какое-либо китайское имя, от Конфуция до Лу Синя?

В числе многих сбывшихся прогнозов Алексеева есть и касающийся Эйдлина лично: «Я надеюсь, что моя смена улучшит во много раз мои первые опыты совмещения несовместимого в виде художественных и вместе с тем точных переводов. Не думаю, чтобы она от этого моего начинания отошла (Эйдлин!)». Л. З. Эйдлин не отошел — свидетельству тому сборники его прекрасных переводов, вызывающих у читателей непосредственный отклик и непосредственный интерес к Китаю.

В июне 1944 г. Алексеев писал Эйдлину: «Для синологии наступает новая эра. Ваш перевод Бо Цзюйи уже не «переводит» поэта в «стрекочуша кузнеца» и дает повод задуматься над Китаем. А для молодого ученого — что лучше может быть?» Для молодого ученого. Но и старый ученый Л. З. Эйдлин, несомненно, восторженно бы радостно, услышав то, что недавно мелькнуло в телепередаче: ленинградский художник-график Колокольцев на вопрос о его творческих планах ответил, что ему не дает покоя строка из Бо Цзюйи о траве, запершей двери в дом. Вот это четверостишие в переводе Л. З. Эйдлина:

Провожаю начальника отделения Лу, отправляющегося в Хэдун, в управление господина начальника Пэя

В час разлуки с тобою был в сумерках дождик на реке у Лоянского моста.

В день приезда в Хэдун будет ветер прохладный там, где Фэнь расстилаются волны.

Сюнь-начальник, увидя тебя в управленьи, обо мне тебя спросит, наверно.

Ты ему передай, что осенние травы в дом мой накрепко заперли входы.

Хотелось бы увидеть, как отразится в графике современного русского художника эта графическая строка китайского поэта эпохи Тан.

Любопытно совпадение, в котором можно заподозрить неслучайность: одним из самых признательных, тонких и глубоких ценителей алексеевского перевода Ляо Чжая был художник-график Дм. Митрохин. Другим ценителем оказался Андрей Тарковский — снова художник, великий.

Время все и вся расставляет по местам. О если бы эту древнюю очевидность могли узреть «капралы с палками» всех сортов и всех стран и народов. Алексеев не

дожил до «культурной революции» в Китае, Эйдлин переживал ее с болью и пониманием — как все, но как немногие отчетливо видел историческую обреченность этого исторического абсурда. В 1974 г. он писал в статье «За чтением «Шедевров китайской прозы» в переводах академика В. М. Алексеева»: «...до самого последнего времени китайские старые писатели были в кругу читательского внимания интеллигенции. Их имена, строки из их сочинений были известны широко в народе. Насильственный обрыв этой традиции произошел на наших глазах. Не исключено и то, что мы окажемся свидетелями возвращения ее к жизни: это неминуемо свершится рано или поздно».

Осенью 1985 г. Льву Залмановичу представилась возможность снова увидеть Китай после длительного и болезненного, нелепого перерыва. Он не мог отказаться от приглашения, хотя чувствовал себя плохо. В составе делегации московских литераторов (среди них Евг. Евтушенко) Лев Залманович был единственным китаистом, на его долю пришлось не только самые глубокие радости от встреч с китайскими писателями, давними знакомцами и друзьями, но и самые большие нагрузки. Сердце сдало, прервался путь блистательного ученого-переводчика на самом его «тысячелийном скаку». В «Литературной газете» от 6 ноября 1985 г. сошлись: некролог Л. З. Эйдлину и заметка о пребывании в Китае советской делегации — и в ней то же имя...

По редкой счастливой случайности, вечером 27 октября — накануне смерти Льва Залмановича — ему позвонил ни о чем, конечно, не подозревающий Евгений Евтушенко и прочел только что им написанное стихотворение «Китайские переводчики». Строки из этого стихотворения — прекрасная эпитафия всем переводчикам вообще и именная эпитафия Льву Залмановичу Эйдлину.

Под хунвэйбинские вопли
 предвидел конец их нашествия
 седенький хрупкий шанхаец
 товарищ Бао Вэньди.
 Очки от плеквов протирая,
 он переводил Чернышевского,
 как будто сама история велела:
 «Переведи!»
 Кто переведет морщины, и шрамы,
 и слезы медленные,
 которые вдруг предательски
 из-под очков поползли,
 когда он опять обнимает
 Льва Залмановича Эйдлина,
 собрата, переводившего
 великого Бо Цзюйи?!..

Использованные архивные материалы и литература

- Алексеев В. М. Письма к Л. З. Эйдлину. 1942—1951. Хранятся у В. И. Буниной.
 Эйдлин Л. З. Письма к В. М. Алексееву. 1938—1950. ЛО Архива АН СССР. — ф. 820. — Оп. 3. — Ед. хр. 912.
 Личный архив В. М. Алексеева. Хранится у М. В. Баньковской (Алексеевой).
 Алексеев В. М. Китайская литература. Избранные труды. — М., 1978.
 Алексеев В. М. Наука о Востоке / Статьи и документы. — М., 1982.
 Алексеев В. М. О последнем, 1943 года, переводе «Евгения Онегина» на китайский язык. Восток — Запад. — М., 1985.
 Алексеев В. М. Тезисы о современном двуязычном словаре современного иностранного языка с приложением их к словарю китайско-русскому. — М. — Л., 1948.
 Бо Цзюйи / Переводы Л. Эйдлина: Поэзия эпохи Тан. VII—X вв. Пер. с кит. — М., 1987.
 Евтушенко Е. Китайские переводчики. — Литературная газета. — 1985. — 13 ноября. — С. 15.
 Эйдлин Л. З. Алексеев и наука о Востоке // В. М. Алексеев. Наука о Востоке. — М., 1982.
 Эйдлин Л. З. Василий Михайлович Алексеев и его Ляо Чжай. — (предисловие к сб. Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжэя о чудесах, М., 1973). Эйдлин Л. З. За чтением «Шедевров китайской прозы» в переводах В. М. Алексеева // Дневная звезда. Восточный альманах. — Вып. второй, М., 1974.
 Эйдлин Л. З. История китайской литературы в трудах академика В. М. Алексеева // В. М. Алексеев. Китайская литература. Избранные труды. — М., 1978.

БЯНЬ ЧЖИЧЖУН

Упражнения «Плывущий дракон» — одна из методик, относящихся к тайным даосским системам «искусства долголетия».

Специфика комплекса в сравнении с другими методиками цигун и методами фармакотерапии заключается в том, что он наиболее эффективен как способ устранения жировых отложений, особенно в области талии, улучшения фигуры, повышения эластичности мышц и связок. Он доступен для самого широкого круга людей вне зависимости от возраста.

Своим названием комплекс обязан характеру упражнений, имитирующих движения змеевидного тела мифического животного, выплывающего из водной пучины. Комплекс именуется также «Упражнением трех колец», поскольку округлые движения руками вперед и в стороны как бы очерчивают нанизанные друг на друга кольца.

Особенности комплекса:

1. При его выполнении имитируются и движения, и «внутреннее состояние» плывущего дракона². Позвоночный столб, если смотреть со стороны спины, изгибается в форме латинской «S», сочленения шейных и спинных позвонков последовательно растягиваются в такт мягким равномерным движениям «дракона». Мягкие движения, выполняемые всем телом, начиная с области поясницы, стимулируют переднесрединный и заднесрединный «чудесные» меридианы (Жэньмай и Думай), что в свою очередь улучшает проходимость 12 главных меридианов для потоков «ци и крови»⁴. Одновременно оказывается воздействие на области точек минмэнь и цихай¹ — двух главных центров «жизнеобеспечения», что способствует общей циркуляции «ци и крови».

2. Упражнения выполняются в положении стоя. Следует полностью расслабиться, погрузиться в состояние «покоя», сосредоточиться на центрах ладоней; сложив ладони перед грудью, представить себя молодым, стройным, в расцвете сил. Это позволяет соответствующим образом настроить центральную нервную систему, с тем чтобы вызвать ощущение легкости, раскрепощенности, душевного комфорта, готовности приступить к выполнению упражнения. Тем самым повышаются возможность самоконтролируемого воздействия на организм, совершенствования и восстановления его ресурсов.

3. При выполнении основного упражнения ладони прижаты одна к другой. Таким образом субстанции инь и ян сливаются воедино, и «ци не рассеивается»⁵.

4. При движении руками в сторону таз смещается в противоположном направлении с максимальной амплитудой. Непрерывное «раскачивание» в подражание движениям плывущего дракона вовлекает в работу все суставы, мышцы и связки. Поскольку «раскачивание» выполняется главным образом за счет движений в пояснице, оно способствует «сгоранию» жировых отложений в области живота и талии.

5. Внутренние поверхности стоп и бедер должны быть прижаты друг к другу. Ритмичные, выполняемые в определенной последовательности движения дают очевидный физиологический эффект, регулируя работу желез внутренней секреции. Люди пожилые и среднего возраста склонны к полноте в большей степени вследствие ослабления функции гормональной секреции, что приводит к снижению уровня метаболизма и увеличению жировых отложений. Их уменьшению эффективно способствует регулирование секреторных функций в ходе выполнения приведенных ниже упражнений цигун.

6. Важными элементами упражнений являются отрыв пяток от пола и смещение центра тяжести по вертикали. Если при выполнении движений главное «тяговое усилие»

исходит из области поясницы, то форму движения определяет положение головы, а само оно начинается с ног. Благодаря этому обеспечивается циркуляция ци по всему телу, исключается «потеря ци», что является уникальной чертой традиционных даосских методик. Перемещение центра тяжести по вертикали вверх и вниз, отрыв пяток от пола стимулируют функции всех ножных меридианов, оказывают благоприятное воздействие на меридианы печени, селезенки и почек⁷. Поскольку, поднимаясь «на цыпочки», вы одновременно максимально вытягиваетесь, то при этом сокращаются мышцы живота и ягодиц, что через определенное время заметно уменьшает их «рыхлость», делает их более упругими.

Функции комплекса

Комплекс «плывущий дракон» служит главным образом для исправления осанки и улучшения телосложения, регулирования функций задне- и переднесрединного меридианов, профилактики и избавления от пролиферации позвоночника. Пожилым людям регулярное выполнение этих упражнений позволяет без напряжения держаться прямо, не горбиться. Комплекс идеально подходит женщинам, желающим избавиться от жировых отложений в области талии и живота, устранить вялость и «рыхлость» мышц таза, сделать мышцы в области талии упругими и эластичными, улучшить фигуру.

Поскольку в упражнениях данного комплекса главную роль играет поясница, они оказывают благоприятное воздействие на ткани в области поясницы и функционирование почек. Данные одного из экспериментов показали возможность фиксации изменений температуры тела в области талии после выполнения упражнений данного комплекса в комнате площадью 20 квадратных метров при температуре воздуха 16 °С. У обследуемого вследствие хронического заболевания температура тела в области талии справа составляла 19°, на 1° больше, чем слева. После того как он 32 раза подряд выполнил основное упражнение комплекса (за однократное принятие выполнение одного полного кругового движения всем туловищем), температура поверхности тела справа снизилась до 18,2°, слева — до 17,8°.

Чем хуже снабжение тканей питательными веществами и слабее их иммунная функция, тем больше их теплоотдача. Ее уменьшение подвело возможность данной системы упражнений в улучшении кровоснабжения и повышении защитной функции тканей в области талии, сохранении тепловой энергии. Поэтому комплекс «плывущий дракон» предназначен не только для избавления от лишнего веса, но и для укрепления тканей в области поясницы, в том числе локализованных там внутренних органов, прежде всего почек.

Подготовительные движения

1. «Положить руки на пояс и приподнять пятки».

Приступая к выполнению упражнения, погрузитесь в состояние «покоя», уберите посторонние мысли. На вашем лице играет легкая улыбка: вы вспоминаете о своей молодости, словно возвратились в то прекрасное время, когда вам было 17—18 лет. Когда вы улыбаетесь, оживают все клетки вашего тела — как будто они тоже улыбаются вместе с вами, и вы чувствуете себя молодым.

Способ выполнения:

Встаньте прямо, полностью расслабьтесь, ноги вместе (пятки прижаты друг к другу), положите руки на пояс, расправьте грудь, подберите живот, чуть подожмите ягодицы⁸ (рис. 1). Медленно приподнимитесь на носках, потянитесь вверх всем телом, медленно опуститесь (рис. 2). Дыхание естественное. Выполните упражнение восемь раз.

П р и м е ч а н и я: Данное упражнение является базовым для всего комплекса. Приподнимайтесь на носках без напряжения, не стремитесь поднять пятки как можно выше. Соизмеряйте усилия с вашими возможностями и состоянием здоровья, движения должны быть легкими, естественными.

Функция упражнения: укрепление мышц ног, живота, таза, груди. Мышцы бедер становятся более упругими, улучшается осанка. Упражнение особенно полезно тем, кто обеспокоен чрезмерной полнотой бедер и талии.

2. «Повороты шеи и бедер».

Упражнение заключается в поворотах шеи, бедер и туловища в пояснице с широкой амплитудой.

Способ выполнения:

Полностью расслабьтесь, встаньте прямо, держитесь естественно, ноги вместе (пятки прижаты друг к другу), соедините кончики больших и средних пальцев (рис. 3), положите кисти на поясницу (рис. 4). Поверните голову и бедра влево на 45° — при этом голова чуть приподнимается, взгляд направлен влево-вперед, одновременно ноги чуть сгибаются, вес тела распределен поровну на обе ноги (рис. 5). Вернитесь в исходное положение и выполните аналогичное движение вправо (рис. 6). Выполните упражнение по четыре раза в каждую сторону (всего восемь раз).

Примечание: Поворот шеи и бедер выполняется на 45° , превышение этого угла нежелательно.

Функция упражнения: развитие подвижности шеи, таза, туловища в пояснице, воздействие на затылочные доли головного мозга, улучшение его кровоснабжения, улучшение памяти, стимуляция мышления.

3. «Сложить ладони и раскачиваться вправо и влево»

Это последняя из подготовительных комбинаций комплекса, включающая в движение все суставы.

Способ выполнения:

Расслабьтесь, встань прямо, держаться естественно, взгляд направлен вперед. Поднимите руки и сложите ладони перед грудью. Точки шаошан у основания ногтевого ложа большого пальца должны располагаться напротив точки шаньчжун в подгрудинной ямке, предплечья в горизонтальном положении (рис. 7). Вытолкните правой ладонью левую кисть влево, одновременно поверните бедра вправо и посмотрите направо (рис. 8). Вернитесь в исходное положение и выполните аналогичные движения в противоположную сторону (рис. 9). Выполните упражнение в каждую сторону по четыре раза (всего восемь раз).

Примечание: избегайте чрезмерно энергичного выполнения движений. Их амплитуда должна быть достаточно широкой, но не настолько, чтобы вызвать неприятные ощущения или получить травму.

Функция упражнения: растягивание мышц в поперечных направлениях, стимуляция «сгорания» жировой клетчатки в области живота, чем достигается уменьшение веса и улучшение фигуры.

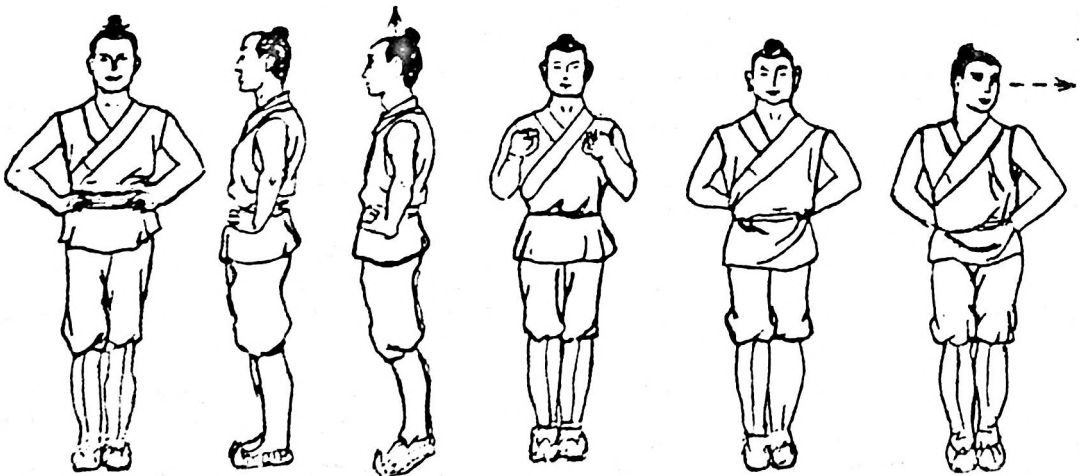

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Примечания редактора

1. «Тайное» (ми чжуань) — букв. «тайно передаваемое» — определение традиции, передаваемой только доверенным ученикам, посвященным в тонкости учения и практики религиозной секты или семейной школы. Практически все восточные системы психофизиологического тренинга так или иначе восходят к древней религиозной и магической практике. Автор данного материала, Бянь Чжичжун, непосредственно наследовал семейную традицию, по преданию восходящую к одному из направлений даосизма — хуашаньской школе. Как правило, описания такого рода упражнений в современной литературе даются упрощенно. В частности, очерчивается лишь общий контур системы образных «установок», обеспечивающих должную настройку психики, которая и обеспечивает поразительную эффективность упражнений. Но многие важные нюансы физических и психических действий остаются нераскрытыми. В определенной мере потому, что относятся к области чувственного опыта, являющегося результатом суггестии — внушения, тонкой и длительной настройки сознания и психики будущего мастера. В результате он сам приобретает способности к внушению и такому воздействию на обучаемых, которое сейчас принято относить к «информационно-энергетическому». Максимальный эффект методики традиционных школ дают при непосредственном обучении у носителя традиции. Поэтому, несмотря на кажущуюся несложность упражнений, осваивать их целесообразно под руководством квалифицированных инструкторов психотренинга, которые могут восполнить «недосказанное» в описании упражнений, опираясь на личный опыт и знание предмета.

2. Это краткое замечание на самом деле представляет собой один из важнейших аспектов общей установки на выполнение упражнений. Оно нацеливает на соблюдение принципа «цюй и» — «заимствование смысла», то есть внутреннего содержания объекта подражания, «самоидентификацию» с ним, требующую ясного представления о роли и месте в культуре Китая того мифического или реального животного, легендарного героя, образ которого воспроизводится в упражнении. В древней магии такая «самоидентификация» часто служила средством привлечения чудесных возможностей объекта подражания для достижения целей участников обряда. В данном случае образ дракона — повелителя стихий служит общим фоном психической активности, исключающей сомнения в положительном действии упражнений. Об образе дракона в китайской культуре см.

3. Главные пути — «каналы», по которым, как считает традиционная китайская медицина, циркулируют жизнетворные субстанции — энергетическая «пневма»-ци и кровь, в западной литературе принято называть «меридианами». Тем самым подчеркивается «условность» этих линий с точки зрения современной науки. Принято выделять

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

12 главных меридианов, «управляющих» внутренними органами, и восемь «чудесных» — «резервную энергетическую систему», накапливающую «пневму»-ци и снабжающую ей организм при нарушении функций тех или иных главных меридианов. Основными из «чудесных» меридианов считаются заднесрединный (Думай), проходящий от промежности вдоль позвоночника к макушке и далее к уздечке верхней губы, и передне-срединный (Жэньмай), начинающийся в органах малого таза, затем от промежности поднимающийся по передней поверхности туловища к подбородку, огибающий губы и от уздечки верхней губы двумя ответвлениями ведущий к нижним границам глазниц. Меридиан Думай «управляет» всеми каналами, по которым проходят субстанции, обладающие качеством одной из двух полярных сил — инь (каналы инь), меридиан Жэньмай «ведает» так называемыми каналами ян.

4. В областях минмэнь и цихай расположены одноименные акупунктурные точки — соответственно на спине, примерно в месте проекции пупка, и на животе в 3,5—5 см ниже пупка. Эти области соответствуют местоположению «энергетических резервуаров» организма — дяньтянь («киноварных полей»), минмэнь — задней области даньтянь, цихай — средней. Средняя область даньтянь считается местом концентрации «истинной ци» (чжэнь ци) — в высшей степени гармонизированной «жизненной энергии», обеспечивающей все функции организма, а задняя область даньтянь сосредоточивает также «семя» — цзин, субстанцию, отвечающую за собственно физиологические функции.

5. «Рассеивание ци» (ци сань) — в данном случае «потеря мощности» ци за счет излучения ее во внешнюю среду. Под слиянием субстанций инь и ян имеется в виду, во-первых, образование в организме так называемой «истинной пневмы» (чжэнь ци), в которой гармонично слиты в «одно» все жизнотворные субстанции, во-вторых, «смешение» субстанций организма, которые в различных его частях считаются «тяготеющими» к качествам инь или ян (например, слева — инь, справа — ян и т. п.) и, таким образом, более активное их взаимодействие.

6. «Потеря ци» — во-первых, энергетические затраты на внешнее «излучение», во-вторых, утрата ощущения регулируемого потока внутренней «энергии».

7. Ножными называются главные меридианы, «наружный ход» которых проходит по поверхности ног («внутренний ход» всех меридианов — в глубине тела). Принято насчитывать по три ножных меридиана инь и ян. Ножные меридианы печени, селезенки и почек относятся к инь и «управляют» соответствующими «органами инь», наиболее эффективно «накапливающими семя», или «эссенциальную ци» (цзин ци), обеспечивающую физиологические функции организма.

8. Букв. «поднять анус», то есть чуть поджать сфинктеры — запирательные мышцы заднего прохода, скорее «мысленным» усилием, нежели физическим. Считается, что это позволяет «закрыть» акупунктурную точку в промежности и избежать потери «жизненной энергии», локализованной в нижней области дяньтянь.

9. Соединение кончиков больших и средних пальцев замыкает «энергетическую цепь» меридианов перикарда (условной «околосердечной сумки») и легких; кисти накладываются тыльными поверхностями на поясницу.

Уважаемый читатель!

С 1991 года в качестве приложения к «ПДВ» будет выходить китайский журнал «Цигун и спорт».

В числе других интересных материалов в журнале «Цигун и спорт» будут регулярно публиковаться иллюстрированные описания методик цигун различного направления и назначения. Одну из них мы перепечатаем в этом номере «ПДВ». Напоминаем, что те, кто захочет на регулярной основе знакомиться с материалами журнала «Цигун и спорт», могут подписаться на него на любой срок в любом отделении связи и «Союзпечати». Для этого надо указать индекс журнала 70764. Цена одного номера — 3 руб. Стоимость подписки на полгода — 9 руб., на год — 18 руб.

Секреты здоровья тибетских монахов

В. ВОСТОКОВ

Чтобы идти чистым путем
Надо парусу быть белоснежным.

Виктор Федорович Востоков — ныне директор Народного центра тибетской медицины при НИО «Мегатрон» (г. Москва). О нем писали, помещали его фотографии десятки газет — интервью, беседы, очерки. Научных публикаций в газетах нам обнаружить не удалось, и мы решили открыть и эту главу его биографии — доктора тибетской медицины, тибетского ламы; из скромности Виктор Федорович просил не называть символ его сана, так же как из скромности он очень мало говорит о себе. «Как можно меньше я!» — его девиз. Другой его девиз: «Знать, уметь, хотеть!» Не святой, как принято у нас говорить в обиходе. Мастер, всю жизнь стремящийся служить людям.

Свидетельства о рождении не уцелело. Память сохранила имена отца и матери, и еще родные места — чудесный уголок природы, граница Тувы и Монголии. Тува — удивительный, уникальный, универсальный край, едва не все зоны — от тайги до пустыни. Таинственная гора Тысячи звуков...

Мать умерла, когда ему исполнилось 3 года. Отец, военного рода человек, раненый, контуженный фронтовик, угас, когда сыну было 7 лет. «Пошел в люди». Сироту били. Убежал в тайгу, странствовал по зимовьям, жил провиантом, оставленным охотниками. Там пролежала тропа, по которой ламы ходили собирать травы и минералы, общаться с природой. Заметили у парнишки особенное — он говорил со зверьями и деревьями.

Нелегкими были 10 лет в монастыре. В. Ф. Востоков обещает описать их в книге. Испытания, науки, паломничества, снова науки, монгольский язык. «Врачу, исцелися сам!» — первая, наверное, древнейшая заповедь медицины. Телесно, а главное — духовно.

Старинную мудрость толкуют по-разному: как проповедь пассивности, самоуглубления и как идею стойкости в жизненных невзгодах. История повернула так, что опыт не одного тысячелетия, опыт общения с природой и с самим собой оказался вдали забвения и небрежения. В. Ф. Востоков горит желанием вернуть все это людям. Составил множество лекарственных сборов разной природы. В наших следующих номерах мы постараемся опубликовать наиболее доступное.

В 1963 г., семнадцати лет, получив посвящение в лекари, выходит из монастыря. Работает грузчиком, автослесарем, приехал в Москву, закончил медучилище. Работал медбратом. Удивлялся. Особенно обыскам. Ведал в Центросоюзе сбором лекарственных трав, работал в Центре нетрадиционных методов оздоровления при ЦНИИ медико-биологических проблем спорта. В Москве застать трудно, ездит по стране. Но главная забота — создание организационно-учебной сети, через которую мечтает вернуть людям утраченные или пропущенные знания. Мечтает о совместной работе со специалистами Института Дальнего Востока, о том, чтобы вернуть людям то, что накоплено восточноазиатской цивилизацией. Задача государственная и народная — синтез цивилизаций, это и одна из задач ИДВ АН СССР.

Медицина древнего Тибета

Что знаем мы о ней, рожденной в недоступном и неведомом крае, в легендарной Стране Снегов, обители чудес и колыбели мистики? Путь в нее открыт лишь избранным. Мне повезло. Судьба сложилась столь необыкновенно, что я, уроженец Тувы, оказался в школе лекарей в одном из труднодоступных тибетских монастырей. Традиции требовали: или полностью раскрой свои способности, или уйди из школы. Что значит развей? Надо в

совершенстве овладеть такими науками и методами, как йоготерапия, биомассаж, иглоукалывание, система релаксации, медитация, фитотерапия, фармакопоя. Словом, надо познать мудрость древних учителей, которые, «беспорочно исправив собственные пороки тела, языка и души, способны уравновесить порочную неуравновешенность других».

Традиции требовали: лекарь — учитель, должен вести за собой.

Десять лет учения — и тысячи умений, навыков, способов лечения, вариантов составления лекарственных препаратов. Он может избавить человека от любых недугов, исключая заболевания психического характера. «Нет неизлечимых болезней — есть неизлечимые люди». — гласит тибетская мудрость. Особое значение тибетские медики придают триаде: правильный образ жизни, питание, «тай-цзи» («Великий Предел» — «Сфера Познания», по Чжу Си). Следуя древнейшим медицинским трактатам, практически можно найти средство от всех заболеваний, если они не приняли хронического характера. Природа сама позаботилась о защите здоровья человека.

Приобретя бесценные знания, я приобрел и чувство ответственности: моя миссия в том, чтобы вести за собой, иначе невежество погубит нас. Жизнь может и должна быть долгой и счастливой, то есть прежде всего здоровой. К этой мысли пришли еще древние, а мы никак не можем постичь ее.

Главная задача педагогики: найти и развить. В каждом юном человеке надо видеть Моцарта, Пушкина или Шалыпина, каждый подросток талантлив.

Задача центра — возродить восточную народную медицину, чтобы люди имели альтернативную медицину, безвредную медицину XXI в. Нынешнее увлечение химиотерапией приводит к печальным последствиям — лекарственным болезням, аллергическим реакциям, тератогенному действию лекарств (вредному влиянию на плод в чреве матери). В настоящее время даже появился термин «фармакологический человек». Люди настолько начинены всяческими препаратами, что теряется представление о том, как там у нас внутри. Только продукты питания содержат более дюжины групп вредных химических соединений: антиоксиданты, консерванты, красители и т. д. Буквально с детства матери кормят своих детей антибиотиками, сульфаниламидами. Температура у ребенка 37,4°, и мать сразу ищет аспирин, не находит — дает левомецетин, в то время как снять температуру, головную боль или боль зубную можно гораздо проще, с помощью наложения рук, без всяких таблеток. В настоящее время практически каждый третий ребенок — больной человек.

Я не говорю о таких методах, как иглоукалывание, массаж, которые с успехом могут заменить целый ряд медпрепаратов. Одним помогает бесконтактный биомассаж, на других благотворно действует биополе. Просто руками лечит, например, Прасковья Сергеевна Мулявина из Красноярска, имеет патент, хотя не имеет медицинского образования.

В каждом молодом человеке есть бездна способностей, которые он может развить. У любого человека, кроме неокортекса, коры больших полушарий, имеется палеокортекс, подкорка большого полушария — древняя кора. В ней представлены сверхспособности человека: угадывание мыслей, целительство, левитация, телекинез и др. В силу того что современный человек ведет комфортный образ жизни (т. е. искусственный, искаженный), эти способности ему не нужны, они подавлены или атрофированы. Древний человек находился в условиях процесса выживания, борьбы за существование, поэтому он развивал и применял эти способности, поскольку рисковал своей жизнью, рисковал стать завтраком или обедом хищника.

Вы все наблюдаете эти явления по ЦТ на сеансах Кашпировского, Чумака, Джуны. Все они являются биоэнергентами, т. е. наделены сверхспособностями, почувствовав которые стали развивать тренировкой и медицинской практикой. Что происходит при телевизионном лечении Кашпировского? Когда больной верит психотерапевту и обладает высокой гипнабельностью, в нем срабатывают древние механизмы самолечения (древний человек лечился сам, не имел права болеть, врачей не было). На этом же явлении, которое называется психосоматической регуляцией или психорефлекторной терапией, основаны все восточные оздоровительные системы, а также восточные единоборства.

Тибетские монастыри являются не только хранителями древних знаний погибших цивилизаций. Они развивают у монахов сверхспособности — «прорыв в будущее». Тибетский лама прежде всего духовный учитель. Он обязан помогать людям (физически — защи-

щать слабого; морально — давать совет молодоженам; в медицинском отношении — оказывать помощь больному в любой точке земного шара).

Все тибетские монахи обязаны в совершенстве владеть своим телом. Аккумулировать и управлять внутренней энергией *ци*. В Китае все представления подчинены понятию энергии *ци*. Лечебный эффект, например, в иглорефлексотерапии обусловлен исключительно тремя энергиями *ци*: 1) наследственной *ци*, которой нас наследуют дедушки и бабушки; 2) питательной *ци*, энергией, которую мы получаем из пищи и воздуха; 3) внутренней (жизненной) энергией *ци* — энергией, которую мы получаем из окружающего мира, воздуха, космоса, природы. Каждый человек прежде всего микрокосм, он живет в триаде «Космос — Человек — Природа». Можно жить сколь угодно долго, если умеете управлять внутренней энергией *ци*.

Каждый из нас в процессе эволюции прошел стадии развития деревьев, птиц, животных. Такие восточные системы, как кун-фу или йога, тайцзи-цюань, у-шу, все основаны исключительно на аналогии с поведением животных. Основные стили кун-фу: стиль леопарда (резкие короткие движения), стиль тигра (плавные, сильные удары), стиль кобры (мягкие, плавные, хитрые движения), стиль журавля (размашистые, высокие, стойкие, длинные удары), стиль «мифического дракона» (низкие, стойкие, сильные, короткие жесткие удары). Все они являются в то же время целебными движениями, которые помогают в профилактике болезней и продляют человеческую жизнь. В Китае в некоторых районах средняя продолжительность жизни мужчины достигла 70 лет, а в Красноярске, Новосибирске, Ленинграде, Москве она составляет от 48 до 60 лет. Разница заметная.

В процессе выполнения упражнений этих стилей в человеке включаются древние механизмы самолечения. Разным людям подходит определенный стиль. Одному — обезьяны, женщинам, например, — ласточки, здоровому полному мужчине — медведя и т. д. В Китае в каждой семье существуют древние семейные традиции, преемственность, тайные приемы кун-фу, у-шу, иглоукалывания, так называемая семейная акупунктура. Этими системами занимаются с 3 до 100 лет. С шести часов утра масса людей от мала до велика выходят на улицу для занятий. Своеобразный ритуал.

Все восточные системы не имеют противопоказаний, в отличие от аэробики они подходят абсолютно всем: здоровым и больным. Это прежде всего биоэнергетические упражнения (не гимнастические), которые позволяют человеку не только совершенствовать свое тело, психику, но и, по сути, составляют профилактику многих заболеваний и даже их лечение. Например, китайская лечебная гимнастика тайцзи-цюань излечивает такие заболевания, как язвенная болезнь, гастриты, гипертония, сердечно-сосудистые, и другие. Все они основаны на аккумуляции «внутренней энергии *ци*» или «праны» — особого вида энергии, которая функционирует в китайских «меридианах» (каналах). На ней основаны методы иглорефлексотерапии, прижигания, точечного массажа, биомассажа.

«Зачем японскому солдату три иглы?» На поле боя, если солдата ранят, он может остановить кровотечение, вернуть себе сознание (предотвратить состояние комы) или просто протонизировать себя, когда ему хочется спать на посту.

При выполнении в замедленном темпе у-шу, тайцзи-цюань, кун-фу происходит раскрытие точек акупунктуры (тонизация их), соответственно стимулируются или излечиваются внутренние органы. Таков механизм данных систем. Естественно, у бойцов формируется духовность и правильное мышление. Ученик мастера кун-фу никогда не дерется, он защищает слабых, униженных и больных. Воспитывать молодежь, искать и развивать способности — самая высокая цель.

Восточная гимнастика и гигиена. «Содержи свой храм в чистоте». В тибетских монастырях большое внимание уделяется духовному, психическому и физическому очищению организма. В древних свитках на тибетском языке подробно изложена «Тибетская наука очищения и омоложения организма». Для учеников я даю основные положения из этих свитков. Человек может быть здоровым и счастливым в том случае, когда он духовно и физически чист. Поэтому для исцеления от заболевания я назначаю прежде всего духовное и физическое очищение. Мои рекомендации для всех больных: 1. Непричинение людям зла. 2. Духовное и физическое очищение. 3. Добролюбие (больше отдавать, чем брать). Эти правила — залог успеха и исцеления любого человека.

Для того чтобы быть здоровым и молодым, необходимо соблюдать законы Космоса, так как явления, которые происходят в Космосе, оказывают влияние на здоровье и продолжительность жизни человека.

Законы Космоса: 1. Не вреди — ни словом, ни мыслью, ни делом — ни одному живому существу. 2. Праведная жизнь: «Да живите в здравии и будьте счастливы в настоящем!» (Праведность). 3. Обычное состояние медитации. 4. Наблюдай знаки, научись их расшифровывать. 5. «Брахмачария» — духовное очищение. 6. Наблюдать, чувствовать, моделировать. 7. Безвозмездная помощь больным, страждущим и жаждущим. 8. Соблюдай пост. 9. Управление временем — «Калачакра». 10. Открытость. 11. Связь с учителем, капсулой, эгрегором, двойником, родовой капсулой. 12. Не осуждай. 13. Иди навстречу благим желаниям. 14. Рассчитывайся с обществом. 15. Убей страх, низменные желания, гнев. 16. Даже в плохом человеке различай учителя. 17. Совершенствуй и очищай свой храм — тело. 18. Стремись к духовному, возвышенному, избегай мелочного, неглавного. 19. Ставь не дальнюю, а высокую цель. 20. Не гнушайся сиюминутным действием, сожги свое «эго». 21. Относься к людям, как к самому себе. 22. Читай священную литературу (медитационные стихи, Библию). 23. Уважай обычай, строй, законы той страны, в которой ты живешь. 24. Умей хранить тайны и традиции. 25. Не держи злых мыслей, так как мысль — бумеранг. 26. «Тому пошлем свет, кто улыбается тьме». 27. Общайся с Природой, ибо она — твоя Мать. 28. Не оставляй следов — слава нам не нужна. 29. Ищи свое счастье в счастье других. 30. Помни о магии слова (слово хранится в пространстве два года). 31. Помни о невидимом мире и не мешай им жить! 32. Не влюбляйся: любовь — западня. 33. Помни о смерти и смерть принимай с благоговением. 34. Милосердие. «Да любите друг друга!» 35. «Сейте разумное, доброе, вечное!» 36. Будь жестоким и добрым. 37. Будь воином; играй, живи, работай, будто кто-то другой. 38. Всем и все прощай и не держи зла. 39. Ходи с ясной головой. «Я — полый бамбук!» 40. Не напрягайся. «Напряжение есть смерть, а расслабление — жизнь». 41. Будь проводником. 42. «Я — полый бамбук», и стоит духовной энергии войти в меня, я заиграю. 43. Лучший отдых — работа. 44. Лучшее благо — ежедневное совершенствование в физическом, духовном, ментальном плане. 45. Путешествие в астрал (невидимый мир) — опасно для жизни. 46. Умей молчать. 47. Будь раскован, чтобы в каждой ситуации мог течь свободно, как вода. Бегство от свободы. 48. Наблюдай за сумасшедшими, пытайся расфокусировать их глаза. 49. Каждый создает свой имидж, но глаза выдают каждого. Тень в глазах — ложь.

Правила учителя П. К. Иванова. 1. Два раза в день купайся в холодной воде, чтобы тебе было хорошо. Купайся, в чем можешь — в озере, речке, ванне, принимай душ или обливайся. Горячее купание завершит холодное. 2. Перед купанием или после него выйди на природу, встань босыми ногами на землю, а зимой на снег хотя бы на 1—2 минуты. Сделай вдох и мысленно пожелай всем людям здоровья. 3. Не употребляй алкоголя и не кури. 4. Старайся хоть раз в неделю обходиться без пищи и воды (лучше с пятницы (18—20 часов) до воскресенья (до 12 часов)). Это твои заслуги и покой. 5. Люби окружающую тебя природу. Не плюйся. Привыкни к этому — это твоё здоровье. 6. Здоровайся со всеми, везде, всюду, особенно с людьми пожилого возраста. 7. Освободи свою голову от мыслей о болезнях, недомоганиях, смерти. Это твоя победа.

Золотые скрижали для учеников Востокова 1. Не причиняй вреда ничему живому ни словом, ни делом, ни мыслью. 2. Саттвическая (чистая) пища, получение праны из пищи. 3. «Дхоути» — без очищения нет возрождения. 4. «Пранаяма» — дыхание есть жизнь. 5. Тао-цзи — мышечная радость (ритмическая гимнастика Востока). 6. Аккумуляция «праны» (накопление потенциала ЦНС). 7. Ментальная релаксация («шавасана», контроль засыпания).

Основные принципы тибетской медицины. Тибетский лама — это прежде всего духовный учитель, помощник, который обязан прийти на помощь любому человеку в любой точке земного шара.

Мы обязаны помогать людям больным или униженным и оскорбленным. Может быть, нужно помочь человеку просто хорошим советом в разрешении семейного конфликта или по здоровому образу жизни. Лама — священник, учитель и врачеватель.

Любое лечение по тибетской медицине начинается прежде всего с перестройки мышления, с формирования здоровых понятий и добролюбия, то есть доброжелательного отношения к людям и окружающей среде.

Я лично, например, запрещаю говорить больным о болезни. Почему? Потому что больные очень любят говорить о своих болезнях, делиться со знакомыми и родственниками. У человека колоссальный резерв психики, а в этом случае больной настраивает себя на болезнь («гулять мне нельзя, я болен»), дает установку на болезнь. Врач должен быть примером, эталоном здоровья и духовности, духовной красоты. Когда больной пришел к

ламе, он бесконечно доверяет ему во всем, с этого момента включается психотерапия.

Тибетская диагностика длится от нескольких часов до 2—3 суток. Лама, почувствовав скованность больного, его напряженность, предлагает душистый зеленый чай. Во время чаепития, а оно естественно расслабляет больного, врач узнает все нужные подробности из жизни больного — образ жизни, местность, час, день, месяц и год рождения (медицинская астрология), какие были роды, какие сновидения, были ли психические травмы, какова наследственность (чем болели родители) и т. д. Иначе говоря, устанавливается дифференциальный диагноз патологического состояния всего организма через состояние глаз, ушей, языка, слизистых, цвет кожи, внешний вид, запахи. Методов тибетской диагностики около 40.

Основная трудность диагностики заключается в том, что многие внутренние болезни не имеют постоянных симптомов и признаков. К тому же каждые 10 лет обновляется патогенез заболеваний. Одна и та же болезнь, например туберкулез, может проявляться разными признаками. Если к этому добавить, что одни и те же симптомы и признаки наблюдаются при многих заболеваниях, что число симптомов возрастает, возникают все новые и новые «лекарственные болезни», то возникает необходимость обучения врачей восточной диагностике, которая помогает врачу-клиницисту поставить более точный диагноз, надо научить практического врача видеть за отдельными клиническими синдромами истинную причину того или иного заболевания.

В тибетской медицине нет понятия «заболевание», так как она рассматривает весь организм как одно целое. Существует определенное полиологическое состояние организма в данный момент. Для того чтобы вывести организм из этого состояния, нужно привести организм в равновесие («инь» — «ян», «тепло» — «холод» и др.), нормализовать внутренний гомеостаз больного организма, восстановить потенциал нервной системы, жизненную энергию ци. Здоровье, жизнь и смерть в целом зависят от циркуляции этой энергии. Человек, который научится управлять этой энергией, умеющий накапливать ее и управлять ею, получает власть над годами. Имеющий ци цветет, а теряющий ее умирает.

Западная медицина объясняет смерть от удушья недостатком воздуха, смерть от голода — недостатком еды или воды. Тибетские медики не отрицают этих физических факторов, но, по их мнению, это не всегда объясняет urgentные состояния — состояния жизни и смерти. Все эти состояния связаны с циркуляцией, накоплением и потерей жизненной энергии ци.

То, что современный цивилизованный человек неспособен извлекать жизненную энергию ци из воздуха (Космоса), из природы, тайги, гор, пищи и воды, является причиной болезней и ранней смерти. Существуют также биоэнергетические центры (чакры). У человека 7 чакр, которые связаны с 72 меридианами — это также необходимо учитывать современному врачу.

Организм человека (в системе «Космос — Природа — Человек») работает как единое целое. Сердце ведаёт кровью, кровеносными сосудами, всей жизненно важной деятельностью организма и является главнейшим из всех внутренних органов. Нарушение работы сердца обусловливается нервно-психическими перегрузками, либо воздействием других болезнетворных факторов, в частности вызывающих чувство страха, бессонницу, плохое самочувствие, безразличие, покраснение языка, землистый цвет лица и т. д. Сокращения сердца ритмичны. Нервная и гуморальная регуляция и энергия ци, поступающая через сердечный меридиан, совместно обеспечивают очень точное приспособление деятельности сердца к потребностям организма и условиям окружающей среды. Между работой сердца и внутренних органов существует тесная связь. Они взаимно влияют друг на друга.

Лучевая артерия с ее пульсом, по мнению тибетских медиков, — Центр Жизни. Существуют три позиции для диагностики по пульсу: Цунь, Гуань и Ци. По состоянию пульса можно судить о работе внутренних органов, так как нижняя треть предплечья, где расположена лучевая артерия, эмбриологически возникла раньше других частей тела. По пульсу можно также сделать заключение о настоящих и будущих заболеваниях, а также продолжительности жизни человека («пульс жизни», «пульс смерти»).

Пульсовая диагностика позволяет распознать причину болезни и предвидеть, как будет протекать болезнь, получить информацию о психической травме человека, узнать черты характера его. Для полного излечения больного необходимо всегда стремиться найти причину (а не следствие), вызывающую то или иное патологическое состояние.

«Махабуда» — пять природных явлений: «огонь», «воздух», «вода», «земля», «дерево», по законам которых с точки зрения тибетской медицины развивается вся живая и неживая

материя. Обнаружить основную причину болезни очень трудно, так как чаще всего заболевание может быть следствием ряда причин. Тибетские врачи считают, что многие заболевания вызываются «патогенной энергией» или болезнетворными факторами, которые можно разделить на четыре большие категории: потерю энергии ци, или нарушение циркуляции биоэнергетики в организме человека, внешние причины, внутренние причины, другие факторы.

Тибетская диагностика и методы обследования подробно изложены в 24, 25, 26-й главах основного трактата «Чжуд-ши». «Каким же образом изучать диагноз и причины болезней?» Учитель отвечает: «Изучение признаков, по которым познается болезнь, состоит в следующем. Как огонь узнается по дыму, так по признакам может быть узнаваема болезнь... Врач, не умеющий установить диагноз и не разбирающийся в действительных признаках, не узнает истины, подобно тому как ошибаются, принимая дым за испарения». Наблюдательность — главная черта тибетского врача, поэтому в монастыри брали только достойных, то есть наделенных сверхспособностями, соблюдающих законы Земли и Космоса (живую этику), молодых людей. Только с помощью сверхчувственного (ЭСВ, экстрасенсорного) восприятия можно научно поставить диагноз, найти причину того или иного заболевания.

Метод последовательного анализа многочисленных симптомов, осмотр, обнюхивание, простукивание, изучение симптомов с учетом причинных патогенетических факторов наследственности играют решающую роль.

Медитация. Управление мыслью. «Будьте расслаблены, как вода». В тибетских монастырях всех учеников обучают прежде всего расслаблению (ментальной релаксации) и искусству падать. Нужно уметь падать так, чтобы встать красиво и без переломов. Почему маленький ребенок падает очень часто и в большинстве случаев обходится без переломов? Взрослые так не могут планировать. Почему они падают больно, а встают почти всегда здоровыми? Потому что они расслаблены. Совет для всех: «Будьте расслаблены, как дети».

Наблюдая за европейцами, я вижу одно: они полностью утратили возможность расслабляться. Поэтому я сначала дам упражнения и советы релаксации. Прежде всего, нужно вызвать состояние «внутреннего покоя», равновесия инь-ян (гармонии «Космос — Природа — Человек»). Для этого необходимо даже якобы здоровому человеку тренироваться в выработке навыка (установки) «спокойного состояния», прежде чем он станет на путь физического и духовного совершенства, т. е. управления мыслью. Таким образом, должное спокойствие и отдых — первое условие, необходимое для того, чтобы восстановить здоровье. Этот первый барьер — самый важный, для преодоления его нужна тренировка. Расслабление — главное условие, точнее, преодоление главного недостатка в культуре современного человека.

Самые важные условия, необходимые для здоровья и счастья современного человека

1. Естественное окружение

Каждый человек настолько болен, насколько он удален от природы. Необходимо как можно больше и чаще общаться с землей, ходить босиком. Обливаться 2 раза в день холодной водой. Воздушные ванны. Живите в «биологических зданиях» — лучше всего деревянных или кирпичных, без пластмассы и линолеума. Живите и работайте при естественном свете. Не пользуйтесь искусственным освещением. Особенно вредно для глаз смешанное освещение.

Будьте подальше от ЭВМ и других излучателей вредных вибраций. Одежда также имеет магическую и терапевтическую ценность. Носите хлопчатобумажные вещи и чистый лен. Спите на шкурах и твердой поверхности. Выбирайте мебель, сделанную из естественных материалов. С помощью биолокационной рамки (или маятника) определите в Вашей квартире или на работе геопатогенные места. Магнитные поля Земли влияют на жизненные и психические процессы, в том числе вызывают состояние депрессии или эйфории (радостного настроения). Геополе Земли связано с ноосферой Земли и постоянно меняется в зависимости от сезонов года, вспышек на Солнце, фаз Луны. Человек — это микрокосм, и все явления, которые происходят в Космосе, влияют на него.

2. Общение с деревьями

Деревья, как и животные, не только несут человеку радость общения, но обладают некоторым целебным действием. Необходимо научиться общаться с деревьями. Прежде всего, необходимо найти свое дерево. Для этой цели выберите красивое могучее дерево с блестящими листьями. Вы должны почувствовать симпатию и доброжелательность к нему.

Приблизьтесь к дереву, почувствуйте его биополе. Встав рядом с деревом, обнимите его и слейтесь с ним. Закройте глаза, ощутите корни дерева, движение соков из-под земли по стволу вверх и растекание его по кроне. Весной особенно хорошо слышно движение соков. Почувствуйте, что сверху с кроны дерева стекает «прана» (биоэнергия). Отожествите себя с деревом и испытайте на себе движение восходящей и нисходящей энергии. Таким образом можно лечить себя, «очищаться» от неврозов («прана» — это отрицательные ионы), мелких обид, забот и переживаний. После общения с деревом вы почувствуете в себе внутреннюю чистоту и покой. Уходя, не забудьте поблагодарить дерево, погладьте его рукой, проявите к нему нежность, как к ребенку. Я считаю, что у деревьев и растений также есть нервная система. Они, как и мы, воспринимают и чувствуют этот мир.

Замечание: при общении с деревом мужчина должен касаться ствола спиной, позвоночником, т. е. меридианом *Ду-май*, а женщина должна касаться дерева животом, т. е. меридианом зачатия *Жэнь-май*.

3. Медитация с минералами

У каждого человека есть 3 камня: 1-й камень — счастливый, 2-й — целебный, 3-й — астральный или защищающий от злых людей. Возьмите какой-либо камень, лучше прозрачный, и посмотрите на него рассеянным взглядом. Через некоторое время камень в ваших глазах покроется серебристой дымкой и даже, может быть, с цветным ореолом. Мысленно втяните энергию камня в соответствующую «чакру» (биоэнергетический центр). Затем пусть эта энергия растечется по вашему телу. Вы почувствуете, что каждая клеточка, каждый орган начинают заполняться энергией камня. Попробуйте это хорошее упражнение. Если даже одному человеку станет от этих упражнений лучше, считайте, что я выполнил свою задачу.

4. Преодоление усталости

Усталый человек — больной человек. Притча: Идет монах по дороге усталый, голодный и злой. Подходит к фанзе. На крыше фанзы сидит женщина и чинит крышу. Монах кричит женщине: «Эй, женщина, дай мне поесть. Ты не видишь, кто я!» Женщина молчит. Монах раздраженно: «Ты что, не видишь, что я монах из монастыря?» «Я вижу усталого путника», — ответила женщина. Если вы простудились, значит, у вас накопилась усталость в течение многих лет. Простуда — это лишь следствие вашего внутреннего состояния.

Если вы говорите иногда: «Это трудно, это невозможно, я не могу, не в состоянии сделать это», — значит, вы очень устали. Надо выстроить установку в отношении трудностей: «чем больше трудность, тем больше удовольствия вы получаете в преодолении ее». Утомление происходит от неправильного мышления и от беспорядочного образа жизни, от скандальной семьи или от родителей. Как следствие усталости — грипп и ОРЗ, у женщин нарушение месячных, депрессия.

5. Хорошая память

Если вы не забываете ничего из виденного или услышанного вами — у вас хорошая память. Способность запоминать увеличивается с возрастом. Без хорошей памяти нет хорошего суждения. Память — основа вашей личности. У йогов, буддистов, лам — хорошая память. Они помнят даже прошлые свои жизни (реинкарнация).

6. Внутренний покой и хорошее настроение

«Спокойные душой, лишённые гнева шествуют йоги». Поэтому вы прежде всего должны освободиться от гнева, раздражения и недовольства. Человек здоровый постоянно несет в мир радость, он не знает ни страха, ни болезни. Ваша манера держать себя, ваше поведение, ваш голос, умение критиковать, не оскорбляя достоинства собеседника. Надо помнить о том, что есть магия слова. С помощью особых словесных формул (молитв) я лечу болезни. Каждое слово должно выражать вашу любовь к окружающим, вашу радость, ваше уважение к окружающим. Здоровый человек никогда не гневается. Сколько у вас настоящих друзей? Друг — это ваш двойник, единомышленник, брат. Если у вас мало таких друзей — значит, вы очень замкнуты или вы печальный правонарушитель. Нужно восхищаться и любить все существа, все вещи, растения, животных, капли воды. Если вы не можете сделать своих родных друзьями — вы больны. Если вы не умеете радостно понимать любые обстоятельства, не видите ничего из чудес мира — вы похожи на слепого, не видящего ничего. Если вы огорчены — уединитесь и выразите свое недовольство самому себе. Сейчас очень редко встречаются приятные люди, потому что подавляющее число людей больны. Однако их не стоит осуждать, поскольку они не читают подобных статей. Они наивно полагают, что живут сами по себе, как «вещь в себе». В этом их большая

ошибка. Чтобы жить хорошо, надо больше отдавать, чем брать. Больше отдашь — больше получишь. Так помогите же им. Они заблудились в лесу. Если, давая другим, вы бонтесть потеряли свои деньги или свою собственность — значит, вы больны и несчастны.

Восточный дар — это жертва, это выражение бесконечной благодарности и понимания, что этим ты освобождаешься от своих долгов. Приносить жертву — значит давать большую и лучшую часть того, что имеешь. Жертва — это приношение своей любви Бесконечной Свободе и Абсолютной Справедливости. Наша Мать-Земля непрестанно отдает себя, растит траву. Трава кормит животных. Только человек все вокруг себя уничтожает и убивает.

Если вы будете радостны и спокойны во всех обстоятельствах, непрерывно давая другим, сколько в силах дать, вы будете очень счастливы. А когда вы восстановите здоровье с помощью медитативных занятий, вы будете творить добро, помогать людям — вы будете счастливы!

Релаксация — искусство расслабления

Что такое релаксация (расслабление)? Это такое состояние сознания, когда ваша энергия никуда не движется — ни в будущее, ни в прошлое, она просто здесь, с вами. Вы погружаетесь в безмолвную теплоту вашей собственной энергии. Этот момент — это все! Нет других моментов. Время останавливается — это и есть релаксация. Если присутствует время, нет релаксации. Просто останавливаются часы, нет времени. Вам больше ничего не нужно, вы просто наслаждаетесь. Можно наслаждаться самыми обычными вещами, все они прекрасны. Бродить по лужайке, когда роса еще не высохла. И пребывать там всем своим существом — Прикосновение лужайки, Прохлада росы, Утренний ветерок, Восходящее солнце. Что вам нужно еще для счастья?!

Ночью, когда вы лежите в прохладной и чистой постели, ощущая плотность и свежесть ткани, вы чувствуете, как постель становится все теплее и теплее, и вы скрываетесь в темноте и безмолвии неги. С закрытыми глазами вы ощущаете самого себя. Что вам еще надо? И это уже слишком много. В вас возникает глубокая благодарность: это и есть та самая релаксация, расслабление ума и тела, АУМ. Релаксация означает, что того, что есть в данный момент, более чем достаточно, более чем можно ожидать. Вам ничего не надо, у вас всего более чем достаточно, больше, чем вы могли бы пожелать. Вы остановили бег времени. Запомните это состояние сознания.

В процессе жизнедеятельности происходит постоянная трансформация сознания. Всего у человека 33 состояния сознания. Наш человек деградирован. Большинство из нас живет и работает на 2—3-м уровне сознания. Это в основном животные уровни. Вражда, животные страсти, ненависть, зависть. «Если сосед Вася живет хорошо, давайте сделаем ему плохо». Вот почему Будда повторял: «Станьте бесстрастными...» Он знал, что, если есть страсти (желания), расслабиться просто невозможно. Он говорил: «Похороните прошлое, потому что, если вас слишком заботит прошлое, вы не можете расслабиться».

Будьте счастливы настоящим! Мы не умеем расслабляться. Мы постоянно в деле, постоянно напряжены и постоянно находимся в болезненном состоянии. Или как говорит ученый: «В 3-м состоянии ни здоровья, ни болезни». Расслаблены только дети. Взрослые напряжены, тем самым они сами себе сокращают жизнь. Ребенок танцует, прыгает и бежит, а вы его спрашиваете: «Куда ты бежишь?» Но он никуда не бежит, ваш вопрос кажется ему глупым. Дети всегда считают взрослых глупцами. Ребенок просто наслаждается энергией, он переполнен. Он бежит не потому, что ему нужно куда-то добраться, а потому, что он переполнен, и он не может не бежать.

Когда вы действительно расслабитесь, дрожание прекратится. Вы не говорите, внутри вас не происходит никакой деятельности. Сомкните уста и пребывайте в молчании, не думайте ни о чем. Создайте явление «пустой головы». Что же делать, чтобы опустошить ум? Мысли приходят, вы наблюдаете. Но наблюдение должно быть не активным, а пассивным. Наблюдайте, наблюдайте, пассивно, не активно. Например, вы ждете девушку или своего возлюбленного. Это активное наблюдение, кто-нибудь проходит мимо двери, вы бежите посмотреть, не пришла ли она, скрипнула дверь, а вам кажется, что пришла ваша любовь. Вы все время вздрагиваете, ваш ум активен и жаждет. Будьте пассивны, как если бы вы сидели у реки и смотрели, как она течет. Ничего не происходит. Вы просто сидите на берегу реки, смотрите, а река течет.

Йога — путь к духовному физическому совершенству

«Тому пошлем свет — кто улыбается тьме: агни-йога». Санскритское слово «йуг»

означает соединение с Единым (космический разум), соединение с Брамой. Достижение сознания, сверхсознания или нирваны. Существует восемь ступеней йоги: яма, нияма, дхана, пранаяма, пратьяхара, дхарана, дхиана, самадхи. Йога — это прежде всего определенная философия и психофизиологическая тренировка. Она крайне необходима современному человеку, который ежедневно подвергается чрезмерным стрессам и испытывает большие нервные нагрузки. Меня очень часто спрашивают: «Как Вы начинаете свой день?» Ответ: «Йога, тай-цзи, у-шу. Здоровье — это труд. Необходимо много трудиться, чтобы достичь духовного и физического совершенства».

Как радостно, что в нашей стране повеяли свежие ветры разума. Создана Всесоюзная ассоциация восточных оздоровительных систем. Теперь мы будем больше знать о йоге. Мой рассказ о йоге — это только мой путь к здоровью. Теперь, когда ко мне порой обращаются больные, я очень верю в их исцеление и в общий комплекс естественных методов оздоровления, включая занятия йогой, как могу, объясняю тонкости этого великого учения.

Мудрец Древней Индии Патанджали систематизировал знания по йоге. В йоге следует отметить указанный выше восьмиступенчатый путь развития. Первая и вторая ступени — морально-этические, предусматривающие изучение морально-этических аспектов йоги. Третья и четвертая — это психофизическое совершенствование человека, это дисциплина тела. Остальные четыре относятся к Раджа-йоге и предусматривают совершенствование сознания.

Что привлекает более всего человека? Предел его мечтаний в критический момент жизни — избавиться от боли, от внутреннего дискомфорта, от страха смерти. И вдруг попадает ему что-то из йоги, скажем статья из журнала «Наука и жизнь» о чудесах исцеления с помощью йоги. И начинает этот бедный больной человек пытаться повторить позу «змеи», сложиться в «рыбу», расправить легкие в позе «замок», закручивает тело в «коровьей морде» и гнется в позе «льва»... Может увлечься, кое-что освоить, потом попадает ему в руки светоконья с рекомендациями индийского учителя йоги по потреблению воды и питья. И станет бедняга пить по несколько литров в день. А ведь стоило бы подумать, что жители Индии, где рекомендации разработаны и апробированы тысячелетиями, обитают в тропической и субтропической зонах. Температурный режим и выделение влаги через кожу у них иное, чем у нас. И будет ли под силу такая гидротерапия нам с вами на Дону, в Подмосковье, на Урале, в Сибири и т. д. — неизвестно.

За последние 10 лет мне не раз доводилось слышать смелое «Я йог» или «Посмотрите, он йог». Порой бывает достаточно одного взгляда, чтобы волна долго непроходящей горькой обиды за человека подступила к сердцу. Какой же ты йог, если лицо у тебя серое, взгляд тусклый, живот висит над ремнем, талии не видно. За столом в черноморском профилактории тебе мало одного ужина. Ты берешь добавку, съедаешь все подряд. Спишь, пока солнце не припечет в спину и ниже, позволяешь себе дерзости и нетерпимость к окружающим, не добр и не щедр душой, не раскроешь рта без платы за знание, что обещаешь людям.

В Древней Руси сказители-ворожен часто ходили по селениям и за «сказы» свои ничего не брали, кроме хлеба и крова на ночь. Великий русский мыслитель Н. А. Бердяев очень образно предсказывал кризис человека в моральном и физическом отношении, если он перестанет верить в великое предназначение свое, в сверхсознание и бесконечно могучие силы Вселенной, к которой он принадлежит. Своим нынешним существованием мы отвергли все не познанное нами и стали жить по принципам: «живу один раз», «жизнь короткая», «после меня хоть потоп» и т. д. А Природа и Вселенная не терпят хамов, они должны обожраться, нахапаться и уйти со сцены. Согласно теории Космических Эр К. Э. Циолковского, человек — бессмертная, вечная сущность. И может он существовать в двух видах — в виде белковой формы, как мы с вами, вечно хворые телом и духом, и в виде вечной лучистой энергии информационного поля индивидуума. В белковой форме мы приходим на Землю, чтобы аккумулировать энергию Солнца и совершенствоваться в познании земного бытия, как говорится, «пройти искусы» нашего столь жадного до комфорта и излишеств тела. Лучистая энергия никогда не исчезает и не появляется вновь. После смерти человека его информационное поле возвращается в информационное поле Космоса. Философия К. Э. Циолковского гуманна, оптимистична, она наполняет человеческое существование большой ответственностью за поведение свое в обществе, на Земле, в Великом Космосе.

С чего же начать больному человеку? Ему ведь не до философии Бердяева и нет дела до

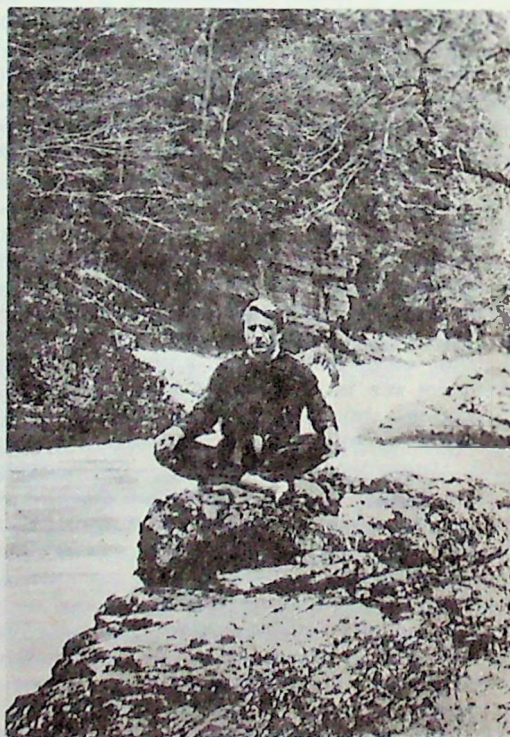
теории Циолковского. От каждого куска хлеба у несчастного появляется нестерпимая боль в желудке, постоянно жмет под правым ребром, расширяет боль в яичнике или не дают спать больные суставы, мучают запоры и т. д. Читать ли ему Раджа-йогу? На мой взгляд, надо бы знать такому человеку, что каждому ученику в йоге общество выделило гуру — учителя. И прежде чем допустить его к изучению асан — упражнений для тела — ученика следует приобщать к тайнам очистительных процедур. Ученик обязательно приводил бы в порядок свой кишечник, желудок, дыхательные пути, учился бы есть, пить, голодать, любить Природу, желать добра окружающим больше, чем себе. Вот только тогда ученику можно рассказать о правилах тренировки тела. Прежде всего знакомили бы с анатомией человеческого тела, со значением крови, воздуха, воды для здоровья человека. Ученик изучал бы строение и функции каждого органа. Учился образно представлять, что происходит в теле при исполнении мысленного приказа тому или иному органу, то есть ощущать терапевтический эффект асан. Ученик получал бы элементарные знания в астрологии, биоритмологии Природы, в законах геофизики и, конечно же, аутогенной тренировки и информационного обмена с Природой.

Наши журналы сейчас, даже на мой весьма неопытный взгляд, пытаются изобразить йогу чем-то вроде ритмики. Кампания по обучению йоге в журналах отшумит, мусть осядет, а чистая река информации от вечных истоков мудрости напоит жаждущих, ибо восторжествует истина. «Если ученик готов, учитель придет».

Итак, с чего начинают те, кому я рассказываю о йоге?

Очистка кишечника — шаг первый на пути к йоге, освоение рационального питания. Приведение в порядок всего кишечно-желудочного тракта. Строгий контроль за работой кишечника на протяжении всей жизни, так как для здоровья нет ничего страшнее свалки гниющих отходов в кишечнике.

Очистка дыхательных путей с помощью очистительных душей носоглотки. Упражнения для глаз. Очистка каналов зрительных нервов. Изучение упражнений для отдыха глаз. Приобщение к правилам дыхания. Понятия о задержке дыхания, о дыхательной гимнастике. Изучение работы своего сердца. Пульс как ориентир ритма при выполнении асан.

Начинающий должен почувствовать музыку пластики собственного тела, музыку ритма своего существа и ритмов Природы, ощутить единение и наслаждаться моментами этих пластических ритмов.

На первом же занятии ученик должен твердо усвоить, что заниматься йогой лучше всего в то время, когда семья спит, когда никто не отвлекает от занятий, ничего не спросит и не нарушит случайным вторжением вашу сосредоточенность в «разговоре с телом». Для занятий подготовьте коврик приятного для глаз цвета из натуральной ткани и запомните: этот коврик только для занятий йогой. Для других целей его никогда не используйте. Расположитесь в комнате так, чтобы во время выполнения асан ваше лицо всегда было бы обращено на Восток или на Север. Это будет способствовать созданию Условий Резонанса при взаимодействии электромагнитных полей Земли и вашего собственного тела.

Помните главное правило йоги: все асаны — это прежде всего гимнастика сосудов и дыхательных путей. Поэтому выход в асану выполняйте на выдохе, фиксацию асаны производите на задержке дыхания с ярким представлением терапевтического эффекта упражнения. Тесты для терапевтического эффекта наговаривайте произвольно с обязательными словами «...здоровая красная кровь входит в [орган], очищает его, питает, оздоравливает» и т. д. Никогда не применяйте в тестах глаголов с частицей «не». Команда к действию должна подаваться только в утвердительной форме.

Задержка дыхания в асане обязательно сопровождается самым сильным мышечным напряжением в течение 4 или 8 ударов сердца. При сильном напряжении мышц в кровь выделяется большое количество углекислоты, которая быстро воздействует на черепно-мозговые центры саморегуляции всего организма. Выход из асаны производите медленно, с мелкими довыдохами и вдохами, будто вы нюхаете цветы. Небольшой отдых в расслаблении — «поза мертвого человека» в исходном положении — и снова асана. Мы повторяем асану 4 или 8 раз. Особо важны те, которые нужны индивидуально каждому, они повторяются большее количество раз — 16—24. Если очень трудно дается «плуг», то его следует выполнять не 4, а 16 раз. Сложность упражнений возрастает от первого к последнему. В среднем занятиям йогой утром уделяется 25—30 минут. Это достаточно для выполнения 16—18 упражнений.

Всего же в арсенале начинающего около 50 упражнений. Они популярно описаны в самых различных пособиях по йоге. Ежедневно набор упражнений несколько меняется за счет вариации изученных упражнений. Перевернутые позы — самые последние. Они универсально действуют на тело, меняя направление гравитационных сил в нем на противоположное. Это отдых сосудам и встряска всем каналам. Не торопитесь встать на голову. Очень полюбились мне выражение автора книги о йоге болгарина В. Евтимова: «Прежде чем встать на голову, надо иметь ее».

После окончания асан, и особенно перевернутых поз, не вскакивайте и не суетитесь. Медленно примите «позу мертвого человека», отдохните в полном вакууме сознания и только тогда вставайте, заканчивайте утренний туалет и идите на работу.

В воскресные и праздничные дни можно встать пораньше и уделить занятиям йогой значительно больше времени. В соответствии с биоритмами Природы лучшее время для занятий йогой — утро.

Дорогие, милые женщины, вы обременены работой дома и на производстве, поисками продуктов и плохо работающим транспортом. Многие из вас воспитывают детей без мужа. Не пожалейте для себя 30 минут в тихий утренний час. Природа вашего тела щедро отблагодарит вас за бережное отношение к себе.

А теперь, дорогие друзья, то немногое, что вы узнали от меня, примените к классическому комплексу упражнений из хатха-йоги. Упражнение это широко публикуется в самых разных изданиях и просто ходит по рукам в светокопиях. Начинайте выполнять упражнения и самое главное помните, что никто никогда не выполняет плохо асаны и хатха-йоги. Каждый выполняет так, как позволяет его бедное, забытое вашим разумом тело. С каждым разом и с каждым днем прибавляется четкость и чистота выполнения упражнений. Появляется радость владения своим телом, приходит здоровье. Степень приложения необходимых усилий для достижения ощутимых успехов прямо пропорциональна степени упадка вашего здоровья.

И помните, для того чтобы хорошо себя чувствовать на Земле, мало быть просто здоровым, мало быть просто образованным, мало быть богатым. Нужна еще иная сила — Культура Сердца. Воспитание Культуры Сердца и есть цель йоги. Невозможно чем-то насильственным, противоестественным развить в себе Культуру Сердца. Это психическая чуткость. Она развивается в постоянном мышлении о предметах высоких. Это чрезвычайное качество дарит человеку то единственное, что называется Счастьем Здорового Человека.

Мир, здоровье всем!

Школа каратэ

Ю. БУГАЕВ

5. Удары предплечьем и локтем

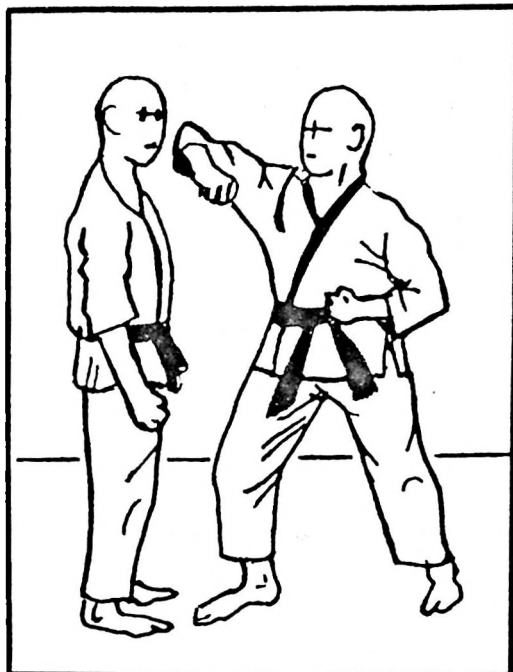

Рис. 29

Внешней стороной предплечья резкое толкательное движение вперед прямо.

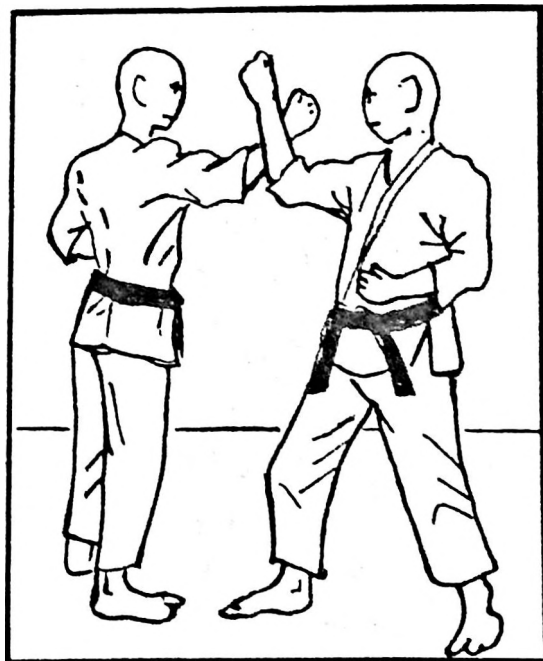

Рис. 30

Внутренней стороной предплечья движение изнутри в сторону. Наиболее эффективен при блокировке прямого и боковых ударов с последующей контратакой низом вертикального кулака (татаэ-кэн) в голову, удар сверху вниз (тэцуи-ути).

Продолжение. Начало см.: «ИДВ». — 1990. — № 3, 4, 6.

Рис. 32

Удар локтем (эмпи-ути) в горизонтальной плоскости слева направо или наоборот. Может быть передним или обратным. Эффективно чередование всех разновидностей. •

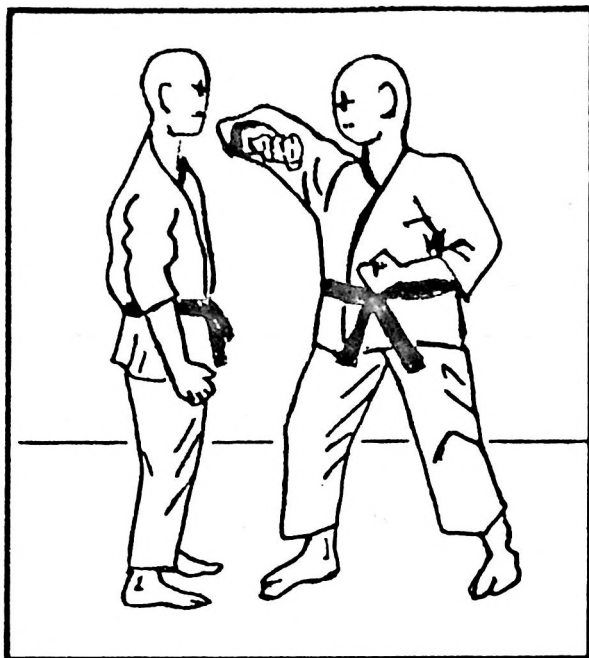

Рис. 31

Удар локтем вверх или вниз по диагонали (в отличие от прямого тычка). Особенно эффективен, если следует непосредственно за другим ударом или предшествует серии разнообразных ударов.

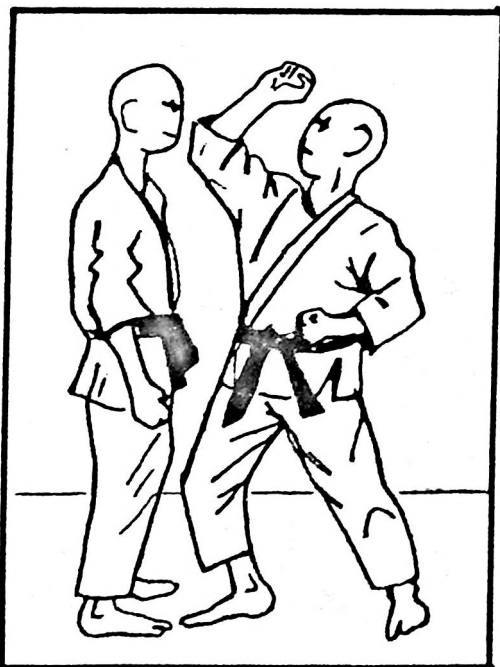
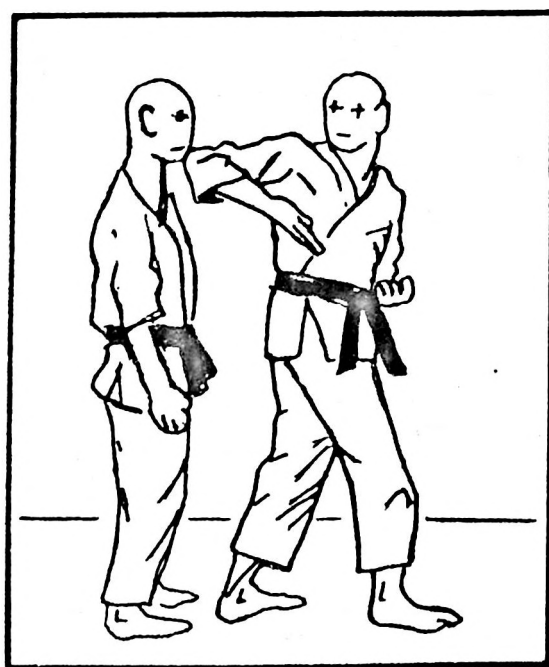

Рис. 33

Удар локтем резким движением снизу вверх.

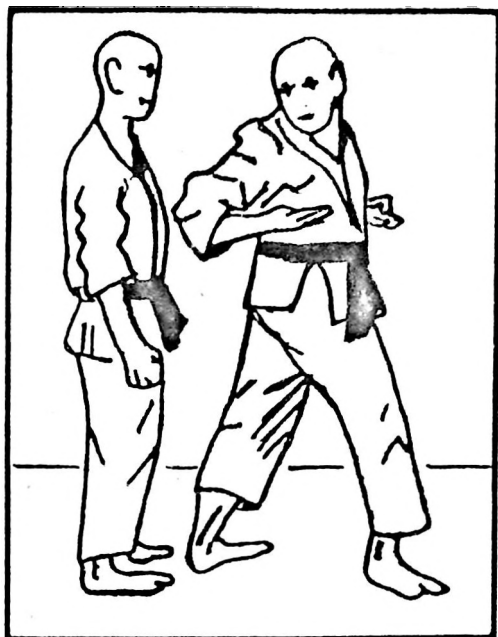

Рис. 34
Задний удар локтем резким прямым движением по горизонтали (в солнечное сплетение, плавающие ребра и др. области средней части корпуса противника).

Словарик каратиста. Удары руками (дзуки, ути).

53. тёку-дзуки — прямой удар	62. моротэ-дзуки — разнов. удара 2-мя руками
54. гяку-дзуки — разноименный удар	63. сюто-ути-у. ребром ладони
55. ои-дзуки — удар одноименной рукой с шагом вперед	64. эмпи-ути — удар локтем
56. агэ-дзуки — удар вверх	65. аттоси-эмпи-ути-у. локтем сверху вниз
57. татэ-дзуки — удар вертикальным кулаком	66. нукитэ-дзуки — удар-тычок пальцами ладони
58. ура-дзуки — закрытый удар перевернутым кулаком	67. уракэн-сёмэн-ути-у. перевернутым кулаком перед собой
59. маваси-дзуки — удар в висок по дуге	68. тэцуи-ути-у. низом вертикал. кулака
60. каги-дзуки-хук вертикальным кулаком	69. кидзами-дзуки-у. кулаком с выносом плеча
61. яма-дзуки — «удар-гора» двумя руками в верт. плоскости	

ПЕРЕД ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЕЗДКОЙ

Первые шаги в «чужом монастыре»

С. НЕБЕРОВ

Сделаем еще несколько шагов в «чужом монастыре» или, по-японски, в «чужой деревне». Сразу по прибытии в страну встает проблема крыши над головой. Как правило, приезжающие в Японию в командировку в составе делегации или туристами останавливаются в гостиницах. Возможным исключением являются участники морских круизов, которые остаются в каютах своего теплохода, пришвартованного в том или ином порту.

Сеть гостиниц в Японии богатая, их вполне достаточно. Однако они не пустуют, и потому номер желательно заказать заранее, договорившись с приглашающей организацией или туристским агентством. Без особых проблем получить номер можно и непосредственно явившись в гостиницу. Может быть, придется немного и подождать, но ожидание обычно, за исключением чрезвычайных обстоятельств, не длится более нескольких сразу точно указанных часов. В случае же отказа вам обязательно помогут найти место в другой гостинице.

Гостиницы в Японии делятся на две группы: европейского типа — отели (*хотэру*) — и японского стиля (*рёкэн*). Что касается отелей, то они такие же, как и во всем мире, и если в чем-то и отличаются, так это идеальным порядком и высоким уровнем обслуживания. Как правило, это отлично спланированные многоэтажные, часто высотные здания современной архитектуры, обеспечивающие комфорт и разнообразные удобства проживающим.

С первых шагов в Японии привыкайте к тому, что вы освобождаетесь от многих забот. Например, нет необходимости открывать входные двери в гостиницах и многих учреждениях — они автоматические. У входа в гостиницу ваш багаж без напоминаний тотчас же подхватят встречающие гостей служащие отеля в яркой униформе. Они будут ждать, пока вы оформите номер, и доставят ваши вещи на место. Для меня, посещающего Японию довольно часто, четкая, аккуратная, добросовестная работа служащих японских отелей уже не бросается в глаза, но она поражает моих друзей, побывавших во многих странах мира. Объехавший десятки стран скрипач из коллектива Владимира Спивакова «Виртуозы Москвы», жалуясь на тяготы гастрольных поездок, тем не менее с большой благодарностью вспоминал служащих японских отелей. В отелях других стран, говорил он, трудно представить, чтобы группа в 100 человек с багажом и реквизитом через 15—20 минут после приезда была бы размещена по номерам. Но только не в Японии.

Пойдем же дальше по «чужой деревне». В холле гостиницы прежде всего вы проходите к стойке администрации (*фурёнто*), где сосредоточена служба оформления номеров, хранятся ключи, производятся расчеты, даются справки. Для получения номера нужно заполнить краткий листок проживающего, включающий пункты: номер паспорта, гражданство, срок пребывания в отеле. Номера обычно на одно лицо (*сингуру* — сокращение от английского *single bed*), на двоих с двупальной кроватью (*дэбуру*, англ. *double bed*) и с двумя кроватями (*цуён*, англ. *twip bed*). Стоимость номеров довольно высокая — от 50 ам. долл. в сутки и выше.

В номерах удобная мебель, телефон, холодильник, телевизор, туалет, ванная с параллельным телефоном, чтобы вы могли без затруднения ответить на неожиданный звонок, если в это время оказались в ванной. Постельное белье меняется ежедневно. В шкафу обычно лежит легкий хлопчатобумажный японский халат (*юката*), который удобно надеть после ванны. В нем можно спать или находиться в номере, но не выходить в ко-

ридор. Утром в щель под дверь вам подsunут свежую газету (иностранному постояльцу на английском языке), разбудят утром в назначенное вами время телефонным звонком (хотя в каждом номере есть и будильник). Заметим, что в некоторых отелях, особенно провинциальных, телевизор платный и работает, только если опустить в счетчик стоиеную монету и регулярно доплачивать очередной монетой в зависимости от времени пользования. Бывает в телевизоре и отдельный платный канал, о чем предупреждает соответствующая надпись. Этот канал работает при обычном включении, но оплачивается отдельно при выезде. Припоминается случай, когда один наш турист, включив такой канал, прилег и заснул. При отъезде пришлось заплатить немалую сумму.

В отелях по желанию можно воспользоваться множеством услуг, например посетить сауну или вызвать в номер массажиста, отдать белье в стирку, одежду в химчистку. Целый ряд баров, буфетов, ресторанов ждут клиентов (*о-кяку-сама*), надеюсь, что вы вспомнили это слово из предыдущего материала. В нем двойное подчеркивание вышестоящего положения клиента: префиксом вежливости *о-* и суффиксом вежливости *-сама*. И это не только на словах, в большей мере на деле. Питаться можно и в номере, пользуясь системой *рум-сабису* (англ. room service), заказывая в номер завтрак, напитки, закуски, разумеется, все за отдельную плату.

Следует иметь в виду, что телефонные разговоры из номера с городом оплачиваются отдельно при выезде. Это не относится к разговорам по телефону между номерами. И еще — о содержимом холодильника, хранящихся в нем спиртных и прохладительных напитках, консервах, закусках. Компьютер учитывает все, что берется из холодильника, и все это оплачивается отдельно при выезде.

Проблема питания в японском отеле решается легко. Рестораны и буфеты работают с раннего утра и до глубокой ночи. Утром целесообразно и, пожалуй, наиболее экономно пользоваться шведским столом, по-японски «*байкинг стайру*», то есть «в стиле викингов». Здесь посетитель, уплатив установленную сумму, сам выбирает ассортимент и количество блюд. Это быстро, удобно, выбор достаточно большой, на любой вкус. Лет 10—15 назад такой завтрак обходился в 7—8 долларов, в 1990 году — 12—15 долл.

В холле отеля обычно имеется стойка так называемого «*бэру кяпутэн*» (от англ. слов *bell* и *captain*). Это служба, ведающая багажом. Сюда можно обратиться, чтобы оставить багаж, если вы на несколько дней выезжаете из гостиницы и не хотите бронировать на это время номер за собой. Можно попросить переслать багаж в другую гостиницу города. Эта услуга оказывается бесплатно.

По прибытии в Японию желательно сообщить об этом в генконсульства СССР. Кроме Токио, они есть в Саппоро и Осака. Это не формальность, а небольшая предусмотрительность, на случай непредвиденных обстоятельств. Сохрани нас бог от несчастий, но в консульства приходят телеграммы с просьбой разыскать командированных и передать им срочное сообщение. И еще одно важное предупреждение. Каждый иностранец по японским законам обязан в любое время иметь при себе паспорт. Поэтому, выходя на улицу, не забудьте проверить — с вами ли паспорт! Не исключено, что документы у вас могут проверить, и, если вы не предъявите паспорт, вас препроводят в полицейский участок для составления протокола о нарушении паспортного режима, и такие случаи, хотя и редко, но были.

Если вы прибыли в Японию по приглашению какой-либо японской организации или в составе делегации, то после устройства в отеле вас, как правило, пригласят на завтрак или обед в зависимости от времени дня, здесь же, в отеле. Считайте это первой деловой встречей. На ней происходит знакомство с сопровождающими лицами, обсуждается программа пребывания, выясняются необходимые детали, обстановка, как правило, деловая, официальная.

Если же трапеза по приглашению состоится в вечернее время, после рабочего дня, то она обычно проходит в более непринужденной обстановке. Японцы любят, потрудившись, отдохнуть, любят смех, шутки, попеть за столом — это широко распространено. В последнее время с развитием аудиотехники неотъемлемым атрибутом баров и кафе стали специальные установки, получившие название «*кари-окэ*» (от японского слова «*кари*» — пустой и сокращенного заимствования «*окэсутори*», от англ. *orchestra*). На них воспроизводится фонограмма аккомпанемента популярных песен, как японских, так и зарубежных, под который через микрофон может спеть каждый желающий. Техника поможет, если у вас небогатые голосовые данные, можно отрегулировать тембр голоса, придать мелодичность и красоту звучанию. К услугам желающих выступить в качестве «эстрадной

звезды» и внимательный консультант, и многочисленные сборники со словами и нотами песен разных стран. Можно отметить, как свободно почти любой японец ориентируется в нотной грамоте, многие берутся петь «с листа» незнакомое произведение. Это свидетельство высокого уровня музыкальной культуры в Японии, где музыкой занимаются целенаправленно и умело, начиная с детского сада и школы.

«*Карá-ókэ*» очень популярно в настоящее время, и зачастую развеселившиеся посетители встают в очередь к микрофону. Правда, нынешнее увлечение «*карá-ókэ*» имеет и отрицательные стороны. При мощной акустической технике «*карá-ókэ*» в многочисленных общественных местах и частных домах создают довольно сильный шум, и в Японии считают, что уже впору бороться с этим явлением административными мерами.

Как бы то ни было, попав в современную Японию, вы почти наверняка окажетесь в ситуации, когда гостеприимные хозяева настойчиво будут предлагать вам выступить перед микрофоном «*карá-ókэ*». Обычно такое предложение застает врасплох и приводит в сильное смущение. Поэтому, готовясь к поездке, нелишне разучить несколько своих, а по возможности и иностранных популярных песен. Охотно откликаясь на предложение принять участие в «*карá-ókэ*», вы много выиграете в глазах японцев, вас будут рекомендовать как человека общительного, открытого, приятного в обществе.

Может быть, вам повезет, и в ходе поездки по стране вы попадете в провинцию. Сейчас только там, вдали от крупных промышленных центров, можно увидеть настоящий японский колорит, сохранился он и во многих курортных местностях. Там вы окажетесь перед необходимостью, а может, и сами пожелаете, остановиться в гостинице японского стиля («*рёкáн*»). Это обычно небольшие, на 15—20 номеров гостиницы, часто расположенные у естественных горячих источников, что очень привлекательно для постояльцев. Это, как правило, одно- или двухэтажное деревянное здание в традиционном японском архитектурном стиле с черепичной крышей. Каждая комната для постояльцев в такой гостинице имеет не номер, а свое особое название: «покои хризантемы», «покои сакуры», «журавля», «черепахи» и т. д.

Гостя у входа, где он должен снять свою обувь и обуть приготовленные для него легкие шлепанцы, встречают женщины из обслуживающего персонала в национальной одежде (*кимоно*). Непосредственно перед комнатой, куда проводят гостя, перед порогом (*агарикамáти*), который представляет небольшое деревянное возвышение (*сикидáй*), следует снять и шлепанцы. Пол в комнате выстлан специальными плотными матами из блестящей рисовой соломы (*татáми*), по которым следует ходить без всякой обуви. Садятся на положенные на этот пол специальные плоские подушки (*дзабутóн*), иногда с прикрепленной к ним спинкой — своего рода стул без ножек (*дзайсу*).

В традиционной японской комнате как в гостинице, так и в частном доме есть небольшое возвышение в специальной нише (*токономá*). В ней обычно висит картина или свиток с каллиграфической надписью иероглифами (*какэмóно* или *какэдзюку*) или же стоит букет цветов (*икэбана*). Это самое почетное место в комнате. Садиться или вставать на него ногами абсолютно недопустимо.

Стены и раздвижные двери внутри комнаты в японской гостинице двух типов: непрозрачные, обтянутые с двух сторон специальной плотной бумагой (*фусума*) и более легкие решетчатые полупрозрачные, отделанные только с одной стороны белой бумагой или матовым стеклом (*сёдзи*). Такие стены и двери не достают до потолка, и это пространство в 30—40 см между верхом стены и потолком заполнено резным из дерева бордюром (*рáмма*) с красивым орнаментом со сквозными отверстиями, через которые проходит воздух для вентиляции и свет.

Гостя проводят в его комнату, усаживают на *дзабутóн* за стол с низкими ножками, горничная приносит ему чашечку зеленого чая и бланк для регистрации — такой же, как и в отелях европейского типа. Заполненный бланк она уносит с собой.

Когда приходит время ложиться спать, та же горничная вынимает из стенного шкафа с раздвижными дверцами (*осийрэ*) толстое мягкое стеганое одеяло, которое служит матрасом (*футóн*), стелит его на *татáми*, покрывает простыней, кладет особую подушку — валик, набитый шелухой от рисового зерна (*макура*), стелит поверх легкое одеяло, а в холодное время и еще одно, стеганое, одеяло (*какэбутон*) — и постель готова. Утром она же убирает все в *осийрэ*. Постель удобна, и это очень экономный способ использования жилого пространства. Единственно, что мучительно для непривычного европейца — это упоминаемая подушка (*макура*). Нам она кажется слишком жесткой и

неудобной, и нередко утром у гостя болит голова и шея.

Нужно упомянуть о туалете в гостинице типа *рёкэн*. Прежде всего, входя в туалет, нужно обуть специальную обувь (шлепанцы, иногда сабо на деревянной подошве), а выходя, не забыть снять ее и оставить у входа в туалет. Унитаз отличается от обычного, европейского. Он представляет собой выполненное из фаянса продолговатое овальное углубление в полу. Чистота и изящество убранства (иногда живые цветы на полочке) обычны для всех японских туалетов.

Система отопления в холодное время в гостиницах типа *рёкэн* разная. Там, где наиболее стойко придерживаются старинных традиций, еще сохраняется *котацу*. Это в самом классическом варианте — довольно большая керамическая жаровня (*хибати*), наполненная раскаленным древесным углем. Она накрывается решеткой, поверх которой стелится большое свисающее по краям одеяло. Люди рассаживаются вокруг, подсовывая под одеяло в тепло ноги и нижнюю половину тела. Теперь в несколько модернизированном варианте чаще всего жаровня с углем заменяется электрическим нагревательным прибором. *Котацу* может одновременно служить и письменным и обеденным столом.

Следует отметить, что в гостиницах типа *рёкэн* в стоимость номера входят завтрак и ужин, которые подаются в номер. Это блюда национальной японской кухни.

Как уже упоминалось, гостиницы японского типа часто располагаются у естественных горячих источников (*онсэн*). Но даже если поблизости горячего источника нет, то тем не менее, кроме ваннных комнат в каждом номере, в *рёкэн* часто имеется общий бассейн с горячей водой, которым каждый постоялец может пользоваться бесплатно. Не следует удивляться, если вдруг увидите, что в таких бассейнах находятся вместе мужчины и женщины. Это старый японский обычай, не носящий никакого предосудительного оттенка. Кое-где он еще сохраняется и теперь.

Независимо от того, наполнен ли бассейн горячей водой естественного источника или просто подогретой водой, в нем не моются и не пользуются мылом (а вода в некоторых естественных источниках настолько жесткая, что в них и невозможно воспользоваться мылом). Бассейны с горячей водой предназначены только для того, чтобы распариться, хотя это слово здесь, видимо, неточно. Моются заранее в специальном, расположенном рядом с бассейном помещении, обливаясь водой из деревянных или пластмассовых шаек, а затем уже погружаются в бассейн. Естественные горячие источники в Японии очень разнообразны по своему минеральному составу и обладают в той или иной степени лечебной силой. Поэтому они очень любимы японцами и часто используются для восстановления сил после перенесенной болезни, тяжелой работы. Следует предупредить, что человеку непривычному нужно пользоваться ими с осмотрительностью и в умеренных дозах. Часто они имеют столь высокую температуру, что можно только удивляться, наблюдая, как привычные к горячим источникам японцы спокойно выдерживают ее, да еще наслаждаясь при этом подогретой рисовой водкой (*саке*), бутылочка которой стоит на плавающем рядом подносе.

Каждый постоялец *рёкэн* получает легкий хлопчатобумажный халат (*юката*), в который приятно облачиться после горячего источника. В этом халате (в отличие от правил в отелях) мужчинам можно ходить по всей гостинице и даже выходить на улицу. Женщинам дается еще надеваемая поверх юката короткая накидка (*хаори*).

Использование горячих источников разнообразно. Преимущественно это просто погружение на некоторое время в бассейн с водой источника. Иногда это погружение в ванну с пузырьками воздуха, дающими легкий массаж всего тела (*хомэцуёку*), или же массаж тела сильной струей источника, падающей с высоты (*утаэсю*). В префектуре Оита на острове Кюсю есть горячий источник Мёбан-онсэн, где практикуют так называемый *дзобонбуро* — бассейн, в котором плавают плоды цитруса *дзобон*, оказывающего благоприятное воздействие на кожу. В префектуре Акита на севере Хонсю вода горячего источника Госёдакэ используется как *мусибуро* — парная по типу сауны. В префектуре Кагосима на юге Кюсю (источник Ибусуки) прежде, чем погрузиться в бассейн, на некоторое время зарываются в горячий песок — так называемая *сундэмуся* (букв. ванна с пропариванием песком). Часто бассейн с водой горячего источника располагается на открытом воздухе, и купание в нем привлекает постояльцев своей экзотикой, особенно зимой, когда кругом лежит снег.

Япония со всех сторон окружена морем, и потому гостиницы типа *рёкэн* часто расположены на морском побережье, привлекая постояльцев морским купанием. Купальный сезон в Японии, согласно существующей традиции, очень короткий — с середины июля,

когда кончаются муссонные затяжные дожди (*цүкү*), до середины августа, хотя европейцам кажется, что температура воздуха и воды в море позволяет купаться значительно более длительный период. Тем не менее указанный короткий срок издревле строго соблюдается японцами, для чего, по-видимому, есть серьезные основания, установленные длительным народным опытом. Поэтому и в этом случае не стоит «ходить в чужой монастырь со своим уставом» и лучше подчиняться общему правилу. На указанный короткий период морские пляжи, особенно около гостиниц *рёкэн*, быстро покрываются сетью легких временных кафе, закусочных, торговых точек, аттракционов, душевых кабин, пунктов проката пляжного инвентаря и т. д., так что посетитель пляжа не испытывает никакого недостатка ни в обслуживании, ни в развлечениях, хотя это и связано с порядочными расходами. Дешевая излюбленная и нехитрая закуска, которая также предлагается в это время на пляжах, — это *якисоба* (блюдо из лапши), бутерброды с горячими сосисками, кусочки курицы, нанизанные и поджаренные на маленьких бамбуковых палочках (*якитори*), мелко настроганный лед, политый сладким сиропом (*какиго:ри*), соки, мороженое и прочее.

В заключение несколько обиходных фраз для желающего остановиться в отеле:

1. Моя фамилия Данилов. Для меня должен быть заказан номер	<i>Данирофу дэс га. Хэя-га тóттэ áру хáдзу дэс</i>
2. Мне нужен номер на одного (двоих)	<i>Сингуру (дáбуру)-га хосий но дэс га</i>
3. Нет ли номера получше (подешевле)?	<i>Мóтто ий (ясуй) хэя-ва аримасэн ка</i>
4. Я думаю остановиться на неделю	<i>Иссю:жан ходо томаритáй но дэс га</i>
5. Какое расчетное время у вас?	<i>Тиэкку-áуго-ва нáндзи дэс ка</i>
6. Где лифт?	<i>Эрэбэ:та-ва дóко дэс ка</i>
7. Где буфет (бар)?	<i>Бюффэ (ба:) -ва дóко дэс ка</i>
8. Как позвонить в город?	<i>Синай-э какэтáй но дэс га</i>
9. Я хочу отдать в чистку...	<i>...-о курй:нингу-ни даситáй но дэс га</i>
костюм	<i>сэбиро</i>
плащ	<i>рэйнкó:то</i>
брюки	<i>дзубón</i>
юбку	<i>сукá:то</i>
платье	<i>ванпí:су</i>
10. Отдайте это погладить	<i>Кóрэ-о пурэсу-ни даситэ кудасáй</i>
11. Когда будет готово?	<i>Ицу дэкиагаримáс ка</i>
12. Я хочу сдать чемодан на хранение (на три дня)	<i>Торáнку-о (миккакáн) адзукэтáй но дэс га</i>
13. Я оставил (оставила) ключ в номере	<i>Хэя-ни ки:-о окивасурэмáсита</i>
14. Я жду вас в вестибюле?	<i>Рóби:-дэ о-мáти-ситэ имáс</i>
15. Я уезжаю и хотел бы заплатить по счету. Моя фамилия Никонов, номер 1521. Сколько с меня?	<i>Ити-го-ни-ити гó:сицу Никонофу дэс. Тиэкку-áуго ситэ кудасáй. О-икура́ дэс ка</i>

Словарь и комментарий к тексту

- Хэя-га тóттэ áру хáдзу дэс. Хэя* — комната, номер; *тóттэ áру* — страдательный залог от глагола *тóру* — брать, откладывать; *хáдзу* — служебное слово, выражающее должествование
- Хосий* — имя прилагательное, означающее «желательный»
- Мóтто* — наречие «более»
- Томаритáй* — форма желательного наклонения от глагола *томáру* — останавливаться (в гостинице и т. д.)
- Тиэкку-áуго* (англ. checkout) — расчетное время (в гостинице)
- Эрэбэ:та* — лифт (англ. elevator)
- Какэтáй* — форма желательного наклонения от глагола «*какáру*» — звонить по телефону

9. *Курí:нингү* — чистка (англ. cleaning), «сэбиро» — костюм (мужской, букв. «пиджак»), *рэинкó:го* — плащ (англ. rain-coat), *сукá:то* — юбка (англ. skirt), *дзубón* — брюки (франц. jupon), *ванни-су* (англ. one-piece dress) — платье
10. *Пурóсу* — глаженьё (англ. press)
12. *Торáнку* — чемодан (англ. trunk). *Адзукэтáй* — форма желательного наклонения от глагола *адзукэру* — сдавать на хранение
13. *Ки:* — ключ (англ. key). *Окивасурэру* — сложный глагол, составленный из глагола *оку* — класть и *васурэру* — забывать.
14. *Рóби:* — вестибюль, холл отеля (англ. lobby)
15. Называя номер комнаты (телефона и т. д.), японцы просто называют цифры одна за другой, не деля на единицы, десятки, сотни и т. д.

А. ЛАРИН

Наши читатели Сергей Лихтеров из Новосибирска и Андрей Барков из Читы упрекают нас в том, что мы мало рассказываем о международных связях в области образования. Восполняя этот пробел, мы предлагаем вам статью о богатом опыте, накопленном в этой области Китая.

Формы сотрудничества

В настоящее время деятельность китайского правительства в рассматриваемой сфере отличается стремлением к максимальному использованию всех возможных форм обменов, вплоть до, скажем, международных «лагерей молодых любителей науки и техники». Наиболее значительной из этих форм по всем критериям — по объемам расходов и по влиянию на развитие образования в КНР — является командирование на учебу (включая стажировку) за границу. Инициатором этого вида сотрудничества называют Дэн Сяопина.

С 1978 г., по китайским данным, на учебу за рубеж было направлено свыше 40 тыс. человек, из них 60—70 % — в США. Посылались главным образом стажеры высокой квалификации (преподаватели, научные работники, специалисты из практических организаций, в том числе с производства), аспиранты и докторанты. Соискателей степеней было примерно половина от общего числа выехавших за этот период. Количество студентов в собственном смысле этого слова невелико — тысяча с лишним человек. Сверх названного более 10 тыс. человек обучались за рубежом за собственный счет¹. (Заместитель председателя Коми-

тета по делам просвещения Хэ Дунчан в одной из статей называет и другие цифры: на учебу было послано 80 тыс. человек, в том числе 25 тыс. «своекоштных»². Однако, по данным Государственного управления по делам иностранных специалистов, 80 тыс. поездок включают в себя научные командировки.) В 1989 г. планировалось послать на учебу более 3 тыс. человек.

Китайское правительство поощряет прямой обмен между вузами (научными учреждениями). В 1988 г. по межвузовским каналам из КНР выехало на учебу больше стажеров, чем по направлению Комитета по делам просвещения.

Оценивая положительно эффективность учебы за границей, специалист в области образования Хуан Шици отмечает, что из числа тех, кто вернулся с учебы в рамках шестого пятилетнего плана, «23,8 % добились заметных или выдающихся успехов в исследованиях, технических усовершенствованиях или изобретениях, 53 % работают на хорошем академическом уровне»³.

Наряду с посылкой на учебу все более широкие масштабы приобретает и другой вид сотрудничества Китая с внешним миром — организация учебного процесса для иностранных специалистов и студентов внутри страны. К началу 1989 г. в КНР обучалось более 7 тыс. иностранцев, на 1989 г. планировался приезд еще двух с лишним тыс. человек⁴. Стоит отметить, что из развитых стран Запада на сравнительно длительные сроки (6 месяцев и более) в КНР приезжают преимущественно дипломированные специалисты, в основном — по общественным наукам. Последние годы среди них значительную долю составляют те, кто изучает китайский опыт реформ, знакомится с ситуацией

в стране. Примечательно, что иностранным специалистам предоставляются возможности как для работы в архивах, так и для полевых исследований.

Из развивающихся стран, с которыми Китай стремится поддерживать особо тесные связи в рамках сотрудничества «Юг — Юг», число приезжающих студентов и стажеров сравнительно невелико: примерно того же порядка, что и из развитых капиталистических государств. Однако главная область их интересов — прикладные науки.

Активно используются Китаем и другие формы взаимодействия с Западом:

— обмен преподавателями и лекторами, в основном по краткосрочным программам. В КНР работает приблизительно 3 тыс. приглашенных преподавателей, в основном английского и других иностранных языков (приблизительно 80%). Немного меньше преподавателей естественных и технологических дисциплин (менее 10%), общественных наук (также менее 10%). Из Китая выезжают на преподавательскую работу лингвисты, историки литературоведы;

— совместные исследования на основе соглашений разного уровня, от межправительственных и межведомственных до междууниверситетских;

— партнерство между институтами, подчас очень тесное. Китайские вузы в совокупности имеют многие сотни партнеров.

Большую роль в развитии международного сотрудничества играют учебные центры, функционирующие в КНР при содействии стран Запада. Наиболее крупные из них: Национальный центр развития технических наук и промышленного менеджмента в Даляне, созданный при участии США; Культурный центр, созданный в Нанкине местным университетом и университетом Джона Гопкинса (США) и специализирующийся в общественных науках; Центр менеджмента в Тяньцзине, где преподавание ведут японские специалисты; университет Тунци в Шанхае — базовый центр китайско-западногерманского сотрудничества в области инженерных наук и менеджмента и др.

Кроме того, существует большое количество курсов профессионально-технического обучения, созданных с помощью иностранных фирм, которые имеют в Китае коммерческие интересы.

Инфраструктура

Столь значительное по масштабам и разнообразное по формам сотрудничество КНР с Западом опирается на разветвленную инфраструктуру, обеспечивающую финансовую и организационную стороны дела.

По данным американских специалистов, от трети до половины от общего числа китайских студентов (стажеров) в США обучается на средства правительства КНР, 40% — полностью или частично за счет федерального бюджета, по так называемой программе Фулбрайта⁵. Средства университетов в свою очередь складываются из поступлений от федерального правительства, от неправительственных фондов и из деловых кругов. Остальные обеспечивают себя сами или пользуются пожертвованиями китайской общины.

Многие из американских спонсоров имели связи с Китаем еще до создания КНР и в конце 70-х годов быстро восстановили их, ориентируясь на новые задачи. Так, Фонд Рокфеллера с 1979 г. стал оказывать разнообразную поддержку изучению в Китае проблем народонаселения. Активно включившийся в налаживание обменов с Китаем Фонд Форда предпринял в 1979 г. изучение «возможностей содействия китайцам в их собственных процессах развития и реформ», заключив соглашение с Академией общественных наук КНР относительно обменов и сотрудничества в экономических науках.

Неправительственные фонды Форда, Рокфеллера, Меллона, Хьюлетта и др., предоставляя помощь в самых различных формах как американским университетам, так и научным или учебным центрам в КНР, наиболее охотно финансируют конкретные проекты, носящие нередко комплексный характер и включающие в себя как составную часть те или иные виды сотрудничества в области образования. Характерным примером может служить поддержка, оказанная в 1983 г. Фондом Форда крупному американско-китайскому проекту, касающемуся организации юридического образования. Рассчитанный на три года проект предусматривал, в частности, поездки в обе стороны преподавателей и студентов, обмен публикациями и т. д.⁶¹

Подобным же образом действуют и международные организации, такие, как

ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ, ЮНДП, ЮНФПА и др. Так, Фонд ООН по народонаселению (ЮНФПА) по соглашению с китайским правительством обязался в период 1980—1989 гг. оказать помощь в осуществлении серии проектов, включая сюда подготовку специалистов в области демографии в 20 китайских вузах, распространение демографических знаний через школы, создание учебного центра по демографии в Народном университете. На основе соглашений Китая со Всемирным банком на период 80-х — начало 90-х годов было запланировано 8 проектов на сумму 0,8 млрд. долл., предусматривавших, в частности, модернизацию университетов, развитие сельскохозяйственного и медицинского образования⁷⁾.

В инфраструктуре американо-китайских обменов видную роль играют специализированные организации, которые, помимо заботы о финансовых проблемах, выполняют координационные и информационные функции. Некоторые из них возникли еще до образования КНР, другие появились на свет в 60 годах, когда США начали поиск путей сближения с КНР. Крупнейшие из таких организаций, полуофициальные по своему положению, — это Национальный комитет по американо-китайским связям и Комитет по научным связям с КНР (совместное учреждение Национальной академии наук, Американского совета научных обществ и Совета по изучению социальных наук).

Сходные по функциям органы существуют и в КНР: Китайская ассоциация по международным связям в области образования, созданная в 1984 г. и имеющая свои отделения в ряде провинций, и Китайская ассоциация по международному обмену персоналом — неправительственная организация, призванная содействовать ведомствам, а также предприятиям и учреждениям провинциального уровня в установлении контактов с зарубежными партнерами.

Проблемы и противоречия

Сотрудничество КНР с Западом в сфере культурных обменов представляет собой сложный и противоречивый процесс. В зачаточном виде противоречия в данной сфере между сторонами существовали и прежде, во времена гоминьдановского и даже императорского Китая. Однако они вышли на поверхность и стали играть заметную роль только тогда, когда

Китай превратился в могучее независимое государство, а его социально-экономическая система стала принципиально иной, чем у стран Запада, при том что необходимость учиться у этих стран приобрела небывалую остроту. Американские исследователи Дж. Каллгрэн и Д. Саймон справедливо замечают, что «в предвоенный период мир обменов мог быть гораздо проще»⁸⁾.

Говоря об усложнении отношений, мы не имеем в виду те неизбежные шероховатости, о которых вскользь — и с должным пониманием — упоминается в американской литературе, — несклонность китайских коллег к откровенному обсуждению некоторых своих внутренних проблем, проявляющееся подчас иждивенческое отношение к «богатой Америке»⁹⁾ и т. п. Кстати, отмечая эти особенности учащихся из Китая, равно как и их трудолюбие и старательность («они выполняют на все сто и даже на сто пятнадцать процентов то, что от них требуется»), американские культурологи подчеркивают: «Главное впечатление от китайских студентов и ученых, от новых обменов в целом — положительное»¹⁰⁾.

Суть дела заключается в принципиальном несовпадении определенных интересов Китая и Запада. Китай стремится с помощью развитых стран подготовить специалистов прежде всего в области прикладных, технических и естественных наук (на них приходится 85—80 % студентов и стажеров, посылаемых за границу).

Запад относится к этим намерениям Китая в целом положительно, однако некоторые аспекты военного усиления Китая вызывают у него настороженность. Еще в 1941 г. крупнейший американский синолог Дж. Фэйрбэнк писал по этому поводу: «Китайцы могут заимствовать нашу технологию, как это сделали японцы. Усвоение ими современной науки не обязательно сведет нас вместе. Оно просто может дать Китаю новое средство против нас»¹¹⁾.

Главное же, позиция капиталистических стран в вопросах культурного сотрудничества с КНР по своему содержанию глубоко политизирована. Она нацелена на то, чтобы привить китайской молодежи, прежде всего ее образованной части, западные идеалы и установить с ней прочные связи, имея в виду, что в процессе смены поколений именно этой части предстоит сыграть ключевую роль в

общественном процессе. Это подтверждается не только анализом фактической стороны дела, но и многочисленными высказываниями самих американских специалистов.

Позицию США еще в начале века, когда закладывались основы американо-китайских связей в области просвещения, четко сформулировал президент Иллинойского университета Э. Дж. Джеймс: «Нация, которая сумеет дать образование молодым китайцам нынешнего поколения, получит наибольшие доходы в виде морального, интеллектуального и коммерческого влияния»¹²⁾. Современная система целей американской политики, сформулированная видным синологом Р. Клафом, включает в себя: установление важных контактов с молодым поколением китайских ученых и инженеров, которым, очевидно, предстоит внести большой вклад в управление страной; содействие Соединенным Штатам в борьбе за расширяющийся китайский рынок; помощь в создании «сильного, обеспечивающего свою безопасность, мирного Китая»¹³⁾.

Американские синологи внимательно следят за карьерой китайцев, прошедших обучение в США, серьезно изучают роль интеллигенции, получившей образование за рубежом, в синьхайской революции, в движении «4 мая» и т. д. В свете всего этого утверждения некоторых американских ученых о том, что в Соединенных Штатах, «несмотря на многочисленные межправительственные соглашения, не существует национальной политики по вопросам обучения китайских студентов»¹⁴⁾, следует, видимо, относить не к политике как целеустановке, а к развернутой концепции, единой для всех университетов.

В соответствии с названными целями Запад оказывает Китаю широкое содействие в подготовке современных квалифицированных научно-технических кадров, но вместе с тем уделяет особое внимание обменам в области общественных дисциплин. Показательно, что в США, где сложившаяся система финансирования университетов отводит гуманитарным наукам скромное место, для приобщения китайцев к этим наукам используется дополнительно помощь неправительственных организаций и фондов.

По этой же причине в Соединенных Штатах охотнее принимают на учебу

молодежь, чем стажеров зрелого возраста (хотя на это есть и другие причины: недостаточная, как правило, квалификация последних, их пониженная восприимчивость к новому).

При всем этом принимающая сторона воздерживается от прямолинейной пропаганды, да и не нуждается в ней, поскольку американский образ жизни сам по себе производит на китайцев достаточно сильный демонстрационный эффект.

В противоположность своим партнерам китайские власти пытаются воспрепятствовать проникновению в страну веяний с Запада, которые, как утверждается, оказывают разлагающее влияние на молодежь и тем самым способствуют расшатыванию устоев социализма.

Эти идеологические противоречия дали о себе знать, как только Китай обратился к капиталистическим державам с целью приобщения к новейшим достижениям цивилизации. Уже первая китайская учебная миссия, направленная в США в 1872 г., спустя несколько лет окончила свое существование. Причинами были: высокие расходы, нежелание американской стороны допустить иностранцев в военные академии в Аннаполисе и Уэст-Пойнте, а также боязнь китайцев заразиться западной культурой.

После революции 1911 г. посылка за границу на учебу некоторое время производилась в довольно широких масштабах. Однако позже, особенно в 30—40-х годах, были введены жесткие ограничения, включая идеологический контроль. Существовавшие в середине 40-х годов официальные правила гласили: «Все мысли и дела студентов, обучающихся за свой счет за границей, должны быть полностью подчинены контролю куратора и посольства. Если будет найдено, что их слова противоречат «трем народным принципам» или же их действия нарушают порядок, они будут немедленно лишены права на обучение за границей и далее отосланы назад»¹⁵⁾.

Противоречия обостряются, «открытость» сохраняется

Вышеописанные идеологические противоречия обострились и приняли политический характер после беспорядков в Китае в мае-июне 1989 г., на пресечение которых властями китайские студенты за рубежом ответили акциями протеста. Капиталистические страны, входящие в «семьку», продлили студентам из КНР пра-

во пребывания на их территории. Неоднократные возражения китайской стороны не были приняты во внимание. Некоторые западные вузы решили в знак несогласия с действиями правительства КНР направить своих студентов изучать китайский язык не в материковый Китай, а на Тайвань или в Гонконг, отказались от послышки своих выпускников в КНР в качестве преподавателей английского языка. Китай в свою очередь отказался от дальнейшего сотрудничества по программе Фулбрайта, первым участником которой он стал еще в 1947 г.

Эти события послужили одной из причин, побудивших китайское руководство развернуть в стране интенсивную идеологическую кампанию, имея в виду, в частности, не допустить размывания мировоззренческих ориентиров молодежи. Одновременно правительство форсировало модернизацию политики обменов в области образования, начавшуюся еще в 1986 г. и направленную главным образом на повышение эффективности зарубежных командировок, устранения несоответствия между их результатами и реальными потребностями народного хозяйства.

При этом нововведениям было придано сильное идеологическое звучание. Разъясняя его смысл, председатель Госкомитета по делам просвещения Ли Теин подчеркнул: «Реформа и политика открытости, проводимые нами в сфере просвещения... ни в коем случае не являются «полной вестернизацией», за которую ратуют твердолобые сторонники буржуазной либерализации... Суть предлагаемых ими «реформ» — это буржуазное перерождение. Реформа, о которой ведем речь мы, иная, в этом вопросе еще будет продолжаться борьба»¹⁶. Ответственные деятели просвещения подчеркивают, что целью расширения связей с внешним миром является служение интересам социализма. Поэтому предлагается, в частности, открывая окна в китайском доме, вешать на них сетку от мух. Практически реорганизация системы обменов проводится по следующим направлениям:

— усиление упора на технические и прикладные науки, где ощущается недостаток кадров при переизбытке высококвалифицированных специалистов по теоретическим и естественным дисциплинам, проходящим или уже прошедших учебу за рубежом;

— регулирование состава лиц, направляемых на учебу: Комитет по образованию намерен увеличить процент стажеров высокой категории, сократить количество аспирантов, докторантов и отчасти студентов, чье пребывание за рубежом растягивается на многие годы;

— своевременный подбор работы для возвращающихся с учебы, создание условий для более полного использования их профессионального потенциала, а также обеспечение приемлемых бытовых условий; расширение круга стран-партнеров, участвующих в обменах, так, чтобы уменьшить при этом существующий в данной области крен в сторону Запада. «Нужно искать знания во всем мире, будь то Запад или Восток, развитые страны или третий мир. Все, что полезно, следует изучать и усваивать. Нельзя открываться только в направлении нескольких развитых государств Запада», — отмечает, например, Хэ Дунчан¹⁷.

Названные меры, помимо их прямого назначения, имеют и косвенную цель: сократить количество тех, кто не хочет возвращаться на родину. Эта проблема давно и серьезно беспокоит правительство КНР. По китайским данным, из общего количества направленных на учебу назад вернулось лишь 20 с лишним тысяч чел.¹⁸ Отнюдь не считая их «потерянными» и тем более не рассматривая их как врагов, китайские органы просвещения нацеливаются на «терпеливую идеологическую работу» с ними, расщипывая на их патриотические чувства.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на отмеченные сложности, руководство КНР проявляет твердое намерение продолжить курс на расширение связей в области образования, рассматривая их как необходимую составную часть политики открытости внешнему миру.

* * *

Какие выводы можно сделать из этого краткого анализа сотрудничества двух крупнейших стран мира по проблемам просвещения? На наш взгляд, связи Китая с Западом, особенно с США, в рассматриваемой области, будучи, вероятно, самыми развитыми в мире (если брать попарно развивающиеся и передовые капиталистические страны), заслуживают систематического изучения на предмет возможного использования заложенного в них опыта.

Особое внимание следовало бы обратить на формы изучения китайцами зарубежных научно-технических достижений и методы привлечения спонсоров. В частности, почему бы не подумать об организации в СССР совместно с той или иной западной страной экспериментального вузовского центра с прикладной специализацией? Или об оказании большей поддержки китайским учреждениям, изучающим СССР — по примеру поощрительного отношения США к некоторым центрам американистики в КНР? Наша поддержка могла бы включать предоставление названным учреждениям материалов для изучения, приглашение в СССР их сотрудников, посылку наших специалистов для чтения лекций и т. п. на «перекрестной» основе с нашими китайскими центрами.

Хотелось бы также, чтобы история сотрудничества СССР с КНР в области образования, науки и культуры в 50-х годах была проанализирована заново, в свете нового понимания мира и истории, нового опыта взаимодействия с мировым сообществом. Это позволило бы показать процесс передачи того опыта, которым располагал в то время СССР, как сложное, неизбежно противоречивое явление, со своими достоинствами и недостатками, имевшее, однако, большое культурное, духовное и политическое значение для обеих сторон. Такая работа могла бы стать еще более плодотворной, если бы ее проделали совместно советские и китайские ученые.

View // *China's Education and the Industrialized World*.— N. Y., L., 1987.— P. 244.

⁴ Жэньминь жибао.— 1989.— 14 января.

⁵ Lampton D., Madancy J., William K. A Relationship Restored: Trends in U. S.— China Educational Exchanges. 1978-1984.— Wash., 1986.

⁶ Подробнее о деятельности фондов см.: F. X. Sutton. American Philanthropy in Educational and Cultural Exchange with the P. R. C. // *Educational Exchanges. Essays on the Sino-American Experience*.— Berkely, 1987.

⁷ Huang Shiqi. Op. cit.— P. 239—241.

⁸ Kallgren J. K., Simon D. F. Examining Exchanges. An Overview // *Educational Exchanges. Essays...*— P. 6.

⁹ См., напр.: Berris J. C. The Evolution of Sino-American Exchanges: A View from the National Committee // *Educational Exchanges. Essays...*— P. 93-94.

¹⁰ Maddox P. G., Thurston A. F. Academic Exchanges. The Goals and Role of U. S. Universities // *Educational Exchanges. Essays on the Sino-American Experience*. Berkeley, 1987.— P. 140.

¹¹ Fairbank J. K. *China bound. A Fifty-year Memoir*.— Cambridge, Mass., 1982.— P. 234.

¹² Цит. по: Bullock M. B. *American Exchanges with China, Revisited // Educational Exchanges. Essays...*— P. 26.

Большинство фактов, относящихся к истории связей Китая с Западом до второй мировой войны, заимствовано нами из этой содержательной работы. Исторический обзор см. также в *China and the West: Studies in Education, Nationalism and Diplomacy // Asian Profile*.— Hongkong, 1988.— V. 16.— N. 5.

¹³ Цит. по: *Contemporary Chinese Education*.— L., Sydney, 1984.— P. 210.

¹⁴ Maddox P. G., Thurston A. F. Op. cit.— P. 120.

¹⁵ Цит. по: Bullock M. B.— Op. cit.— p. 120—126.

¹⁶ Цюши.— 1989.— № 16.— С. 8.

¹⁷ Ляован.— 1989.— № 34.— С. 20.

¹⁸ Там же.

¹ Ляован.— 1988.— № 12.— С. 26.

² Там же.— 1989.— № 34.— С. 20.

³ Huang Shiqi. *Contemporary Relations with the Industrialized World: A Chinese*

Р. АСЛАНОВ, А. ЯКОВЛЕВ

Интерес к более углубленному изучению истории международного коммунистического движения получил в Китае значительный импульс на рубеже 70-х — 80-х годов в связи с начавшимся процессом восстановления отношений КПК с другими коммунистическими и рабочими партиями. После XII съезда КПК (1982), который сформулировал новый подход партии к международному коммунистическому движению, четко определил основу и принципы ее взаимоотношений с коммунистическими и другими партиями рабочего класса различных стран, в КНР стали издаваться монографические работы, а также учебные пособия, специально посвященные послевоенному периоду развития международного коммунистического движения. В большинстве своем они подготовлены профессиональными исследователями — членами созданного в 80-х годах в КНР Общества по изучению истории международного коммунистического движения и в основном опираются на единую концепцию.

Китайские исследователи прежде всего стремятся по-новому осмыслить историю и представить ее читателю в виде крупных логически и хронологически связанных этапов и периодов. В одной из книг середины 80-х годов указывается, что со времени возникновения коммунистическое движение дважды переживало периоды высокого подъема и значительного спада активности¹.

Эта концепция волнообразного развития, возможно, имеет право на существование. Однако она не получила широкого распространения среди китайских ученых. Общеизвестным считается, что современный этап истории международного коммунистического движения начался после второй мировой войны. В истории этого этапа большинство китайских авторов выделяют три взаимосвязанных периода. Первый период (с окончания второй мировой войны и до середины 50-х годов) характеризуется, по их мнению, образованием в мире двух противостоящих лагерей, «между которыми возникла промежуточная зона, ставшая сферой экспансионистских устремлений империализма во главе с США». Эта особенность мировой структуры обусловила высокую активность коммунистического и национально-освободительного движений. Словом, в этот период возникла обстановка «единства, побед, бурного развития»².

Несмотря на мажорную в общем оценку этого периода, китайские коллеги, естественно, не обошли вниманием деятельность Коминформбюро. Они считают, что негативные явления в коммунистическом движении были вызваны стремлением КПСС к великопартийному господству, попытками присвоить себе право отлучать страны и партии от социализма и комдвижения. Вместе с тем китайские авторы стараются объяснить такие явления объективными обстоятельствами, указывая, что необходимость изучения и освоения опыта социалистического строительства в СССР была главной причиной внедрения советской модели социализма. Действия против Югославии все компартии (в том числе КПК) единодушно считали мерами укрепления единства международного комдвижения³. Правда, некоторые китайские авторы склонны считать, что по существу такое единодушие — результат давления со стороны КПСС⁴.

Второй период, по мнению китайских ученых, охватывал середину 50-х — середину 70-х годов. Международную обстановку этого периода китайские авторы считают неустойчивой из-за размежевания как в социалистическом, так и в капиталистическом мире.

Авторы «Краткого очерка современного коммунистического движения» считают, что

Асланов Рустам Мамедович, заместитель директора ИДВ АН СССР; Яковлев Александр Григорьевич, заведующий отделом ИДВ АН СССР.

конкретными проявлениями этой обстановки в сфере комдвижения были следующие события:

— В 1956 г. состоялся XX съезд КПСС, на котором были вскрыты ошибки Сталина, обсуждены проблемы, имеющие важное значение для развития социализма в СССР и мирового комдвижения. «Однако руководители КПСС не смогли разрешить их должным образом, чем и вызвали расхождение мнений внутри комдвижения».

— В 1956 г. произошли события в Польше и Венгрии, вызвавшие новую волну полемики в комдвижении.

— В 1957 и 1960 гг. состоялись Международные совещания компартий, на которых были предприняты попытки укрепить единство, сгладить противоречия и разногласия и даже принимались согласованные документы. Тем не менее существовавшие в мировом комдвижении разногласия и противоречия практически не были преодолены.

— В 1961 г., до и после XXII съезда, руководство КПСС стало углублять и наращивать разногласия в комдвижении, обострило противоречия между КПК и КПСС, распространило полемику на советско-китайские межгосударственные отношения. Возникшая полемика распространилась и на другие партии, вызвала расслоение и неустойчивость во всем движении.

— В 1968 и 1969 гг. произошло вторжение СССР в Чехословакию и «вооруженное покушение на китайскую территорию», что создало прецедент вооруженного конфликта между соцстранами.

— С 1966 по 1976 г. Китай был охвачен десятилетней смутой «великой культурной революции», которая причинила серьезные бедствия не только народам КНР, но и нанесла ущерб комдвижению.

Все это серьезно подорвало репутацию соцстран, авторитет компартий и комдвижения в целом. Это был период значительных поражений последнего⁵.

Авторы другой работы, изданной Университетом национальной обороны КНР, вместе с тем указывают, что серьезные разногласия и инциденты возникли в связи с тем, что КПСС на XX съезде стала навязывать свою международную стратегию всему комдвижению и притом отрицательно оценила деятельность Сталина в целом. Именно это якобы явилось причиной разногласий КПК с КПСС, а не «девять критических писем» ЦК КПК в адрес ЦК КПСС, как утверждали в Советском Союзе⁶.

Третий период истории послевоенного коммунистического движения, по мнению китайских исследователей, начался с середины 70-х годов и продолжается до конца 80-х. На основе полученных уроков и опыта все больше компартий в этот период стали искать свой путь развития, отстаивать независимость и самостоятельность «против руководящего центра и руководящей партии», связывая основные положения марксизма с конкретной обстановкой в своих странах. Они стремятся сформировать новый тип отношений между компартиями на основе добровольности, независимости, равноправия. В результате поиска западноевропейскими и другими компартиями своего пути к социализму, отвечающему особенностям их стран, возникла концепция «еврокоммунизма», близкая идеям, выдвинутым на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва. В конце 70-х, особенно в 80-х годах различные соцстраны приступили к экономической, политической и структурной реформам. Масштабы реформ достигли беспрецедентного уровня⁷.

Итак, наиболее высокая активность комдвижения приходится на первое послевоенное десятилетие, а после XX съезда КПСС возникли серьезные трудности, так как большинство компартий выступили против стиля КПСС как «руководящей партии» и «центра» коммунистического движения. Изучение причин возникновения этих процессов должно включать (кроме прочих) рассмотрение таких проблем, как культ личности, стиль великопартийности, или «партии-отца», навязывание советской модели социализма и т. п.⁸

XX съезд КПСС состоялся в феврале 1956 г. Это был первый после марта 1953 г. съезд советских коммунистов, который, освобождая теорию и политику от догматических и сектантских стереотипов, по-новому высветил актуальные и принципиальные вопросы мирового развития, внутренней и внешней политики КПСС и СССР. Вместе с тем китайские авторы отмечают, что изучение выдвинутых на съезде вопросов представляет огромную трудность ввиду их сложности и масштабности, «оценки и отношения к XX съезду КПСС как внутри страны, так и на мировой арене были противоречивы и спорны».

Анализируя основные события международной жизни, предшествовавшие съезду,

авторы указывают, что «в отношениях между двумя лагерями существовала разрядка, но внутри них обнаружались некоторые проблемы»⁹.

Творческий характер XX съезда КПСС, его новаторские идеи, смелая критика культа личности и его последствий, как сказано в другой книге китайских историков, «способствовали тому, что компартии многих стран критически взглянули на себя и КПСС, особенно в исторической связи со Сталиным, решительно стали разрабатывать концепцию революционного пути, соответствующего реальной обстановке своей страны»¹⁰.

Со времени XX съезда КПСС минуло 35 лет, его значение непреходяще, говорится в другом издании. Съезд «развевал культ личности, разбил догматические оковы, дал великое освобождение человеческому сознанию»¹¹. Авторы «Краткого курса послевоенного комдвижения» отмечают также его серьезное влияние на международное коммунистическое движение и выделяют следующие четыре момента, определяющие необходимость изучения всех материалов XX съезда КПСС, включая, как они выражаются, «секретный доклад» Хрущева.

Во-первых, за длительный период после Октябрьской революции КПСС стала руководящим ядром коммунистического движения. Курс и политика, выработанные КПСС, зачастую имели всеобщее значение и прямо отражались на деятельности всех компартий. Во времена Коминтерна КПСС «превратила себя в образец» и потребовала от них осуществления «большевизации». Так она на практике превратилась в «руководящую партию».

Во-вторых, принятые на XX съезде КПСС положения о мирном сосуществовании, возможности предотвращения новой мировой войны, а также мирного перехода стран к социализму фактически стали новой теорией и руководящей идеологией для всего коммунистического движения. Правильные и ошибочные теоретические положения XX съезда КПСС отразились на деятельности всех компартий мира.

В-третьих, XX съезд КПСС явился поворотным пунктом в послевоенной истории коммунистического движения. Пользуясь фактами из «секретного доклада» Хрущева, империалистические страны во главе с США развернули ожесточенную антисоветскую, антикоммунистическую, антисоциалистическую кампанию. В социалистических странах тоже обнаружилось недовольство. После XX съезда компартии стали постепенно освобождаться от контроля и вмешательства КПСС, пошли по пути самостоятельности и независимости.

В-четвертых, уроки, вытекающие из опыта осуществления идей XX съезда КПСС, могут помочь правильно разрешать проблемы, возникающие в настоящее время. В их числе проблемы отношений «массы — классы — партии — вожди» (изучение этих проблем необходимо, чтобы вновь не допустить возникновения культа личности и господства одной личности в международном коммунистическом движении); проблемы установления правильных взаимоотношений между правящими партиями, а также социалистическими странами; недопущение великопартийности и великодержавности в комдвижении и т. д.¹²

Авторы «Истории современного международного комдвижения» указывают, что представленные ЦК КПСС XX съезду партии новые теоретические положения требовали дополнительных уточнений и обсуждений, но в целом они были плодотворными. Позиция XX съезда по международным вопросам, пишут они, содействовала сближению соцстран, а также всех коммунистов с социалистами и социал-демократами в борьбе против военной опасности и милитаризма¹³. Китайские исследователи отметили вместе с тем существенную разницу в трактовке этих принципов Н. С. Хрущевым и некоторыми делегатами съезда. По их мнению, последние подчеркивали, что ленинская политика мирного сосуществования является «принципом (краеугольным камнем) советской внешней политики». В докладе же говорилось: «Ленинский принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем был и остается генеральной линией внешней политики нашей страны»¹⁴. Считая это положение доклада ошибочным, китайские историки указывают: «Принципы внешней политики социалистического государства должны состоять в том, чтобы поддерживать революционную борьбу всех угнетенных народов, добиваться мирного сосуществования государств с различным социальным строем (...). Генеральная линия, базирующаяся на политике мирного сосуществования, препятствует революциям народов стран третьего мира и тем самым отрицательно влияет на развитие международного коммунистического движения». Китайские авторы отмечают, что «отрицательным последствием» возведения мирного сосуществования в генеральную линию партии надо было дать проявиться, а затем уже изучить и испра-

вить их в ходе практики. Поэтому они считают, что произвольное истолкование этого положения как проявления «ревизионизма» было неуместным. «Чрезмерный акцент на мирное сосуществование легко может привести к возникновению у народа настроения благодушия, которое станет тормозить его мобилизацию на борьбу против милитаристской политики империализма, тормозить развертывание борьбы международного коммунистического движения»¹⁵.

Они далее пишут, что делегаты XX съезда, обсуждая вопрос о материальной подготовке к ведению современной войны, преувеличивали роль ядерного оружия и в этом смысле выступали с односторонней позицией. «В то же время,— утверждают китайские историки,— Советский Союз, готовясь к борьбе с США за мировую гегемонию, осуществлял широкомасштабную милитаризацию народного хозяйства, что с очевидностью следует из документов XX съезда КПСС»¹⁶.

Авторы рассматриваемых китайских изданий анализируют также постановку XX съездом КПСС вопроса о мирных формах перехода различных стран к социализму. По их мнению, главная ошибка съезда в этом вопросе состоит якобы в абсолютизации мирных форм. Чтобы подтвердить такой вывод, авторы, в частности, «Краткого курса послевоенного международного комдвижения» односторонне излагают основную идею положения XX съезда КПСС о мирном переходе. Они умалчивают о том, что Хрущев говорил о различных формах социальной революции и отрицал, будто коммунисты признают единственным путем преобразования общества вооруженное насилие и гражданскую войну¹⁷.

По мнению китайских авторов, положение XX съезда КПСС о формах перехода различных стран к социализму слишком категорично¹⁸ и представляло собой плод умозрительных рассуждений, некоего «прозрения», не связанного с реальной практикой. Они подчеркивают, что вопрос о формах перехода к социализму «должны решать коммунисты каждой страны на основе собственного анализа расстановки классовых сил в обществе. Нельзя навязывать единодушия»¹⁹.

КПСС на своем съезде определяла путь и линию революции для партий других стран, утверждается в книге НОАК, а это свидетельствовало о том, что она выдавала себя за «руководящую партию» и принуждала другие партии признать эту роль. Такое теоретическое положение, по мнению историков КНР, стало одной из помех на пути вооруженной борьбы, которая продолжалась в то время в Азии, Африке и Латинской Америке, оно «отталкивало людей от революции, продлеvalo жесткую ситуацию в этих странах». В связи с создавшимся положением представители КПК на московском Совещании 1957 г. не согласились с положением подготовленного КПСС проекта Декларации, в котором упор делался только на возможности мирного перехода. Благодаря усилиям братских партий, как подчеркивают авторы книги, официальный документ был принят в полностью переработанном виде²⁰. Китайские авторы пишут далее, что вопрос о «мирном переходе», поднятый по инициативе КПСС, весьма негативно повлиял на международное коммунистическое движение. Восприняв его как лозунг действия, компартии ЮВА «не только утратили вооруженные силы. Потерпела поражение сама революция. Это горький урок»,— отмечают они²¹.

Критическая переоценка прошлого, стремление по-новому взглянуть на всю панораму сегодняшнего мира стали самыми яркими чертами нынешнего этапа развития международного коммунистического движения. «Международное коммунистическое движение — на перевале, как и сам мировой прогресс, его движущие силы. Компартии ищут свое новое место в глубоких переменах на грани столетий»²². Многообразие взглядов делает настоятельно необходимыми самые широкие прямые обмены мнениями и постоянный диалог между коммунистами мира как по кардинальным проблемам современности, так и по ключевым вопросам истории движения. И задача вовсе не в том, чтобы преодолевать существующие разногласия ради показного единодушия и «монолитного» единства. Коммунисты испытывают ныне острейшую потребность в том, чтобы искать и формировать то общее, что способно объединить их в борьбе за дело социализма в изменившихся конкретно-исторических условиях. Они открыты для диалога и сотрудничества с другими революционными, демократическими и прогрессивными силами. Внутренний творческий диалог среди них тем более естествен и необходим. Это особенно относится к КПСС и КПК. Теперь для такого диалога между ними созданы необходимые условия: отношения двух крупнейших компартий мира нормализованы в результате исторической советско-китайской встречи на высшем уровне. Касаясь сфер сотрудни-

чества КПСС и КПК, М. С. Горбачев на пресс-конференции в Пекине 19 мая 1989 г. отмечал: «На первый план здесь выдвигается совместное осмысление того, что достигнуто, научное прогнозирование нового качества социализма, к которому мы стремимся. Тут большое поле деятельности для наших обществоведов, и мы договорились, что это должно быть первоочередной задачей»²³.

¹ См.: Дандай гоцзи гунчаньчжуи юньдун. 1945-1985 — Современное международное коммунистическое движение. 1945-1985.— [Ланьчжоу].— 1987.— С. 2-3.

² Дандай гунчаньчжуи юньдун гайлунь-Краткий очерк современного коммунистического движения.— Иньчуань, 1988.— С. 1.

³ См.: Чжаньхоу гоцзи гунчаньчжуи юньдун цзяньмин цзяочэн-Краткий курс послевоенного международного коммунистического движения.— Пекин, 1987.— С. 4.

⁴ См.: Гоцзи гунъюнь ши цзысюэ шуоуэ-Справочник для самостоятельно изучающих историю международного коммунистического движения.— Чанша, 1986.— С. 458.

⁵ См.: Дандай гунчаньчжуи юньдун.— С. 3-4.

⁶ См.: Гоцзи гунчаньчжуи юньдун ши цзянхуа.-Лекции по истории международного коммунистического движения.— Пекин, 1988.— С. 422.

⁷ См.: Дандай гунчаньчжуи юньдун.— С. 4-5.

⁸ См.: Дандай гоцзи гунчаньчжуи юньдун ши-История современного международного коммунистического движения.— Пекин, 1987.— С. 1-2.

⁹ Чжаньхоу гоцзи гунчаньчжуи...— С. 122, 123, 125.

¹⁰ Дандай гоцзи гунчаньчжуи юньдун.— С. 208.

¹¹ Дандай гоцзи гунчаньчжуи юньдун ши. С. 671.

¹² См.: Чжаньхоу гоцзи гунчаньчжуи.— С. 124-125.

¹³ См.: Дандай гоцзи гунчаньчжуи юньдун ши.— С. 152.

¹⁴ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет.— М., 1956.— Т. I.— С. 34.

¹⁵ Чжаньхоу гоцзи гунчаньчжуи.— С. 126, 127.

¹⁶ Там же.— С. 128; Дандай гоцзи гунчаньчжуи юньдун ши.— С. 152.

¹⁷ См.: XX съезд Коммунистической партии Советского Союза.— С. 40-41.

¹⁸ См.: Дандай гоцзи гунчаньчжуи юньдун ши.— С. 152.

¹⁹ Чжаньхоу гоцзи гунчаньчжуи...— С. 128-129.

²⁰ См.: Гоцзи гунчаньчжуи юньдун ши цзянхуа.— С. 422-423.

²¹ Чжаньхоу гоцзи гунчаньчжуи...— С. 129.

²² Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 5. М., 1988.— С. 432.

²³ Правда.— 1989.—20 мая.

Япония и ядерное разоружение: позиция в ООН

И. ТЫШЕЦКИЙ

На чьей стороне выступает Япония?

Практические шаги мирового сообщества к обузданию гонки ядерных вооружений и ядерному разоружению представляют жизненную важность для человечества. «Вступив в ядерный век, когда энергии атома придали военное назначение, человечество лишилось бессмертия», — так образно охарактеризовал важнейшую особенность современной эпохи М. С. Горбачев¹. Единственный надежный путь к выходу из дилеммы — быть или не быть человечеству, когда «технически возможным стало даже логически невозможное, а именно многократное уничтожение человечества»², — полная ликвидация ядерного оружия на планете. Разумеется, этого можно достичь лишь при заинтересованном участии и конструктивном сотрудничестве всех членов мирового сообщества. Самый широкий спектр разоруженческих проблем обсуждается в Организации Объединенных Наций. Устав этой организации обязывает ее членов «избавить грядущие поколения от бедствий войны». Уже в первой резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в январе 1946 г., содержался призыв к разработке конкретных предложений, направленных на ликвидацию атомного и других видов оружия массового уничтожения.

Созданный под эгидой ООН механизм рассмотрения связанных с разоружением проблем ценен прежде всего тем, что он охватывает практически всех членов мирового сообщества. Конечно, при таком широком представительстве чрезвычайно трудно прийти к единому мнению, но обсуждение в ООН дает возможность выразить свою точку зрения всем государствам, определить магистральный путь, по которому должен идти процесс разоружения.

Япония принимает участие в работе всех основных органов ООН, занимающихся вопросами контроля над вооружениями и разоружением, а также ряда вспомогательных. Хотя она и не обладает ядерным оружием, но авторитет и потенциал Японии заставляют более пристально взглянуть на позицию этой страны. В этом плане трибуна ООН предоставляет Японии, как и другим «неядерным» государствам, уникальную возможность для изложения и пропаганды своих взглядов по самому широкому кругу проблем, связанных с ядерным оружием.

Вопрос этот может показаться по меньшей мере странным. Особенно учитывая прочно утвердившийся тезис о том, что «курс на следование в фарватере политики Вашингтона и сближение с западным блоком отчетливо проявляется в деятельности Японии в ООН»³, осуществляющейся в целом «с оглядкой на США»⁴. Действительно, трудно представить себе полностью независимую позицию по вопросам контроля над вооружениями и разоружением, тем более ядерным, у страны, которая не имеет в своем арсенале средств массового уничтожения, но входит в современную структуру центросиловых отношений и является одним из наиболее близких военных союзников США. Совершенно естественно и существование между развитыми капиталистическими странами корректировок общих усилий по тем или иным вопросам мировой политики, в том числе и по рассматриваемым в ООН. В справочниках, издаваемых этой организацией, часто можно встретить общепринятые обозначения принадлежности какого-либо государства к определенной группе стран. Японию относят «к странам Запада». Тем не менее ставшие привычными для нашей научной литературы категоричные выводы о том, что «в вопросах разоружения, обсуждаемых в международных организациях, японское

правительство привыкло полагаться на США»⁵, вызывают сомнение и нуждаются в уточнении.

Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на простые арифметические подсчеты результатов голосования в ГА ООН резолюций, связанных с вопросами безопасности от ядерного оружия и ядерным разоружением. Из 189 резолюций по этим вопросам, голосовавшимися в Генеральной Ассамблее за период 1980—1988 гг., Япония лишь 75 раз (менее 40 %) голосовала одинаково с США. Для сравнения аналогичные цифры у Великобритании будут 154 (81 %), у Франции — 127 (67 %). В то же время Япония 52 раза (около 28 %) голосовала одинаково с СССР, тогда как для Великобритании этот показатель составляет 36 раз (менее 20 %), а для Франции — 30 (менее 16 %)°. За тот же период Япония 7 раз голосовала противоположно с США, в то время как Великобритания и Франция — ни разу⁷.

Цифры будут еще красноречивее, если сравнить их лишь за последние годы. Так, на 40—43-й сессиях ГА ООН голосовались 89 резолюций, связанных с ядерным разоружением. За этот период Япония 31 раз голосовала одинаково с США и ровно столько же (то есть около 35 %) одинаково с СССР. Конечно, сближению в эти годы позиций по ряду проблем между Японией и СССР способствовали изменения в советской внешней политике, но ведь за то же время Великобритания голосовала 75 раз (84 %), а Франция 61 раз (68 %) одинаково с США и соответственно 14 (16%) и 11 раз (12 %) одинаково с СССР. Характерно, что из 7 случаев, когда Япония за все 80-е годы голосовала против США, 6 приходится на последние 4 года.

И наконец, существование определенной тенденции подтверждается данными 43-й сессии Генеральной Ассамблеи. Из 22 голосовавшихся в 1988 г. резолюций, посвященных вопросам контроля над ядерными вооружениями и ядерным разоружением, Япония в 8 случаях голосовала одинаково с США (10 раз одинаково с СССР) и в 2 случаях против США (3 раза против СССР). В том же году Великобритания 18 раз поддержала США и лишь 4 — СССР. Франция соответственно — 16 и 4°.

Приведенные выше цифры достаточно убедительно опровергают широко распространенное мнение о полной подчиненно-

сти японской дипломатии в разоруженческой сфере интересам Соединенных Штатов. Однако цифры, какими бы убедительными они ни были, не могут сами по себе объяснить существа предмета и ответить на вопросы, в чем конкретно сходятся и в чем расходятся интересы США и Японии, какие цели преследует политика последней в ООН. Ведь если смотреть лишь на голые цифры, то позицию Японии по ядерной проблематике на Генеральной Ассамблее можно считать даже «просоветской», хотя это было бы еще дальше от истины.

Видимое противоречие легко разрешается, если предположить, что деятельность Японии в ООН строится на основе собственных интересов этой страны и отражает те специфические черты, которые присущи японской внешней политике в целом.

Посмотрим, как это проявляется на практике.

В русле концепции «ядерного сдерживания»

Япония, как и большинство западных стран, разделяет концепцию «ядерного сдерживания», считая ядерное оружие необходимым элементом, гарантирующим стабильность в нынешней структуре военного противостояния между Западом и Востоком. В соответствии с этой концепцией Япония, не имея собственного атомного оружия, полагается на «ядерный зонтик» Соединенных Штатов. Поэтому вполне естественно, что в вопросах, касающихся оценки ядерного оружия, определения его роли в современном мире, Япония поддерживает США.

На 35—43-й сессиях ГА ООН Япония, как и члены НАТО, голосовала против резолюции «Неприменение ядерного оружия и предотвращение ядерной войны». Оправдывая занятую его страной позицию, представитель Японии заявил в 1980 г. в Первом комитете ГА, что на фоне усилившейся международной напряженности в различных регионах стабилизированная система ядерного сдерживания приобретает всевозрастающее значение для дальнейшего нераспространения такой напряженности⁹.

Наиболее отчетливо такой подход Японии проявился при обсуждении резолюций «О неразмещении ядерного оружия на территории тех государств, где его нет в на-

стоящее время», выносившихся на рассмотрение 35—37-й сессий ГА ООН. Голосовав во всех случаях против этих проектов, японский представитель в Первом комитете ГА объяснял мотивы своей позиции тем, что предлагавшиеся меры могут привести к дестабилизации существующего военного баланса и поэтому пагубно сказаться на укреплении международного мира и безопасности¹⁰. Таким образом, Япония при определенных обстоятельствах соглашалась даже допустить «ядерное присутствие» обладающих этим оружием держав (в первую очередь, естественно, США) в третьих странах, что не совсем увязывается с ее собственными «безъядерными принципами».

В то же время в подходе Японии к этому кругу вопросов есть и такие моменты, которые вполне согласуются с позицией Советского Союза. Она, например, считает, что проблему предотвращения ядерной войны необходимо решать вместе с урегулированием международных конфликтов и предотвращением любых войн¹¹. Однако подобные заявления нельзя и переоценивать, поскольку они носят эпизодический для Японии и во многом декларативный характер.

Приверженность концепции «ядерного сдерживания» не мешает Японии ежегодно воздерживаться при голосовании резолюций «Предотвращение ядерной войны» и «Конвенции о запрещении ядерного оружия», хотя против первой из них голосуют США, Англия и Франция, а против второй — практически все страны Запада. На первый взгляд это можно расценить как непоследовательность Японии. Но позиция Японии объясняется в данном случае двумя обстоятельствами. Во-первых, в концептуальном плане в Токио, в отличие, скажем, от Лондона, не абсолютизируют роль ядерного оружия и никогда не выступали против построения безъядерного мира. Напротив, японские дипломаты любят повторять, что их страна выступает «за ликвидацию ядерного оружия, чтобы ужас ядерной войны никогда не повторился». Кроме того, и это более существенно, Япония из тактических соображений, связанных не только с ее целями в ООН, стремится не выступать откровенно против резолюций, вносимых ведущими странами «третьего мира». Резолюции же, о которых идет речь, поддержаны абсолютным большинством участников движения неприсоединения.

В целом позиция Японии по кругу во-

просов, связанных с ролью ядерного оружия в центросиловых отношениях, носит, возможно, не до конца последовательный, но достаточно устоявшийся характер. Это наглядно видно на примере двух резолюций, посвященных укреплению безопасности государств, не обладающих ядерным оружием. Первая из них — «О заключении международной конвенции об укреплении безопасности государств, не обладающих ядерным оружием, против применения или угрозы применения ядерного оружия» — вносится на протяжении последних десяти лет на рассмотрение ГА ООН Болгарией от имени группы социалистических и близких к ним неприсоединившихся стран. Вторую — «Заключение международной конвенции о гарантиях государствам, не обладающим ядерным оружием, против применения или угрозы применения ядерного оружия» — ежегодно вносит на рассмотрение Пакистан. Этот вопрос занимает важное место в работе «разоруженческого» механизма ООН, однако до настоящего времени приемлемого для всех государств решения так и не удалось найти.

У западных стран к данной проблеме в принципе существуют два подхода, в которых возможны некоторые вариации. Большинство союзников США поддерживают американский подход. США считают, что требования безопасности у различных государств, как обладающих ядерным оружием, так и не обладающих, неодинаковы, поэтому выработка единых гарантий безопасности для всех «неядерных» государств сторонникам этого подхода представляется едва ли возможной. Вместо этого предлагается принять на Генеральной Ассамблее декларацию, которая заменила бы собой отдельные гарантии, сделанные государствами, обладающими ядерным оружием в 1978 и 1982 гг.

С другой стороны, Япония (в числе немногих западных стран) считает возможным выработку универсальных критериев безопасности «неядерных» государств и необходимым заключение соответствующего многостороннего соглашения. Поэтому в принципе она поддерживает цели, преследуемые обеими резолюциями, но голосует за резолюцию, вносимую Пакистаном, и против варианта социалистических стран (до 1984 г. Япония воздерживалась в последнем случае). Что касается пакистанского проекта, то, голосуя в целом за него, Япония неоднократно делала оговорки, которые объяснимы стрем-

лением иметь как гарантии Советского Союза о неприменении против нее ядерного оружия, так и гарантии «ядерного зонтика» США. На сессиях ГА ООН Япония неизменно подчеркивает, что проект Пакистана отражает положение дел на Конференции (фактически тупиковое.— И. Т.), особенно в отношении «поиска общей формулы», на достижение которой она «возлагает большие надежды». Еще в 1981 г. текст этой резолюции обрел окончательную форму и практически не изменялся. Тогда же, на 36-й сессии ГА ООН, резолюции удалось собрать почти консенсус, и с тех пор при ее голосовании воздерживаются лишь несколько государств (в последние годы только США, Индия и Бразилия). Однако близость к консенсусу одновременно является и слабой стороной пакистанского проекта, поскольку он состоит из общих фраз и не содержит какой-либо определенной позиции.

Сложнее обстоит дело с резолюцией социалистических стран, традиционно вносимой на рассмотрение Генеральной Ассамблеи Болгарией, хотя бы потому, что постоянно изменяется сам текст этого документа, а следовательно, и отношение к нему Японии. На 35—38-й сессиях ГА Япония воздерживалась при его голосовании. Свое отношение она объясняла тем, что не согласна со взглядами, высказанными в ряде мест в преамбуле, а также тем, что имеет оговорки, аналогичные пакистанскому проекту¹². Однако уже на 39-й сессии ГА Япония проголосовала против проекта социалистических стран. Поводом к этому, как заявил японский представитель, послужило то, что в нем, в отличие от предшествовавших, ничего не упоминалось о поиске общего подхода к проблеме.

Негативное отношение Японии к болгарскому проекту заключалось, однако, не только и не столько в этом. Ведь несмотря на то, что в 1985 г. социалистические страны вернули в свой проект упоминание о необходимости поиска общего решения, Япония снова голосовала против. Главной причиной отрицательного отношения большинства западных стран, в том числе и Японии, к болгарскому проекту резолюции являются принципиальные разногласия в определении статуса страны, не обладающей ядерным оружием. Если пакистанский вариант обходит этот вопрос, то в последней части преамбулы болгарского проекта 1988 г. четко говорится, что безусловное право на полу-

чение надежных гарантий против применения ядерного оружия или угрозы его применения имеют государства, «не обладающие ядерным оружием и не имеющие ядерного оружия на своей территории». Негативная реакция Японии на этот проект объясняется прежде всего тем, что применительно к ней предполагаемые гарантии могут сразу же оказаться под сомнением.

Проблема безъядерного статуса государства далеко не так однозначна, какой может показаться на первый взгляд. Контроль за состоянием военных баз на собственной территории, к чему иногда пытаются свести этот вопрос, является в данном случае лишь одной стороной медали. Пример Японии здесь весьма показателен. Несмотря на официальную политику «трех безъядерных принципов», существуют серьезные опасения в наличии на ее территории американских ядерных боеприпасов. Противной стороне (в данном случае Советскому Союзу) полностью рассеять сомнения на этот счет можно только с помощью инспекции на месте. А здесь сразу же возникает одна из наиболее сложных проблем — осуществляемого другой стороной контроля, — к решению которой международное сообщество только начинает приступать и которая не учитывается в проекте социалистических стран.

Япония касалась этого вопроса в ООН еще в 1982 г., когда ее представитель заявил, что любые меры, направленные на ограничение размещения ядерного оружия, в современных условиях не могут дать желаемого результата, так как отсутствуют эффективные способы контроля, позволяющие достоверно определять, размещено на данной территории ядерное оружие или нет¹³. Противоречивость японской позиции в вопросе о гарантиях «неядерным» государствам заключается в том, что Япония, разделяя концепцию «ядерного сдерживания» и будучи вовлеченной в центросиловые отношения современной международной системы через союз с США, одновременно хотела бы сохранить статус «неядерной» державы, исключив тем самым себя из зоны возможного глобального конфликта.

Вопрос о безъядерных зонах

К режиму нераспространения ядерного оружия тесно примыкает проблема создания в разных районах земного шара

зон, свободных от ядерного оружия. Ежегодно на рассмотрение сессий ГА выносятся 4 резолюции, посвященные созданию различных безъядерных зон. Одна из них — «Создание зоны, свободной от ядерного оружия, на Ближнем Востоке» — принимается без голосования, на основе всеобщего консенсуса. Другая, касающаяся Дополнительного протокола к Договору Тлателолко, близка к консенсусу и встречает возражения главным образом со стороны Франции. Две оставшиеся резолюции связаны с созданием безъядерных зон в Южной Азии и на Африканском континенте.

Япония неоднократно заявляла в ООН, что она поддерживает создание безъядерных зон в любой части земного шара, поскольку такие акции укрепляют режим нераспространения ядерного оружия и способствуют укреплению мира и безопасности в конкретных регионах. Исходя из этих соображений, по данным вопросам Япония, как правило, голосует положительно.

Что касается безъядерной зоны в Южной Азии, то против этой резолюции, которую традиционно вносит Пакистан, голосуют только Индия и тесно связанные с ней Бутан и Маврикий. Из «ядерных» держав воздерживаются при голосовании СССР и Франция, а из государств региона — Афганистан, Бирма, Индонезия, Лаос и Вьетнам. Проект этой резолюции имеет один существенный недостаток — в нем ничего не говорится о том, что следует понимать под географическим термином «Южная Азия». Никто, однако, за исключением самих стран региона, и не может решить этот вопрос.

Голосуя за пакистанский проект, Япония справедливо отмечает, что для его реализации необходимо согласие всех заинтересованных сторон — «ядерных» держав и государств данного региона. Причем последние должны первоначально согласовать этот вопрос между собой, а затем выступить с коллективной инициативой. Кроме того, Япония считает крайне важным, чтобы все государства соответствующего региона присоединились к Договору о нераспространении ядерного оружия и согласались в полной мере с гарантиями МАГАТЭ.

Аналогичную позицию Япония занимает, поддерживая резолюцию «Осуществление Декларации о создании безъядерной зоны в Африке», при голосовании которой на 42-й и 43-й сессиях ГА лишь 4

государства (США, Великобритания, Франция и Израиль) воздержались, причем никто не голосовал против. В смысловом и структурном плане с этой резолюцией неразрывно связана другая — «Ядерный потенциал Южной Африки», — при голосовании которой Япония воздерживается (в отличие от США, Великобритании и Франции, голосующих против). При этом Япония ссылается на принцип суверенности любого государства. Из этих же соображений на 38-й сессии ГА Япония воздержалась при рассмотрении требований к ЮАР (не являющейся участницей Договора о нераспространении) предоставить все свои ядерные установки для проверки МАГАТЭ. Той же линии японские дипломаты придерживаются при голосовании резолюций, осуждающих ядерную политику Израиля.

Япония исходит из суверенного права каждого государства самостоятельно принимать решения по вопросам своей ядерной политики. Как заявил японский представитель на 36-й сессии ГА, его страна считает, что эффективный режим безъядерной зоны возможен лишь при условии добровольного решения всех входящих в нее суверенных государств¹⁴. Практика международных отношений доказала, что любой другой подход в современных условиях не может дать требуемого эффекта, так как целая группа стран имеет возможность создать ядерное оружие. Если учесть, что существующая система инспекций МАГАТЭ не является достаточно совершенной и нуждается в перспективе в серьезных дополнениях¹⁵, то позиция Японии вполне реалистична.

На пути к прекращению ядерных взрывов

Наибольшую активность в ООН Япония проявляет в связи с обсуждением проблемы прекращения испытаний ядерного оружия. На сегодняшний день испытания ядерного оружия ограничиваются московским Договором о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой, подписанным СССР, США и Великобританией в 1963 г., а также двумя так называемыми пороговыми соглашениями между СССР и США — Договором 1974 г. и Договором 1976 г. о подземных ядерных взрывах¹⁶. Однако, несмотря на значимость имеющихся договоренностей, проблема прекращения ядерных испытаний далека от своего разрешения. Дей-

ствующие соглашения максимально сузили среду испытаний и установили порог допустимой мощности взрывов, но в оставленных открытыми рамках испытания ядерного оружия практически бесконтрольны, что отмечалось Японией на сессиях ГА ООН.

В 1977 г. СССР, США и Великобритания начали трехсторонние переговоры по выработке договора о полном запрещении испытаний ядерного оружия, дополнительный протокол к которому решал бы также вопросы, связанные с взрывами в мирных целях. В резолюции, внесенной на рассмотрение 35-й сессии ГА группой «неядерных» западных стран, в том числе и Японией, наряду с признанием важности этих переговоров уже отмечалось отсутствие в них ощутимого прогресса. Для интенсификации трехсторонних переговоров в резолюции предлагалось создать при Комитете по разоружению специальную рабочую группу по всеобъемлющему запрещению ядерных испытаний. Начиная с этой резолюции, при голосовании которой все «ядерные» державы воздержались, стали заметны различия в подходах к данной проблеме между США и Японией.

Эти расхождения проявились уже в ходе обсуждения проекта резолюции в Первом комитете ГА, когда Япония поддержала поправки, представленные группой неприсоединившихся стран. Их предложения, адресованные Комитету по разоружению, касались шагов, необходимых для продвижения переговоров вперед, и включали наделение рабочей группы определенными полномочиями, проведение организационных мероприятий по совершенствованию международной системы обнаружения сейсмических явлений, а также подготовку проекта соглашения о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний к конкретному сроку — 2-й спецсессии ГА ООН по разоружению. США выступили против этих поправок, заявив, что предлагаемое многостороннее обсуждение в рабочей группе лишь осложнит трехсторонние переговоры, а конкретные сроки подготовки проекта соглашения нецелесообразны¹⁷.

В такой ситуации Япония заняла конструктивную позицию, попытавшись сгладить возникшие трения. Она предложила, чтобы участники трехсторонних переговоров сами вносили на обсуждение в рабочую группу те вопросы, которые они сочтут необходимыми. Японская инициатива была направлена не только на

активизацию трехсторонних переговоров, но и предусматривала решение зашедшего в тупик обсуждения вопроса о создании рабочей группы при Комитете по разоружению.

Такая группа была создана на основе достижения консенсуса лишь в апреле 1982 г. Ее главной задачей стала разработка эффективных мер проверки и контроля за прекращением ядерных испытаний. Как один из инициаторов рабочей группы, Япония считала, что ее создание не должно стать самоцелью, а будет способствовать конечной цели — заключению всеобъемлющего и полностью поддающегося проверке договора о запрещении испытаний ядерного оружия, который поставил бы вне закона любые испытания любыми государствами во всех средах. Япония отводила рабочей группе важную вспомогательную роль при трехсторонних переговорах. Практически сразу же определилось и основное направление участия в ней Японии — разработка эффективной системы сейсмического контроля над ядерными взрывами.

На практике, однако, деятельность группы быстро приняла иной характер. Во-первых, с ней отказались сотрудничать Франция и Китай, поскольку они не были участниками трехсторонних переговоров, помощь которым была призвана оказывать группа. Во-вторых, накануне возобновления летней сессии Комитета по разоружению 1982 г. США в одностороннем порядке приняли решение прервать трехсторонние переговоры по заключению договора о запрещении испытаний ядерного оружия. Решение Соединенных Штатов вызвало у Японии разочарование, о чем ее представитель заявил в Женеве. В результате такого развития событий прямые переговоры трех «ядерных» держав были фактически заменены многосторонней дискуссией в рамках Комитета по разоружению, к тому же без участия Франции и Китая.

В ходе этого обсуждения Япония внесла на рассмотрение рабочей группы (которая просуществовала в течение 1982—1983 гг., а затем обсуждавшиеся в ней вопросы были перенесены на пленарные заседания Конференции по разоружению¹⁸) ряд документов, посвященных различным аспектам создания системы контроля за прекращением испытаний ядерного оружия. Инициативы Японии учитывали ее немалый опыт в фиксации и определении мощности ядерных взрывов,

проводимых Китае.

В июне 1984 г. министр иностранных дел Японии С. Абэ предложил Конференции по разоружению рассмотреть новую японскую программу решения вопроса контроля за испытаниями ядерного оружия¹⁹. В Японии она получила название «формула шаг за шагом». По плану Абэ подземные ядерные взрывы, мощность которых технически считается поддающейся проверке, признаются на многосторонней основе пороговыми. Вслед за этим порог постепенно понижался бы по мере совершенствования возможностей контроля. Предложения японского министра были подробно изложены в рабочем документе, распространенном среди участников Конференции, и вызвали широкую дискуссию в Женеве.

Сам факт широкого обсуждения «формулы шаг за шагом» свидетельствовал о том, что Япония выступила с хорошо продуманной инициативой. Различная реакция, в том числе и отрицательная, других государств была вполне естественна ввиду сложности обсуждаемой проблемы. Несомненным достоинством японских предложений было радикальное решение вопроса, предусматривавшее согласованное понижение порога мощности ядерного взрыва до нуля. Правда, достаточно распространено мнение, что для достижения соглашения о полном запрещении ядерных испытаний необходима лишь воля «ядерных» держав, так как существующие средства контроля уже позволяют довести «порог мощности» до нуля.

В дальнейшем Япония не отказалась от своей «формулы», занявшись разработкой различных деталей и одновременно выражая свое недовольство по поводу чрезмерно затянувшегося в Женеве обсуждения второстепенных процедурных вопросов. В развитие «формулы» на 41-й сессии ГА ООН она объявила о намерении начать в качестве эксперимента вместе с группой других заинтересованных государств обмен точными сейсмическими данными и их проверку²⁰. Кроме того, на 3-й специальной сессии ГА ООН по разоружению (1988) она выдвинула идею проведения у себя специальной конференции под эгидой ООН, которая обсудила бы проект создания глобальной системы сейсмического контроля за ядерными взрывами²¹.

Анализируя подход Японии к запрещению ядерных испытаний, нельзя не отметить то внимание, которое она уделяла

этому вопросу, и ее значительный вклад в разработку эффективных методов и механизмов контроля. Активность Японии объективно способствовала возобновлению советско-американского диалога в этой области и эволюции позиций двух стран навстречу друг другу.

Первые шаги СССР и США, направленные на достижение взаимопонимания, были предприняты летом 1985 г., когда Советский Союз в одностороннем порядке провозгласил мораторий на ядерные испытания и продлевал его до 26 февраля 1987 г. Позиция СССР нашла самый широкий и благоприятный отклик в мировом сообществе, в том числе и в Японии. Со своей стороны Соединенные Штаты летом 1985 г. впервые без всяких условий пригласили советских экспертов на свои ядерные полигоны для наблюдения и выработки надежной техники контроля. Эти шаги привели к началу в 1986 г. советско-американских переговоров по согласованию мер контроля за ядерными взрывами, а в ноябре 1987 г. к проведению двусторонних переговоров (уже без участия Великобритании) по мерам дальнейшего ограничения и запрещения ядерных испытаний. На 3-й специальной сессии ГА ООН по разоружению Япония приветствовала начавшиеся переговоры, выразив надежду, что СССР и США ратифицируют «пороговые» соглашения 1974 и 1976 гг. и перейдут к следующей фазе ограничения ядерных испытаний²².

Разногласия между Японией и США по этим вопросам, однако, сохраняются. На сегодняшний день их даже больше, чем у Японии с Советским Союзом. Они касаются главным образом роли многосторонних переговоров в рамках Конференции по разоружению. Япония считает Конференцию, несмотря на отсутствие заметных успехов, лучшим местом для достижения всеобъемлющего соглашения по запрещению ядерных испытаний. Эта мысль постоянно проводится в выдвигаемых Японией вместе с группой стран Запада резолюциях. Бросается в глаза, что в 1980—1988 гг. из семи случаев, когда Япония голосовала в ООН по вопросам, связанным с ядерным оружием, противоположно с США, четыре приходится на поддерживаемую Японией резолюцию «Настоятельная необходимость договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний». Незначительные расхождения между США и Японией

имеются и по другим вопросам, обсуждаемым в ООН.

• • •

Деятельность Японии в ООН по вопросам ограничения ядерных вооружений и ядерного разоружения в целом носит конструктивный характер. Можно отметить, что в 1980—1988 гг. Япония была соавтором 29 резолюций, связанных с ядерным разоружением и одобренных Генеральной Ассамблеей. Наряду с декларированием общих миротворческих заявлений эта страна активно участвует в выработке конкретных мер, ведущих к понижению уровня существующего ядерного противостояния и ядерному разоружению. Действия Японии в ООН нельзя трактовать как целиком и полностью зависящие от США — Япония исходит в первую очередь из собственных интересов, никак не связанных с гонкой вооружений. Характерно, что с периодом потепления советско-американских отношений, начавшимся со второй половины 80-х годов, связано и проявление большей самостоятельности Японии, увеличение возможностей ее конструктивного вклада в решение многих проблем.

Традиционно политика Японии в вопросах безопасности и разоружения оценивается у нас слишком однобоко — исключительно под углом ее зависимости и подчиненности Соединенным Штатам. Однако это только одна сторона медали, тогда как другая заключается в попытках приспособить американскую политику к собственным национальным интересам, максимально реализовать их в рамках существующего союза с США, что на практике бывает трудно достижимым.

Естественно, подходы Японии ко многим вопросам существенно различаются с позицией Советского Союза, что особенно заметно на примере проблемы обеспечения мира и безопасности. Однако, как отметил на сессии Верховного Совета СССР министр иностранных дел Э. А. Шеварднадзе, «мы долгое время делали вид, будто все наши акции по разоружению пользуются единодушной поддержкой»²³. Поэтому сегодня, когда мир начал двигаться от баланса сил к балансу интересов, становится как никогда важным понятие подлинные интересы и противной стороны.

¹ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира.— М., 1987.— С. 140.

² Там же.

³ Викторин И. В., Павлов А. Н. Японская дипломатия в ООН (конец 70-х — начало 80-х годов.) / Япония 1982. Ежегодник.— М., 1983.— С. 129.

⁴ См.: Панов А. Н. Японская дипломатическая служба.— М., 1988.— С. 88.

⁵ Там же.

⁶ Подсчитано по: The United Nations Disarmament Yearbook.— N. Y., 1980—1988.— Vol. 5-13.

⁷ Имеется в виду, что Япония голосует «против», когда США голосуют «за» и наоборот, без учета тех случаев, когда какая-либо из двух стран «воздержалась».

⁸ В том, что для сравнения во всех случаях были выбраны Великобритания и Франция, существует, конечно, некоторая натяжка, так как обе они, в отличие от Японии, являются державами, обладающими ядерным оружием. В пользу такого сравнения говорит то, что Великобритания тесно координирует свою военную политику с США, а Франция, наоборот, любит подчеркнуть независимость в этой области от Вашингтона. Поэтому на фоне позиций этих двух стран более рельефно видна позиция Японии.

⁹ См.: Ежегодник Организации Объединенных Наций по разоружению, 1980.— Нью-Йорк, 1982.— Т. 5.— С. 151.

¹⁰ In: The United Nations Disarmament Yearbook, 1981.— N. Y., 1982.— Vol. 6.— P. 108—109.

¹¹ Ibid., 1985.— N. Y., 1986.— Vol. 10.— P. 123.

¹² Ibid., 1983.— N. Y., 1984.— Vol. 8.— P. 190.

¹³ Ibid., 1982.— N. Y., 1983.— Vol. 7.— P. 183.

¹⁴ Ibid., 1981.— N. Y., 1982.— Vol. 6.— P. 169; 1988.— N. Y., 1989.— Vol. 13.— P. 244.

¹⁵ К такому выводу приходит, например, бывший помощник Генерального секретаря МАГАТЭ Д. Фишер.

¹⁶ Хотя два последних соглашения не были ратифицированы сторонами и официально не вступили в силу, СССР и США в целом придерживаются взятых на себя обязательств.

¹⁷ См.: Ежегодник Организации Объединенных Наций по разоружению. Том 5, 1980.— Нью-Йорк, 1982.— С. 209—211.

¹⁸ Так с 1984 г. стал называться бывший Комитет по разоружению.

¹⁹ См.: Вага гайко-но кинкё.— Токио, 1985.— № 29.— С. 420.

²⁰ In: The United Nations Disarmament Yearbook. 1986.— N. Y., 1987.— Vol. 11.— P. 155.

²¹ Ibid., 1988.— N. Y., 1989.— Vol. 13.— P. 208.

²² Ibid.— P. 48.

²³ Правда.— 1989.— 24 октября.

Памяти В. Н. Никифорова

Ушел из жизни крупный советский китаевед, доктор исторических наук Владимир Николаевич Никифоров. Он родился 19 ноября 1920 г. в городе Полоцке в семье служащего. В 1947 г. окончил исторический факультет Московского Государственного Университета им. М. В. Ломоносова и с тех пор посвятил свою жизнь изучению проблем Китая, опубликовав свыше 150 научных работ.

В 70—80-е годы Владимир Николаевич плодотворно работал в Институте Дальнего Востока АН СССР, внося достойный вклад в развитие исторической науки о нашем великом соседе.

Все работавшие с В. Н. Никифоровым хорошо знали его не только как авторитетного, глубоко принципиального, нестандартно мыслящего ученого и превосходного организатора исследовательской работы, но и как талантливого педагога, просто как прекрасного, отзывчивого и доброго человека.

Он вложил много сил и оказал большую помощь Институту в организации и формировании целого научного направления — комплексного изучения историографии Китая, в частности, исследования сложных проблем буржуазного китаеведения Англии, США, ФРГ, Франции и других стран.

Для науки ценны не только научные труды В. Н. Никифорова. Он сумел привлечь к себе талантливую творческую молодежь, научил ее работать, с готовностью помогал своим ученикам во всех сложных ситуациях, вырастил достойную смену — группу способных, деятельных ученых-китаеведов, которые с искренней благодарностью вспоминают об Учителе.

Участник Великой Отечественной войны В. Н. Никифоров был награжден медалями СССР и КНР.

Светлая память о Владимире Николаевиче навсегда сохранится в сердцах всех, кто с ним работал и хорошо его знал.

Читайте в следующем номере:

- Как использовать экспортный потенциал советского Дальнего Востока
- Письма из Пекина архимандрита Поликарпа
- Русские фашисты в Маньчжоу-го
- Из протоколов допроса Рихарда Зорге
- Цзян Цзинго — организатор подпольного колхоза
- Китайские притчи и анекдоты

Технический редактор *Т. Ерохова*

Сдано в набор 22.IX.90. Подписано в печать 1.02.91 г. Формат 70×100^{1/16} Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 19,5 Усл. кр.-отт. 39,4 Уч. изд. л. 24,32. Тираж 14 744 экз. Заказ 2393 Цена 1 р. 40 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета Совета Министров СССР по делам печати.

Государственного комитета СССР по печати
142300, г. Чехов Московской области

Продолжается подписка на журнал
«Восток. Афро-азиатские общества: история и современность»
(прежнее название — «Народы Азии и Африки»)

Продолжается публикация новых переводов Библии, Талмуда, буддийского и других канонов;
знакомство с мифологией и образами мира, свойственными африканским и азиатским народам;
философское осмысление истории Востока;
изучение процессов модернизации и демократизации на современном Востоке.

При освещении внешнеполитических вопросов мы стремимся следовать простому правилу «не врать».

Мы используем все виды и жанры научной журналистики — статьи, диалоги, «круглые столы», интервью, публицистику, обзоры, рецензии, публикации мемуаров, источников и архивных документов. Среди наших авторов — высококвалифицированные специалисты, интересные люди.

Журнал предназначен не только для специалистов, но и для всех, кто не отделяет себя от мировой и от нашей многонациональной культуры: всех современных просвещенных людей.

Выходит 6 раз в год. Подписка во всех отделениях связи с любого номера.

Индекс — 70600.

Цена одного номера 2 р. 10 к., полугодовая подписка — 6 р. 30 к.